

Родная ДАДОГА № 3(41)' 2017

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолякин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва); *Ясенева В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Епископ Каскеленский, викарий Астанайской епархии Геннадий (Тоголев Михаил Борисович)	5
Николай Зиновьев	10
Владимир Марухин	49
Ольга Иванова	54
Юрий Баранов	57
Алексей Любегин	168
Николай Алешков	172
Сергей Смирнов	178
Алина Мальцева	249
Валентин Семёнов	252
Сергей Москвитин	255

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Игорь Андрушкевич. Коренная идея России	14
Сергей Перевезенцев. Традиционализм: русский взгляд	19
Василий (Фазиль) Ирзабеков. «Другие»	190

ПРОЗА

Юрий Шурупов. Молодинский излом. К 445-летию Молодинского сражения 29 июля — 2 августа. Главы из романа	34
Борис Споров. Своя рука владыка... ..	117
Владимир Крупин. Полковник — паломник	163
Иван Сабилло. Наказ	181
Михаил Зарубин. Птица вольная	236
Виктор Лихоносов. Последнее счастье	259
Виктор Потанин. Гений	269

История и современность

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Не умолкает славянская служба или «Дуб — русский!» К 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина)	60
Николай Коняев. Последний путь Государя	103
Никита Шевцов. Елена Наумова. Сквозь метель, вслед за шутом Балакиревым	302

ЛЕСТИЦА

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца	74
Валерий Сдобняков. «Мир сходит с ума и неистовствует в поисках чего-то...» ...	276

Царский ПУТЬ

Елена Шаляпина. Царь православный 79

Русские СУДЬБЫ

Галина Кучина. Так это было. *Воспоминания о моем отце* 127

ДОСПЕХИ

Дмитрий Лиханов. Звезда и крест инока Киприана. *Акафист вечной любви с перерывом на смерть и войну* 138

Вадим Кулинченко. Подводники. *Забывтые рукописи* 151

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Владимир Иванов. Михаил Владимир. Защита соотечественников — дело правое 196

Алексей Подцероб. Мали. Восстание туарегов и исламистов 227

Славянское БРАТСТВО

Юрий Лощиц. Учитесь говорить по-лужицки. Из книги «Славянские святцы» 203

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анатолий Абрашкин. О феномене Валерия Сдобнякова. К 60-летию писателя 281

Связь ВРЕМЕН

Игорь Романов. Владислава Романова. Россия. Взгляд с Босфора Восточного. *Эссе и статьи из книги* 288

Андрей Чернов. Прорывая тишину вечности: Михаил Матусовский о Луганске 309

ДЕБЮТ

Виолетта Рубцова. «Сам себе предок». *Репортаж об Иване Дмитриевиче Сытине* 314

**Епископ Каскеленский,
викарий Астанайской
епархии ГЕННАДИЙ
(Гоголев Михаил Борисович)**

**«В ОГНЕ И ДЫМЕ
ВЕРНЫХ
СОХРАНИ!»**

Плачет скрипка в руках музыканта,
Надорвавшись горячей струною.
Очарованный силой таланта —
Ты опять вознесен над землею.
Каждый вечер высокое зданье
Покидаешь с усталой улыбкой,
А цветы и рукоплесканья
Достаются тебе, а не скрипке.
И, почуяв в ней душу живую,
Ты вздохнешь и на миг замираешь,
И целуешь ее, как родную,
Когда ночью в футляр полагаешь.
Мой Господь, на стезе моей зыбкой
Утверди меня волей святою,
Чтоб Твоею послушною скрипкой
Мне и плакать, и петь пред Тобою.

Епископ Каскеленский, викарий Астанайской епархии Геннадий (Гоголев Михаил Борисович) — родился в 1967 г. в Ленинграде. Обучался в московском Институте криптографии, связи и информатики. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1990 г. митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым) рукоположен в сан диакона. Затем, архиепископом Смоленским и Калининградским Кириллом (ныне — Святейший Патриарх Московский и всея Руси) рукоположен в сан пресвитера. В 1995 г. архиепископом Костромским Александром пострижен в монашество с именем Геннадий. В 1996–2010 гг. — ректор возрожденной Костромской Духовной семинарии. В 1998 г. возведен в сан архимандрита. Решением Священного Синода в 2010 г. избран епископом Каскеленским, викарием Астанайской епархии. В том же году назначен ректором Алма-Атинской Духовной семинарии. В 2015 г. назначен сопредседателем Двусторонней комиссии по диалогу между Русской Православной Церковью и Коптской Церковью. Член Синодальной библейско-богословской комиссии РПЦ. Имеет научные труды, множественные публикации, награжден церковными и светскими наградами.

ИВЕРСКАЯ

Отряд в селе остался на постое,
Солдаты занимали сеновал.
И мыслями своими каждый воин
В ту ночь уже в столице пребывал.

Вдали сверкала башнями Никея,
У берега темнели две скалы,
И море, на закате пламенея,
Катило к ним послушные валы.

Крестьянка хлеба вынесла покорно,
Лежала рыба на печных углях.
И хижину, что крепче и просторней,
До утра занял молодой кентарх.

Уха дымилась в деревянной миске,
Кисейка узой до краев полна,
И освещала профиль исаврийский
Глядевшая на воина луна.

Кентарх сидел, водя суровым взором
По стенам, полкам, пыльному коврику,
И за пустым ленивым разговором
Полушутя расспрашивал вдову:

«Ответь, подруга, тяжело ль одинокой
У моря дни и ночи провожать?
Ты молода. Зачем себя до срока
Навечно в душевной келье заключать?»

А ну, подай еще, пожалуй, чашку,
Полнее лей — ведь льешь не старику.
Чего молчишь? Да, верно, ты монашка!
Знавал я чернохвостик на веку!

Нарядятся, как темные вороны,
То плачут, то колдуют, то шипят,
И тайно нечестивые иконы
На чердаке и в погребке хранят.

Послушай, мать! Открой-ка занавеску,
Да выставь из угла теперь мешок», —
Шатаясь, сотник вдруг поднялся с места
И по ковру пошел наискосок.

Как будто дьявол черными устами
Ему на ухо слово нашептал,
Угрюмый воин засверкал очами:
Священный образ перед ним стоял.

Налился мутный взор кентарха гневом,
К себе икону он поворотил,
Короткий меч занес над Чистой Девой
И в белую ланиту поразил.

Но что это? Вдруг слышит варвар стоны!
И ужаса в душе не побороть:
Сочится кровь по капле от иконы,
Как бы пронзила сталь живую плоть.

Кентарх вскочил и выбежал со страхом,
На камни островерхие упал,
И труп его холодным звездным прахом
Уже рассвет небрежно посыпал...

Когда лежала, кровью истекая,
Моя страна, поругана врагом,
И варвары от края и до края
Ее стальным крушили топором,

И в каждом сердце чувства умирали,
Теряла бодрый разум голова,
И лишь уста Твоих детей шептали
Пред Иверской иконою слова:

«Пречистая, не осуди нас ныне,
В огне и дыме верных сохрани!
А тех, кто поднял руку на святыни,
Безумием из храмов прогони».

РОССИЯ

В краю печальном бездорожном
Умолкли крики журавлей.
Там зверь ступает осторожно
На иней замерших полей.

Там, словно в горестном раздумье,
К воде склоняются кусты,
И пар от речки в новолунье
Согреет ветхие листья.

Там звезды меркнут в тучах серых,
Там на исходе сентября

Дрожит на бревнах обомшелых
Неясный свет от фонаря,

Там птичьи звучные напевы
В лесной умолкнут глубине,
И говорят, что ходит Дева
По умирающей стране.

Там ночь покроет снежным прахом
Во мхе нарубленную гать —
Лишь там дано любить монаху
И четки красные вязать.

ФИЛАРЕТ

Сменив угасшего Платона,
Ты смело в новый век вступил.
Ты удержал величье трона
И трех царей благословил.

Своим жезлом, своим молением
Ты охранял покой Москвы,
На Русь с любовью и волнением
Взирал с духовной высоты.

К своим доверчив и радушен,
Вставал преградой для чужих.
В печалях тих и благодушен,
И сдержан в радостях земных.

Ты в ясной череде знамений
Увидел, как коснулась мгла
Грядущих тяжких согрешений
России светлого чела,

Как скипетр в смутную годину
От рук державных отошел,

И, крылья острые содвинув,
В кровавый мрак ниспал орел.

Но все несчастья канут в лету,
Час омрачения пройдет,
Когда Россия Филарету
Свои молитвы понесет.

И опечаленные лица
Ты будешь радостно встречать
И невесоמוю десницей
У алтаря благословлять.

ВОЛХВЫ

Зачем с востока в Палестину
Седые мудрецы спешат?
Холодный ветер бьет им в спину,
И камни под луной дрожат.

Они сойти с пути не смеют,
Звезда им блещет впереди.
И каждый с трепетом лелеет
Свой дар на старческой груди.

Их не тревожит дух сомненья,
Им не знаком постыдный страх.

Далекой Персии даренья
Они износят на руках.

Один несет в мешочке злато,
Другой — со смирной сосуд,
А третий — аравийский ладан.
Кому ж они дары несут?

Их путь опасен и пустынен,
Через безводные места.
Они идут сложить святыни
К ногам рожденного Христа.

ОТШЕЛЬНИК

Памяти о Серафима Роуза

В тесной келье деревянной
На пол брошены дрова.
Бьет в окошко ветер пьяный,
Кружит желтая листва.

Под горой журчит, играя,
Светлый молодой ручей.
И отшельник умирает
В келье сладостной своей.

Он и помощи не просит,
Чтоб печурку растопить,

И свою подругу осень
Он не выйдет проводить.

Дверь у старого порога
Не подвигнется с петель,
На коленях молит Бога,
Опираясь на постель.

Взор с прощальной любовью
На икону вознесет
И прикиннет к изголовью,
Очи ясные сомкнет...

ФОТОКАРТОЧКИ ИСПОВЕДНИКОВ

Что вам слышится? Окрик конвоя?
Лязг затвора и выстрел глухой?
Незнакомое чувство святое
В этот миг овладеет душой.

С каждым часом сильнее и смелее
Из души это чувство росло,
А на карточке желтой — острее
Иссушенное пыткой чело.

В нем слились и упорство, и воля,
Понесенных скорбей торжество,
И огромное озеро горя
В глубине напитало его.

Иерархи в униженном сане,
Лица старых монахов, дьячков
С этих карточек смотрят очами
В новый век на далеких сынов.

Как вы выжили? Как сохранила
Вашу душу седая тюрьма?
Не сломала вас, не убила,
На свела на допросах с ума?

Словно дети, рыдали и лгали
Здесь герои Гражданской войны.
Только вы в кабинетах молчали,
Не признав клеветы и вины.

Истопились до тени, до нитки,
И, не дав торжества палачам,
Претерпели бессонные пытки,
Убивающий свет по ночам.

А наутро, лишь солнце украсит
Над тюрьмою лазоревый свод,
Сам Христос, молчалив и прекрасен,
За Собою вас в Рай поведет.

СМЕРТЬ ОТЦА

Тихо умер с душою святою —
Улетел в объятия небес.
Не поедешь ты теперь весною
В свой карельский заповедный лес.

В том лесу кому-нибудь другому
С звездным небом коротать ночлег.
Не тебе в Покров к родному дому
Расчищать метлою первый снег.

Без тебя наступит новый вечер,
Круг луны повиснет золотой...
Знаю, перед смертью наша встреча
В тонком сне прошла пред тобой.

Ты стоял и улыбался кротко,
В папироске не было огня,
И по легкой дедовской походке
Издалека угадал меня.

Позабыты старые упреки,
Небытие осталось позади.
И слеза тебе сжигала щеки,
Сиплый голос рвался из груди.

Ты пришел, чтобы уйти однажды
Тихой ночью, темным сентябрем.
И ушел, чтоб нам оставить жажду
Новой встречи в городе ином.

* * *

Я памятник себе воздвигну виртуальный —
Не свить на нем гнезда залетным голубям,
И в яростный рассвет, и на закат печальный
Не заблестеть над ним сверкающим лучам.

Не надо хрусталя, гранита и титана,
Не нужно нанимать творцов и рабочих.
Ему не повредят удары урагана,
И время для него — не сторож и не враг.

Лишь оживет экран с немим прикосновеньем,
И вступит в дивный мир читатель дорогой,
Прочтет мои стихи с усмешкой, удивленьем,
Чтоб после ощутить неведомый покой.

Заброшенный погост. Пропала тропка где-то,
Уже давно пробил мой похоронный час.
Но улыбаюсь вам я с вашего планшета
И песнею любви благословляю вас.

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

«ЗАБЛУДИЛСЯ Я В ПОИСКАХ БОГА...»

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 г. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. университета. Автор девяти поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

Николай Зиновьев — поэт, у которого нет ни телевизионной славы, ни успешных импресарио, он издает небольшие книги маленькими тиражами, живет в южной глубинке России. Но его стихи знают и любят по всей огромной нашей стране. На слова Николая Зиновьева слагают песни, его творчество обсуждают ученые. Его превозносят и критикуют, с ним спорят, но все, знающие его поэзию, единодушно — Николай Зиновьев один лучших современных поэтов. Щемлящая откровенность, свет духовного поиска, любовь к миру, трогательная картина современной жизни, непримиримость к врагам Отечества и веры — художественно-мировоззренческие особенности творчества нашего талантливого современника и постоянного автора журнала «Родная Ладога», который отмечает 30-летие своей творческой деятельности. Поздравляем Николая Александровича и желаем ему долгих созидательных лет.

Редакция журнала «Родная Ладога»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Какой бы правда ни была,
Всегда плод Истины она.
Все так. А Истина есть Бог,
А Бог — Любовь, и вот итог:
Ты, брат, пожалуйста, пойми,
Что нет стихов не о любви.

СТРОКИ

Повсюду гибнет человек —
В лачуге жалкой, во дворце ли.
Всех дьявол держит на прицеле,
Кто к Богу сделал шаг — побег.

Мне пишет тетка из-под Орска,
Что в их селе открыли Храм,
Но ходит в Храм всего лишь горстка,
А остальным всем все до лам-
почки...

Зачем пишу я строки эти,
Признаюсь, брат, не знаю сам.

Гляжу в окно, там бомж в кювете
Бутылки ищет, дует ветер,
И пустошь вторит небесам...

* * *

Я, проснувшись, помолился,
Чуя злобный взгляд спиной —
То за шкафом притаился
Мой палач — кошмар ночной.

Наступает. Промежутка —
Ни минуточки одной.

И становится мне жутко:
Вслед за ним кошмар дневной

Истончились мои нервы,
Не хочу поверить я,
Что кошмар есть самый первый
Верный признак бытия.

ЗАМКНУТОЕ ПРОСТРАНСТВО

Можно дух из тела вынуть
И вернуть его обратно,

Но Вселенную покинуть
Невозможно, милый брат мой.

МОЕЙ МУЗЕ

Приносишь ты душе усталость,
Томленье — духу, мрак — уму.

Я не хочу, чтоб ты досталась
В наследство сыну моему

ИЗ ДЕТСТВА

Загорелый, вихрастый. Задорный
На телеге сiju, а дорога
Превращается в путь самый скорбный,
Путь из детства, все дальше от Бога...

После будут события и даты
Будт много и грязи, и лжи...
И щемящее чувство утраты
Незапятнанной детской души.

* * *

Когда исчезнет фарисейство?
Когда уйдет последний тать?
Когда закончится злодейство?
Когда начнется Благодать?

Когда придет конец всем бедам?
Могу сказать, но я молчу.
Как старый скептик, я ответом
Своим, боюсь, вас огорчу.

Когда к Христу направим стопы?
Когда детей начнем рожать?
И вымирающей Европе
Не станем больше подражать?

А если более серьезно,
То это наша, брат, вина,
Что мы прозрели слишком поздно.
И в небесах созвездья грозно
Горят, как чьи-то письмена.

ИЗ ДНЕВНИКА

1

Я не хочу смотреть в грядущее,
Там что-то страшное, гнетущее.

Зачем? Все это для меня
Есть у сегодняшнего дня.

2

Мы перестали быть народом,
Мы стали рыночной толпой, —
Толпа редет год за годом
И тает в дымке голубой.

Наживы ветер всюду свищет,
И карлик смотрит свысока.
А выход где? Никто не ищет,
Хотя он есть наверняка.

* * *

А ощущать свою греховность,
Как говорится, в полной мере —
И есть та самая духовность,
Что пролагает тропку к вере.

В том, что пишу в неверном тоне,
Не обвиняй. Взгляни иначе.
Как назидательности вestone,
Нет поучительности в плаче.

* * *

Проснулся. Молится жена
В соседней комнате прилежно,
Лежу и думаю неспешно:
«Какая умница она!

С утра от нас отводит зло, —
Пускай проходит стороною.
С женой мне очень повезло,
Но повезло ли ей со мною?»

* * *

Люблю Отчизну я, но странную любовью...

М. Ю. Лермонтов

Я говорю вполне уверенно,
Отбросив напрочь ложь и лесть:
«Мое правительство не временно
Да и находится не здесь».

Пока не вся дорога пройдена,
Я вам еще раз не солгу:

Не государство моя Родина,
А луг и дети на лугу,
Степной речушки переливы,
Далекий, близкий сердцу плес
«И на холме, средь желтой нивы,
Чета белеющих берез...»

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

1

Хранимым Промыслом Господним,
Я как в невидимой броне.
Проснувшись, думаю: «Сегодня
Чему порадоваться мне?»

Не слышу голоса Господня,
Но шепчет ангел за плечом:
«Кого порадовать сегодня?» —
Вот должен думать ты о чем.

2

Пусть не уйти от суеты,
Пускай невзгоды радость гасят,
Но жизнь мою мои мечты
Своей несбыточностью красят.

3

Нет на земле отца и брата,
Апрельский вечер чудно тих.
Я знаю, что им нет возврата,
Но верю, что я встречу их.

НОЧНЫЕ ОБРЫВКИ

Цветы на обоях не радуют взор...
О геях и гоях идет разговор
За тонкой стеною,
Но в этом ли суть?
Считаю баранов,
Стараюсь уснуть...
Заснул я, и снится
Мне чья-то страна,
Березовым ситцем
Торгует она...

Кукушка кукует
На старой сосне...
Болит и тоскует
Душа и во сне...
Незримые певчие
В небе поют...
Кукушка кукует...
Страну продают...

* * *

Если Он вездесущ, почему
Заблудился я в поисках Бога?
Сатана напустил эту тьму.

Одиноко и страшно уму.
Больше я говорить не могу,
Я и так рассказал слишком много.

ВЫШЛА КНИГА

Носков В. Н.

Пасха под Гудермесом. Боевые действия в Чечне и Дагестане, 2017.

«Пасха по Гудермесом» — рассказы и очерки военного корреспондента, участника боевых действий в Чечне и Дагестане с 1995 по 2000 год. Это документальные свидетельства писателя, который все командировки провел в боевых порядках собровцев. Сегодня, когда в Сирии идет полномасштабная война с международным терроризмом, автор напоминает, что идейное содержание ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в России. — *РЛ*) формировалось в мятежной Чечне. В ходе боев, спасая Россию от сепаратистского раздела, погибли тысячи российских воинов, мирных жителей и чеченских боевиков.

Писатель Виталий Носков правдиво и ярко раскрывает как ход боевых действий, так и внутренний мир своих героев.

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

КОРЕННАЯ ИДЕЯ РОССИИ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константи́на Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Каждый народ обладает некоторыми частными, только ему в такой степени присущими, особенностями. Несомненно, что эти особенности связаны с предыдущими, скажем, родовыми характеристиками его донародного бытия. Но, как учит нас история (по крайней мере, история большинства исторически активных народов), процесс перехода донародного и догосударственного бытия на высшую ступень государственности всегда связан с появлением какой-нибудь новой специфической идеи, имеющей объединяющий и направляющий характер. Таким образом, при всяком органическом становлении государства можно наблюдать, наряду с сохранением прежних особенностей, появление новых центральных идей.

Если взять, как пример, становление римского государства (пример особенно удобный с исторической точки зрения, потому что, как говорит Ортега, историю Рима мы знаем довольно хорошо от начала и до конца, в то время как в других случаях мы не знаем хорошо или начала, или конца, потому что конец еще не наступил), то мы видим, что в Риме сохраняются многие общелатинские характеристики, но одновременно появляются совершенно новые цели и особенности. Например, даже полностью сохраняются многие политические термины, как, скажем, те же «рексы» и «диктаторы» (диктатор был народным военным вождем соседних с Римом латинских племен). Но при новых задачах их функции становятся существенно иными.

При этом необходимо отметить и привхождение чуждых, но географически доступных элементов, дей-

ствующих аналогично катализаторам в процессе политической кристаллизации новых государств. Например, в том же Риме такими элементами были этрусские, сильно повлиявшие не только на церемониальную и символическую сторону политической жизни нового государства (ликторы, курульное кресло и т. д.), но и на характер многих общественных учреждений (жреческие коллегии, авгуры и т. д.).

Несмотря на эти прежние собственные этнические элементы и на заимствованные чуждые элементы, все они ориентируются в согласии с **новой идеей** самого Рима, в свете которой они и принимают новый, специфически римский характер. Не входя в описание и разбор самой этой идеи, можно лишь отметить ее две важные составные части: особенно развитое **правосознание** и **тенденция к «включению»**. Идея «включения» (Моммзен употребляет греческое выражение «синекия») обозначает, что потенциально все соседи, ближайшие и дальние, **могут включиться в римскую *civitas*, то есть в римское право**. Так оно и случилось, когда в 212 году, при императоре Каракалле, все свободные жители Римской империи стали римскими гражданами. (Но уже за полтора века до этого апостол Павел говорил о своем римском гражданстве.) Это включение предполагало расширение государства: *urbs* должно было превратиться в *orbis*, город во вселенную, Рим в *Rex Romana*. Именно от этой последней идеи и ведут свою генеалогию — хотя бы частично — все современные идеи универсальности и экуменичности в мире. Однако в Риме эта идея заключала в самой себе и свое собственное противоречие: безграничное включение (и расширение) невозможно и ведет к гипертрофии и саморастворению, что и было историей подтверждено.

В Греции процесс государственного становления тоже шел по линии преодоления родовых отношений, как об этом свидетельствует та же «синекия» афинских родов, но центральная идея этого становления ни в Афинах, ни в Спарте не включала в себя идею всеобщего включения и не доходила до идеи надплеменного объединения. Наоборот, как в Афинах, так и в Спарте преобладало стремление к сохранению частной этнической специфики, и это сохранение понималось как сохранение самобытности. Посему в Греции и не возникло общегреческое государство: общегреческий, панэллинский идеал носил надгосударственный характер, проявлявшийся главным образом в области духовной и физической культуры. (Ярчайшим показателем этого неполитического единства были олимпийские игры, проводившиеся каждые четыре года.) Существенной частью центральной эллинской идеи было сознание внутренней связи между понятиями добра, красоты и истины: *«Посему, если только с одной идеей мы не можем схватить добро, беря его тремя, красотой, мерой и истиной, мы скажем... подобная смесь будет добром»*. (Платон, Фил., 15, 64–5). Идея общего политического объединения приносится в Грецию из Македонии, а затем из Рима, но эта идея никогда не принимает чисто греческого характера, даже в Византии. По крайней мере до времен освобождения Греции от турок в XIX веке.

Центральная идея Израиля ярко и многогранно выражена в Пятикнижии Моисея и в остальных книгах Ветхого Завета. Эта идея может быть выражена одним-единственным словом: **Закон**. Вокруг этой коренной идеи и происходила историческая эволюция израильского народа и государства, вплоть до наших дней. Сознание существенной важности

«корней» было всегда живо в еврейском народе, вплоть до того, что сама необходимость корней возводится в принцип. (В Аргентине даже выходил еврейский журнал под этим названием: «**Корни**», в котором был отдел: «**Корни корней**».)

Таким образом, высшая форма человеческого общежития — политическая или государственная жизнь — требует для своего зарождения и дальнейшего существования наличия объединяющей и **ориентирующей коренной идеи**. Достоевский по этому поводу говорит: «*При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических...*» (Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1880).

Эта коренная идея может иметь сложный и многогранный характер, несмотря на ее гомогенность и компактность. Она также содержит в самой себе пределы для своего развития, переходя которые, заложенные в ней противоречия заостряются и могут привести к ее вырождению или гибели. Однако в данном случае никакой детерминизм неприменим, тем паче претендующий выразить в цифрах историческую длительность ее жизни, как это пытались делать некоторые историософы. Мы высказывали предположение, что зародышем или **сердцевиной** каждой такой идеи, или вообще каждой культуры, является **религиозная идея** и что, в конечном итоге, вся история сводится к **борьбе разных религиозно-мировоззренческих идей** между собой (иногда, в наши дни, часто камуфлирующихся под идеи анти-религиозные). Хотя каждая из них и облечена в многослойную оболочку, начиная от духовно-культурной и кончая юридически-политической.

Однако такая коренная идея никак не может сохраняться абсолютно неизменной в ходе истории. Больше того, именно **творческое приспособление** такой идеи к изменяющимся историческим обстоятельствам является необходимым условием для сохранения ее жизненности. В этом отношении применима теория Арнольда Тойнби, затем уточненная Ортегой, об исторических **вызовах** и исторических **ответах**, сумма которых и составляет как бы собственный капитал каждой культуры. Именно от степени удачности разрешения выдвинутых историей проблем зависит судьба каждой культуры, каждого народа и каждого государства. Если в геронтологии применяется определение старости, как **потеря способности приспособления к окружающей среде** (физической, психофизиологической и общественной), то — по аналогии — можно утверждать, что и жизненность каждой государственной идеи зависит от ее способности приспособления к исторической среде. Границы для этого приспособления даны, с одной стороны, в виде окаменения, петрификации, а с другой стороны, в виде перерождения, метаморфозы.

Первым, в хронологическом порядке, элементом русской коренной идеи было стремление к объединению восточнославянских племен для лучшего **сохранения своего быта**, то есть свободы, от внешних и внутренних угроз. Само по себе объединение как таковое ведет к концентрации своих внутренних сил по отношению ко всем внешним силам, что в результате обеспечивает не только самостоятельность и независимость, но и внутреннюю самобытность, свой быт, то есть **свободу**. Свобода, как на это впервые указал Алексей Хомяков, и есть свой быт. Это стремление к самобытности,

обладающее невероятной инертной силой, является одним из важнейших признаков свободолюбия русского народа, никак не замечаемого многими наблюдателями, по злобе или невежеству.

Одновременно другой целью объединения было стремление к достижению **справедливых порядка и суда**, в согласии с уже существующим правом, выработанным тем же бытом. (*«Реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву».*) Обе задачи, вставшие перед нашими предками в середине IX века, были ими разрешены ясно и категорически: только надродовая, надсословная и вообще надгрупповая верховная государственная власть может обеспечивать собственный быт, то есть свободу, через силу вовне и применение права внутри.

Для правильного толкования зарождения русской государственности необходимо иметь в виду функциональное и принципиальное **разграничение государственной власти на власть верховную и на власти управительные**. Заслуга великого русского государствоведа Льва Тихомирова заключается в том, что он впервые определил теоретически это разграничение, без которого невозможен полный анализ политической истории. Существенный смысл начала русской государственности в Новгороде, условно отмечаемый 862 годом, заключается в том, что с этого момента была провозглашена **единственно легитимная общая верховная власть** для всех объединяющихся русских племен. Эта верховная власть не имела с самого начала задачу исполнять также и власть управительную: для этого продолжали существовать посадники, тысяцкие и другие выборные начальники, а также и городские советы, в которые входили все действительные и все «старые» (то есть отслужившие свой срок) начальники. Таким образом, управление продолжало по сути быть **самоуправлением**. Наряду с этим самоуправлением сохранялось и прямое **участие всех граждан в решении особо важных государственных вопросов**, через институцию **веча**. Для верховной власти отводилась функция судить **«по праву»**. Эта функция является самой существенной, так как даже функция военного водительства имеет скорее профессиональный характер, несмотря на то, что верховная власть объемлет несомненно также и верховное командование.

Если управительные власти могут быть сложными, в зависимости от условий, то верховная власть в принципе должна быть простой, однородной и очевидной. Такой властью и была верховная власть по своему замыслу с самого начала на Руси. Ее принципиальная легитимность и трансцендентность по отношению к обществу были проявлены одновременно с перенесением столицы Русского государства из Новгорода в Киев: не сам малолетний Игорь претендует на княжескую власть, а делает это за него и для него власть управительная, в лице Олега. Дело не в практической возможности, а в **принципе**, то есть **начале**. Верховная власть выводит свою законность, легитимность из этого начала: принадлежность лишь к одному-единственному роду дает право судить по праву и стоять в этом отношении над всеми родами, племенами, территориями, сословиями и вообще группами. Это единоначалие и есть **монархия**, а исторический путь России с самого начала есть путь монархический. Начало этого пути тесно связано с самим именем России. В записках императора Константина Багрянородного имеется заметка, что **в 945 году** им была отправлена грамота с заглавием: **«от Константина и Романа, христолюбивых царей, Ингору, правителю**

России». А супруга Игоря, святая Ольга, на иконах именуется «*мегале архонтиса тон Росиас*», «великая княгиня российская».

Таким образом, если наше государство началось на севере, в Новгороде, то уже при сыне первого князя его политический центр переносится на юг, в Киев. Новгород—Киев и есть та ось, вокруг которой развилось наше государство в своих зачатках. Но кроме этих двух кардинальных направлений, сразу же выступает и третье направление, образуя треугольник: север—юг—восток. Однако степь вскоре отрезает, а затем и ликвидирует наше первое направление на юго-восток: Тьмутараканская, Сурожская Русь вскоре выпадает надолго из этой первой геополитической фигуры нашего государства. Вскоре это первое направление на юго-восток станет **направлением на восток**. Суздальская Русь, сначала с центром во Владимире, а затем в Москве, окончательно устанавливает направление России на Восток, приведшее ее потом, через Сибирь, к Тихому океану, в будущем **новому средиземному морю всего человечества**. В трех столицах России — Новгороде, Киеве и Москве — были заложены основные геополитические фундаменты нашего государства, Санкт-Петербург был лишь попыткой создания современного эрзаца для Великого Новгорода. Поэтому и мощи святого Великого князя Александра Невского были перенесены в Санкт-Петербург.

Крещение Руси при святом Владимире, внуке святой Ольги, выводит новое государство на вселенский путь. Не только потому, что Русь становится Россией, единым митрополичьим округом Вселенского Константинопольского патриархата, но и потому, что завершается оформление, по свободному выбору, **трехгранной коренной идеи**, души новой зарождающейся нации:

- **Православная вселенскость** дополняет **самобытность** и дает прочное основание, почву и для **вселенскости политической**: не сходя со своего собственного пути, **Русь становится полноценной, но самобытной частью тогдашнего мира**.
- **Единоначалие в соборности** освещается новым светом и приобретает новое, более глубокое значение.
- Стремление к **справедливости через право** (справедливости) обогащается новооткрытой **связью права с Законом**.

В будущем всякое отступление от любой составной части этой тройственной коренной идеи будет чревато катастрофическими последствиями.

**Сергей
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ**

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ: РУССКИЙ ВЗГЛЯД

Сергей Вячеславович Перевезенцев, доктор исторических наук, декан историко-филологического факультета Российского православного университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, сопредседатель Правления Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви. **Живет в Москве.**

Традиционализм — сложное явление, которое в историко-политологической и философской литературе не имеет общепринятого определения и общепринятой оценки. В различных работах, базирующихся на религиозно-гуманистической методологии, господствующей сегодня в общественных науках, традиционализм чаще всего воспринимается критически, а в некоторых случаях вообще объявляется «консервативно-реакционным». В данном очерке традиционализм анализируется с точки зрения традиционалистско-консервативной методологии и, в основном, на материале русской истории, а также русских философских и духовно-политических учений.

Вообще, традиционализм можно рассматривать в трех основных значениях. *Во-первых*, как основной принцип существования всякого традиционного общества; *во-вторых*, как мировоззрение, признающее традицию главной основой бытия всякой человеческой общности, причем это мировоззрение характерно как для традиционного, так и для индустриального и постиндустриального обществ; и, *в-третьих*, как определенное направление в мировой общественной мысли, возникшее в XVIII веке в ответ на разрушение традиционного общества и просветительскую идеологию, выразившую первые этапы этого процесса разрушения.

* * *

Традиционное общество, как известно, достаточно долгий исторический период господствовало у большинства народов мира (у некоторых народов традиционное общество сохраняется и сегодня). **Основная черта всякого традиционного**

общества — *приверженность традиции*, то есть правилам и нормам, сформировавшимся в ходе исторического существования того или иного народа, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются неизменными на протяжении длительного исторического времени. Главным носителем традиции оставался простой народ. В обществах, где основным источником существования было земледелие, как, например, у славян, это было, в первую очередь, крестьянство, у кочевников — скотоводы, а где-то преобладали торговцы или городское население.

В бытии русского традиционного общества значительную роль играла сельская территориальная община, которая господствовала в русской деревне вплоть до XX столетия, и которая позволяла сохраняться традициям на протяжении многих веков. Так, некоторые традиции обычного права в русской крестьянской общине, зафиксированные этнографическими исследованиями в конце XIX века, восходят своими корнями еще к XI веку, когда они были впервые описаны в письменных источниках. Иначе говоря, некоторые нормы обычного права русских крестьян хранились в течение минимум тысячи лет (сколько времени эти традиции существовали до их фиксации в письменных источниках в XI веке, сказать трудно)¹. Во многом традиционализм как принцип жизни сохраняет свое значение в российском обществе и в наши дни².

Именно народ оставался главным противником различных нововведений. Если проанализировать политические требования, выдвигаемые во время большинства народных восстаний и бунтов в России в XI–XIX веках, то главное из этих требований — возвращение к традиции. Следовательно, восставшие ждали от власти не перехода в «светлое будущее», а наоборот, не принимали тех или иных нововведений, властью им навязанных. Например, одним из самых крупных народных протестных движений в этот период нужно признать так называемые «картофельные бунты», которые произошли в 1830-е годы в нескольких губерниях России. В них участвовало до полумиллиона государственных крестьян, которые, несмотря на категорические требования властей, отказывались отводить лучшие земли под посевы новой сельскохозяйственной культуры — картофеля. Сопrotивление крестьян было столь велико, что дело дошло до вооруженных стычек, власти были вынуждены применить воинскую силу, но в итоге пошли на уступки — обязательные посевы картофеля были отменены. И только к началу XX века картофель стал неотъемлемой частью русского сельскохозяйственного производства и русского обеденного стола.

Да и в других случаях русские крестьяне старались оставаться в рамках традиционной жизни, ибо всякие новшества воспринимали как неминуемое ухудшение условий существования (что, к сожалению, частенько и бывало).

Хранителями и защитниками традиции выступали политические и духовные элиты, которые рассматривали всякие возникающие новшества с точки зрения их соответствия традиции, и со временем превращали эти новшества в часть традиции. Но одновременно именно элиты, прежде всего

¹ См. об этом: *Курашов А. В.* Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX — начала XX вв. // По материалам центральных губерний: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2003.

² См. подробнее: *Перевезенцев С. В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015.

власть, оказывались «главными нарушителями» традиции, инициаторами различных нововведений. Наверное, одним из самых «революционных» изменений традиции в русской истории стало принятие христианства в конце X века, осуществленное по инициативе киевского князя Владимира Святославича. Однако важнейшей чертой всяких изменений было то, что власть сразу же объявляла новшества традицией и всячески их поддерживала именно как традиционные. Более того, любые новшества, предлагаемые властью обществу, тоже вытекали из определенной традиции. К примеру, введение христианства опиралось на длительную христианскую традицию, а целью церковной реформы, проводившейся в XVII веке, были не просто некие нововведения, но утверждение более «чистой», более «правильной» греческой традиции. Интересно и то, что Петр I, осуществлявший свои реформы как борьбу с древнерусскими традициями, в своей деятельности опирался именно на традицию — традицию самодержавной власти русского царя, получившего свою власть от Самого Бога.

Сама традиция в русской истории никогда не была внутренне едина. Во все времена в России существовали *различные традиции*, — этнические, политические, духовные, хозяйственные, которые оказывали свое влияние на русскую жизнь и одновременно соперничали между собой.

Так, на первых этапах становления Древнерусского государства, в IX—X веках, огромную роль играли этнополитические традиции — религиозные, социально-политические, хозяйственные — различных народов, находившихся под властью киевских князей. К примеру, у русов и славян были совершенно разные традиции социально-политического устройства, которые в первые века Древнерусского государства очень долго «притирались» друг к другу. Следовательно, само Древнерусское государство складывалось в процессе борьбы и одновременно объединения этих традиций в новую традицию, которая стала играть важную роль в дальнейшем государственном развитии Древней Руси. С принятием христианства в конце X века большое значение в русской политической мысли получила христианская традиция, которая, с одной стороны, боролась с предшествующей языческой традицией, а с другой — также формировала новую традицию. Но дело в том, что внутри самого христианства существовало несколько традиций понимания христианского вероучения, которые на протяжении многих веков тоже соперничали друг с другом.

Совершенно иные традиции, во многом противоречащие сложившимся основополагающим принципам исторического существования русского народа, принесло Новое время. В XVIII веке под влиянием различных западноевропейских веяний русская политическая элита стала отказываться от устоявшихся веками правил жизни и внедрять в русскую жизнь многообразные новшества. И понадобилось почти столетие на то, чтобы какие-то из этих новшеств были восприняты русским национальным сознанием как традиционные, а к некоторым и по сей день в России сохраняется настороженное отношение.

* * *

Традиционализм жизни русского общества, естественно, нашел свое выражение в народном мировоззрении. Различные письменные источники позволяют выделить основополагающий принцип русского традиционного

сознания, который можно сформулировать следующим образом — «*жизнь по старине*» или, как говорится в Повести временных лет, «как деды и отцы наши жили» («по устройению дедню и отню»)¹. Этот принцип затрагивал все сферы народного бытия — политическое и социальное устройство, духовную, культурную, хозяйственную, бытовую жизнь общества. Обращение к «старине», как к источнику норм социально-политического устройства Русской земли, характерно для подавляющего большинства духовно-политических и юридических памятников XI–XVII вв., во многих из них присутствует прямая ссылка на «старину» («по устройению дедню и отню», «от прадед и дед наших», «по старине» и др.)². И если говорить о русской традиционалистской политической мысли, то нередко предметом размышлений русских политических мыслителей становилась проблема соответствия возможных нововведений уже существующей традиции, а сама обращенность «к старине» была важной чертой многих политических идей.

Традиционалистское мировоззрение, тем не менее, не отрицает возможность и даже, в некоторых случаях, необходимость развития, изменений, но предполагает неспешный, реформистский путь исторического существования общества. При этом любые новшества принимаются после длительного периода их адаптации, «притирки» к конкретным особенностям жизни того или иного народа. В то же время традиционалистское сознание крайне тяжело воспринимает изменения, касающиеся основополагающих принципов народного бытия (религия; политическое устройство, освященное религией, и т. д.), а резкое, «быстрое» введение новшеств вызывает негативную реакцию, вплоть до открытого сопротивления.

Вполне понятно, что различные традиции, так или иначе существовавшие на Руси, имели своих сторонников и противников, а, значит, нашли свое отражение в национальном сознании, в общественной мысли, в том числе и в социально-политических учениях. Поэтому идейные споры в XI–XIX веках — это не просто борьба «старого» и «нового», «хорошего» и «плохого», но и соперничество различных традиций в общественно-политическом сознании и в общественно-политической практике. Соответственно, сущность той или иной позиции того или иного русского политического мыслителя характеризовалась его принадлежностью к определенной традиции политической мысли³.

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1997. С. 170 (далее — БЛДР).

² См. напр.: «Устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г.», «Устав великого князя Всеволода о церковных судах, и о людех, и о мерилах торговых», «Новгородская судная грамота 1471 г.», «Уставная грамота волостей Малой Пенезки, Выйской и Суры Двинского уезда 1552 г.», «Стоглав» и др. В одной из речей на Стоглавом соборе 1551 г. царь Иван IV Васильевич прямо говорил, что Судебник 1550 г. составлялся по принципу соответствия его норм «старине» — «исправити по старине» (см. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 267). В условиях кризисного состояния общества возрождение «старинных» рассматривалось как социально-политический идеал, см.: «Слово о погибели Русской земли», «Приговор Второго ополчения 30 июня 1611 г.», «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» и др.

³ См.: *Шириняни А. А.* О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 536–546.

Традиционализм как общественно-политическое учение возникает в Европе в XVIII веке, как реакция на быстро изменяющиеся социально-экономические и духовно-политические условия жизни и ответ на активно пропагандируемую в то время просветительскую идеологию. В русской философской и социально-политической мысли традиционализм поначалу существовал в виде сохранявшихся социально-политических установок предшествующего времени, поэтому выразителями традиционалистских идей и ценностей в XVIII столетии оказались, в первую очередь, представители духовного сословия — православные иерархи, настоятели монастырей, монахи-подвижники, многие из которых позднее были причислены к лику святых Русской Православной Церкви (свт. Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Арсений Мацеевич, прпп. Паисий Величковский, Феодор Санаксарский, Серафим Саровский, блаж. Ксения Петербургская и др.). Но и светские мыслители этого времени, понимая необходимость развития на русской почве рационализованного мышления, науки и культуры, в то же время стремились опираться на накопленный национальный опыт, в том числе на многие уже существующие духовные, социальные, политические и культурные традиции. Не случайно даже русское просветительство XVIII века было достаточно консервативным, что позволяет многим современным исследователям относить появление русского консерватизма ко второй половине XVIII столетия¹. В XIX веке традиционализм в России окончательно оформляется как одно из ведущих направлений в общественно-политической мысли и получает свое развитие в ряде сочинений русских мыслителей (см. работы Н. М. Карамзина, А. С. Хомякова, И. С. и К. С. Аксаковых, И. В. Киреевского и др.) и становится идейной основой для развития русского консерватизма, как специфического явления в мировой консервативной мысли (см. работы К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, Л. А. Тихомирова и др.). При этом, по мнению некоторых исследователей, традиционализм и консерватизм практически совпадают по большинству характерных черт².

Традиционализм как общественно-политическое направление выступает за сохранение, поддержание и развитие исторически сложившихся религиозных, культурных, политических и хозяйственных основ данного общества³. В этом отношении для традиционализма характерны несколько важных черт, общих для большинства мыслителей-традиционалистов.

¹ Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А. А. Шириняца, С. В. Перевезенцева; авт.-сост. Р. В. Михайлов, С. В. Перевезенцев, А. А. Шириняц; подг. текстов: А. А. Горохов, О. Е. Пучнина, А. С. Хелик, А. Б. Страхов, Д. А. Ананьев. М., 2015.

² См. об этом: *Сергеев С. М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2002; *Шириняц А. А.* К «феноменологии» консерватизма и не только // Вопросы истории консерватизма. Альманах. 2015. № 1. 2016. С. 356–380.

³ См. об этом: *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990; *Раков В. М.* Особенности русского традиционализма // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Пермь, 1995. С. 70–82; *Сергеев С. М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2002.

Во-первых, признание религии духовным фундаментом общества. В странах Европы таковой религией почитались католицизм или различные протестантские конфессии, в России — православие. Уже говорилось, что с принятием христианства важнейшей традицией в жизни России и, как следствие, в русской социально-политической мысли стала православная вера. И это определило одну важнейшую особенность традиционной русской социально-политической мысли: значимость социальных и политических идей определялась их духовным содержанием, тем, насколько они способствуют реализации в социально-политической практике православных идеалов. Поэтому можно говорить, что русская традиционалистская мысль развивалась в русле православной традиции и была прежде всего **духовно-политической**. Своеобразие *духовно-политической мысли* состоит в том, что она предлагает *политическими средствами* решать *духовные, религиозные* задачи. В этом случае сами политические предпочтения, учения и идеалы выстраиваются в зависимости от религиозных предпочтений, учений и идеалов, которые в свою очередь являются основополагающими для выстраивания собственно политической идеологии. Именно духовные, религиозные идеалы становятся критериями для оценки как конкретных политических деятелей, так и создаваемой ими политической системы общества. А политическая идеология и политическая практика направляются на то, чтобы социально-политическое состояние общества в максимально возможной степени соответствовало духовным, религиозным идеалам¹.

Для многих (хотя и не для всех) русских традиционалистов типичным было *религиозно-мистическое мировосприятие*. И социально-политические идеи формировались в соответствии с общим религиозно-философским восприятием окружающего мира, а собственно политическая мысль практически не существовала в России как самостоятельное, оторванное от православия явление. Например, проблемы происхождения и сущности верховной власти рассматривались в соотношении с идеей Божиего Промысла. Так же как и деловые и нравственные качества реального главы государства должны были соответствовать христианскому идеалу правителя. И не случайно, что многие политические идеи возникали и формировались прежде всего в монашеской среде, а уже потом становились предметом обсуждения среди светских людей, которые их и реализовывали в политической практике. Впрочем, и церковные деятели были крупнейшими политическими фигурами, а, в свою очередь, некоторые русские светские мыслители оставались по своей сути православными мистиками.

Православное мировосприятие определяло и тот факт, что на Руси социально-политическая мысль основывалась не столько на рациональном, сколько на *интуитивном знании*. Поэтому русские традиционалисты не разрабатывали развернутые, многоуровневые философско-политические системы, но их политическое творчество выражалось чаще всего *в форме литературно-художественных или публицистических произведений*, построенных на основе *символического мышления*, прежде всего, конечно, *христианского символического мышления*². Более того, осмысление исто-

¹ См. подробнее: *Перевезенцев С. В.* Идейные истоки русского консерватизма // Вопросы истории консерватизма. 2016. № 1. С. 11–32.

² См.: *Перевезенцев С. В., Шириняни А. А., Ермашов Д. В.* Русская социально-политическая мысль X — начала XX века. Часть I. История политических учений России X—XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства. М., 2005. С. 10–11.

рических событий, произошедших, происходящих или ожидаемых, самосознание во всемирно-историческом процессе, осознание своей государственности — все это совершалось традиционалистами через христианские символы и в христианских символах.

Во-вторых, предпочтение традиции абстрактным схемам историко-политического развития и обычая — формальному праву. В русском традиционализме этот аспект человеческого бытия подчеркивался особо. Как известно, в христианской традиции основные правила человеческого общежития сформулированы в Десяти заповедях. При этом западная цивилизация, рационалистически осмыслив библейские заповеди, построила на их основе все свое законодательство, которое стало главным условием возникновения так называемого правового общества. И — главным условием развития самой западной цивилизации. Но, по убеждению русских традиционалистов, западный человек оказывается ограничен в своей свободе опять же человеческими преградами — законами. Для русского человека подобное внешнее, поверхностное перенесение на землю Небесных установлений совершенно неавторитетно. Когда человек подчиняется законам по необходимости, душа его все равно остается холодной. Ведь сами законы придуманы столь же несовершенными людьми. Следовательно, человек подчиняется человеческим же законам, уподобляется другому человеку, а не Господу. В том числе и поэтому, кстати, законы на Руси никогда и никем не соблюдались — ни властями, ни подданными.

Русский же человек жил не только по Десяти ветхозаветным заповедям, но стремился соответствовать Заповедям блаженства, которые принес людям Спаситель, даровавший и «новую заповедь»: «Да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга... Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 13:34; 15:13). В русском сознании истинная ответственность имеет нравственную, а значит, Божественную природу, ибо только Господь закладывает в сердце человека важнейшие принципы его жизни — внутренний нравственный закон: быть добрым, созидать красоту, уметь любить. Соблюдение этих принципов и означает высшую ответственность — перед самим Богом, ибо главный свой ответ каждый человек будет держать только перед Ним. Вот почему внешнее законопослушание в русском понимании — вторично. К. С. Аксаков писал по этому поводу: «Закон нравственный (внутренний) требует прежде всего, чтобы человек был нравственный и чтоб поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтоб поступок был нравственный по понятиям закона, вовсе не заботясь, нравственен ли сам человек, и откуда истекает его поступок... Внешняя правда требует внешней нравственности и употребляет внешние средства. Из этого свойства внутреннего и внешнего закона, внутренней и внешней правды, очевидно вытекают различные следствия. Внутренний закон поддерживает нравственное достоинство человека, беспрестанно обращаясь к его совести, в ней одной находя опору и ручательство в деле. Запад — жертва внешнего закона. Закон внешний требует только соображения с своими постановлениями, исполнения учреждений, не заботясь и не обращаясь к совести человека, и таким образом избавляет его от необходимости внутреннего нравственного голоса. Очевидно, что преобладание внешнего закона в обществе ослабит нравственное достоинство че-

ловека, приучая его поступать без внутренней нравственной причины и быть правым только пред законом (внешним). Цель человечества — осуществить нравственный закон на земле...»¹ А В. В. Розанов искренне удивлялся: «Я понимаю, что я должен повиноваться божественным законам. Но почему я должен повиноваться человеческим законам, этого я не понимаю... Закон — “надо мною”. Но как же, если он “человек”, — надо мною? Разве я уже животное? Посему: *Homo sum et nil nisi divina lex — habet me* (Я человек и подчиняюсь лишь божественным законам)»².

В-третьих, признание приоритета общности над индивидом. Особенно ярко эта черта традиционализма выражена именно в русском православном сознании, *ибо оно — сознание коллективистское, общинное*. Так уж исторически сложилось, что славянские племена, заселившие в древности Восточную Европу, имели территориальную сельскую общину, в отличие от кровнородственной общины, характерной для большинства народов Запада. Многовековое, до середины XX столетия, существование русской общины определило содержание социальных идеалов и принципов общежития русского народа — равенство, выборность снизу вверх органов управления, отрицательное отношение к иерархическому соподчинению сверху вниз. Именно территориальная община обычно открыта для приема выходцев из иных народов на положении свободных и равных. Наличием территориальной общины объясняется и уникальная способность русских ассимилировать другие народы. Да и сам русский народ изначально складывался как полиэтническая общность с главенствующим славянским компонентом. Подобная открытость славянской общины сегодня вызывает затруднения при определении славянского антропологического типа. И что характерно — этническое самосознание славян, по той же причине, изначально было ослаблено на фоне племен с кровнородственной общиной.

Размытость этнического самосознания русского народа отмечена не случайно, ибо в русском сознании *исторически возникло иное толкование и основополагающих земных идеалов*. Еще в языческие времена главной их составляющей становится *идея Земли*, позднее — *идея Отечества*. Давно, например, замечено, что в памятниках древнерусской литературы говорится, прежде всего, о Русской Земле и крайне редко о русском народе. В более поздние времена, когда наступала трудная година, именно необходимость защиты Отечества всегда становилась для русского народа толчком к пробуждению национального самосознания, ибо сохранение единого Отечества означало и сохранение самого народа.

И когда в России искали земное применение Высшему, Божественному смыслу бытия, то на первом плане оказывались идеи Земли, Отечества. *Единое для многих народов Отечество — это земное воплощение Высшего Божественного Единства, выраженного в образе Святой Троицы*.

Поэтому земное воплощение Божественного замысла русским человеком связывалось с идеями общности, общества, «мира». Божественное един-

¹ Аксаков К. С. Несколько слов о русской истории, возбужденных Историею г. Соловьева // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мыркова, Е. Б. Фурсова. М., 2010. С. 220–221.

² Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год // Собрание сочинений. Когда начало ушло... М., 1997. С. 255–256.

ство на земле — это единство народов, но единство прежде всего духовное, во многом метафизическое и даже мистическое. В XIX столетии русская традиционалистская мысль даже выработала специальный религиозно-философский термин для характеристики этого очень своеобразного явления — «соборность» (А. С. Хомяков). Со временем, в сложном симбиозе православного и изначально коллективистского мирозерцания, в России формулируется и *идеал Всечеловеческого единения («всеединства»)*, как *некая высшая форма реализации в земных условиях Единства Божественного*. По сути дела, идеей «всеединства» проникнута вся отечественная религиозно-философская мысль XIX—XX веков.

В-четвертых, отстаивание цивилизационной самобытности своего народа (группы народов, близких по своим традициям). Традиционализм признает право любого народа на сохранение национального, духовного, социального, экономического, политического и бытового своеобразия, а также право народа самому решать собственную судьбу.

Если использовать современную терминологию, то можно утверждать, что в России уже в XVI веке были сформулированы основные духовно-политические установки, цели и смыслы исторического существования русского народа и Российского государства, выделены основополагающие характеристики и черты России как отдельной православной цивилизации. Свидетельства тому — различные сочинения, созданные в то время: «Сказание о князьях Владимирских», послания старца Филофея, Степенная книга царского родословия, Лицевой летописный свод, Великие Минеи Четьи, «Домострой» и ряд других памятников, в которых были представлены идеалы Москвы как «Нового Иерусалима», России как «Третьего Рима», «Нового Израиля» и «Святой Руси».

В XIX веке после освоения многообразных новшеств, воспринятых из исторического опыта западноевропейских стран, в трудах Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, А. С. Хомякова, И. С. и К. С. Аксаковых, И. В. Киреевского были возрождены и одновременно развиты в новых условиях традиционные идеалы и смыслы русской жизни. Чуть позже К. Н. Леонтьев и Н. Я. Данилевский, каждый по-своему, предложили фундаментальную концепцию мирового сообщества как совокупности различных цивилизаций и определили место русской православной цивилизации в этом сообществе. В начале XX века Л. А. Тихомиров глубоко размышлял о сущности религиозных основ общества и государства, и на основе этих размышлений утверждал самобытный путь исторического бытия России.

В-пятых, признание права на свободное историческое развитие любого народа или цивилизации. Данная черта непосредственно связана с правом народа на сохранение и развитие собственной цивилизационной самобытности.

На протяжении всей истории человечества постоянно возникают различные религиозно-философские и религиозно-политические теории, претендующие на абсолютный универсализм: создатели таких теорий объявляли их единственно правильными и утверждали возможность их практической реализации в любых конкретно-исторических условиях у любых народов. Особенно активно эти универсалистские теории создавались в последние сто — сто пятьдесят лет, и столь же активно навязывались мировому сообществу: гуманизм, коммунизм, либерализм, фашизм, различные радикальные религиозные учения и др.

Традиционализм противостоит любой универсалистской концепции устройства мирового сообщества. В понимании традиционалистов всякий универсализм несет большую опасность для человечества, ибо подразумевает упрощение, унификацию мира, ликвидацию его сложности. К примеру, в рамках коммунистических и либеральных теорий человечеству навязываются общеупотребительная «массовая культура» и общеупотребительная «массовая экономика» (в одном случае — «плановая», в другом — «рыночная»), которые ведут к уничтожению многоцветья национальных культур и экономических укладов. С философской точки зрения всякое упрощение есть движение к небытию, ибо самая простая система — это «ничто», «небытие», в котором ничего не существует. Следовательно, всякая универсалистская теория ведет к уничтожению большинства человечества в интересах очень узкого круга людей. По мнению традиционалистов, подобный сценарий не есть фантазия или пустая «страшилка», он вытекает из всего хода развития человечества в последние триста-пятьсот лет и, особенно, из исторического опыта XX столетия.

Традиционализм предлагает иной путь возможного будущего развития человечества — возрождение традиционных идеалов, традиционных ценностей, традиционных религий, опора на национально-государственные интересы народов мира. Таким образом, традиционализм подразумевает сохранение и развитие мира как «цветущей сложности», более того, предполагает необходимость возрастания сложности мира, ибо только сложные системы способны не просто к выживанию, но и к самовоспроизводству, приспособливанию к новым жизненным условиям.

В-шестых, утверждение идеала свободной, нравственно ответственной личности. Человек как Божие создание несет огромнейшую ответственность за себя и за весь мир. Но истинно свободная личность лишь та, которая понимает пределы своей свободы. Следовательно, настоящая свобода начинается только тогда, когда человек знает о существовании неких очень жестких границ, которые он не имеет право переступать.

В этом отношении традиционализм предполагает отказ от устаревших, так называемых идеалов гуманизма, которые, если вспомнить их исток в XIV—XVI веках, на самом деле являются результатом странной смеси католицизма (позднее — еще и протестантизма), античной и восточной мистики, магии и своеобразно понятой античной (языческой) философии. С точки зрения традиционализма именно гуманистический лозунг «Великое чудо — человек!» привел ныне человечество на край гибели.

В истории российской общественной мысли были разные понимания сущности человеческой личности и ее нравственных качеств. Но чаще всего личность в отечественной философии осмысливалась в религиозно-философском духе. Нравственные заповеди, заложенные Господом в сердце человека, считались источником цельности человека. Все остальные свойства человека, в том числе и разум — воспринимались как продолжение его нравственной, Божественной сущности. И недаром русская религиозно-философская мысль с древних времен придерживалась восходящего еще к Отцам Церкви учения о наличии свободы во «внутреннем человеке» на его спасительном пути к Богу под действием Благодати Святого Духа. Обоснованием подобного понимания сути человеческой свободы стали евангельские слова: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32).

Наибольшим влиянием традиционализм как социально-политическое учение пользовался в XIX — начале XX века, но в результате крушения в начале XX века крупнейших традиционных европейских монархий в России, Германии и Австро-Венгрии значение традиционализма как самостоятельной и реальной социально-политической силы оказалось заметно подорвано, а вскоре и сведено почти к нулю. В то же время, как отмечают исследователи, в XX веке сохранялся идеологический традиционализм, а многие элементы традиционализма были впитаны различными идеологиями XX века — либерализмом, национализмом, фашизмом, всевозможными видами «национального социализма» и даже коммунизмом¹.

* * *

Однако в последние десятилетия традиционализм вновь приобрел актуальность в свете насильственной глобализации и принудительного насаждения в различных странах мира либеральных моделей общественного устройства. С традиционалистских позиций глобализация и либерализм рассматриваются как средства экономического и политического закабаления народов мира в интересах узкого круга лиц, претендующих на мировое господство. Именно поэтому во многих странах происходит возрождение различных традиционалистских учений, приобретающих иногда очень специфическую форму. Возрождается традиционализм и в России, где уже на протяжении нескольких десятилетий продолжается активная общественная дискуссия о смысле исторического развития народа и страны, о сути традиционных ценностей и их актуальности в современных условиях.

Одной из центральных площадок для подобных дискуссий является Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС)², участники которого разработали полновесную программу возрождения России на основе традиционных ценностей. Так, в «Декларации о правах и достоинстве человека» (2006) представлена обоснованная критика либерально-гуманистической концепции прав человека и предложены пути поиска иных смыслов этого важнейшего понятия, в частности, говорится: «Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека. Личность, реализуя свои интересы, призвана соотносить их с интересами ближнего, семьи, местной общины, народа, всего человечества. Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности, как вера, нравственность, святости, Отечество. Когда эти ценности и реализация прав

¹ *Сергеев С. М.* Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2002. С. 25.

² *Всемирный Русский Народный Собор* — международная общественная организация русского народа, созданная в 1993 г. и объединяющая известных российских политиков, церковных и общественных деятелей, представителей мира науки, культуры, образования, военачальников, соотечественников из ближнего и дальнего Зарубежья. Главой ВРНС является Святейший Патриарх Московский и всея Руси (в 1993–2009 гг. — Алексей II, с 2009 г. — Кирилл I). В 2005 г. Всемирному Русскому Народному Собору был предоставлен специальный консультативный статус при Организации Объединенных Наций, тогда же было создано представительство ВРНС при ООН. На сайте организации говорится: «Будучи на протяжении многих лет всероссийской трибуной общественной мысли, в последние годы ВРНС переживает процесс преобразования в мощный гражданский форум, призванный стать во главе коалиции нравственно ответственных и патриотически ориентированных сил гражданского общества» (http://www.vrns.ru/o_sobore/).

человека вступают в противоречие, общество, государство и закон должны гармонично сочетать то и другое. Нельзя допускать ситуаций, при которых осуществление прав человека подавляло бы веру и нравственную традицию, приводило бы к оскорблению религиозных и национальных чувств, почитаемых святынь, угрожало бы существованию Отечества. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями»¹.

В документе под названием «Базисные ценности — основа общенациональной идентичности» (2011) был конкретизирован перечень основополагающих ценностей русского народа:

«Вера. Вера в Бога, забота о сохранении религиозных традиций народов, воплощение этих традиций в делах. Верность убеждениям и нравственно обоснованным жизненным принципам, в том числе у нерелигиозных людей.

Справедливость, понимаемая как политическое и социальное равноправие, справедливое распределение плодов труда, достойное вознаграждение и справедливое наказание, должное место каждого человека в обществе, а нации — в системе международных отношений.

Мир (гражданский, межнациональный, межрелигиозный) — мирное разрешение конфликтов и противоречий в обществе, братство народов, взаимное уважение культурных, национальных, религиозных особенностей, неконфронтационное ведение политических и исторических дискуссий.

Свобода. Личная свобода, ограниченная личной нравственной ответственностью. Ее раскрытие в служении ближним и Отечеству. Самостоятельность, независимость, самобытность народа.

Единство разных национальностей, социальных слоев, политических и мировоззренческих групп в работе на благо страны и всех живущих в ней людей. Взаимообщение разнообразных культур. Гармоничное сочетание духовных устремлений и материальных интересов личности и общества.

Нравственность — личная и общественная. Верность неизменным нравственным нормам как залог благополучия человека и общества. Приоритетная поддержка обществом и государством добросовестного поведения как в личной жизни, так и в жизни общества и государства. Жизнеспособные государство и общество — не могут быть нравственно нейтральными.

Достоинство. Признание уникальной ценности каждого человека. Нравственное умение отличать достойное от недостойного.

Честность как критерий личной и общественной морали. Совестьливость, следование нравственному началу в душе как образ жизни.

Патриотизм. Любовь к Отечеству и народу, к родной земле, к ее культуре, уважение к ее истории, к свершениям прежних поколений. Общенациональное самосознание. Готовность трудиться ради Родины.

Солидарность — способность разделить с другим бремя его забот, его трудности, его болезни, его скорби. Общенациональная солидарность как сила, связывающая народ, обеспечивающая единство нации, ее целостность, ее жизнеспособность.

Милосердие — деятельное сострадание к ближним, помощь людям, нуждающимся в духовной, социальной и иной поддержке.

¹ «Декларация о правах и достоинстве человека» // <http://www.vrns.ru/documents/63/1179/>

Семья как союз мужчины и женщины, в которой воспитываются дети. Любовь и верность. Забота о младших и старших. Поддержка семьи через социальную политику, образование и культуру.

Культура и национальные традиции. Уважение к наследию предков, открытость и уважение к культуре и взглядам других. Забота о культуре общения, чистоте русского языка и других языков Русского мира.

Благо человека. Духовное и материальное благополучие человека как основной приоритет социального развития. Соблюдение прав и свобод человека.

Трудолюбие — деятельное стремление к благу общества и ближнего. Неприятие коррупции, коммерциализации человеческих отношений, паразитического и эгоистического образа жизни.

Самоограничение и жертвенность — отказ от потребительского отношения к ближним и к окружающему миру. Способность жертвовать личным ради блага Отечества и народа»¹.

В «Декларации русской идентичности» (2014) впервые на основе традиционных ценностей и принципов исторического существования русского народа были сформулированы основополагающие признаки русского человека. В частности, в «Декларации...» утверждается, что «принадлежность к русской нации определяется сложным комплексом связей: генетическими и брачными, языковыми и культурными, религиозными и историческими. Ни один из упомянутых критериев не может считаться решающим. Но для формирования русского национального самосознания обязательно, чтобы совокупность этих связей с русским народом (независимо от их природы) была сильнее, чем совокупность связей с любой иной этнической общностью планеты. Ощутить это, в конечном итоге, может только сам носитель национальной идентичности, совершая свой личный выбор. При этом национальное самосознание неизбежно означает солидарность с судьбой своего народа... На основе программных тезисов настоящего документа предлагается следующее определение русской идентичности: русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа»².

Деятельность Всемирного Русского Народного Собора, заметная активизация научного и политического поиска, появление большого числа работ по философии, истории, политологии, социологии, экономике, авторы которых исследуют различные аспекты жизни России с традиционалистско-консервативных позиций³, свидетельствует не просто о возрождении тра-

¹ См.: «Базисные ценности — основа общенациональной идентичности» // <http://www.vrns.ru/documents/68/1031/>

² См. Декларация русской идентичности // <http://www.vrns.ru/documents/79/3400/>

³ См. например: *Аверьянов В. В.* Традиция и динамический консерватизм. М., 2012; *Афанасьев В. В.* Либеральное и консервативное. М., 2006; *Васильев А. А.* История русской консервативной правовой мысли. XVII–XX вв. Барнаул, 2011; Введение в проблематику российского консерватизма / под ред. Ю. Н. Солониной, Н. В. Поляковой. СПб., 2007; *Камнев В. М.* Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010; Консерватизм: социально-экономические учения // Сб. статей: под ред. А. Н. Бабаджаняна. СПб., 2009; *Перевезенцев С. В.* Русский выбор: Очерки национального самосознания.

диционализма, но и о том, что традиционализм занимает весомое место в современной российской социально-политической действительности, идеи традиционализма используются при формировании современной политической повестки дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов В. В.* Традиция и динамический консерватизм. М., 2012.
- Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. М., 2010. С. 220–221.
- Васильев А. А.* История русской консервативной правовой мысли. XVII–XX вв. Барнаул, 2011.
- Введение в проблематику российского консерватизма / под ред. Ю. Н. Соколова, Н. В. Поляковой. СПб., 2007.
- Камнев В. М.* Хранители и пророки. Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010.
- Консерватизм: социально-экономические учения // Сб. статей: под ред. А. Н. Бабаджания. СПб., 2009.
- Курашов А. В.* Основные принципы обычного права русского крестьянства конца XIX — начала XX вв.: По материалам центральных губерний: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2003.
- Перевезенцев С. В.* Идейные истоки русского консерватизма // *Вопросы истории консерватизма*. 2016. № 1. С. 11–32.
- Перевезенцев С. В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы. М., 2015.
- Перевезенцев С. В.* Русский выбор: Очерки национального самосознания. М., 2007.
- Перевезенцев С. В., Ширинянц А. А., Ермашов Д. В.* Русская социально-политическая мысль X — начала XX века. Часть I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства. М., 2005. С. 10–11.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 255–256.
- Раков В. М.* Особенности русского традиционализма // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Пермь, 1995. С. 70–82.

М., 2007; *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / В. В. Шелохаев и др. М., 2010; Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / под ред. С. В. Перевезенцева; авт.-сост.: Р. В. Михайлов, С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц; подг. текстов А. А. Горохов, О. Е. Пучнина, А. С. Хелик, А. Б. Страхов, Д. А. Ананьев. М., 2015; Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева; авт.-сост. Р. В. Михайлов, С. В. Перевезенцев, А. А. Ширинянц; подг. текстов: А. А. Горохов, О. Е. Пучнина, А. С. Хелик, А. Б. Страхов, Д. А. Ананьев. М., 2015; *Шапошников Л. Е.* Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX–XXI веков. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2006; *Ширинянц А. А.* Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011. Выходят также периодические издания: «Тетради по консерватизму. Альманах» (М.: ИСЭПИ) и «Вопросы истории консерватизма. Альманах» (Воронеж: ВГУ).

Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985.

Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / В. В. Шелохаев и др. М., 2010.

Сергеев С. М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х гг. XIX в.: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. М., 2002.

Хранители России. Антология. Т. 1. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / под ред. С. В. Перевезенцева; авт.-сост.: Р. В. Михайлов, С. В. Перевезенцев, А. А. Шириняц; подг. текстов А. А. Горохов, О. Е. Пучнина, А. С. Хелик, А. Б. Страхов, Д. А. Ананьев. М., 2015.

Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А. А. Шириняца, С. В. Перевезенцева; авт.-сост. Р. В. Михайлов, С. В. Перевезенцев, А. А. Шириняц; подг. текстов: А. А. Горохов, О. Е. Пучнина, А. С. Хелик, А. Б. Страхов, Д. А. Ананьев. М., 2015.

Шапошников Л. Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX–XXI веков. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2006.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

Шириняц А. А. К «феноменологии» консерватизма и не только // Вопросы истории консерватизма. Альманах. 2015. № 1. 2016. С. 356–380.

Шириняц А. А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. М., 2011.

Шириняц А. А. О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 536–546.

ПРОЗА

Юрий ШУРУПОВ МОЛОДИНСКИЙ ИЗЛОМ

*К 445-летию
Молодинского сражения
29 июля — 2 августа*

Главы из романа

Юрий Александрович Шурупов — родился в 1952 г. на Урале, в Усть-Катаве Челябинской области. Член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР, более тридцати лет сотрудничал с центральными и региональными СМИ. Автор многих книг и публикаций в известных российских журналах. Лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского, финалист VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и Всероссийского литературного конкурса им. В. И. Белова «Все впереди». **Живет в Башкирии, г. Агидель.**

*Непобедимому русскому воинству,
грудью защитившему Отечество
в великой битве при Молодах
в 1572 году, посвящается*

*Сей день принадлежит к числу
величайших дней нашей воинской
славы. Россияне спасли Москву
и честь, отомстили за пепел
столицы, и если не навсегда, то, по
крайней мере, надолго уняли крымцев.*

Н. М. Карамзин

*Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!*

Александр Блок. Скифы

Много славных боевых сражений и великих побед хранится в анналах истории нашего народа, нашей Великой и многострадальной России. Их помнят лед Чудского озера, Куликово поле, Полтава, Измаил, Бородино, Чесменская бухта, Сталинград, Курск, Севастополь... Мы с гордостью произносим имена князей-полководцев Александра Невского и Дмитрия Донского, генерал-фельдмаршалов Александра Суворова и Михаила Кутузова, адмиралов Федора Ушакова и Павла Нахимова, маршалов Георгия Жукова и Константина Рокоссовского...

Помним! Много и многих помним! Но, к сожалению, не все и не всех. Только совсем недавно историки начали анализировать причины забвения великой битвы, которая произошла в 1572 году у деревни Молоди под Москвой. Это победное сражение русского войска с превосходящей во много раз силой крымско-турецкой орды было судьбоносным не только для России, но и для всей Европы. Поэтому Молодинская битва и имя главного воеводы князя Михаила Ивановича Воротынского золотыми буквами должны быть вписаны в Книгу памяти нашего народа. Навечно!

1. ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ ПОЗАДИ

Едва забрезжил рассвет, воевода Воротынский был на ногах. Стременной Лука подтянул подпруги у стоявшего наготове не расседланным с вечера княжеского белого коня, и они втроем, забрав с собой боярина Ефима Круглова, осторожно выехали из-за стен «гуляй-города». Остановились на взгорке недалеко от въезжих ворот, неусыпно охраняемых дружиной самых расторопных и метких лучников.

— Лепота-то какая! — тихо, вдохновенно проговорил Михаил Иванович, с детства любивший неброскую русскую природу и умеющий восхищаться ею, несмотря на все суровости жизни. — Кабы не супостаты проклятые, пройти бы наметом на наших рысках по сему росному лугу, да так, чтобы дух захватило, слезу вышибло. И-эх, Русь-матушка! Не быть тебе поруганной врагами. Не быть! Костью падем, а в полон тебя Девлеткехану не отдадим.

— Истинно речешь, светлый князь, — радостно подхватил Ефим Круглов. — Никому не взять земли нашей родимой.

У ног всадников простиралась широкая долина реки Рожайки, подернутая белой пеленой предрассветного тумана. Сквозь нее вдалеке виделись смутные очертания разросшегося за ночь стана крымчаков. Несмотря на ранний час, там уже было заметно движение. Готовились!

— Скоро ринуться, как пить дать, — Воротынский показал рукой в сторону врага. — Ефим, скажи в полки, скажи, чтобы воеводы поднимали рать на потеху... погоди, Ефим. Кого-то Бог несет с нашей стороны.

Чрез несколько минут перед воеводой остановились два запыхавшихся всадника. По снаряжению Воротынский узнал в них воинов князя Хованского. У каждого были перекинута через круп коней крепко связанные крымчаки.

— Многая лета, князь-воевода, — поздоровался первый, видимо, старший ратник. — Как ты велел, шишей ханских привезли. Куды их скинуть?

Воротынский улыбнулся в бороду, довольный успешным выполнением своего повеления князю Хованскому.

— Ефим, прими добычу да поклещь толмача. И поднимай рать. Спешно! Шишей я сам допрошу... А вас, славные вои, спаси Бог за добрую службу, — Воротынский тронул коня, направляясь к въездным воротам в крепость.

— За Русь радеем, князь-воевода, — обрадованный похвалой ответил старший ратник, и они оба поскакали в свой полк.

В шатре Михаил Иванович рассмотрел пойманных лазутчиков. Оба молодые, крепкие, на вид утрюмые, в обычной для крымчаков одежде. Сви-репо вращая своими карими глазами, они готовы были броситься на князя, не будь связанными по рукам и ногам.

— Спроси их, толмач, сколько туменов развернул на нас хан и не хочет ли продолжать движение к Москве.

— Все войско наше идет вас, гяуров, побить. Вы уже рабы нашего властелина, да будет над ним милость неба! — дерзко прокричал один из пленников. — Сегодня мы растопчем вас конями, порубим саблями, а деревянную стену вашу превратим в пепел.

— Не надорветесь? — съехидничал Воротынский, с трудом сдерживая гнев. — Где же властелин ваш, Девлетка, хоронится? Боится, чаю, нашей славной рати? Хотел бы я встретиться с ним в бою.

— Аллах хранит его...

— Ну, хранит — и пусть хранит, — в голос рассмеялся Михаил Иванович. — Сохраненного-то нам сподручней будет взять.

Больше ни о чем не спрашивал пленных воевода. Он был рад главному — хан повернул свое войско от Москвы и теперь только умелые маневры его полков должны будут решить благополучный исход смертельной схватки с ненавистным врагом.

— Лука, убери сих злых нехристей с глаз моих. Да присмотри, дабы урону нам не причинили.

— Не причинят, воевода, — многозначительно ухмыльнулся стремянной, взявшей вытолкнув лазутчиков из княжеского шатра.

Солнце медленно, казалось, не желая быть свидетелем предстоящей людской кровавой бойни, поднялось над долиной. Вернувшийся Ефим Круглов доложил главному воеводе, что вся рать на своих позициях и готова к схватке. Воротынский надел на себя боевые доспехи, поцеловал перед иконой Богородицы меч с богато украшенной самоцветами рукоятью и верно служивший ему уже много лет, благоговейно перекрестился и вышел из шатра. Ефим с Лукой неотступно следовали за ним.

— Взбодрим воев, — ни к кому не обращаясь, проговорил Михаил Иванович, садясь на коня.

Главная резервная сила Воротынского — Большой полк — был построен и изготовлен к бою. Михаил Иванович невольно залюбовался своими ратниками, мужественные, решительные лица которых вселяли уверенность в успешном исходе нелегкой битвы. Завидев воеводу, сотники встали впереди своих дружин, а воины подтянулись, поправив доспехи и крепко удерживая в руках каждый свое оружие. Восемь тысяч пар глаз строевых ратников охватили человека, которому беззаветно доверяли свои жизни.

— Вои! Братья! Злой враг вознамерился взять под свою руку нашу державу, поругать веру Православную, а нас обратить в рабов. Приспело время показать хану крымскому нашу силушку необоримую. Со смиренной молитвой и правой яростью грудью встанем за Русь святую, не пощадим животов своих за благое дело. Я с вами, вои! А с нами всеми — Господь Бог! Он подаст нам помощь свою, мы выстоим супротив врага ненавистного, изгоним его из вотчин русских, дабы навечно забыли крымчаки дорогу к первопрестольному граду нашему — Москве. Кому же случится голову сложить на поле брани, имена героев сих прославлены будут государем Иваном Васильевичем, а семейства их ни в чем не понуждаются. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа!

Стройные ряды ратников не шелохнулись, пока говорил воевода. И вдруг грозную тишину прорвали чьи-то зычные голоса:

— Не пощадим живота своего за Русь-матушку, князь-воевода!

— Грудью встанем перед врагом!

— Не сумлевайся в нас, светлый князь!

— Смажем пятки крымчакам!

Воротынский, довольный боевым настроем своих ратников, поднял руку:

— С Богом, братья мои!

Развернув коня, воевода крупной рысью поскакал к месту, где под защитой старого, разросшегося дуба была сооружена для него удобная смотровая площадка. Поднявшись на дощатый настил, Михаил Иванович стал пристально всматриваться в сторону вражеского стана. Вот два всадника на низкорослых гнедой масти конях отделились от огромной толпы приготовившихся к атаке крымчаков. У одного на копье красная сигнальная лента, второй с обнаженной саблей в поднятой руке, они вихрем понеслись по ложине. Закружили, не приближаясь к «гуляй-городу», и вдруг пронзительный крик: «Ура-агш! Урра-а-агш! Кху! Кху!» густо повис над просыпающейся долиной. «Ну, вперед так вперед, — усмехнулся Воротынский, услышав татарский призыв к наступлению. — Мы не отстанем. Начинайте!»

Черной вороньей стаей всколыхнулись тумены крымчаков. Нагрудники из дубленой воловьей кожи, темные стеганые малахаи, кони гнедой и вороной масти делали их действительно похожими на этих отвратительных громогласных птиц, густо облепивших деревья прилегающего к полю леса, выжидая своего часа. Не доскакав до середины долины, многотысячная орава стала быстро разделяться на два крыла с явным намерением охватить «гуляй-город» с флангов и прорваться в тыл. Но вот на солнце вспыхнули кольчуги и шеломы ратников князя Хованского, стеной выступивших из лесной чащи. Передовой отряд вел князь Хворостинин. Рассыпавшись цепью, его конники сходу ударили по рвущимся к крепости крымчакам справа. В это же время слева с гиком и свистом накатила на врага лава казаков, увлекаемая атаманом Черкашениным. Своего породистого каурого аргамака Мишка направлял в самую гущу атакующих. Получив неожиданные удары с обеих сторон, крымчаки вынуждены были отступить к середине ложины. Наблюдая за маневрами своих воевод, Воротынский с силой сжал рукоять меча, висевшего сбоку, и мысленно перенесся на поле боя. «Молодцы! Как задумали, так и ведут потеху. Теперь дело за огневым рядом. Не опоздали бы!»

Пищальщики были начеку, зорко следя за полем боя. Как только крымчаки, сбитые с флангов Хворостининым и Черкашениным превратились в густую толпу наседающих друг на друга конников, из-за крепостной стены ударили многоствольные пушки и ручные пищали. Успевшие вернуться на свои исходные позиции русские ратники быстро перестроились и вновь взяли в клещи месиво обезумевших коней и людей. Ядра, картечь, стрелы, свинец самопалов, копья, мечи, сабли, шестиперы сотню за сотней выбивали воинов из рядов крымчаков... Но что это?

Со стороны Серпуховской дороги, по которой продвигалось к Москве войско Девлет-Гирея, показалось не меньше двух туменов ногайцев, которых вел мурза Теребердей. Князь Воротынский не удивился и не испугался. Для него не было неожиданностью прибытие двадцатитысячного подкрепления крымчакам. От лазутчиков он знал, что хан пока еще не все силы бросил к Молоди, надеясь несколькими туменами справиться с ратниками, засевшими в «гуляй-городе» и его окрестностях. Девлет-Гирей из-за лесистой, непроходимой местности не знал в точности, каким войском располагает князь Воротынский, надеясь в то же время на небольшую его численность. Поэтому он постепенно прощупывал возможности своего врага, что было только на руку русскому воинству. Навались хан одновременно всей

своей мощью на «гуляй-город», трудно пришлось бы его защитникам, если вообще оказалось возможным сопротивление. Но, Бог не без милости, и все пока шло так, как и предполагал главный воевода.

Увидев приближающееся подкрепление, крымчаки ободрились и с новой яростью бросились на крепость. Чем ближе подступали они к холму, на котором стоял «гуляй-город», тем заметнее становилась сумятица в их рядах. Коня падали, будто насакивали на какое-то неодолимое препятствие, подминая под себя седоков и опрокидывая следом несущихся всадников. Невидимые в траве колючие триболы, разбросанные ночью по приказанию Воротынского, исправно делали свое дело!

Но вот из лесного укрытия князь Хованский выпустил свежие сотни своего полка. Они понеслись наперерез ногайцам, которых уже теснили к центру поля боя казаки. Пушки и пищали не замолкали ни на минуту, но их смертоносный огонь не был опасен русским ратникам. Непрерывными атаками с флангов они удерживали врага перед прицелами огневого наряда «гуляй-города», а сами ловко уходили в сторону и, развернувшись, снова и снова атаковали крымчаков, щипали их, не позволяя вырваться с центра долины для фланговой атаки.

Наиболее слаженно действовали ногайцы. Мурза Теребердей понял уловку Воротынского и старался увести своих воинов из-под огня «гуляй-города». Он уже несколько раз пытался прорвать правый фланг ратников князя Хованского, чтобы выйти к воротам крепости. Пока этот маневр ему не удавался, но Воротынского уже начала беспокоить целенаправленная настойчивость ногайского мурзы. «Где же князь Хворостинин? — недоумевал Михаил Иванович. — Уж не случилось ли чего? Сейчас бы самое время наддать ногайцам в бок и в спину...»

Будто услышав главного воеводу, из-под заросшего мелкоколесом оврага, вплотную подходящего к воротам «гуляй-города», вырвался отряд Хворостинина. Молодой, сильный, отважный, уже достаточно набравшийся боевого опыта в сражениях с крымчаками, князь Дмитрий Иванович, направо и налево разметая мечом сразу насевших на него ногайских конников, неудержимо начал приближаться к Теребердею. Разгоряченный боем мурза не вдруг заметил опасного врага. А когда заметил, было уже поздно. Меч князя Хворостинина на мгновение поймал шалый луч уже начавшего клониться к закату солнца, и страшно захрапевший вздыбившийся конь Теребердея понес обезглавленное тело своего хозяина навстречу наступающим на «гуляй-город» ногайцам.

— Ай да Дмитрий Иванович! Ты токмо взгляни, Ефим! — радостно вскрикнул Воротынский, обращаясь к поднявшемуся на смотровую площадку боярину Круглову. — Порешил князь Хворостинин мурзу Теребердея. Слава тебе, Господи!

— Теперь ногайцы не вои, — тоже обрадовался Ефим. — Без мурзы они на приступ не пойдут.

Так оно и вышло. Увидев гибель своего вожака, ногайцы растерялись и на какое-то мгновение сбили темп атаки на «гуляй-город». Но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы ратники Хворостинина вломились в их ряды и начали жестокую рубку. Рубились молча, зло, не обращая внимания на ливень стрел, посылаемых лучниками царевича Шардана, увидевшего в какой кровавый переплет попали отважные ногайцы. Шеломы и кольчуги

русских ратников были надежной защитой. Разве что стрела пронзит горло или глаз — тогда все, погиб воин.

Затаив от напряжения дыхание, следил за ходом битвы главный воевода. После гибели Теребердея Воротынский уже не сомневался, что нынешняя атака крымчаков на «гуляй-город» будет отбита. Он с удовлетворением представлял, в какое бешенство придет Девлет-Гирей, когда ему донесут об еще одной бесславной для его воинов схватке с русской ратью у деревни Молоди. Хану нужна победа! Полная победа, иначе идти на Москву, под кремлевские пушки, когда у тебя за спиной непобежденный, сильный враг, не было смысла. Это верная смерть! А о ней ли мечтал Девлет-Гирей, выводя свою огромную орду из-за Перекопа? Не он ли бахвалился перед турецким султаном скорой победой над гяурами?

— Не завтра, так через день неминуемо к нам пожалует сам Девлетка с остающимися пока у него в запасе туменами. Янычар приведет. Много! Грядет, Ефим, решающая битва. Выдюжим — спасем державу от поругания. Сломят нас крымчаки — прощай Русь-матушка, и будем мы прокляты навеки потомками нашими.

— Выдюжим, князь-воевода, — бодрился перед Воротынским его доверенный боярин, хотя сам уже начинал сомневаться в успехе. — Сила у Девлетки большая, но и наши вои не лыком шиты... Смотри, смотри как гонит князь Хворостинин супостатов.

Дрогнувшие после гибели Теребердея крымчаки не смогли больше организовать для продолжения целеустремленного наступления на «гуляй-город». Как ни старались царевичи Шардан и Хаспулад вместе с другими мурзами, как ни рвали они свои глотки боевым кличем — все было напрасно. Атака захлебнулась. И вдруг как по команде крымчаки развернули храпящих коней и понеслись к своему стану на берегу Рожайки.

— Ныне выстояли по милости Божией... Как солнце сядет, скликай воевод на совет, — перекрестившись, Воротынский отдал распоряжение Круглову и, не оглядываясь больше на поле боя, спустился со смотровой площадки на землю.

Главный воевода прошелся по крепости, разминая затекшие от долгого стояния ноги, похвалил огневой наряд, с горечью отметил большое количество раненых, лежащих прямо на траве, и скрылся в своем шатре. Нервное напряжение, которое уже немолодой князь испытывал за время стихшего боя, дало о себе знать полным изнеможением плоти. Приказав стремennomу Луке никого к себе не пускать, Михаил Иванович скинул боевое снаряжение и с удовольствием вытянулся на мягкой перине, прикрывавшей широкий походный лежак. Второй день тяжелейшего сражения непобедимой русской рати с наглыми крымчаками остался позади.

2. НАКАНУНЕ

Постояв несколько минут у памятного камня, Андрей с Татьяной спустились в долину реки Рожайки. Они медленно брели по мягкой, набирающей силу под майским солнцем траве, оба думая об одном — великом сражении во славу России. Ведь именно здесь, вот на этом ничем не приметном сегодня лугу, пролилась кровь тысяч и тысяч русских ратников, грудью заслонивших путь к Москве ненавистному врагу. Четыреста с лишним лет

назад здесь решилась судьба нашего Отечества. И как могло случиться, что Молодинская битва выпала из перечня великих сражений и славных побед нашего народа!

Но жизнь не стоит на месте. Меняются времена, приходят другие люди. Вот и наступил момент, когда стал слышен голос совести. На протяжении многих десятилетий ревизоры русской истории, безропотно выполняя волю своих заказчиков, пытались доказать, что нам нечем особенно гордиться. Да, что-то когда-то было. Да, остались на слуху несколько географических названий, десяток имен и фамилий. Ну, и что из этого? Главное — надо вытравить из памяти русского человека его многовековую историю, навязать ему западный образ мышления и пресловутые «общечеловеческие» ценности, сделать из него космополита, «ивана, родства не помнящего».

Расчет верный: народ, который не знает свою историю, не дорожит и не гордится ею, обречен на гибель. И молодежь, этот мягкий, податливый материал в руках коварного мастера, начинает думать, что мы действительно народ-неудачник, не способный ни на великие свершения, ни на доблестные победы над своими врагами.

Но ведь это не так! Далеко не так! И множество ярких примеров истории тому неоспоримое доказательство. Русский народ на своих плечах достойно вынес тяжелейшие испытания и лишения. Но ни разу не дрогнул, ни перед кем не прогнулся. Лишь после каждого удара судьбы он становился крепче, сплоченнее, дерзновеннее. Это должны знать все, живущие в нашем Отечестве, и с гордостью передавать священную книгу истории России из поколения в поколение, из века в век.

Не стовариваясь, Андрей с Татьяной оглянулись и замерли в трепетном изумлении: на взгорке, как и много веков назад, парила на фоне безоблачного неба белокаменная церковь Воскресения Христова. Нет, во времена Молодинской битвы она была, конечно, не такой. Деревянный сельский храм не пошел бы ни в какое сравнение с нынешним архитектурным великолепием. Но кресты на куполах! Они и тогда несли собой невечерний свет, вселяли в сердца ратников упование на помощь Божию и крепили их духовную стойкость. Крест Животворящий всегда был символом жизни вечной, символом спасения, символом исповедания веры. Перекрестившись на них перед боем и прошептав сокровенные слова: «Господи, спаси и сохрани!», русский воин смело шел на врага и побеждал...

Незаметно подкрадываясь туча заставила ясный Божий день нахмуриться и помрачнеть. От сильного порыва ветра и первого оглушительного громового рыка Татьяна испуганно вскрикнула. Она схватила Андрея за руку, и они со всех ног бросились в сторону деревни. Ослепительные хлысты молнии и сотрясающие землю раскаты грома прибавляли силы. Только снова оказавшись у памятного камня, они остановились, с трудом переводя дыхание. Посмотрев друг на друга, молодые люди рассмеялись и, уже не обращая внимания на разразившуюся во всю мощь грозу, не спеша направились к машине. Но их успокоенность, видимо, не понравилась разыгравшейся стихии, и следом за очередным раскатом грома лавина воды накрыла всю округу. Такого ливня ни Андрей, ни Татьяна еще не видели никогда! А может быть, его и не было с того самого знойного августа 1572 года, когда Господь послал изнемогающим от жажды ратникам князя Воротынского живительную влагу. И столько, что ее с избытком хватило для восстано-

ления и поддержания сил перед очередным, решающим сражением с неимоверно разросшимся скопищем крымчаков.

...Ливень не прекращался два дня. Проснувшийся на дне ближнего оврага ручей перекрыли плотиной из нескольких срубленных деревьев, и образовавшийся водоем вдосталь напоил и людей, и коней. Полегчало! Жареная на углях костров конина спасала ратников от голода. Уставшие в двух минувших жестоких сражениях, они благодарили Бога за возможность отдохнуть, набраться сил. От полковых воевод и сотников они знали, что как только закончится дождь, крымчаки тут же пойдут в атаку — последнюю и решающую. Для Девлет-Гирея было уже делом чести одолеть неприступный «гуляй-город» и освободить дорогу на Москву. Иначе, что он скажет турецкому султану? Что двадцатитысячным войском не смог одолеть деревянный забор, из-за которого его поливали смертоносным огнем и калеными стрелами? Позор! Пережить такое на склоне лет невозможно. Победа! И только победа!

Князь Михаил Иванович Воротынский и не сомневался, что именно к безоговорочной победе будет стремиться крымский хан. Он бросит на «гуляй-город» все свои силы, которых у него теперь очень много. Поэтому русским ратникам надо готовиться к сражению, какого давно не было. И выстоять! Победить! Обратить в бегство крымчаков! «Другого нам не дано», — без устали повторял Михаил Иванович подчиненным ему князьям и рядовым ратникам. Это утверждение было главным и на совещании полковых воевод, которое уже третий час под шум затихающего дождя шло в шатре Воротынского.

— Чаю, завтра будет большая потеха, — воевода поправил наклонившуюся в поставце свечу. — С часу на час дождь перестанет, а Девлетка токмо сего и ждет. Пойдет он на нас пешим строем, некованные его кони станут скользить и падать на подъеме к «гуляй-городу». Сие нам зело с руки. Хотя янычары вои свирепые, испугать их ничем не возможно, стоят насмерть. Я их знаю, окаянных. Посему, князь Дмитрий Иванович, и ты, атаман Черкашенин, как и в прошлый раз ударите с флангов, загоняя крымчаков под огонь крепости.

— А что, воевода, если часть огневого наряда выкатить из-за стен «гуляйки»? Немцам было бы сподручнее палить по сторонам.

— Очшень карош сей маневр, князь, — поддержал Хованского Юрген Фаренсбах. — Нам свободно разворачивать семиствол.

— А если отобьют крымчаки наряд?

— Не сомневайся, Михаил Иванович. Я приставлю к нему сотню Степки Битого. Уж он не допустит врага к пушкам, — уверенно заверил главного воеводу князь Хованский.

— Быть по сему! — довольный разумным предложением воевод, Воротынский с силой ударил по колену кулаком. — Токмо тебе, Андрей Петрович, не одной сотней надлежит оборонять нашу крепость, а тремя-четырьмя, не менее. Все остальные силы бросим на поле. И еще, бояре... — Воротынский хитро прищурился. — Как токмо враг войдет в раж, дурью накатываясь на «гуляй-город», я с Большим полком подамся незаметно в лес. Ты же, Андрей Петрович, держаться будешь до той поры, пока не узришь, что крымчаки тебя одолевают. Тут без промедления и выпускай в мою сторону три горящие стрелы... Опречь сего, в лагерь Девлетки ныне ночью надобно

будет послать верного воя в обличье переметчика, дабы известил он хана о приближении от Москвы нам подмоги. Погоню за ним устройте пошумнее, так истины будет больше. Атаман, найдется ли у тебя казак, годный к сей затее?

— Как не найтись, князь-воевода? — оживился Черкашенин, сразу уловив, какое важное поручение ему доверяется. — Любого моего донца пошли — не подведет, все сполнит разумно.

— Добро, атаман!.. Князь Андрей Петрович, — ободряюще посмотрев на Черкашенина, главный воевода повернулся к Хованскому, — тебе без усталы лазутить всю округу, дабы не прокараулить какую ни на есть зловерность от Девлетки. Он на сие зело хваткий.

Отпустив воевод, Воротынский прилег отдохнуть. Дождь почти совсем перестал, сбитый им зной сменила приятная свежесть. Князь волновался, очень волновался. Видя, какую силу сосредоточил крымский хан в долине Рожайки, он хорошо понимал, что предстоит завтра вынести его воинам, если Девлет-Гирей предпримет атаку на «гуляй-город». А он предпримет, в этом не было никакого сомнения.

Раздумья князя прервал раздавшийся снаружи шум. Русские слова мешались с татарским говором и, судя по интонации, общение было далеко не дружественным. Михаил Иванович поднялся и хотел уже выйти из шатра, как полог резко откинулся и перед воеводой предстал князь Хворостинин.

— Вот, Михайло Иваныч, зри, какого гуся выловили мои молодцы, — поклонившись, широко улыбнулся, возбужденный удачей, brave воевода. — Сам Дивей-мурза и царевич Шардан!

— Неужели, князь? — обрадовался Воротынский. — Подавай-ка их сюда, а сам сказывай, как сие знатное дело свершилось.

Два дюжих ратника, заляпанных грязью, но не потерявших от этого воинского достоинства, втолкнули связанных мурзу и царевича. Поставив их на колени перед главным воеводой, ратники молча удалились, едва не столкнувшись при выходе с толмачом, уже призванным сотником Елизаровым.

— Как ты и повелел, воевода, мы с князем Андреем Петровичем разослали дюжину станиц лазутить округу. С одной станицей вышел и я... Не удержался, — виновато улыбнулся Хворостинин. — Скачем вдоль оврага, что к крепостным воротам подступает, и вдруг из-за кустов крымчаки выскочили. Лоб в лоб! Ясное дело — шиши. Присматривались, окаянные, как ловчее нас завтра атаковать. Схватились, не упускать же их к Девлетке. Зрю, двое в знатном снаряжении зело проворно нарыхтаются оторваться от своих, к стану уйти. Я с сотником Елизаровым за ними. И надо же, конь под одним, то ли на нашу колючу напоровшись, то ли на осклизлой траве не устояв, на всем скаку рухнул. Крымчак сажени на полторы в сторону отлетел. Второй хотел пособить ему подняться, ну мы тут их и накрыли. Добро, подоспели вои из станицы, а так бы тяжело было их взять, нехристей. Как волки озверевшие дрались. Когда в рукопашную-то сошлись, я и признал главного мурзу Девлетки. А второго он по имени окликал, сие и есть Девлеткин отпрыск. Вот они, перед тобой, супостаты...

— Похвально, князь. Сие зело борзо... Дай я тебя расцелую, Дмитрий Иванович... И сотнику Елизарову мою хвалу передай. Храни вас Господь!

— Сам расспрос поведешь, князь-воевода, — смущенный похвалой, поспешил перевести разговор Хворостинин, — али и мне остаться?

— Останься, Дмитрий Иванович. Вдвоем-то оно сподручнее будет. А то запрутся — слова не выбьешь.

— Эх, жалко, нет при нас Малюты Скуратова. Он бы одним махом заставил их речеть.

Воротынский невольно вздрогнул при упоминании опричного палача, но виду не подал. Князя Хованский с Хворостининым хотя и были опричниками, но службу несли исправно, и Михаил Иванович относился к ним с искренним уважением и заботой, забыв об их принадлежности к избранной царской рати.

Как и предполагал главный воевода, от мурзы Дивея кроме заносчивых выкриков и оскорблений ничего услышать не удалось. Разговорчивее оказался ханский сын Шардан. От него Воротынский узнал, что Дивлет-Гирей наметил штурм крепости на раннее утро 2 августа всеми своими силами. Мурзам и остальным войсковым командирам строго-настрого было приказано без победы в стан не возвращаться. Хан решил самолично командовать войском, не доверяя уже даже Дивей-мурзе. С учетом вернувшихся от Пахры конных и пеших туменов в войске Девлет-Гирея было не меньше девяноста тысяч воинов против оставшихся у князя Воротынского после двух минувших сражений пятнадцати тысяч. Правда, на подходе были полторы тысячи конных порубежников, охранявших отставший обоз. Вот только успеют ли?

— Будет с них, — снисходительно отвернулся от пленных Михаил Иванович, ничем не выдав охватившего его волнения от слов крымского царевича Шардана. — Запри окаянных понадежнее, Дмитрий Иванович. Добрый подарок государю поднесем, коли Господь сподобит завтра одолеть Девлетку.

— Вои наши зело злобятся на крымчаков. Готовы сами пойти приступом на их стан, лишь бы скорее затоптать врага.

— Сие добрый знак, князь. Ведь нам при таком перевесе сил в сторону Девлетки остается токмо уповать на помощь Божию да дух наших ратников. А дух православного воя непобедим!

— Истинно речешь, князь-воевода.

— Ну, ступай с Богом, Дмитрий Иванович. Надобно хорошо отдохнуть перед решающей битвой.

3. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Слух о пленении мурзы Дивея и ханского сына мгновенно разнесся по всему русскому войску, что прибавило ратникам уверенности в своей победе. Одни спокойно дремали у костров, сушили промокшую под ливнем одежду, другие перебрасывались шутками в адрес крымчаков, кто-то аппетитно пережевывал жареную конину, запивая принесенной из запруженного ручья водой. Князя Хованский с Хворостининым еще раз обсудили действия своего полка в предстоящей сече. Вдруг до них донесся со стороны лощины пронзительный казачий свист, крики и топот коней. Станица атамана Черкашенина кого-то обнаружила и пыталась задержать лазутчика.

— Держи его, держи супостата!

— Митька, заходи слева! В кусты, окаянный, пошел.

— Вон он, держи! Уйдет...

— Стой, братцы! Крымчаки его, похоже, подобрали. Атаман не велел рубиться. Вертай назад!

Хворостинин, догадавшийся о происходящем в долине, рассказал обо всем князю Хованскому. Оба посмеялись, довольные хитроумной задумкой Воротынского заслать к Девлет-Гирею мнимого переметчика с ложной вестью о приближении подкрепления русским ратникам.

Не до смеха было крымскому хану. Он и верил и не верил прибежавшему к нему казаку, назвавшемуся Сенькой Свищом, что царь Иван ведет к Молоди большую рать на подмогу воеводе Воротынскому.

— Беги, хан, пока целы твои тумены. Соберешь новые силы и вернешься будущим летом к Москве, заберешь под себя царский трон. А ныне погибель тебе...

— Ты стращать меня вздумал, собака? — неистовствовал Девлет-Гирей, разгневанный потерей сына вместе с мурзой Дивеем и сбитый с толку словами переметчика. — Твой царь трус, он сбежал от меня, как и в прошлом году. Через два дня я возьму Москву и посажу Ивана на цепь, как пса.

— И я про то же говорю тебе, хан. Посадить его надобно на цепь, кровопийцу. Токмо он не трус и рать ведет знатную, уходи, пока не поздно! Истину глаголю: уходи...

Не только русский перебежчик, но даже многие мурзы из окружения хана советовали ему вернуться с уцелевшим войском в Крым. Но мог ли позволить Девлет-Гирей признать свое поражение? Конечно, нет! Он даже не допускал мысли, что раннее утро 2 августа 1572 года станет началом его конца.

Грозовые тучи, на протяжении двух дней безраздельно властвовавшие над Молодями, сменили белые кучевые облака. Они высоко плыли друг за другом по серому предрассветному небу, раскинувшись причудливыми фигурами до самого горизонта. Природа замерла в ожидании страшного и непонятного ей человеческого безумия. Даже ненасытное воронье отлетело куда-то в лес, попрятавшись в густой кроне вековых деревьев.

Атаку крымчаки начали без обычного предварительного кружения перед неприятельской крепостью. Первый конный тумен, брошенный ханом на приступ, не доскакав до середины долины, смешался и неожиданно повернул вспять. Воротынский уже стоял на своей смотровой площадке и с тревогой наблюдал за происходящим. Все защитники «гуляй-города» были в полной готовности вступить в бой. Воевода понял причину неудавшейся атаки: размокшая от дождей земля не держала некованых коней.

— Сейчас пошлет янычар, — тихо сказал Воротынский стоявшему рядом Ефиму Круглову. — Давай, действуй, боярин, как и договаривались. Отдаю «гуляйку» под твою руку. С Богом!

Тем временем волна пеших крымчаков отхлынула от ханского стана и покатилась по лощине к крепости. Девлет-Гирей в придачу к янычарам спешил всех своих конников. В тот же миг со стороны леса раздался призывный звук боевой трубы. Ему ответила другая, третья... Подковы надежно держали конницу князя Хворостинина. Его дружина вихрем вылетела из укрытия на лощину. И битва началась!

Янычары дрались с остервенением. Эти бесстрашные воины были гордостью турецкого султана и сполна оправдывали свое предназначение ударной пешей силы. Но и ратники князя Дмитрия Ивановича свое дело знали

отменно. Применяя уже испытанный прием, они неотступно теснили янычар под стволы пушек и пищалей Юргена Фаренсбаха. С противоположного фланга то же делали донцы атамана Мишки Черкашенина. На бешеном скаку врываясь в пешие ряды крымчаков, казаки кружили по ним, сбивая к середине лощины, при этом уверенно орудуя направо и налево своими острыми как бритва шашками. Дробь и ядра косили крымчаков, стрелы с калеными наконечниками тучами впились в их едва прикрываемые кожаными щитами тела... А они все шли и шли волна за волной, тумен за туменом. Боже, как можно одолеть такое скопище вооруженных людей, одуревших от рекой льющейся крови!

Несмотря на отчаянное сопротивление защитников «гуляй-города», на своевременно подоспевшую дружину порубежников, на брошенные в битву все силы русских ратников кроме резервного Большого полка, крымчаки все ближе и ближе подступали к крепости. Вот наиболее смелые из них уже несчетными муравьями полезли по деревянным стенам, надеясь попасть вовнутрь «гуляй-города», другие атаковали вывезенные из укрепления колесные пушки, которые охранял отряд из дружины князя Хворостинина. Грохот пушек и пищалей, звон металла, дикие крики людей, ржание брошенных крымчаками коней, мечущихся по полю боя, — все слилось в единую какофонию звуков.

Едкий дым от непрерывной работы огневого наряда накрыл всю лощину, легкий ветерок не успевал справляться с ним. Но этого и надо было главному воеводе, чтобы незаметно вывести Большой полк из крепости и скрыть его в прилегающем к долине лесу. Сердце в груди Воротынского билось, как птица, попавшая в силок. Пот из-под шелома застил глаза. Напряжение было предельным. Михаил Иванович, сидя на коне, неотрывно смотрел в сторону крепости, атакуемой уже тысячами крымчаков. Они цеплялись за каждый выступ деревянных стен, пытались пролезть в оставленные для пушек окна. Воевода с содроганием видел, как отлетали их отрубленные саблями и мечами защитников руки, катились по склону снесенные головы, а они все лезли и лезли, карабкаясь по окровавленным трупам, по бьющимся в предсмертной агонии раненым, которые горой высились у стен «гуляй-города»...

Вдруг из крепости в сторону леса, где затаился Большой полк, взвились друг за другом три горящие стрелы. «Пора!» — Воротынский перекрестился и поднял руку. Запела труба. Восемь тысяч не изнуренных битвой, давно рвущихся в бой всадников за своим воеводой вырвались из леса на лощину и, рассыпавшись цепью, сходу ударили в тыл крымчакам. Девлет-Гирей, неотрывно следивший за сражением, понурил голову и заскрипел зубами. «Аллах покарал меня!» — только и успело промелькнуть в его уходящем сознании. Покачнувшись в седле, он бессильно упал на руки подхвативших его телохранителей.

Не более получаса потребовалось ратникам Воротынского, чтобы жалкие остатки крымчаков с дикими воплями устремились от стен «гуляй-города» к своему стану. Без труда нагоняя ревущую в испуге толпу, бросающую сабли, луки, копья, щиты, всадники Большого полка с ожесточением рубили всех, не успевших увернуться от их победно сверкающих мечей.

В азарте погони главный воевода не заметил, как дружина князя Хворостинина, оставившая теперь уже не нуждающуюся в охране крепость,

обогнав несущуюся, потеряв голову, толпу крымчаков, ринулась к шатру Девлет-Гирея, над которым еще развевался ханский стяг. И несдобровать бы крымскому царю, не выйди навстречу Дмитрию Ивановичу отряд отборных его телохранителей. Они не допустили отважного воеводу к своему властелину, не уберегли только стяг, который мгновенно был втопан в землю копытами коней. А пока шла рубка у ханского шатра, пришедший в себя Девлет-Гирей на своем выносливом, быстроногом аргамаче, отдавшись воле Аллаха, помчался, не оглядываясь, прочь от Молодинского поля. Такого испуга, такого унижения хан никогда еще не испытывал за всю свою долгую жизнь. Он не видел, как следом за ним неслись оставшиеся в живых мурзы, беи, темники, бросив остатки своего войска и обоз на берегу Рожайки, забитой трупам погибших в невиданной битве крымчаков. Только удаляющееся с каждой минутой облако пыли выдавало местоположение беглецов.

— Вои! Доблестные ратники Московской державы! — приподнявшись на стременах, обратился главный воевода к окружившим его воинам, еще не остывшим от только что завершившейся битвы. — Господь помог нам одержать великую победу над ненавистным врагом. Русь-матушка спасена! Слава вам, вои! Слава вам, князья-воеводы! Слава Богу за все! — Воротынский с трудом перевел дыхание, спираемое не передаваемой словами радостью за счастливый исход сражения. — А теперь — в погоню, братья мои! Не дадим крымчакам хотя и малым числом уйти в Дикое поле!

Гнал князь Воротынский со своими полковыми воеводами Девлет-Гирея до самой Оки. Большой полк, пополненный остатками полка князя Хованского и казаками Мишки Черкашенина, сходу сметал оставляемые ханом заставы из догнавших его уцелевших всадников, сумевших обуздать одичавших от шума боя коней. Многие из них здесь и находили смерть, другие без сопротивления старались только уйти от преследователей. Последний непродолжительный бой завязался у Сенькиного брода, где стояли около пяти тысяч крымчаков, поджидавших с победой своего властелина. Увидев стеной идущее войско Воротынского, многие из них бросились в воду и сразу попали под стрелы до времени таившихся на ладьях в прибрежных камышах лучников, специально оставленных главным воеводой пять дней назад присматривать за переправой через Оку. Другие были до единого положены на берегу реки русскими ратниками, мстившими ненавистным врагам за слезы, пролитые матерями и женами при непрерывных набегах крымчаков, за плененных и проданных в рабство соплеменников, за родную державу, веками вынужденную терпеть беспредел обнаглевших нукеров.

Девлет-Гирею под прикрытием верных телохранителей удалось уйти в Дикое поле без двух сыновей, внука, зятя, прочих близких родственников и верных слуг, оставшихся в плену у воеводы Воротынского или сложивших свои головы в долине реки Рожайки. Вместе с ним уносили ноги не более десяти тысяч воинов, наверняка молящих Аллаха помочь им скорее спрятаться за своим Перекопом. Десять тысяч из ста двадцати!

Жалея держащихся лишь на втором дыхании ратников, Воротынский прекратил погоню.

— Бог с ним, Девлеткой, — успокоил он рвущегося в дальнейшую погоню атамана Черкашенина. — Он свое получил, его войско разбито наголову, и отныне крымчаки надолго забудут дорогу в русские земли.

— И то верно. Пусть теперь турецкий султан разбирается со своим горе-воякой, — засмеялся атаман и в голос ему загоготали все, стоявшие рядом с главным воеводой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Историческая справка

Победная Молодинская битва, не по праву забытая страница славной истории нашего Отечества, положила начало утрате Крымским ханством и его покровителем — Османской империей бывшего могущества и строптивости. Конечно, князь Воротынский мог расправиться в Крыму с остатком орды хана Девлет-Гирея, но не в правилах русского православного воинства было добивать поверженного врага в его же доме. И уж, тем более, никогда московские ратники не поднимали руку на женщин и детей. Но полученный при Молодях урок и великодушные воеводы Воротынского крымчаки по достоинству не оценили. Почти ежегодные наскоки на окраины русских земель продолжались. Да, это уже было схоже с жужжанием назойливых мух, которых без особого труда прихлопывала порубежная стража, но, тем не менее, они досаждали населению юга Руси, мешая спокойному течению жизни.

Минуло девятнадцать лет, и сын Девлет-Гирея крымский хан Газы-Гирей в 1591 году с огромным войском решился снова выступить на Москву. Ну, и что? Едва спасся бегством за Перекоп: сам раненый, с ранеными царевичами Сафой и Бахти, перепуганный, потерявший две трети своего стопятидесятитысячного войска. После такого бесславного похода на Русь хан Газы-Гирей сообщил царю Федору Ивановичу о намерении выйти из-под власти турецкого султана и заключил мирный договор с Московским государством, который действовал до воцарения Василия Шуйского.

В Смутное время, да и по прошествии его, беспокойный сосед не переставал раздражать мелкими уколами окончательно сплотившуюся, окрепшую Русскую империю, с которой разговаривать грубой силой даже в Европе не решался уже никто. Единственным открытым и непримиримым ее противником оставалась угасающая Турция со своим вассалом — Крымским ханством. И вот тогда Россия сменила стратегию обороны, которая в прежние времена была неизбежна, на наступательную позицию.

Еще Иван Грозный вынашивал планы отвоевать Крым и обезопасить южное порубежье Руси. Однако на реализацию его намерений потребовалось более двух столетий. В России сменились правящие династии, из средневекового царства она превратилась в мощную морскую державу. Но, чтобы надежно укрепиться на черноморском побережье, в том числе — в Крыму, и заставить его население заняться земледелием вместо грабительских набегов на соседей и торговли рабами, а турецкого султана непобедимой мощью русского воинства убедить, что не случайно Черное море еще в IX веке называлось Русским морем, России пришлось выдержать не одну войну с Османской империей, подстрекаемой к агрессии Парижем и Лондоном, испугавшимися неожиданно для них появившегося между Европой и Азией могучего государства.

Очередная война, навязанная Турцией России и продолжавшаяся с 1768 года шесть лет, наконец-то решила проблему Крыма. Турецкая армия потерпела сокрушительное поражение на реках Ларге и Кагуле, а ее флот был сожжен в Чесменской бухте вдвое уступающими численностью туркам

русскими эскадрами под общим командованием графа Алексея Григорьевича Орлова, который получил за эту победу право приставки к своей фамилии — Чесменский. Поняв, наконец, на чьей стороне сила, ногайские орды, кочевавшие в Приазовье, запросили русское подданство. Летом 1771 года князем Василием Михайловичем Долгоруковым была разгромлена стотысячная крымско-турецкая армия. Хан Селим III Гирей в панике сбежал в Турцию, а избранный крымским властителем вместо него Сахиб II Гирей совместно с родовитыми беями и главой ногайских племен подписал мирный договор с Россией, по которому Крым получал независимость от Османского султана и уходил под русское покровительство.

Турки не могли смириться с огромными территориальными потерями и утратой своего влияния на Крым и ногайцев, упорно пытались продолжать военные действия, хотя исход их был уже очевиден. Осознав, в конце концов, бессмысленность противостояния России, 15 июля 1774 года в деревне Кучук-Кайнардже на берегу Дуная командующий русской армией генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев и верховный визир Османского государства Мехмед-паша заключили мирное соглашение.

Но Крым, Крым не давал туркам покоя! Бесконечное плетение междоусобных заговоров, организация татарских мятежей, высадка на полуостров десантов... Безучастно наблюдать это Санкт-Петербург дальше не мог, терпение Императрицы Екатерины II лопнуло. Будучи отменным дипломатом, она спокойно, без угроз предложила хану Шахин-Гирею отказаться от престола и окончательно передать Крым России. Хан, не раздумывая, согласился. Манифестом Государыни от 8 апреля 1783 года Крым был присоединен к Российской империи. В следующем году последовало учреждение Таврической области под управлением светлейшего князя Г. А. Потемкина, в состав которой вошли Крымский полуостров и Тамань. Кроме того, Императрица повелела основать в Ахтиарской бухте военный порт с адмиралтейством, верфью, крепостью и сделать его военным городом, назвав Севастополем — «Величественным городом». Уже в 1787 году Екатерине II, совершавшей путешествие в Крым, был представлен на севастопольском рейде Черноморский флот в составе трех линкоров, двенадцати фрегатов и двадцати пяти малых кораблей.

При этом следует отметить, что Указом Екатерины II крымской знати были предоставлены все права и льготы российского дворянства. Гарантировалась неприкосновенность религии, муллы и другие представители мусульманского духовенства освобождались от уплаты налогов. Крымские татары были освобождены даже от воинской повинности.

Крымский вопрос был навсегда закрыт, хотя бесспорную принадлежность Крыма России еще не раз приходилось подтверждать силой оружия. Но, слава Богу, силой последнего подтверждения этой непреложной истины стала воля народа, проживающего в Крыму. На референдуме о будущем статусе полуострова и города Севастополя, волюнтаристским решением бывшего Первого секретаря Коммунистической партии Советского Союза Н. С. Хрущева переданных в 1954 году под юрисдикцию Украины, являющейся в то время одной из пятнадцати союзных республик в составе СССР, жители Крыма практически единогласно проголосовали за воссоединение с Россией. Историческая справедливость восторжествовала! Бесспорно и бесповоротно!

Владимир МАРУХИН

«ПРЕД ИСПОВЕДЬЮ ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ»...

Марухин Владимир Степанович — родился в 1952 г. в Киргизии. С 1970 по 1972 гг. служил в Советской армии на Украине, работал на Балтийском заводе в Ленинграде, в 1979 г. окончил факультет журналистики ЛГУ, до 1992 г. работал в органах внутренних дел на ответственных должностях. Автор четырех поэтических книг, печатался во многих периодических изданиях в России и за рубежом. Председатель Военно-художественной студии писателей СПб организации СПР. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Награжден многими медалями, в том числе «Медалью Суворова», «За заслуги в сохранении русской культуры». Ответственный секретарь журнала «Родная Ладога». Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Редакция журнала «Родная Ладога» поздравляет Владимира Марухина с юбилеем!

В России Владимир Степанович известен не только как поэт гражданской тематики, как патриот Отечества, его знают как талантливого журналиста, энергичного общественного деятеля. Все эти качества влияют на его литературное творчество. Поэт, являясь свидетелем и трагических, и героических событий, происходивших в России за последнюю четверть века, определяет их значимость с нравственной точки зрения, художественно отражает по законам классической литературы, осмысливает в критериях русской духовной традиции. Кровное родство со своим народом, с отеческими просторами, человеческий подвиг, непрерывность истории, сбережение хрупкой гармонии бытия — основные темы поэзии Владимира Марухина. Его лирический герой через осознание собственного предназначения в этом мире, через преодоление, через потери и обретения идет по трудной дороге жизни на свет Истины. Для того чтобы сопровождать своего героя по этому пути, требуются силы особенные. Мы желаем поэту Владимиру Марухину здоровья, душевной светлости, духовной крепости и Божией помощи.

ПРОЩЕНЬ ДЕНЬ

Валерию Филимонову

1

На судне монастырском уплыву
На Валаам, —

забыть мирские блага...

Как в чудном сне, касаюсь наяву
Родных икон в тиши архипелага.

С одеждами монахов
Схожи ночи, —
Близ осени таинственно черны,
А утром скалы будто мироточат
И светом изнутри озарены.

Мощей святых не счесть
по всей округе,
От них благоухают острова;
Молитвы вашей жду,
Святые друзья,
Как знойно ждет воды с небес —
трава.

Прошу молитв, —
Такой уж день сегодня:
Моя душа ваш подвиг ясно зрит
И потому горит,
Горит,
Горит
В ней Свет Преображения Господня!

2

Друзей терял я истинных,
А мнимых —
Приобретал,

Как знанья из плохих,
Бездарных книг...
Обманывал любимых,
Невольно сам обманывался в них...
За все меня,
Родимые,
Простите, —
Пред исповедью обращаюсь к вам:
Чтоб не был на меня никто в обиде,
Тогда войти мне будет легче в храм!

3

Тогда, блаженный духом,
Будто нищий,
С молитвой покидая Валаам,
И возвращаясь в мир,
На пепелище
Своей души,
Горящей по грехам,
Прощал я все —
И друзьям,
И врагам!

НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

Юрию Шестакову

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила.*

А. С. Пушкин

*Я памятник воздвиг
Себе нерукотворный...*

А. С. Пушкин

*Лучше синица в руке,
Чем журавль в небе.*

Русская поговорка

1

Здесь живу,
У памятника, близко...
Чудится мне выстрел роковой...
Обнимая камни обелиска,
Кружит низко дым пороховой...
Мне садится на руку синица, —
Беззащитна в стужу Божия тварь, —
Нелегко, как видно, эта птица
Переносит питерский январь.

2

Чьим бы он помечен ни был знаком,
Светской чернью как ни очернен, —
Исповедан Пушкин и оплакан,
И могилой раннею пленен...
Здесь, на Черной речке,
В этой роще
Певчих жизнь в морозы тяжела, —
Было бы тебе, синица, проще,
Если б тихо за морем жила.

Белый снег на сумраке гранита
Самый белый здесь,
У речки Черной...
У гранита птаха деловито
Прыгает
От плевел чистит зерна...

3

Русской речи солнечные зерна
Переплавив в слиток золотой,
Он воздвиг себе нерукотворный
Памятник,
Не каменный — живой.
Утренних небес мертвеют краски,
Александра гаснет ясный взор.
Как черты лица в посмертной маске,
Застывает на окне узор.
Не смириться с тем,
Что слишком рано

Гений путь прервал свой на земле, —
Сам в стихах великого романа
Он судьбу предсказывал себе...
Не стреляй,
Не торопись, Онегин! —
Тяжко после выстрела прозреть...
Господи, не дай на черном берегу
Мне от пули друга умереть, —
Чувствую мистические связи:
Ленский,
Пушкин...
И любой поэт,
Не смирившись с тьмою
Светской грязи,
Подлецами явленной на свет,
Будет всей душой туда стремиться,
Где журавль на воле
И синица,
А в руке — дуэльный пистолет.

НА РУССКОЙ НИВЕ

Выступают камни из земли,
Их в себе не могут пашни прятать...
На телегу крепкую взвалив,
Вывозил булыжники оратай
С поля —
Для дорог своих родных,
Или же под стены крепостные,
Чтоб разили хищников степных
Древние снаряды боевые...

Но измена черная вползла
В наши души,
И теперь — немеем,

Прозревая воплощенье зла:
Затаились под камнями змеи,
Пашни заросли полынью горькой...
Будем же молиться,
Чтоб спешил
На подмогу к нам
Святой Георгий
И гадючьи гнезда сокрушил!
Встанем под хоругви
Церкви нашей
И, молитвой бесов отражая,
Вновь свои поля и души вспашем
Для земных и горних урожаев...

ВЕЧЕР

Захмелею на пахоте долгой,
На твоей,
Неоглядная Русь,
И с работы вечор по-над Волгой
Я до дома едва доберусь.
Я в сиреневых сумерках здешних
Разгляжу:
По деревне кругом
До коленей цветами черешня
Облилась,
Как дитя молоком.

Обернется подарком неожиданным
Предо мной на крылечке жена
С полотенцем в руках полотняным
И загадочно тихо нежна;
Вдруг далекое чувство нахлынет, —
Пряный ветер в висках застучит...
Словно к первой любви,
Он к полыни
Прикоснувшись,
Тревожно горчит.

Я порадуюсь ночи туманной,
Что сады сторожить начала,
Что, как я,
Возвращается пьяной
От усталости в улей пчела,

Что бывает былинки покорней
Русский лемех —
Неистов и крут...
От земли меня дедовы корни
Оторвать никому не дадут.

МОНОЛОГ ИЗ СОРОК ПЕРВОГО

*Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.*

Александр Твардовский

Как под каменный круг —
Где там наши останки?
Мы от милых подруг
Под фашистские танки
Потекли, как река,
Недозрелые зерна,
И текли мы, пока
Не заклинило жернов.
Я не вижу, оглох... я в себя прихожу:
Я у Пижмы-деревни убитый лежу.

Мы с завода ушли —
Нас никто не уволил.
Нам работу нашли
За высотами, в поле.
Нас хотят задушить...
И окопы мы рыли,
И врагов от души
Матом огненным крыли!

Мы в семнадцать горели
от слова «любить»
И умели неплохо железо рубить.

Вражьих танки ревут
На околице Пижмы.
Одного подорву,
А других я не выжму...
Я со связкой гранат
Подползаю к нему,
Помня данное слово
Отцу моему...

.....
Поменялись местами с землей небеса,
И на пижме-траве покраснела роса...
Потому над могилой моею плита
Безымянна и так беззащитно чиста.

В ДЕПО

В депо,
Где дым вечерний розов
И где железа звон певуч,
Загнали девять паровозов,
Как будто с неба —
Девять туч.

Я вспомнил детство:
Уголь,
Бревна,
Тупик,
Землянку, где я рос, —
И нервно,
Огненно, неровно
Над нею дышит паровоз...

Дожди холодные по крыше
Стучат,
Просеянные мглой;
В скупых лучах «летучей мыши»
Мать слепнет — до ночи с иглой...

Скользят за тонкой нитью думы
Безрадостно и тяжело...
Встречает стрелочник угрюмый
За эшелонем эшелон.
Стучат колеса,
Едут люди
Под стражей —
К солнцу, на восток...
Еще не раз меня разбудит

Протяжный,
Жалобный гудок.

Колеса поездов звучали
И наяву, и в чутком сне:
На каждом стыке рельсов «Ста-лин»
Они выстукивали мне.

В депо,
Где дым вечерний розов,
И в сердце — скрежет
От того,
Что режут девять паровозов —
За правду детства моего...

ВОЕННАЯ ДОРОГА

Замер лес.
Упругий воздух в поле
Вздрыгнул,
И послушные ножи
Звонко и безропотно вспороли
Кромку зарастающей межи.
Много весен плуг тебя не трогал, —
Долго ль будешь
Ты грустить во ржи,
Русская военная дорога?
Поднимайся,
Хлебу послужи!

Только б ты меня не обманула
Краешком зеленого крыла —
Лемех за спиною не рванула,
В небо столб земли не подняла...

Чтоб никто вовеки в этом поле
Серп из рук не выронил от боли,
Не узнал
Неимоверных мук,
Я согласен превратиться в плуг...

ВЕТЕР ДЕТСТВА

Вынеси меня в своих ладонях,
Ветер детства, в прошлые года,
В век былой, где на аккордеоне
Я играл, где мама молода.

Там легко. Киргизы, украинцы,
Русские, чеченцы, — все друзья.

Первородство крови или сына —
Был удел зверья и воронья.

Амаркорд мой радостен и грустен.
Ветер стих, в ладони жухлый лист.
Напрягу слух, как моряк-акустик.
Прошное родное,
Отзовись!

ПОЭЗИЯ

Ольга ИВАНОВА

**«ЖИЗНИ
ДОРОЖЕ —
ЛИШЬ ЧЕСТЬ!»**

Ольга Алексеевна Иванова — член Союза писателей России, заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым, лауреат Всероссийской премии им. Н. С. Гумилева, Премии Автономной Республики Крым, лауреат Золотой медали «Василий Шукшин». Живет в г. Симферополе, Крым.

МОЯ РУСЬ

Я сшибаю росинки,
Что подобны слезам,
И грустят небо синью
Птиц взлет голоса...

У травы эту нежность,
У полей широту
И цветочную свежесть
Я возьму и верну.

И не сгину, не струшу
Ни в воде, ни в огне
С верой: русскую душу
Деды вверили мне.

На корнях, на глубинах
Я росла и держусь,
И одна мне орбита —
Это ты, моя Русь.

Я люблю Украину,
В ней живу и тружусь,
Но тебя не покину —
Через годы вернусь.

Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ, МОЯ РОССИЯ!

Ты оставила меня, моя Россия,
Как корабль ушла за горизонты.
У меня истаявают силы
На плоту испепелёно-тонком.

Я не крикну даже из пучины,
Чтоб воды морской не нахлебаться:
Здесь меня «сибризами» «учили»,
Чтоб к тебе вовеки не добраться.

Ты корабль в бездонном океане,
Крутишь там, вдали, нещадно мили,
Но, как сменятся на рейде капитаны,
Догребу, увидишь, я осилю.

Я ПОКЛОНЮСЬ ТЕБЕ, РУСЬ!

Грозно шли ратью на рать.
Я не хотел умирать,
Груды поверженных тел
Мир созерцать не хотел,
Но я поклялся: «Берусь
Грудью закрыть тебя, Русь!»

Холод окопный и зной
Вынесу рядом с тобой,
Впроголодь, в граде свинца
Выстою я до конца
С болью потери друзей...
Только склониться не смей!

С мощью твоей огневой
Я, твой боец рядовой,
Гордо поднявши чело,
Выживу смерти назло!
Страны пройду и вернусь...
И поклонюсь тебе, Русь!

ГЛАВНОЕ — ЧЕСТЬ, СЧАСТЬЕ ПОТОМ УЖ...

Гимн российской чести

Княжич кудрявый на белом коне,
Голову вражью — да снести!
Слава не сгинет в воде и в огне,
Если присутствует честь!
Площадь Сенатская. Встали в каре.
Каторга — царская месть!
Нет больше титулов, лент и карет,
Но сохраненная честь!

Ворот распахнут. Спасительный крест.
Сердцу не ведомы подлость и страх!
Счастье потом! Ну, а главное — честь!
Это клокочет в российских сердцах!

Белым ли, красным Россию отдать?
В дрогнувшем голосе жечь.
Хочется очень счастливыми стать...
Только главенствует честь!
Деда гестаповец пыткам предал,
Дед мой обуглился весь!
Дед мой молчал и сгорел, как свеча:
Жизни дороже — лишь честь!

Ворот распахнут. Спасительный крест.
Сердцу не ведомы подлость и страх!
Счастье потом! Ну, а главное — честь!
Это клокочет в российских сердцах!

Внуку, возможно, придется решать:
Правду в глаза или лезть?
Знаю, не будь у него ни гроша —
Выберет честь! Только честь!
Нежится небо в славянских глазах.
Сердцем вершины достичь!
И только честь, только честь на весах —
Духа российского клич!

Ворот распахнут. Спасительный крест.
Сердцу не ведомы подлость и страх!
Счастье потом! Ну, а главное — честь!
Это клокочет в российских сердцах!

ПОЛЕ БРАНИ

Бедушку оплакала жница.
Но, ведя свои хороводы,
По-над полем ворон кружится,
Поле брани волки обходят.

То ли черепа, то ли камни,
Болью позасеяно поле.
Ох, да как раздвинуть руками
Горюшко, сращенное с болью...

Ой, подуйте, свежие ветры,
Изгоните черную птицу,
Снизойди, священная вера:
Русским головам не склониться!

Поле брани, полюшко-поле,
Дай нам новой силушки-силы!
Не забыть нам пролитой крови,
Богатырской славы российской!

РУССКОМУ НАРОДУ

Играет кровь во всей моей природе,
Бушует страсть горячая в крови,
Ведь я ребенок русского народа.
Не надо денег — я хочу любви!

Не надо славы, дайте мне свободу:
Жизнь без нее не стоит ни гроша,

Ведь я ребенок русского народа,
И в поле песней высится душа!

Не нужно денег, славы и свободы,
И без любви смогу прожить года:
Мне б только счастья
русскому народу
И неба мирного навеки, навсегда!

НЕВОЗМОЖНО

Кашляющий и скрипящий мир,
Сгорбленный,
по-стариковски нудный,
Стертый и заношенный до дыр,
Прочит поцелуй мне иуды.

Сквозь дыру в зубах шипит:
«Пригнись,

Не геройствуй, укроти дерзанья,
В раболепье низко поклонись
Власти, чтоб избежать наказания».

Но кричу: «Не искренне, не ложно,
Не в укроме, как и не прилюдно,
Я не буду (это невозможно!)
Кланяться и целовать Иуду».

ЦВЕТА ОТЧИЗНЫ

У нашего флага три цвета.
Основа — цвет красный — Победа!
И в мире все знают, раз красный,
На нас нападение напрасно,

Хотя мы и мирные люди,
И чистое небо мы любим.
Оно на полотнище — синее.
В России рождаются сильные,

Выносливые и умелые,
И самые-самые смелые,
Носящие светлые лики.
Все наши народы велики,

Под флагом Андреевским собраны.
Дела наши честные, добрые.
И души российские светлые —
На флаге полоскою белою.

Мы любим цвета Отчизны.
Они нам дороже жизни!

ПОЭЗИЯ

Юрий БАРАНОВ

«ИЮЛЬ В СИБИРИ ДЛИТСЯ ДОЛЬШЕ ЛЕТА»

Юрий Иванович Баранов — родился в 1946 году в г. Замостье, Польша. Офицер в третьем поколении. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза Марины Расковой и Мичуринский государственный педагогический институт (факультет русского языка и литературы). Автор многих книг. Лауреат международной литературной премии имени П. П. Ершова. Член Союза писателей России. **Живет в деревне Пивовариха Иркутской области.**

ИЮЛЬ

Июль в Сибири длится дольше лета.
И дольше лета длится сон с утра.
Такая странноватая примета —
Впадаю в сон и лень, когда жара.

Струятся строки медленно и нежно.
Стихи приходят душною волной.
И каждый день
 так ласково безбрежен,
Байкал и небо блещут бирюзой.

Рисует ветер в небе чьи-то лица.
И лиственницы шепчут о былом.
Рождает святость Господа криница,
Байкальский сон,
 байкальский вечный дом.

СТИХИ

Стихи рождаются украдкой,
Невидимы и не слышны.
Как будто прорастают в грядках
Из полуснов и тишины.

На них прольются кровь и слезы.
Возможно, светлая печаль.
И рифм блестящие стрекозы
Соткут невидимую шаль.

Я эту шаль отдам любимой,
Чтоб в предрассветный, темный час
Была защитой незримой.
А сам взлечу на свой Парнас.

ГРЕХИ

Качаются на ветках птицы.
И вот, в крошечной тишине,
Я вижу в белых масках лица,
Ко мне пришедшие во сне.

Мне хочется кричать от боли.
Я знаю, кто под маской скрыт.
Грехи вчерашние неволят
И пробуждают боль и стыд.

Старик Харон пришел к причалу,
Подернут пеплом костерок.
Грехи вчерашние печалят
И сокращают жизни срок.

* * *

*Моему деду, Константину Яковлевичу, расстрелянному
в 1938 году в тюрьме города Дмитрова*

Учебник молчит, и ушедший палач,
Луна равнодушно смолчала.
Расскажет сухой протокол,

кто ловкач

И чья балалайка бренчала.

В доносах, конечно же,
вождь виноват.

А может, соседская зависть.
Был выдан соседям навечно мандат
И право на черную запись.

Как сложно понять, и принять,
и простить
Финальные вопли оркестра,
Который лишь «многая лета» вопит,
Не в силах уйти от реестра.

Меня расстреляли, когда-то в ночи.
И снова спасли для России.
Поэтому, глупое сердце, молчи,
Пока наполняешься силой.

Ты верил вождю, а я верю себе.
Я верю, что в новой России
Отсутствуют щепки

в великой борьбе,

И каждый по-своему — сила.

Но право соседа, коллеги, газет —
Осталось еще под вопросом,
Пока в чьих-то душах
не вспыхнул рассвет
И совесть совсем безголоса.

БАГУЛЬНИК

Расцветающий багульник покрывает белый снег,
Буйный, шалый и разбойный. Снег сегодня печенег —
Налетел, украл, поссорил, заморочил бледный лес.
Оттого ли мне дороже золотой весны замес.

Наклоняюсь и лелею я лиловость огоньков,
Пробуждение трав зеленых и прощание снегов.
Мне багульник тот приснился много лет тому назад,
Лиственничный запах теплый и сосенок детский сад.

Облака лежат на прели, вот и кончился апрель.
Май сибирский нам приносит снега и цветов дуэль.

* * *

Дорога столбами размечена,
И каплями крови судьба.
Но временем раны залечены,
А кожа от соли груба.

Осталась и нежность, и ласка
В сосуде невзрачном моем.
Седая от стужи окраска
Не портит души окоем.

Меня покупали — не продан.
Пугали, — но я устоял.
Десертом словесным не подан.
И пешкой послушной не стал.

И в озере светлом России
Я черпаю силу и честь.
В глазах Богородицы синих
Для всех утешение есть.

БЫЛО...

Было когда-то крыльцо золотое,
Сумрачный вечер под тучей густою.
Мелких дождинок серебряный звон.
Легкий, счастливый и сбывшийся сон.

Булькали лужи, и арфы звенели.
Кто-то вокруг рисовал акварели.
Вечностью пахло и теплым дождем,
Детскими снами и просто житьем.

ВЫШЛА КНИГА

Романов И., Романова В.

Россия. Взгляд с Босфора Восточного.

По благословению митрополита Владивостокского и Приморского Вениамина (Пушкаря) в пасхальные дни 2017 года вышла в свет книга «Россия. Взгляд с Босфора Восточного». Авторы: Игорь и Владислава Романовы. Работа издана во Владивостоке Центром церковно-государственных отношений «Берег Рус».

Книга представляет собой девяносто шестистраничное издание в мягкой обложке, содержит статьи и эссе о России и Русском Приморье.

В своем Слове о книге митрополит Владивостокский и Приморский Вениамин (Пушкарь) сказал «Наконец-то зазвучал с наших дальневосточных мест голос, возвещающий о величии Руси Христовой, утвердившей православие и русскую государственность у соленых тихоокеанских волн, на границах с Азией. Эта книга напоминает нам о многовековом пути русского народа, о Святой Руси, образ которой блистает в сиянии куполов наших дальневосточных церквей».

Работа наполнена желанием осознать и почувствовать величие и духовную высоту Святой Руси, которые открываются с самых дальних берегов нашего Отечества. Со скалистых сопок над заливом Петра Великого, с берегов пролива Босфор Восточный по-особому видится великая история России, ее Церкви и государственности, всего русского православного народа.

История и современность

Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

НЕ УМОЛКАЕТ СЛАВЯНСКАЯ СЛУЖБА или «ДУБ — РУССКИЙ!»

*К 200-летию
со дня рождения
архимандрита
Антонина (Капустина)*

*Дуб же тот святой рядом с дорогой;
когда там идешь, по правую руку;
и стоит, красив, на высокой
горе... Удивительно и чудесно,
что столько много лет стоит
дерево то на такой высокой горе
и не повреждено, не искрошилось!*

«Хождение» игумена Даниила,
начало XII века

Архимандрит Антонин (Капустин) — имя из давно минувшей русской истории. Но минувшей история не бывает, время над ней не властно. И образ скромного русского монаха, о котором мы забыли почти на век, сегодня возвращается в величии его деяний и во славе, соразмерной его миссионерскому подвигу, совершенному в землях Палестины во имя России и Русской Православной Церкви. Миссионерская деятельность является выражением апостольской природы Церкви, именно миссионерство, которое состоит в том, чтобы приближаться к миру,

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

освящать и обновлять его, вкладывать новое содержание в старые формы образа жизни, способствует обновлению истории, которую нельзя рассматривать фрагментарно, в отрыве от исторического замысла и непрерывного процесса человеческого бытия. Не всем людям дан талант осознания этого замысла, только тому, кто ощущает присутствие Бога в человеческой истории, открывается актуальность прошедшего времени. Важным периодом можно назвать время середины XIX — начала XX века, когда особенно возгорелся восторженный духовный порыв русских людей попечительствовать над православным просвещением в неправославных, даже в нехристианских землях.

Миссия Русской Православной Церкви в Палестине совпала с развитием паломничества предшествующего века, однако русская паломническая традиция имеет более глубокую историю, чем принято считать. По летописным данным в Иерусалиме была супруга Владимира Мономаха. Она поклонялась Гробу Господню после освобождения этих земель крестоносцами, которые образовали здесь в 1099 году Иерусалимское королевство. К началу XII века относится «Хождение» игумена Даниила, бывшее не только паломнической, но и дипломатической миссией. В 1167 году у Гроба Господня побывала св. княжна Евфросиния Полоцкая, инокиня, основательница монастырей, просветительница Белоруссии. Все русские высокопоставленные посетители Святой Земли для сбережения христианских святынь осуществляли материальную помощь Иерусалимскому Патриархату. Отсылал немалые деньги Царь Иван Грозный. В результате обострения отношений России и Турции, а также в процессе усиления национального самосознания русских людей вследствие обретения идеи «Москва — третий Рим», на время происходит упадок паломничества, возобновившийся только во времена правления Петра I, одержавшего над турками военную победу. По Карловицкому договору 1699 года русские получили право открыто защищать интересы христиан — подданных Османской империи. В 1700 году было достигнуто соглашение о свободном доступе в Святую Землю. Петр I даже хотел «перенести» Гроб Господень в Россию. При Императрице Анне Иоанновне в 1735 году в смете Святейшего Синода появляются так называемые «палестинские штаты»: точные суммы, выделяемые Гробу Господню и Иерусалимскому Патриарху каждые пять лет. Пожертвования христианам, находящимся под турецким игом, не прекращались даже в трудные для России времена, в частности, во время Отечественной

Архимандрит Антонин (Капустин)

войны 1812 года. Позже для сбора народных средств на нужды Храма Гроба Господня и других святых мест были открыты «Иерусалимские подворья». Таким образом, Россия на Востоке выступала как главная Православная империя, преемница Византии в поствизантийские времена.

С середины XIX века Палестина стала объектом пристального внимания западных стран. Пруссия и Франция, протестанты и католики решили упрочить здесь свое положение. И это им во многом удавалось, так как православные в Османской империи составляли этно-конфессиональное меньшинство. Требовалось усиление позиции Русской Православной Церкви. Первая Русская Духовная миссия в Палестине под руководством архимандрита Порфирия была больше ознакомительной и представительской. Но именно она заложила основы просветительской деятельности для следующих миссий. 1 сентября 1865 года на место Начальника Миссии прибыл назначенный митрополитом Московским Филаретом архимандрит Антонин (в миру Андрей Иванович Капустин). Был он родом из Пермской губернии (сейчас это село в Курганской области), священник в четвертом поколении, магистр Киевской Духовной академии, служил настоятелем Русской Посольской церкви в Афинах (с 1850 г.), позже — в Константинополе (с 1860 г.), в совершенстве владел греческим языком, активно занимался научной деятельностью (астрономией, археологией, нумизматикой, историей, искусствоведением, литературоведением и др.). Если к этим заслугам добавить все его последующие свершения в Святой Земле, получается портрет титанической, неправдоподобной по силе деятельности легендарной личности. Так бы считал и я, если бы Господь не привел меня служить в места, где происходило образовательное становление будущего архимандрита Антонина, где он овладевал начальными знаниями и делал первые уверенные шаги на пути к Богу, где начал развиваться его необыкновенный духовный дар. Личностью и именем Антонина Капустина просветлена здешняя история, берегаемая изустно и в артефактах так бережно и почтительно, что сам архимандрит кажется простым человеком — земляком и современником.

Будучи архиепископом Курганским и Шадринским (2008–2015), я уделял особое внимание восстановлению Свято-Успенского Далматовского мужского монастыря и храма в с. Батурино. Пульсирующим сгустком истории ощущалось это место с полуразрушенными старинными постройками, с именами выдающихся русских людей на могильных камнях в ограде монастыря, с трагичным силуэтом разрушающегося главного собора. Именно здесь располагалось духовное училище, в котором о. Антонин начал свое образование.

Андрей Капустин родился 12 августа 1817 года в селе Батурино Шадринского уезда Пермской губернии. Как пишет первый биограф о. Антонина архимандрит Киприан (Керн), «...первые искры Света Истины были в его сердце зажжены родителями. Они вложили ему в душу “страх божественных заповедей”, любовь к Богу и Церкви, развили его чуткость и отзывчивость и глубоко заложенную ему от природы красоту душевную»¹. Свое научное образование будущий архимандрит начал в Уездном Духовном училище, находившемся в 60 верстах от родного села Батурино, рас-

¹ Киприан (Керн), архим. Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории (материалы по истории Церкви; Кн. 21). 1977. С. 16.

полагалось оно в Далматовском Успенском мужском монастыре. Училище было образовано в 1816 году, и в 2016 году была отмечена его память в честь 200-летия со дня основания. Важнейшим событием 2017 года является 200-летие со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина).

К нему начали готовиться давно, когда я был руководителем Курганской и Шадринской епархии. Для меня памятны те богослужения, которые я совершал в Спасо-Преображенском храме села Батурино, на малой родине архимандрита Антонина. Работа по подготовке к празднованию памяти 200-летия со дня его рождения в Курганской епархии была начата в 2012 году, было положено начало формированию эффективно действующего оргкомитета по празднованию памяти архимандрита Антонина, изыскивались материальные средства, одновременно началось возрождение Спасо-Преображенского храма, установка памятника архимандриту Антонину, строительство в селе Батурино гостиницы для паломников и многое другое. Особое внимание, конечно, было уделено Уездному Духовному училищу.

Стены этого учебного заведения сохранились поныне, о его деятельности можно узнать из музейной экспозиции монастыря. Знать об этом училище надо еще и потому, что кроме о. Антонина здесь учились такие выдающиеся люди России, как А. С. Попов — изобретатель радио, А. Ф. Мерзляков — профессор словесности и красноречия, домашний учитель М. Ю. Лермонтова, В. М. Флоринский — организатор Томского университета и попечитель Западно-Сибирского учебного округа, а также известный этнограф, писатель, краевед — А. Н. Зырянов, полярный исследователь — К. Д. Носилов и другие¹.

В стенах Далматовской обители Андрей Капустин провел 5 лет, здесь он получил базисные знания классических языков, которые впоследствии очень ему понадобились в его служении на далеких землях. Здесь он изучал историю, исторические знания пригодились ему в нумизматике и археологии. Здесь он увлекся поэзией и сам стал сочинять стихи. Пушкинский ритм, классическая лексика, умеренный романтизм были свойственны не только его стихотворениям, но отражали особенности личности о. Антонина, бравшегося за самые сложные и ответственные дела и всегда с ними блестяще справлявшегося. Киев, Афины, Константинополь, Афон, Синай, Иерусалим, Палестина — вот территориальный размах его деятельности. Трудно перечислить духовные свершения архимандрита Антонина, жизнь которого сегодня по праву называют «эпохой».

После пяти лет обучения в Далматовском Духовном училище Андрей Капустин поступил в Пермскую Духовную семинарию, где был одним из лучших учеников. Здесь он продолжил писать стихи, которые приобрели более глубокое, духовное содержание, через поэтические образы будущий священник осмысливал Библейскую историю. Его акварельные рисунки стали не только приложением к поэтическому ряду, но продолжением философского осмысления бытия. Однако склонность выдающегося ученика к греческому языку была такова, что впоследствии Патриарх Иерусалимский говорил, что архимандрит Антонин знает его так, как ни один природный грек. В 1839 году Андрей Капустин поступил в Киевскую Духовную академию, по окончании которой, признанный одним из лучших учеников, остался преподавать.

¹ См. подробнее: *Константин (Горянов), архиепископ. 20 лет Курганской и Шадринской епархии*. Курган, 2014.

*Заупокойную службу по архимандриту Антонину (Капустину) в с. Батурино
служит архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов),
апрель 2014 года*

В 1845 году (ему было уже 28 лет, возраст сознательный) Андрей Капустин принял монашеский постриг, был наречен именем Антонин. За постригом последовало рукоположение во иеродиакона и священника.

Логичным можно назвать назначение молодого монаха в Грецию, настоятелем храма при Афинской миссии. Здесь о. Антонин продолжил свое образование, вернее, самообразование, изучал древние тексты и надписи на памятниках. Здесь, где небо шире и глубже, чем в России, а звезды кажутся ярче и крупнее, он заинтересовался астрономией. Исследования Вселенной помогали ему подтвердить свое убеждение в непреложности и божественности законов бытия. Отсюда он впервые съездил в Иерусалим и написал свои впечатления о Святой Земле, которые считаются одними из первых путевых заметок, ставших впоследствии излюбленным литературным жанром многих русских путешественников и писателей. Укрепился о. Антонин не только в знаниях, но и грядущих намерениях приблизить свое Отечество к святым местам христианской истории во время службы в Константинополе. Но в 1865 году, когда род Капустиных отметил столетие непрерывного священства, о. Антонин получил судьбоносный приказ Синода с назначением в Иерусалим. Он стал сначала настоятелем, а через год и Начальником Русской Духовной миссии, коим оставался до конца своих дней и завещал похоронить себя в храме на Елеонской горе. Это завещание было исполнено.

Деятельность архимандрита Антонина на посту Начальника Миссии протекала в очень сложных политико-дипломатических и финансовых условиях. Возникали конфликты с Иерусалимским Патриархом, вмешивающимся в дела Миссии, споры с Русским консульством, запрещавшим устанавливать кружки для сбора пожертвований на содержание Миссии, которая жила на скудные средства по смете в 14 650 руб. (для сравне-

ния — англиканский епископ получал от своего правительства в три раза большее обеспечение). Углублялись недопонимания с Палестинским Комитетом, пытавшимся вообще закрыть Миссию. Но о. Антонин, отдавший почти тридцать лет своей жизни этой Миссии, будучи и организатором, и ученым, и просветителем, не забывал пример древних подвижников Православия. Памятуя о том, что в XII веке русским принадлежал в Иерусалиме монастырь Пресвятой Богородицы, он продолжил собирать христианские земли и памятники во славу Христа и Русской Православной Церкви. Были моменты, когда латиняне являлись хозяевами почти всех святых мест. Об условиях, в которых происходило накапливание богатств для России, о конфронтационной латинской и протестантской деятельности так говорит архимандрит Киприан (Керн): «Она не ограничивалась только уловлением душ местного арабского населения, полунищего и голодного, но обратилась также на приобретение немалых земельных имуществ сначала в Иерусалиме и его окрестностях, а потом и по лицу всей Палестины, чтобы в этих владениях основать свои позиции для обеспечения себе большего успеха и с ним начать новую наступательную войну против греков и арабов»¹.

Но Начальник Русской миссии понимал свою деятельность не как военное противостояние или конфессиональное соперничество с протестантами и католиками. Он руководствовался в первую очередь стремлением приблизить свое Православное Отечество к Святой Земле во имя укрепления в нем веры и боголюбия. Невозможно без душевного восторга следить за историей приобретения Мамврийского дуба. Наверное, только поэт-романтик, художник, зрительно представляющий все этапы Иисусова жертвенного поприща, выходящего за пределы Святой Земли в сторону духовно приникающей к ней России, мог решиться на символичную покупку многовекового библейского дерева. На иконе Святой Троицы традиционно изображают дерево, в тени которого Праотец Авраам устроил трапезу для Господа, явившегося ему в образе Трех Таинственных Странников или Трех Ангелов. Авраам предложил им *«отдохните под сим деревом»* (Быт. 1, 18). Об этом дубе говорят предания христиан, евреев и мусульман, которые издавна отождествляли эту местность с библейской дубравой Мамре, находившейся вблизи Хеврона, одного из древнейших непрерывно населенных городов на планете. Святыню помог купить драгоман² Миссии Яков Егорович Халеби, верный помощник о. Антонина. Он был посредником во многих покупках, которые нельзя было осуществить напрямую руководству Миссии. Русскому священнику никто бы палестинскую землю не продал. Переговоры о продаже и оформлении документов на покупку были долгими, мучительными, зато радость от свершения — необыкновенная. «От очевидцев пришлось слышать о встрече его с о. Антонином в Иерусалиме. Отец архимандрит ожидал приехавшего Халеби у входа в зал на лестнице в здании Миссии. Как только Яков Егорович увидел еще снизу фигуру о. Антонина, он радостно взбежал на лестницу,

¹ *Киприан (Керн), архим.* Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины // Восхождение к Фаворскому свету. М.: Сретенский монастырь. 2007. С. 159—160.

² Официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами.

помахивая кушаном¹ и крича: “Дуб — русский, дуб — русский!” Отец Антонин широко раскрыл ему свои объятия и, радостно обняв его, расцеловал»². Постепенно священные мамврийские территории, ставшие русскими, расширились до величины более 70 тыс. кв. метров. 22 мая 1871 года под сенью дуба была совершена первая Божественная литургия. Невероятно, но это дерево дожило до наших дней, и еще более замечательно, что оно находится на участке, принадлежащем Русской Духовной Миссии.

В 1870 году о. Антонин (Капустин) прибавил к имению России вершину Елеонской (Масличной) горы, место Вознесения Спасителя. Здесь он начал строить храм во имя Вознесения Господня. В 1886 году храм и колокольня были освящены. Сейчас на территории, приобретенной о. Антонином, находится Спасо-Вознесенский женский монастырь, с территории которого открывается незабываемый вид на Иерусалим. На территории монастыря находится место, где стояла Богородица во время Вознесения, а также место обретения главы Иоанна Крестителя — величайшие святыни монастыря. Самым значительным приобретением о. Антонина (Капустина) в Иерусалиме стала территория нынешнего Горненского женского монастыря. Он вмещает и оберегает святыню — место встречи Пресвятой Богородицы с праведной Елизаветой. Сюда, вскоре после Благовещения, Дева Мария пришла из Назарета, чтобы сообщить своей родственнице, праведной Елизавете, матери Иоанна Предтечи, о будущем рождении Спасителя. Всего насчитывалось около 40 приобретений, совершенных архимандритом Антонином. Законно оформлено 13 участков площадью около 425 000 кв. метров, стоимостью около одного миллиона рублей золотом. На купленных участках в период управления Русской Духовной миссией в Палестине о. Антонин построил много школ, училищ, гостиниц для паломников.

Немалую роль в собирании земель и памятников, связанных с Подвигом Христовым, играла художественная одаренность о. Антонина, выросшего в живописных краях, на берегах Исети, и врожденное стремление к науке, убежденность в существовании целостной, физической картины мира. Божиему промыслу и выдающемуся археологическому чутью о. Антонина следует приписать уникальные археологические находки, совершенные лично гениальным русским монахом, который на всех купленных участках начал проводить раскопки. Ему принадлежит обнаружение второй обводной иерусалимской стены, определение направления которой помогло разрешить спорный вопрос о местоположении Голгофы. В стене был открыт порог Судных врат, через которые могла проходить конечная часть Крестного пути. Архимандрит Антонин открыл также руины базилики Константина Великого с пристройками византийской эпохи. Существуют собранные архимандритом Антонином материалы археологических работ, проведенных им на Елеонской горе, в Гефсимании, в Яффе, Иерихоне, Силоаме и других местах Палестины. Кроме археологических работ о. Антонином были проведены огромные научные исследования, такие как составление им систематического научного каталога 1348 греческих и славянских рукописей монастыря св. Великомученицы Екатерины на Синае. Немалая роль принадлежит

¹ Владельческий акт, договор на владение.

² *Киприан (Керн), архим.* Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины // Восхождение к Фаворскому свету. М.: Сретенский монастырь. 2007. С. 167.

о. Антонину в получении Россией Синайского кодекса Библии¹.

Архимандрита Антонина (Капустина) вспоминают как человека общительного, радушного и милосердного, как ученого-археолога, византолога, совершившего много научных открытий, предприимчивого управленца, благодаря которому была налажена русская паломническая служба, а Русская Православная Церковь стала обладательницей многих святынь в Палестине. И в последнюю очередь мы вспоминаем, что этот человек, проводивший активную жизнь в миру, был монахом. Кажется, как соотнобразуются его деятельность и заслуги с монашеским обетом и иноческим служением?

Если обратиться к первым векам монашества, один из основоположников монашеской жизни преподобный Орсисий авва Тавенисиотский (+ 80), преемник преподобного Пахомия Великого, говорил так: «Мы свободны, мы сбросили с вый наших иго мирского рабства; зачем опять хотим иметь нечто свое или заботиться о чем-либо, или страшиться потерять что-либо?.. К чему излишняя одежда или более изысканная пища, или лучшая постель, когда все готовое мы имеем для общего (употребления)? И нет ничего лучше креста Христова, носив который, отцы наши *наздали нас на основании апостол и пророк* и евангельского учения, *сущу краеугольну Самому Иисусу Христу* (Ефес. 2:20). Последуя Ему, мы от смертоносной гордости переходим к животворному смирению, богатство заменяя нищетой, услаждение — простою пищей»². Но, хотя о. Антонин вел скромный, в непрестанном труде образ жизни, он не довольствовался только «животворным смирением».

Знаем мы и слова нашего земляка, Игнатия Брянчанинова, сказанные по меркам истории не так давно: «Монахи суть те христиане, которые оставляют все, по возможности, земные занятия для занятия молитвой, —

*Идет реставрация Преображенского храма
в с. Батурино, апрель 2014 года*

¹ Миссиология. Белгородская Православная Духовная семинария. 2009. С. 16.

² Преподобного Орсисия аввы Тавенисиотского учение об устройении монашеского жительства. Репр. 1858. М.: Русский хронограф, 1994. С. 29.

добродетелью, выше всех добродетелей, чтоб посредством ее соединиться во едино с Богом, как сказал апостол: *Прилепляйся Господеву бывает един дух с Господом* (1 Кор. 6:17. Преподобный Марк Подвижник, Слово 4). А как молитва заимствует свою силу из всех прочих добродетелей и из всего учения Христова, то монахи прилагают особенное тщание к исполнению евангельских заповедей, присовокупляя к исполнению заповедей, обязательному для всех христиан, исполнение двух советов Христовых: совета о нестяжании и совета о безбрачии (Преподобный авва Дорофей, Поучение 1). Монахи житием своим стремятся уподобиться жителю на земле Богочеловека: по этой причине святые иноки именуются *преподобными*¹. *В какой степени эти наставления имеют отношение к архимандриту Антонину (Капустину)?*

Архимандрит Киприан (Керн), ставший начальником Русской Духовной миссии в Иерусалиме с 1928 года, так поясняет особенности личности и монашеского служения о. Антонина: «Широко образованный, а потому и свободный от предвзятых формул и взглядов, он пришел из мира в монастырь без какой бы то ни было нетерпимости или пренебрежения к миру, его слабостям и грехам, а даже наоборот, сохранив родственную любовь к мирскому человеку. В своем отречении от “красных мира сего” он, прежде всего, не видел никакой заслуги своей, в монашестве не искал цели, а лишь путь к вечному, в миряnine находил не недостойного иноческой славы грешника, а прежде всего человека и брата... Радужие и доступность для всякого были всегда отличительными чертами его характера»².

Архимандрит Антонин (Капустин) был монахом не монастырского уединения, он выбрал труднейший подвиг служения в миру, в водовороте человеческого бытия, на поприще любви к России и Русскому миру. Мир — понятие условное. Для отшельника мир — его келья, для затворника мир — все, что за стеной. Для о. Антонина мир — все человеческое общество. Духовное совершенство он искал не во внешнем исполнении традиции, о себе говорил, что он не монах в общепринятом смысле, но примером истинного монаха он мог бы послужить всегда и для многих. Он был монахом-ученым. Как пишет он в одном из своих дневников: «Мир суетный, так прекрасно приспособленный к бытию земному, некогда лучшему и совершеннейшему, не утратил с лица своего печати Божественной, подпавши суете в делах рук человеческих... Да, он суетный! Я понимаю всю глубину и обширность значения слова “суета” и, признавая за миром суетность в смысле переменности, желаю только снять с него укор в той суете, которую человек создает в самом себе, всюду носит с собой, через нее, как сквозь призму, смотрит на бесцветный мир, непричастный делам его и неповинный ни грехам его, ни бедам его. Есть в привычной жалобе иноков на мир нечто логически неясное»³.

С детских лет, с Далматовского Духовного училища, Андрей Капустин свылся с монашеским укладом жизни, видел иноческий мир в различных его проявлениях. После многолюдных и богатых обителей отечественных от-

¹ *Игнатий Брянчанинов, свт.* Аскетические опыты. Т. 1. О монашестве.

² *Киприан (Керн), архим.* Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины // Восхождение к Фаворскому свету. М.: Сретенский монастырь. 2007. С. 220.

³ Там же. С. 178.

крылось ему и бедное и малолюдное иночество балканское, греческое, извне не столь богатое, но внутри духовное, нимало не оскудевшее и сохранившее много такого, что позабылось в благолепном изобилии нашего монашества. Открылась ему, наконец, монашеская жизнь на Святой Горе, этом цветнике иноческом, несмотря ни на что неувядаемом... И всегда и все виденные им монастыри не могли не поражать его взора странным однообразием, по-видимому, почти неизбежным. Каким-то официальным штампом, казенным обликом характеризовались все виденные им монастыри и лавры с их казарменного облика корпусами и коридорами, огромным населением и сильно развитым поклонением форме и букве там, где это вовсе и не было нужно, чем, несомненно, убивалось живое, непосредственное религиозное чувство. Лучше всего эти мысли выражает он сам в своем афонском дневнике под 25 августа 1859 года при посещении Дионисиата (один из монастырей Святой Горы Афон). «От Афона ожидаешь совершенства иноческих установлений. Грустный вид стен, ограждающих ангелоподобное жительство, неизбежен, говорят. Пусть он остается, серое пятно на светлой панораме Святой Горы. Но неизбежны ли пристенные трехэтажные корпуса с коридорами и сотнями скученных келий, духотой, нечистотой, всевозможными стеснительными мирскими формами... Вместо того чтобы строить обитель на камне в несколько саженей поверхностью, не лучше ли было бы распространить ее на целые версты и обратить ее в сад сколько духовный, столько и вещественный»¹.

Беспокойл отца архимандрита и очевидный разлад между монашеством и светским обществом, удручало их взаимное отталкивание, непонимание. Его художественная и поэтическая натура верила, что только в зримой, осязаемой красоте монашеского бытия произойдет долгожданная встреча Церкви и интеллигенции, что Церковь может предоставить духовное убежище для интеллигентных отшельниц, ищущих покоя и жития в Боге. Он был уверен, что в прекрасных монастырях Святой Земли, где не должно быть унылости и казарменной официальности, это единение возможно и должно начаться. При создании и оборудовании Горней отец Антонин это свое стремление подкрепил системой мер: основным принципом было расселить будущих насельниц по всей горе, нарезав каждой ее участок для постройки на нем келий и необходимого при ней сада. Эти участки отдавались насельницам в пожизненное пользование, с правом передачи их в пожизненное же пользование еще одному лицу, после чего домик и вся усадьба переходили в полную собственность Миссии. Индивидуальность приветствовалась, монастырская жизнь, не теряя простоту, обретала жизнерадостные краски.

Эта особенность монашеского служения о. Антонина выражала и подтверждала одну из определяющих функций Миссии — Миссия в антропологическом аспекте, как соработничество Богу. Исходя из богочеловеческого феномена Свидетельства, Миссию можно рассматривать с двух сторон: со стороны Божества (кеносис) и со стороны человека (синергия). Ради спасения человека Богочеловек, приняв образ раба, унизил себя, пошел на крестную смерть. Это было сделано во имя того, чтобы вновь встретиться с человеком, но так, чтобы человек оставался свободным, мог даже вообще отвергнуть

¹ Киприан (Керн), архим. Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины // Восхождение к Фаворскому свету. М.: Сретенский монастырь. 2007. С. 178–180.

*Архимандрит Антонин
(Капустин) с паломниками*

глас Божественной любви. Человек по собственному желанию должен участвовать в собственном спасении. Как Творец человека Он желает видеть его Своим сотворцом. Постоянная направленность друг к другу Божественного и человеческого факторов ведет народ Божий к цели, к обожению.

Отец Антонин остро чувствовал приближение атеистических времен. Поскольку атеизм наступал с позиций антропологии (дарвинизм, материалистически истолкованный позитивизм), то и новая богословская аргументация в защиту идеи Бога должна начинаться с религиозной антропологии. Религиозно-философская антропология видит в человеке прежде всего существо нравственное, в рамках традиции, четко выраженной еще Кантом.

Антропологическая проблематика в конце XIX — начале XX века приобрела значение необходимого и важного элемента теоретических построений русских православных богословов. Своими средствами о. Антонин предвосхищал и подтверждал идею Виктора Несмелова, которому удалось систематизировать проблемы христианской антропологии в рамках православного богословия в двух томах докторской диссертации: «Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни» и «Метафизика жизни и христианское откровение», вышедших в Казани в начале XX века. В «Науке о человеке» В. Несмелов исследовал историческое изменение предмета философии и пришел к выводу о том, что человека интересует не мир в его данности, но собственное положение человека в этом мире, знание о самом себе. Поэтому философия должна стать «специальной наукой о человеке — не как о зоологическом экземпляре, а как о носителе разумных основ и выразителе идеальных целей жизни»¹.

К идеальным целям, к духовной и материальной красоте бытия стремился и о. Антонин в рамках трех извечных вопросов: «Что есть человек? Как он должен жить? На что человек смеет надеяться?». Искал пути ре-

¹ Несмелов В. Наука о человеке. Казань, 1905. Т. I. С. 105.

шения этих вопросов методами богословия и В. Несмелов, считая, что мы приходим к познанию своих отношений к безусловному бытию Бога, а философия становится христианско-антропологической. Для этого Несмелов разработал новую теодицею, антропологическое доказательство бытия Бога. Все предшествующие варианты доказательства, по его мнению, были недостаточными, поскольку связаны с поисками Бога в объективном мире, а не в мире духовно-человеческом. «Мир не подобен Богу и ничего божественного в себе не заключает, а потому он гораздо скорее может закрывать собою Бога, нежели открывать Его. Но в чувственных пределах материального мира существует еще и другой мир — духовный мир самого человека, и если вещественный мир обнаруживает одну только слепую необходимость своих механических явлений, то в сверхчувственном мире человеческой личности прямо и положительно открывается разумное царство свободы и мысли. По законам этого духовного царства возникает у человека идея Бога, и в этом царстве она, несомненно, имеет реальную силу, потому что вызывает собою живую совокупность религиозно-нравственных стремлений человека»¹.

Именно это живое религиозно-нравственное стремление было присуще о. Антонину Капустину. За несколько десятилетий до появления трудов Несмелова о. Антонин ему доступными средствами возвещает идею науки о человеке, через красоту бытия доказывает бытие Божие. Личное отношение к суетному миру выражает своим служением ему во имя преображения его в божественной красоте. Он буквально понимал и заложил целью своего миссионерского служения формулу Святых Отцов «Бог стал Человеком, чтобы человек стал Богом». Это осуществление невозможно без Церкви и возможно только в ней. То, что с Богочеловеческой стороны мы называем собиранием Церкви, то со стороны человеческой — называется распространением Церкви. Церковь — та данность, посредством которой создается высшая человеческая общность, идеал. Для выражения идеала более всего подходит образ. Созданные на Святой Земле русские обители, в которых поныне *не умолкает славянская служба*, это тот образ, который создал поэт, художник, архитектор, археолог, астроном, монах, сибиряк Антонин Капустин. Как говорил русский мыслитель Николай Федоров, ширь русской земли рождала характеры географического и космического подвига. Таковым можно назвать о. Антонина — основоположника Русской Палестины. По сути, он выразил и воплотил идею Русского мира, подтвердил слова И. Солоневича: «Русская национальная идея всегда перерастала племенные рамки и становилась сверхнациональной идеей, как русская государственность всегда была сверхнациональной государственностью»².

Но как же часто космические стремления о. Антонина к гармонии и красоте бытия пресекались «системой». Вот как говорит об этом игумен Варнава (Аверьянов), наместник Далматовского мужского монастыря Шадринской епархии. «Подлинное, а не показное благочестие и, следовательно, борьба с современными ему формами фарисейства или “системой”, как называл это явление о. Антонин, не могли, конечно, ему пройти даром. Доносы, интриги, “скорби от лжебратии” не обошли стороной уже умудренного жизнью

¹ Несмелов В. Наука о человеке. Казань, 1905. Т. I. С. 349; Константин (Горянов), архиеп. И познаете Истину... СПб.: Родная Ладога. 2011. С. 1–14.

² Солоневич И. Д. Народная монархия. М., 1991. С. 16.

Второклассная школа при Далматовском монастыре (старинная фотография)

архимандрита. Закон духовной жизни, изреченный устами апостола Павла: “Все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаться” (2 Тим. 12—1) остается непреложным. Известны случаи с публикациями, порочащими доброе имя о. Антонина: в 1859 году в “Колоколе” А. И. Герцена и в 1881 году в Петербурге в романе-памфлете “Пейс-паша и его консорты. Мозаики, камеи и миниатюры из любопытных раскопок в трущобах Святой Земли” за подписью некоего Ю. Добрынина»¹.

В основу своей деятельности о. Антонин положил евангельские заповеди и принципы. Невероятным кажется его материальный вклад в Отечество, усилия по расширению земли Русской, трудно перечислить все прибавления, осуществленные за жизнь о. Антонином. Но как бы ни были велики свершения, произведенные им с Божией помощью, его личность не следует оценивать в категориях святости. Для понимания глубины его подвига лучше проникнуться светом, который освящал труды архимандрита Антонина. «Ведь “Русская Палестина” — это не просто совокупность зданий и земельных участков, даже не совокупность христианских святынь в Святой Земле, оказавшихся на попечении Русской Православной Церкви. Это материализованный итог усвоения, оплодотворения евангельских заповедей в душах русских людей, призванных Богом и стремившихся самим потрудиться в вертограде Господнем. Это тот замысел Божий, который пытается разгадать и осуще-

¹ Варнава (Аверьянов), игумен. Чему можно поучиться у архимандрита Антонина и как его достойно почитать. Доклад // От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина). Материалы Всероссийской научной конференции (Далматово, 12—1 мая 2016 г.). Далматово, 2016. С. 4.

ствить русский человек. Не случайно, что у о. Антонина было чувство этого Божественного призвания, Божественного замысла... Поэтому нам кажется, что для о. Антонина лучшим выражением его почитания было бы усвоение нами его духа. Если же мы будем единомышленны с ним, значит, его труды не остались лишь достоянием истории, но принесли “плод мног”, за который и ожидает его награда не суетная человеческая, а вечная Божественная»¹.

О том, что такое «суетная человеческая награда», мы можем судить по недавним событиям нашего времени. В XX веке Россия очутилась в руках власти, не приемлющей идею Русского мира, но поддерживающей идею Мировой революции. И Русская Палестина, оказавшаяся на разных территориях — Израйля и Палестинской автономии, ей стала в обузу. В 1964 году, в результате «Апельсиновой сделки» большая часть недвижимости в Палестине атеистом Хрущевым за 4,5 млн долл. была продана Израйлю. Следует вспомнить, что к началу XX века земли Русской Духовной Миссии в Иерусалиме занимали такую огромную территорию, которая составила бы одну треть территории современного Израйля. Но многое из наследства о. Антонина (Капустина) все-таки сохранилось. Сегодня ведется работа по приведению в порядок прав собственности на не проданные в рамках хрущевской сделки объекты. Так что и в настоящее время, в результате возвращения части земель и строений, Россия занимает третье место после Ватикана и Греции по объему собственности на Святой Земле.

Символично, что в начале XX века, накануне крушения Российской империи стал медленно засыхать Мамврийский дуб. Последний зеленый листок видели на дубе в 1996 году. По преданию, смерть этого дерева предвещает конец света. Но есть свидетельство, что мир вновь помилован, это свидетельство — молодой побег, который в 1998 году проклюнулся у корней засохшего дерева и ныне разрастается в виде трех отдельных стволов, символизирующих Троицу. Возрождается и слава великого русского монаха. Когда-то о. Киприан (Керн) в предисловии к своей книге об о. Антонине (Капустине) писал, сожалея: «Если бы отец Антонин не был русским, ему на родине, наверное, уже поставили бы памятник, чттили бы годовщины его рождения и смерти, написали бы о нем по крайней мере одну, быть может, сухую, но солидную и исчерпывающую монографию».

Слава Богу, Россия воспрянула и стала вспоминать и себя, и своих выдающихся сынов. Вспоминает и о. Антонина (Капустина). В 1994 году в Свято-Даниловом монастыре состоялась большая научная конференция, посвященная 100-летию со дня его смерти. В 1997 году Патриарх Алексий II посетил Иерусалим для участия в праздновании 150-летия Русской Духовной Миссии, в это время он освятил памятник архимандриту Антонину на аллее Памяти в основанном им Горенском монастыре. 200-летие со дня рождения выдающегося ученого, собирателя христианских земель, родоначальника Русской Палестины, которое Русская Православная Церковь и российский народ будут отмечать в августе 2017 года, станет еще одним свидетельством того, что Евангельское семя дает сторичный плод, что не утихает в веках славянская служба.

¹ *Варнава (Аверьянов), игумен.* Чему можно поучиться у архимандрита Антонина и как его достойно почитать. Доклад // От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина). Материалы Всероссийской научной конференции (Далматово, 12–1 мая 2016 г.). Далматово, 2016. С. 4–5.

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

*Жизнеописание блаженного
инока Владимира,
Важеозерского чудотворца*

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея
Руси Кирилла*

*Составлено по воспоминаниям
современников и их потомков.*

Составитель А. Е. Селезнев

*Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 3, 4 за 2016 г., №№ 1, 2 за 2017 г.

Но самым большим даром инока Владимира, бросающимся всем в глаза при первой же с ним встрече, было его любвеобильное сердце, именно оно было источником притяжения многих. В эпоху истощения любви в ней особенно нуждались, и потому как мотыльки на огонь слетались к иноку все, жаждущие этого тепла. Часто приходилось ему раздувать тлеющие угольки любви в больших семьях, как правило, неблагополучных. Для этого иноку ничего не нужно было делать, достаточно было только появиться и посидеть за общим столом.

Прихожане храма свт. Иоасафа Белгородского любили инока, и день его именин всегда праздновался очень торжественно. В один из таких дней, уже после закрытия Важеозерского монастыря, инок был в Тосно. Парголовские после литургии, которая прошла «при многочисленном стечении богомольцев, с хором певчих», отслужили еще молебен, и сторож «ради праздничка» даже в колокол позвонил, но инока в тот день в Парголово не было. Ну, а какие же торжества без именинника? Собрались и поехали к нему с поздравлением.

— Приезжаем мы, — рассказывал отец Борис, — а инок Владимир нас встречает радостной улыбкой, празднично одетый, но босой. Обнимает нас, приговаривая:

— Ради такого дурака, грешного Владимира, торжество-то какое, торжество! И молебен! Да еще с трезвонном! А инок Владимир босой ходит. Все у него есть, а вот носков-то и нет...

Вдруг староста падает перед ним на колени:

— Прости меня, отец Владимир, Бога ради, прости. Ведь это я забыл тебе носки. Жена мне твердила все утро «носки не забудь», а я забыл.

— Аминь, — ответил инок и пошел надевать сапоги.

Его «аминь» словно печать запечатывала сердечное раскаяние человека часто под тяжестью обличений инока. Иногда из опасения, что чадо его, совершая добрый поступок, возгордится или усладится им, в слова благодарности не забывал блаженный подсыпать «перчику». Разбирая посылку, приговаривал:

— Спаси тебя, Господи, как все хорошо...

И вдруг тоном, полным разочарования, называл какую-нибудь грошовую по цене, сущую безделицу по сравнению с содержимым подарков:

— Что же вы перчику-то, перчику забыли? А я-то надеялся, ждал...

Можно себе представить досаду того, кто забыл купить этого «перчику». Уж не до гордости или самоуслаждения было тут.

Так было и в случае с забывчивым старостой. Надо добавить, что никто не мог сообщить иноку о торжествах, какие были в тот день в Парголово, т. к. Тосно от Парголово находится в противоположной стороне, верстах в 80-ти, и приехавшие были первыми его гостями.

...Писатели, поэты, историки часто сравнивают человеческую жизнь с дорогой, по которой движется герой из прошлого в будущее, от детства к старости. А раз дорога, значит поступательное движение только вперед. Но еще русский философ Н. Я. Данилевский сравнил историю с полем, которое человек должен исходить все, перемещаясь, на первый взгляд, без видимой цели. В действительности же пунктир наших троп проложен Промыслом Божиим «случайными» встречами друг с другом. К жизни инока Владимира очень подходит именно этот образ поля-времени, только исходил он его не хаотично, а как верный послушник Матери Божией. Маршруты и время переездов блаженного инока восстановить уже невозможно, да и не так это важно. Значительно важнее свидетельства очевидцев о том, что всюду, где ступала его нога, он оставлял частицы тепла, той благодати, которую вручил ему Господь для сеяния по земле, для укрепления ослабевающих в вере.

— Бывало, попросит поставить самовар, — вспоминала матушка отца Бориса Николаевского, — но вдруг собирается и уходит, невзирая ни на какую погоду, не обращая внимания на уговоры хозяев остаться. «Мне Матерь Божия велит идти, — отвечал он, — я должен идти, я у Нее в послушании».

Весной или осенью, летом или зимой, в любую погоду он шел к тем, кто в ту минуту больше других в нем нуждался.

*Все люди разъединены,
И все сообщества распались.
Дома в сугробах потерялись
Невиданной величины.*

*А снег летит горизонтально,
Порою кажется, что вверх.
Сквозь этот белый фейерверк
Лишь пеший движется случайный.*

*Он неуклюж, как водолаз,
Но он идет от дома к дому,*

*Несет свое тепло другому,
Кому-то, может быть, из вас.*

*Метель имеет глубину,
На дне ее бело и пусто.
Тепла пульсирующий сгусток
Куда-то движется по дну.*

* * *

«Скорби, — говорил инок своим чадам, — должны быть в нашей жизни обязательно. Их не избежать. Но ничего, не бойтесь, Господь победил мир. Если будем с Ним, то бояться нам нечего. Немножко здесь с Ним поскорбим, зато и там с Ним радоваться будем».

Самой большой скорбью всех почитателей инока была его кончина в 1927 году. Умер он в Ленинграде 8 февраля (н. ст.), и впервые был похоронен в районе Щемиловки на Спасо-Преображенском кладбище. «Впервые», — потому что предупреждал своих чад, что похоронен будет несколько раз и, в конце концов, упокоится в монастыре, откуда начинался его монашеский путь. Даже указал место последней могилы: «между трех берез».

Перед своим усанием блаженный инок говорил, что скоро предстоит ему дорога в вечные обители. В ответ на естественную реакцию чад: «А как же мы?» — наставлял: «Будете приходить ко мне на могилку». И действительно, с переходом инока в иной мир связь с ним не прервалась, а в чем-то даже упростилась. Не нужно было ждать, когда он приедет или ехать к нему в монастырь за сотни верст, достаточно просто прийти на могилку и попросить его молитв. Так и поступали. Ходили, просили, получали и хранили благодарную память о блаженном иноке, рассказывали о его помощи своим детям, учили их обращаться к нему. А чтобы в круговерти наших дней ничего из воспоминаний не потерялось, стали записывать эпизоды из жизни блаженного инока и посмертные случаи его благодатной помощи.

Одним из собирателей этих историй был Владимир Владимирович Орловский, внук Марии Андреевны Николаевой. Конечно, никакое другое имя, кроме как Владимир, получить он при крещении не мог: родился в семье, возникшей по благословению инока Владимира, и в день памяти святого благоверного князя Владимира. Даже само появление его на свет было предсказано иноком десятью годами ранее. Тогда Орловские ожидали третьего ребенка. Первые две были девочки, и родители, естественно, хотели мальчика.

— Сейчас у вас опять будет девочка, — говорил им инок, — а через десять лет родится мальчик.

Обрекая Орловских на столь долгое ожидание сына, инок Владимир призывал их к терпению, которое им потребуется вскоре после его рождения:

— Потом начнется война, — пояснил он обескураженным родителям.

Они и представить себе не могли, что за война их ждет. Пророчества инока не были развернутой картиной будущего, но то, как он предсказывал голод или прямо говорил о бомбежках, помнили многие. О грядущей войне от инока слышали тосненцы Мария и Петр Кондаковы. Предупредив их, он обещал, что из их семьи никто не пострадает, и обещание сбылось. Внучка

Марии Андреевны, Ольга Тарасова, вспоминала слова своей мамы, как та слышала инока, предсказавшего их родному Парголово безопасную судьбу во время войны: «То недолет, то перелет. А сюда не попадет». Эти слова Ольга помнила всю войну, и крепла ее вера с каждым недолетом и перелетом фашистских снарядов. За всю войну на Парголово так и не упало ни одной бомбы.

Ольга Тарасова приводила еще один эпизод периода Великой Отечественной войны, связанный с блаженным иноком. Тогда у Николаевых была корова. В Парголово, где они жили, пасти корову было негде, и было решено перебираться в Левашово. Там замужем за Василием Тарасовым жила с семьей дочь Марии Андреевны Ольга. До начала известных боев под Белоостровом наши войска частично были расквартированы в Левашово. В доме у Тарасовых стояли тоже. Хозяева старались скрасить солдатам время короткой мирной жизни, и сердца воинов в ответ раскрывались рассказами о своих семьях. Конечно, перезнакомились, потом кое-кто из них даже писал Марии Андреевне. Из разговоров с постояльцами выяснилось, что среди них были верующие, и тогда Мария Андреевна стала им рассказывать об иноке Владимире. Говорила, наверное, о благодатной силе и молитвенной помощи инока, о его пророческом даре, возможно, вспоминала его слова о шедшей войне, о судьбе Парголово, вспоминала слова блаженного инока и о будущем его собственных останков. Вспоминала, как кто-то при нем рассказывал о каком-то чуде, на что он вдруг сказал: «Это не чудо. А вот будет чудо, когда с моей могилы люди услышат колокольный звон. Тогда со всех сторон к моей могиле народ грянет». Что ж, если есть будущее, значит, впереди победа! И это знание перед боем удесyatеряло силы, добавляло мужества бойцам. Верующим Мария Андреевна дала песочек с могилы блаженного инока, и с ним они отправились на боевые позиции.

Ночью началось сражение. Левашовские, можно сказать, видели его. От залпов артиллерийского огня на улице было светло как днем, грохот стоял такой, что казалось, будто пушки находятся прямо под окнами. Очень многие наши солдаты из боя не вернулись. Почти вся рота, стоявшая накануне в Левашово, погибла под Белоостровом. Об этом Мария Андреевна узнала из письма, позднее полученного от постояльцев. Они писали, что в живых остались только те, у кого был с собой песочек с могилы инока.

После войны могилу инока посещали не только те, кто знал его раньше, но и новые благодарные почитатели, получившие по его молитвам помощь в житейских нуждах.

Кашкин Павел Иванович, профессор Медицинского и Фармацевтического институтов, вернувшись из эвакуации в родной город, не мог прописаться в собственной квартире. Естественно, переживал, не знал, что делать. Помогла ему знакомая, дала добрый совет сходить на кладбище к иноку Владимиру. Сходил, помолился, и на следующий день начальник, который прежде в прописке категорически отказывал, неожиданно дал на нее разрешение.

Тогда же, в 1945 году, останки блаженного инока были перезахоронены. Говорили, что Преображенское кладбище будет закрыто, а может быть, только часть его предполагалось занять под строительство, во всяком случае, возникла нужда мощи блаженного инока оттуда забрать. После смерти отца Владимира его почитатели по-прежнему жили одной большой семьей,

главой которой оставался блаженный инок, и если кто-то в официальных органах назывался его родственником, лукавства в этом не было. Одной из «родственниц» покойного (право на перезахоронение давали только родственникам, но степень родства не проверялась) назвалась женщина, давшая совет Павлу Ивановичу сходить со своей проблемой к блаженному инок. Звали ее Екатерина Николаевна Розанова. В октябре 1945 года, вместе с другими почитателями инока Владимира, приехала она на кладбище и была свидетелем извлечения гроба из могилы. День выдался холодный, ветреный, и многие замерзли, наблюдая за работой могильщиков. Большинство не дотерпели до конца, побежали греться, и у открытой могилы кроме могильщиков остались только четверо: Мария Андреевна Николаева с дочерью Ольгой и сыном Борисом и Екатерина Николаевна Розанова. Они то и были свидетелями того, как крышка гроба, с трудом извлеченного, сдвинулась и открыла им нетленные мощи инока. Сохранились даже ряса и покрывало. Естественно, в документах того времени этот факт не мог быть отражен даже косвенно. Все присутствующие это понимали, и «товарищу Розановой», как врачу, было предложено подписать акт о «перезахоронении Алексеева В. А.». Так инок Владимир обрел новое место упокоения на Богословском кладбище.

Годом раньше Екатерина Николаевна сыграла важную роль в судьбе еще одного человека и тоже в связи с инок.

Царский ПУТЬ

Елена ШАЛЯПИНА

ЦАРЬ ПРАВОСЛАВНЫЙ

Елена Леонидовна Шляпина — родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работала библиографом в Центральной военно-морской библиотеке в течение 25 лет. Автор двух поэтических книг: «Сад одиночества» и «Второе дыхание». Публиковалась в ряде поэтических сборников. Член СП России. В настоящее время работает свечницей в Крестовоздвиженском соборе на Лиговском проспекте. **Живет в Санкт-Петербурге.**

О сыне верный Святая Церкве! Ты ревнитель прославления святых явился еси, храмов создатель, святых обителей благоукраситель, Святая Земли и Горы Афонския благотворитель, просвещения православного попецитель и монашества покровитель.

Песнь 6-я «Канона Святым Царственным страстотерпцам Царю Николаю, Царице Александре, Царевичу Алексию, Царевнам Ольге, Татиане, Марии и Анастасии»

Боговенчанный Царь вступает в священо таинственный союз со своим народом при помазании от Духа Святого. Так Царь и народ как бы сливаются в один могучий духовно-нравственный союз, подобный идеальной христианской семье, не мыслящей разделения, не допускающей недоверия, не допускающей иных отношений, кроме взаимной любви, преданности, самоотвержения и заботливости.

Свщмч. Иоанн Восторгов

14 мая (27 мая н.ст.) 1896 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание на царство Государя Императора Николая II. В приветствии митрополита московского Сергия, встречавшего Государя, прозвучало: «...как нет выше, так нет и труднее на земле Царской власти, нет бремени тяжелее Царского служения». С этого дня начался крестный путь Русского Царя Николая, закончившийся Екатеринбургской Голгофой. Знамением великих скорбей предстоящего царствования явилась печально известная Ходынская катастрофа. И это через несколько дней после коронации! В этом бедствии были виноваты, главным образом, сами люди. Императрица Мария Феодоровна так писала Великому князю Георгию Александровичу: «Я была в отчаянии при виде в госпитале всех этих бедных раненых, наполовину раздавленных... Это было ужасно! Но в то же время они были так велики

Император Николай II Александрович

и возвышенны в своей простоте, что очень хотелось встать перед ними на колени... «Мы сами виноваты», — говорили они и сожалели, что огорчили Царя! Да, они были прекрасны, и можно более чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу. Остальным классам следовало бы брать с них пример...»¹. После катастрофы на Ходынском поле Государь Император Николай II и Государыня Императрица Александра Фёдоровна молились на панихиде по погибшим, в следующие дни посещали пострадавших, находившихся в Екатерининской и Мариинской больницах. Были выданы немалые денежные пособия семьям погибших или изувеченных, похороны совершались за государственный счет в отдельных гробах, а не в братской могиле, как это было принято в подобных случаях. Сострадательное отно-

шение Царя Николая II к бедам простых людей, своих подданных, было присуще ему на всем протяжении его почти 23-летнего царствования. «Основной, плохо скрываемой чертой характера Государя Николая Александровича была любовь к простым людям, основанная, главным образом, на жалости, а жалость — ведь это испытываемая боль от страданий других. ...особенно теплое чувство к простому русскому народу мне приходилось неоднократно наблюдать во время многочисленных разговоров Государя с крестьянами» (С. Я. Офросимова «Царская семья»)². Истинное христианское милосердие было неотъемлемым душевным свойством Царя-мученика. В этом ведь тоже заключалось его мученичество, он «плакал с плачущими». Таких свидетельств множество.

Безвременная кончина Императора Александра III застала Наследника Цесаревича Николая не вполне подготовленным к управлению государством. Только «...незыблемая вера в премудрость Небесного Промысла» и верность заветам усопшего Царя-миротворца, как говорилось в манифесте молодого Императора, помогли ему стать достойным преемником Прародительского Престола. Государь Император Николай II

¹ Кудрина Ю. В. Императрица Мария Фёдоровна и Император Николай II: Мать и сын. М.: Вече, 2013. С. 88.

² Цит. по: Православный календарь «Царский». М.: Ковчег, 2010. С. 160.

принял и донес до конца тяжелейший крест управления Российским государством на разломе эпох.

Русская Православная Церковь всегда была предметом его особых забот и по долгу царского служения, и по глубокой любви к Богу, которой он был наделен свыше. По свидетельству хорошо знавших его людей, Государь всегда начинал день с молитвы.

Из воспоминаний епископа Феофана Полтавского: *«Каждый будний день Государь всегда начинал с молитвы в храме. Точно в восемь часов утра он входил в дворцовый храм. К этому моменту уже были прочитаны часы и служащим священником совершена проскомидия. Со входом Царя священник делал возглас: “Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков!” А точно в девять часов литургия кончалась... В алтаре висели стенные часы, и служащий следил, чтобы уложиться во времени. Государь всегда молился очень усердно. ...Точно в девять часов — последний раз “аминь”. Государь, приложившись ко Кресту, шел в свой кабинет, где и начинался его трудовой день»¹.*

Государь Император Николай II ревностно и деятельно послужил благу Русской Церкви. За 20 лет правления, с 1896 по 1916 год, было канонизировано семь русских святых, больше, чем за четыре предыдущих царствования. Так, в 1805 году, в царствование Императора Александра I, был прославлен святитель Иннокентий епископ Иркутский. При Императоре Николае I в 1832 году были торжественно открыты мощи святителя Митрофана, первого епископа Воронежского, в 1826 году по высочайшему повелению открыты мощи мучеников Литовских Антония, Иоанна и Евстафия, принявших мученический венец в 1347 году. Их мощи находились в виленском в честь Сошествия Святого Духа на апостолов монастыре. (25 сентября 1914 года Император Николай II, направляясь на фронт, сделал остановку в Вильно, где посетил этот монастырь, приложился к мощам мучеников Антония, Иоанна и Евстафия и принял от архиепископа Литовского Тихона (Белавина) в дар их икону.) В царствование Александра II состоялось в 1861 году открытие мощей святителя Тихона епископа Задонского и в 1866 году установлено празднование святым угодникам Волынским, в воспоминание чудесного спасения Императора Александра II от покушения на него в Париже. В год коронации Императора Александра III к обер-прокурору К. П. Победоносцеву поступали ходатайства с предложением о канонизации старца Серафима Саровского. Эти ходатайства были отклонены Святейшим Синодом. Преподобный Серафим был прославлен Церковью при Императоре Николае II. Начало же черед канонизаций было положено в 1896 году.

Первым святым, прославленным в царствование Царя-мученика Николая II, был святитель Феодосий (Углицкий) архиепископ Черниговский. Это событие произошло вскоре после коронационных торжеств. Определение Святейшего Синода гласило: «Во блаженной памяти почившего Феодосия, архиепископа Черниговского, причислить к лику святых, благодатию Божиею прославленных, и нетленное тело его признать святыми мощами. Память святителя праздновать 5 февраля и в день открытия мощей, а для торжества открытия мощей святителя, во исполнение Высочайшей воли Го-

¹ Николай II — последний Православный Император // Сб. ист. материалов и воспоминаний. Париж—Москва, 2015. С. 218—219.

сударя Императора Николая II, назначить 9 день сентября текущего 1896 года». Канонизация была приурочена к 200-летию кончины святителя Феодосия, почившего 5 (15) февраля 1696 года и погребенного в Черниговском Борисоглебском соборе. Торжество прославления совершил митрополит Киевский и Галицкий Иоанникий (Руднев) в сослужении шести епископов. При жизни Владыка Феодосий много потрудился в борьбе с влиянием католиков и униатов на юге России, восстановил и благоустроил Елецкий Успенский мужской монастырь, разоренный иезуитами. Незадолго до своей кончины святитель Феодосий назначил своим преемником наместника Брянского Свенского монастыря иеромонаха Иоанна Максимовича, впоследствии митрополита Tobольского и Сибирского, которого хорошо знал и ценил. Именно Владыка Иоанн положил начало почитанию усопшего святителя Феодосия. Известен случай исцеления архиепископа Иоанна от тяжелой болезни после молитвы у гроба Владыки Феодосия. Митрополит Tobольский и Сибирский Иоанн был канонизирован в 1916 году, последним при Императоре Николае II.

В 1897 году был прославлен, как местночтимый святой, священномученик Исидор Юрьевский и с ним 72 мученика. Священномученик Исидор был приходским священником в Юрьеве ливонском. В 1472 году в праздник Крещения Господня он с прихожанами отправился Крестным ходом на реку Омовжу для совершения чина Великого водосвятия. Все участники крестного хода во главе с пресвитером Исидором были взяты под стражу по указанию местного католического епископа. 8 (21) января все они были утоплены в реке. Это была месть за проповедь Православия среди эстонского населения. В 1903–1907 годах в Санкт-Петербурге был построен и освящен храм во имя священномученика Исидора Юрьевского.

Торжества в Саровской пустыни по случаю прославления в лике святых старца Серафима пришлись на 1903 год. Святейший Синод по каким-то причинам долго не соглашался на эту канонизацию. Так, при восшествии на престол Императора Александра III были отклонены поступившие по этому вопросу ходатайства. В 1882 году было начато, наконец, особой комиссией расследование о чудесах, явленных по молитвам старца Серафима. Окончено оно было в августе 1894 года и в 1895 году было представлено в Святейший Синод. Но дело не сдвинулось. Только после личного вмешательства Государя Николая Александровича было принято решение о прославлении Серафима Саровского, и то не сразу. Князь Владимир Волконский писал об этом так: *«Вокруг этого события было тогда (1903 год) очень много шума, и литературного, и словесного. Шум был недоброжелательный: говорили об административном влиянии на епархиальный мир, почти что о приказе признать старца Серафима святым; уже потихоньку шептались о посторонних “темных” влияниях в дворцовых кругах, — тогда еще не смели клеветать прямо на Царскую Семью; словом шумели как умели и сколько могли. И несмотря на весь этот шум недоброжелательства, на старания доказать “искусственность” святости Серафима, народ упорно двигался в сторону монастыря; за месяц, за два уже были видны и отдельные богомольцы, и целые группы; шли решительно со всей России, шли отовсюду и шло множество; в день прославления в Сарове было около трехсот тысяч, и после этого шли и шли непрерывно; и я глубоко уверен, что ни у кого из шедших на поклонение к старцу Сера-*

фиму сомнения не рождались в душе, и любовь к нему не уменьшалась»¹. Во второй части своей «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» митрополит Серафим (Чичагов) подробно описывал события перед открытием мощей, сопротивление членов Синода указанию Государя. Рукопись эта исчезла при аресте Владыки органами НКВД в 1937 году.

Наконец, в «Церковных ведомостях» от 27 июля 1902 года появилось сообщение: *«Веру народную в святость старца Серафима и его предстательство пред Богом за притекающих к нему с молитвою разделяет и Венценосный Вождь русского народа Благодетельнейший Государь Император Николай Александрович. Ныне, в день рождения старца Серафима 19-го июля, Его Величеству благоугодно было воспамянуть и молитвенные подвиги почившего и всенародное к памяти его усердие и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Святейшем Синоде дело о прославлении благоговейного Старца. Святейший Синод признал ныне благовременным приступить к потребным для сего распоряжениям, каковые употреблялись прежде сего в подобных случаях»*².

В январе 1903 года было произведено освидетельствование честных останков отца Серафима, составлен подробный акт и представлен на Монаршее усмотрение. На всеподданнейшем докладе Святейшего Синода Государь Император начертал: «Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления». Проведение торжеств было приурочено ко дню рождения преподобного, 19 июля 1903 года.

По Высочайшему повелению подготовительные работы были возложены на архимандрита Серафима (Чичагова) и прокурора московской синодальной канторы князя Ширинского-Шихматова. Рака для мощей преподобного Серафима и бронзовая сень над нею были изготовлены на средства Их Императорских Величеств. Также Их Величества пожертвовали золотую с драгоценными камнями лампаду к раке преподобного с надписью: «Ты Сам, Господи, избрал его и нашел сердце его верным пред Тобою. Дар Их Величеств Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Феодоровны 19-го июля 1903 г.». Другая драгоценная лампада — дар Августейших Детей с надписью: «Свет Христов просвещает всех. Дар Их Императорских Высочеств Великих Княжон Ольги, Татианы, Марии и Анастасии. 19-го июля 1903 г.».

Саровские события ясно показали отношение Государя и Государыни к народной святыне, к вере простых людей, к своему народу. *«Очевидцы никогда не забудут, как Венценосный Вождь России разделял со своим народом молитвенный подвиг и священную радость прославления ново-явленного Заступника пред Престолом Божиим за всю Державу Российскую»*³. По прибытии в монастырь — торжественная встреча духовенства, вечером — всенощное бдение, утром — литургия. Здесь *«Стоит упомянуть, в назидание православным, что наш батюшка Царь накануне проехал 62 версты проселочной дорогой, стоял всенощную, исповедался уже в 11-м часу ночи, а к святому Причащению все же изволил встать к*

¹ Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях: К 100-летию прославления преп. Серафима Саровского в лике святых. Дивеево, 2003. С. 30.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 97.

*Крестный ход с мощами преп. Серафима
Саровского чудотворца. 19-го июля 1903 года.
Литография (фрагмент) Серафимо-
Дивеевского монастыря, 1903 год*

их плечах Государь и Великие князья. В первый раз прозвучало величание: «Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме...». После чтения Евангелия Государь первым делает земной поклон и с благоговением прикладывается к честным мощам. Так встретились и зримо соприкоснулись двое великих русских святых: преподобный Серафим (убогий Серафим, как он себя называл) и Царь-мученик Николай.

Думается, это событие — прославление преподобного Серафима — осталось в сердцах Государя и Государыни навсегда и явилось, может быть, одной из причин их неколебимой любви к своему народу, любви до смерти. Возможно, именно в Сарове сердца Царственных Мучеников обрели то дерзновение к Богу, без которого невозможен крестный подвиг. Мы не знаем, что было в письме преподобного к Царю-мученику (полученное им в Дивееве), знаем только, что Царь много плакал по прочтении этого письма. Знаем, что Господь даровал Царской Чете Наследника через год после саровских торжеств. Знаем, что в Феодоровском Государевом соборе в Царском Селе был сооружен нижний пещерный храм во имя преподобного Серафима Саровского, где все напоминало о святом старце.

ранней литургии, которая начинается в 5 часов утра. И с ним разделила сей подвиг его Боговенчанная Супруга»¹.

18-го июля Их Величества осматривали монастырские храмы, постройки, территорию монастыря, «все, что только можно было осмотреть... Но куда Царь с Царицами — туда и народ со своими котомками за спиной...»². Государь ходил без особой охраны, к нему нередко подходили группы крестьян, завязывались беседы, большинство впервые имело возможность видеть его так близко.

В 6 часов вечера началось торжественное всеобщее бдение. Святые мощи преподобного Серафима из Зосимо-Савватиевской церкви в Успенский собор внесли на сво-

¹ Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях: К 100-летию прославления преп. Серафима Саровского в лике святых. Дивеево, 2003. С. 120.

² Там же. С. 121.

4 сентября 1911 года состоялось открытие мощей святителя Иоасафа Белгородского. На всеподданнейшем докладе обер-прокурора Святейшего Синода о сем прославлении Государь начертал: «Благодатным предстательством Святителя Иоасафа да укрепляется в Державе Российской преданность праотеческому Православию ко благу всего народа Русского. Приемлю предложение Святейшего Синода с искренним умилением и полным сочувствием». Торжества в Белгороде проходили в присутствии Великой княгини Елизаветы Феодоровны и Великого князя Константина Константиновича. Стеклось до 200 тысяч паломников. Приезд Царя в Белгород 4 сентября не состоялся по независящим от него причинам. Император Николай II с семьей посетил Белгород в декабре 1911 года, возвращаясь из Ливадии в Петербург. Все члены Царской Семьи приложились к мощам святителя Иоасафа, коленопреклоненно помолились во время молебна. Как писал в *«Курских епархиальных ведомостях»* епископ Рыльский Никодим: *«Этим Высочайшим посещением Их Величеств и поклонением святым мощам святителя Иоасафа как бы завершились великие дни белгородских торжеств»*¹.

В том же 1911 году в Святейший Синод поступило ходатайство о восстановлении церковного почитания преподобномученика Евфросина Синозерского, ошибочно исключенного из русских святцев в XVII веке при Патриархе Никоне. В период Смутного времени на Руси он был игуменом Синозерской обители, расположенной на берегу Синичьего озера. 2 апреля 1612 года был убит поляками при их нападении на обитель. Спустя 34 года, 25 августа были обретены его нетленные мощи. В том же 1653 году на вклад Царя Алексея Михайловича была изготовлена деревянная рака с резным изображением преподобного. По решению Святейшего Синода 29 июня 1912 года преподобномученик Евфросин Синозерский был восстановлен к общецерковному почитанию в сонме Новгородских святых. В царствование Императора Николая II это был второй случай восстановления почитания святого.

С 12 по 26 июля 1908 года в Киеве проходил IV Всероссийский миссионерский съезд, на котором обсуждался в числе прочих вопрос о восстановлении церковного почитания святой Анны Кашинской. Съезд придавал этому прославлению большое миссионерское значение. Княгиня Анна Кашинская была супругой святого князя Михаила Ярославича Тверского (память 22 ноября), замученного в Орде в 1318 году. В высочайше утвержденном 7 ноября 1908 года докладе о вторичном прославлении святой княгини говорилось: «В течение своей жизни быв образцом христианской супруги и матери, отличаясь христианской любовью к бедным и несчастным, проявляла искреннее благочестие, мужественно перенося всевозможные испытания». Обретение мощей святой княгини Анны Кашинской произошло 28 июля 1649 года. 12 июня 1650 года мощи святой были перенесены, в присутствии Царя Алексея Михайловича, в Кашинский Вознесенский собор. Однако, по почину Патриарха Иоакима, третьего преемника Патриарха Никона, на Соборах 1677 и 1678 годов постановили «празднования ей не творить». Это постановление было принято на том основании, что пальцы святой были сложены

¹ Жития святителей Иоасафа Белгородского и Димитрия Ростовского. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 118.

для совершения двуперстного, а не троеперстного крестного знамения (что было вполне естественно, так как троеперстие было окончательно утверждено лишь на Соборе 1656 года при Патриархе Никоне). Эта ошибка была исправлена ровно через 260 лет в царствование Императора Николая II, который принял в этом деле горячее участие. Летом 1909 года торжество возобновления почитания святой благоверной княгини Анны Кашинской проходило в Кашинском Успенском соборе по единоверческому чину. Это событие имело большое значение для привлечения к Православию старообрядцев. Большое торжество было также 5 сентября в Санкт-Петербурге по случаю принесения иконы святой Анны Кашинской с частицей ее мощей в единоверческий Никольский храм на Николаевской улице. Литургию по архиерейскому чиновнику XV и XVI веков служил викарный епископ Гдовский Кирилл (Смирнов), впоследствии архиепископ Тамбовский, возглавлявший комиссию по канонизации святителя Питирима Тамбовского. Спустя некоторое время единоверцы обратились с ходатайством в Синод о созыве в Москве их всероссийского съезда. В 1912 году Святейший Синод разрешил проведение этого съезда в Санкт-Петербурге. 31 января депутация съезда, во главе с архиепископом Антонием (Храповицким) представлялась Императору Николаю Александровичу. Государю была поднесена икона благоверной княгини Анны Кашинской. Единоверческий священник Симеон Шлеев поднес Царю и Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу подручники — коврики, которые единоверцы употребляют на молитве при земных поклонах.

21 февраля 1913 года исполнилось 300 лет со дня избрания на царство Михаила Феодоровича Романова. В этот год юбилейных торжеств был причтен к лику святых святитель Ермоген Патриарх Московский и всея Руси, стяжавший мученический венец в годы Смутного времени на Руси. Он почти единственным противостоял незаконному низложению с престола Царя Василия Шуйского и не признавал насильственного его пострига. *«Патриарх изъяснял народу, что нет спасения там, где нет благословения свыше; что измена царю есть злодейство, всегда казнимое Богом, и не избавит, а еще глубже погрузит Россию в бездну ужасов...»* (М. В. Толстой)¹. Святитель Ермоген не признавал власти взбунтовавшегося боярства, был противником возведения на Российский престол польского королевича Сигизмунда и советовал избрать на царство юного боярина Михаила Феодоровича Романова, племянника Царя Феодора Иоанновича, последнего из рода Рюриков. Это спасительное для Руси избрание состоялось уже после мученической кончины Патриарха Ермогена, наступившей 17 февраля 1612 года от голодной смерти в плену у ляхов, захвативших Кремль и пытавшихся заставить Патриарха остановить своих соотечественников, осаждавших Москву. Подвиг веры, стояние за правду Христову, жертвенная любовь к Церкви Православной и к Отечеству, неустанные молитвы святого патриарха Ермогена послужили прекращению Смутного времени на Руси. Был созван Всероссийский Земский Собор, на котором были преодолены многочисленные разногласия и 21 февраля 1613 года принято единодушное решение о призвании на царство Михаила Романова, ставшего

¹ Митрополит Иоанн. Русская симфония // Очерки русской историософии. СПб., 1998. С. 380.

родоначальником новой династии. В последующие 300 лет, как говорилось в Высочайшем манифесте Государя Императора Николая II от 21 февраля 1913 года: «...Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира».

Патриарх Ермоген был свидетелем и участником обретения чудотворной Казанской иконы Божией Матери в 1589 году, поскольку свое служение начинал в Казани. По благословению архиепископа Казанского Иеремии на своих руках переносил образ Богородицы во главе торжественного Крестного хода с места обретения в Никольский храм. В 1594 году, будучи уже митрополитом Казанским и Астраханским, составил «Сказание о явлении чудотворных икон Пресвятыя Богородицы во граде Казани». Им написаны тексты песнопений службы на день явления Казанской иконы Божией Матери, его авторству принадлежит тропарь «Заступнице усердная». Владыка был возведен на Патриарший престол 3 июля 1606 года.

Через 40 лет после мученической кончины Патриарха Ермогена, в феврале 1652 года, были обретены его нетленные мощи и перенесены из Чудова монастыря в Успенскую церковь, где помещены были под каменным надгробием. Многие чудеса совершались у гроба святителя по горячим просьбам верующего народа. В 300-летнюю годовщину кончины Патриарха было удовлетворено ходатайство о причислении его к лику святых. Ходатайство это было подано гражданами Москвы через митрополита Макария. На всеподданнейшем докладе Святейшего Синода Государь Император соизволил собственноручно начертать: «Прочел с чувством истинной радости».

В день Светлого Христова Воскресения, 14 апреля 1913 года, Святейший Синод обнародовал свое «Деяние», где говорилось «...мученически скончавшегося Святейшего Всероссийского Патриарха Ермогена признать в лике святых, благодатию Божией прославленных, оставив всечестные останки его под спудом на месте их упокоения...». Торжества были назначены на воскресенье 12 (25) мая. Их возглавил в Успенском соборе Кремля Патриарх Антиохийский Григорий. В день церковного прославления священномученика Ермогена Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу была послана всеподданнейшая телеграмма: «Ныне, в день прославления священномученика Патриарха Ермогена, тысячи верных сынов Святой Церкви возносили усердные молитвы угоднику Божию, да дарует Господь его предстательством здравие и благополучие Вашему Императорскому Величеству, Их Величествам Государыням Императрицам, Наследнику Цесаревичу и всему Августейшему Семейству, да утверждаются мир и тишина на земле нашей, да умножаются люди твердые, подобно святителю Ермогену, в стоянии за веру и правду, в готовности положить душу свою за Православную Церковь, за венценосного Самодержавного Царя и за Святую Русь. Патриарх Григорий, митрополит Владимир, митрополит Макарий, Владимир Саблер». В ответной телеграмме, адресованной обер-прокурору, говорилось: «Поручаю Вам передать святейшему Патриарху Григорию, высокопреосвященным Владимиру и Макарию, а также всем помолившимся за меня и мою семью в день прославления священномученика Ермогена, мою сердечную благодарность. Искренне сожалею, что не мог быть на прославлении. Николай». Рака для мощей Патриарха Ермогена была изготовлена на средства Их Величеств. Патриарх Ермоген был первым из русских патриархов, причисленных к лику святых.

В 1918 году в Казанском соборе Петрограда, по почину настоятеля протоиерея Философа Орнатского и по благословению митрополита Петроградского и Ладожского Вениамина, было начато сооружение нижнего «пещерного» храма во имя священномученика Патриарха Ермогена. Ни отец Философ, ни Владыка Вениамин не дожили до освящения этого храма...

Прославление в лике святых святителя Питирима Тамбовского почти совпало с началом Мировой войны. Архимандрит Питирим был назначен на епископскую кафедру новообразованной Тамбовской епархии в 1684 году с возведением в следующем году в сан епископа. Область Тамбовской епархии населяли люди самого разного вероисповедания. Кроме того, проживали ссыльные, было немало и разбойного люда. Так что поле деятельности нового Владыки было обширным и многотрудным — от благоустройства храмов до миссионерской деятельности. Характер святителя Питирима, очевидно, вполне соответствовал стоящей перед ним задаче. Он был очень доброжелателен, приветлив, кроток, имел глубокую, нелицемерную любовь ко всем людям. Принимал всех, нуждавшихся в его духовной помощи, — и православных, и многочисленных в том краю старообрядцев, и мусульман, и язычников, и закосневших в грехе преступников. Его стараниями возводились новые храмы, основывались монастыри. Владыка ревностно относился к богослужениям, усердно проповедовал по воскресным и праздничным дням, на буднях часто сам читал шестопсалмие, часы, пел в хоре. В 1694 году заложил и приступил к постройке в Тамбове каменного Спасо-Преображенского кафедрального собора. При этом, со свойственным ему смирением, сам принимал участие в строительных работах: носил кирпичи, подвозил глину. В этом соборе святитель указал место для его погребения. Почил он 28 июля 1698 года, не дожив до окончания строительства. Собор был полностью достроен спустя много лет после его кончины. Над местом упокоения святителя Питирима была установлена резная гробница, на боковой стороне которой была сделана надпись: «Не забывайте мя, егда молитесь Господу». Гробница тамбовского архипастыря в скором времени стала местом постоянного паломничества. Приходили помолиться не только из окрестных сел и городов, но и из других епархий.

После канонизации в 1903 году преподобного Серафима Саровского, которая проходила в Тамбовской епархии, жители тамбовщины стали ожидать канонизации и святителя Питирима. Тем более что преподобный Серафим при жизни очень почитал святителя и благословлял всех, кто направлялся в Тамбов, побывать у его гробницы. Исключительную роль в канонизации Владыки Питирима сыграл правящий архиерей Тамбовской епархии Кирилл (Смирнов), будущий священномученик. Именно он возглавил комиссию по освидетельствованию мощей святителя Питирима епископа Тамбовского и по исследованию чудес, совершавшихся у его гробницы. На основании проведенных исследований комиссия представила 14 января 1913 года результаты в Синод. Доклад по этому вопросу был представлен в свою очередь на Высочайшее усмотрение. На докладе 28 июня 1913 года Его Императорское Величество Николай II собственноручно начертал: «Согласен. Прочел с чувством истинной радости и умиления». В «Деянии» Святейшего Синода от 25 января 1914 года говорилось «...о признании в лике Святых почившего Питирима, епископа Тамбовского... о торжественном прославлении Святителя 28 июля 1914 года — в день памяти его...

о составлении ему особой службы... и об объявлении о сем во всенародное известие от Святейшего Синода».

На торжества прибыло многочисленное духовенство: архипастыри, в первую очередь, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, настоятели монастырей, в том числе игумен Саровской пустыни Иерофей, настоятели всех тамбовских церквей, архимандриты, иеромонахи, священники из других епархий. Паломников собралось до 50 тысяч, и если бы не начало войны, то было бы и вдвое больше. 28 июля (10 авг.) во всех храмах Тамбова совершались торжественные богослужения, город наполнен был колокольным звоном. После литургии мощи святителя Питирима были обнесены Крестным ходом вокруг Спасо-Преображенского собора и поставлены в нижнем храме у южной стены. Со временем над гробницей была сооружена мраморная сень с золотым верхом. В настоящее время резная деревянная рака с мощами святителя Питирима находится на прежнем месте в Спасо-Преображенском соборе города Тамбова. В период с 1918 по 1988 год мощи находились в запасниках Тамбовского краеведческого музея, располагавшегося в стенах того же собора.

Через год после начала войны, 23 августа 1915 года, Государь Николай II принял на себя командование Русской Армией. Его приказ гласил: *«Сего числа Я принял на Себя предводительство всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в помощь Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской»*¹. Государь, будучи Верховным Главнокомандующим, несмотря на колоссальные трудности, как экономического, так и политического характера, вел Россию к победе. Он верил в победу, верил в Россию, в ее народ, в заступничество русских святых. Во второй год войны на всеподданнейшем докладе Святейшего Синода о прославлении святителя Иоанна митрополита Тобольского и Сибирского Государем 21 января 1916 года было начертано: «Приемлю предложение Святейшего Синода с умилением и с тем большим чувством радости, что верю в предстательство Святителя Иоанна (Максимовича) в эту годину испытаний за Русь Православную».

Святитель Иоанн занимал Тобольскую кафедру на протяжении всего четырех лет, с 1711 по 1715 год. До этого назначения он был архиепископом Черниговским (с 1697 по 1711 год), сменив почившего Владыку Феодосия, о чем говорилось выше.

В январе 1711 года Царским указом Петра I архиепископ Иоанн был, с возведением в сан, назначен митрополитом Тобольским и всея Сибири. В начале XVIII века границы Тобольской епархии простирались от Урала до берегов Тихого океана. Положение дел в епархии было тяжелым. В немногочисленных храмах не хватало священников. Население огромных территорий, особенно коренное ханты-мансийское, было частью языческим, частью мусульманским. Среди русского населения было распространено старообрядчество. А помощников у нового Владыки почти не было. Тем не менее за столь краткое время своего служения Владыка Иоанн сумел

¹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. С. 562.

сделать многое. Он организовал строительство храмов, в том числе каменных. При нем в 1713 году был достроен в Тобольске храм Спаса Нерукотворного Образа. Занимаясь миссионерской работой, строил церкви для новообращенных и направлял туда священников. Очень много внимания и сил уделял духовно-просветительской деятельности, чем он отличался еще в Чернигове, где основал коллегию (славяно-латинскую школу) для детей не только духовных лиц, но и дворян, мещан, казаков. Современники прозвали ее «Коллегия Максимовическая». По образцу этой коллегии впоследствии стали возникать школы в других епархиях. В Тобольске Владыка также много заботился о славяно-русской школе, выписывал книги из Чернигова для библиотеки, просил присылать преподавателей для школы. Прославился святитель Иоанн и как духовный писатель и переводчик. Его «Илиотропион» до нашего времени пользуется спросом у православных читателей. Святитель Иоанн никогда не оставлял благотворительности, часто посещал тюрьмы, тайно творил милостыню. Последним значительным делом святителя Иоанна стала отправка в Китай первой Пекинской духовной миссии. Официальным поводом была необходимость духовного окормления живших в Пекине потомков пленных русских казаков. На деле задачи миссии были много шире. Миссия отбыла из Тобольска 16 января 1715 года. ...А Владыка был уже на пороге вечности. 9 июня он в последний раз отслужил литургию, причастился. После службы дал большой обед для городского духовенства и для неимущих жителей Тобольска. На следующее утро последовала его блаженная кончина — его нашли стоящим на коленях перед иконой Божией Матери, он молился до последнего вздоха.

Ходатайство о канонизации митрополита Тобольского и Сибирского Иоанна (Максимовича) поступило от духовенства Тобольской епархии в Святейший Синод еще в 1913 году, в преддверии 200-летия его кончины. В «Деянии» Святейшего Синода от 12 февраля 1916 года возвещалось о прославлении в лике святых святителя Иоанна. Торжества были назначены на 10 июня 1916 года. Проповедь на всенощном бдении 9 июня произнес протоиерей Иоанн Восторгов, будущий священномученик. Кипарисовый гроб с мощами святителя был установлен в Софийском кафедральном соборе Тобольска.

Спустя год, 6 августа 1917 года, в день праздника Преображения Господня, содержащаяся под арестом Царская Семья прибыла в Тобольск. Предназначенный для проживания Семьи губернаторский дом, при новых властях наименованный «Домом Свободы», оказался совершенно не готовым к принятию Царственных Узников. Они смогли перебраться в него только 13 августа, в преддверии праздника Успения Пресвятой Богородицы. По просьбе Государя в доме был отслужен благодарственный молебен с водосвятием.

Возвращаясь к событиям 1916 года, добавим, что 17 апреля Тобольский губернатор Н. А. Ордовский-Танаевский был вызван в Царское Село на аудиенцию к Императрице Александре Феодоровне. Речь шла в том числе *«о намеченной с 1913 года канонизации святого чудотворца, мученика боярина Михаила Никитича Романова, замученного в лихолетье в деревушке Ныробке Пермской губернии, родного дяди Царя Михаила Феодоровича Романова»*¹, и о возможности присутствия Их Величеств на

¹ *Игумен Серафим (Кузнецов)*. Православный Царь-мученик. М.: Православный паломник, 1997. С. 41.

торжествах прославления святителя Иоанна Тобольского. Приглашение в Тобольск было отклонено по причине военного времени, при этом Государыня сказала: *«Кончится эта небывалая война... и тогда осенью 1917 года мы всей Семей поедем: в Пермь — повесить доску на стенку дома, где был Император Александр I..., на канонизацию предка, Михаила Никитича Романова, затем в Верхотурье, поклониться святым мощам Симеона чудотворца, и потом в Тобольск, к Святителю, на канонизацию которого вы приглашаете. Остановимся у вас в доме, но не вздумайте выселяться, поместимся все, в тесноте, да не в обиде»*¹.

Из письма Великой княжны Татианы Николаевны к З. С. Толстой от 6 ноября 1917 года: *«Посылаю Вам всем четыре образка от Мамы и нас всех. Они лежали на мощах Св. Иоанна Максимовича Тобольского. К сожалению, мы не были там, так как не пускают. Татиана»*².

В 1922 году мощи святителя Иоанна оказались в антирелигиозном отделе местного краеведческого музея, расположившегося в здании архиерейского дома. Они были возвращены Церкви в 1946 году при Патриархе Алексии I.

Из значительных событий церковной жизни при Государе Николае II следует также упомянуть торжественное перенесение в 1910 году из Киево-Печерской Лавры в Полоцк мощей преподобной Евфросинии игумении Полоцкой. Святая Евфросиния скончалась в Иерусалиме в 1173 году и была погребена в монастыре преподобного Феодосия Великого в Святой Земле. Здесь гроб с мощами преподобной находился до 1187 года. Затем мощи были перевезены в Киев и положены в Дальних пещерах. Начиная с 1832 года полочане неоднократно, через своих правящих архиереев, обращались в Святейший Синод с просьбами о перенесении мощей преподобной на ее родину, в Полоцк. И только седьмое по счету ходатайство 1909 года от Полоцко-Витебской епархии было удовлетворено. Много способствовало продвижению дела и ходатайство участников Всероссийского миссионерского съезда, проходившего в Киеве в 1908 году. Окончательное же решение о перенесении мощей преподобной Евфросинии принадлежало Государю Императору Николаю II. Текст его собственноручной резолюции гласил: *«Сочувствую удовлетворению ходатайства о перенесении святых мощей преподобной Евфросинии в Полоцк. Предлагаю Св. Синоду обсудить подробности перенесения в ближайшую зимнюю сессию и затем снова доложить мне»*³. Что и было исполнено. Подробный чин перенесения мощей преподобной, разработанный Синодом, был Высочайше утвержден 29 января 1910 года. Евфросиниевские торжества начались на второй день Пасхи, 19 апреля, и продолжались вплоть до 23 мая — дня памяти святой. От Киева до Орши — водным путем по Днепру, от Орши до Полоцка — пешим Крестным ходом неторопливо двигалась процессия со святыми мощами преподобной. По свидетельству очевидцев шествие сопровождалось огромным стечением богомольцев, настрой у всех был приподнятый, радостный, чему способствовали и продолжавшиеся пасхальные

¹ Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-мученик. М.: Православный паломник, 1997. С. 42–43.

² Письма Царской Семьи из заточения. М.: Вече, 2013. С. 71.

³ Цит. по кн.: Преподобная Евфросиния игумения Полоцкая: житие и акафист. Минск, 2000. С. 37–38.

дни. В местах, где были предусмотрены остановки, в храмах совершались торжественные богослужения. От Киева до Полоцка плыло над святыми мощами преподобной Евфросинии «Христос воскрес!». От Киево-Печерской Лавры и до Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря звучало: «Ублажаем тя, преподобная мати Евфросиния!..». На всем пути следования святости совершались чудеса исцелений, возносились благодарственные молитвы. Так святая игуменья Полоцкая вернулась на родную белорусскую землю, в монастырь, основанный ею при жизни.

Особого внимания заслуживают отношения Императорской Семьи со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Как известно, кронштадтский пастырь присутствовал при кончине Императора Александра III. В ту пору отец Иоанн был известен уже по всей России, его портреты можно было встретить и в домах состоятельных людей, и в бедных крестьянских лачугах и всегда на почетном месте, иногда рядом с портретами Царя и Царицы. Один крестьянин просто сказал: *«Это наш молитвенник батюшка, он за Царя и Царицу, за весь Дом царствующий Богу молится... Им, может быть, и земля Русская и все мы крепки и живем... Продли Господь его дни!..»*¹. Отец Иоанн был приглашен в Ливадию к тяжело болящему Императору Александру Александровичу. Прибыл он 8 октября и находился в Ливадии вплоть до кончины Государя. 17 октября о. Иоанн служил Божественную литургию в воспоминание чудесного спасения Царской Семьи в 1888 году при крушении поезда под станцией Борки, и после литургии отправился в Царский дворец для причащения Императора. Через три дня, в самый день кончины Государя Александра III, по его желанию вызвали отца Иоанна, который соборовал умирающего и находился возле него до конца. Таким образом, святой праведный Иоанн Кронштадтский был рядом с Царской Семьей в исторический момент перехода власти к Наследнику Николаю Александровичу. И впоследствии отец Иоанн не раз находился рядом с Царской Семьей в такие моменты. Так было при совершении Таинства бракосочетания Государя Николая Александровича с Великой княжной Александрой Феодоровной. Еще продолжались траурные дни, и невеста на один лишь день сменила черные одежды на белые. Манифест молодого Царя по поводу этого события гласил: «Благословением Божиим совершилось сегодня в соборной церкви Зимнего дворца, в присутствии духовных и светских особ, бракосочетание Наше с Возлюбленной невестой Нашей Благоверной Великой княжной Александрой Феодоровной, дочерью Великого герцога Гессенского. Посреди глубокой скорби, коей преисполнены сердца наши и всех верных сынов России, да будет день сей светлым вестником упований народных на продолжение к нам милости Божией в наступившее новое царствование...».

По желанию Государя присутствовал отец Иоанн в числе служащего духовенства и при венчании на царство Их Величеств в Успенском соборе Кремля. Впоследствии вкупе с протопресвитером Иоанном Янышевым, духовником Царской Четы, о. Иоанн принимал участие в руководстве духовной жизнью Императора и, особенно, Императрицы, принявшей Православие незадолго до вступления в брак.

¹ Источник живой воды // Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб.: Царское дело, 1997. С. 213.

Отец Иоанн Кронштадтский был глубоко убежденным сторонником и неутомимым проповедником самодержавной формы государственности в России. Он неустанно обличал безумие вероотступников, прямо связывая действия мятежников, революционеров, бунтовщиков и террористов всех рангов, направленных к подрыву самодержавия, с потерей веры Православной. Он говорил об этом прямо и бескомпромиссно: *«Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия, и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадеши от своей веры, как уже отпали от ней многие интеллигенты, то не будешь уже ...Русью святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга»*¹. Особенно в дни революционного брожения 1905–1907 годов отец Иоанн явил себя бесстрашным обличителем пороков общества и горячим проповедником покаяния, чем нажил себе немало врагов. Проповедником такой духовной силы он оказался в то время почти единственным подобно Иоанну Крестителю. Так и почти единственным истинным поборником самодержавия оказался сам Царь-мученик Николай II. Это были духовно близкие друг другу великие святые современники, очень хорошо понимавшие, чем грозит России и Церкви русской разрушение монархии.

*«Полно и ясно раскрыл мистический смысл Русского Самодержавия и российской имперской государственности великий молитвенник и чудотворец, святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Он поучал: “Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентаристы! Отойди от меня, сатана, ты мне соблазн... От Господа подается власть, сила, мужество и мудрость царю управлять своими подданными. Но да приблизятся к престолу достойные помощники, имеющие правую совесть и страх Божий, и да бежат от престола все, в коих совесть сожжена, в коих нет совета правого, мудрого и благонамеренного... Бедное Отечество, когда-то ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству, чистоты нравов... И чем бы мы стали, Россияне, без царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, так как Носитель и Хранитель России после Бога есть Государь России, Царь Самодержавный, без него Россия — не Россия!»*².

На кончину отца Иоанна Кронштадтского Государь отозвался всем сердцем, что отразилось и в пространном Высочайшем Рескрипте от 12 января 1909 года, который хочется привести полностью: *«Неисповедимому Промыслу Божию было угодно, чтоб угас великий светильник Церкви Христовой и молитвенник Земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведник, отец Иоанн Кронштадтский. Всем сердцем разделяя великую скорбь народную о кончине любвеобильного пастыря и благотворителя, Мы с особенным чувством обновляем в памяти Нашей скорбные дни предсмертного недуга в Бозе почивающего Родителя Нашего Императора Александра III, когда угасающий Царь, любимый народом, пожелал молитв и близости любимого народом молитвенника за Царя*

¹ Источник живой воды // Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб.: Царское дело, 1997. С. 746.

² Иоанн, митрополит. Русская симфония // Очерки русской историософии. СПб., 1998. С. 428.

и Отечество. Ныне, вместе с возлюбленным народом Нашим, утратив возлюбленного молитвенника Нашего, Мы проникаемся непреходящим желанием дать достойное выражение сей совместной скорби Нашей с народом молитвенным поминовением почившего, ежегодно ознаменовывая им день кончины отца Иоанна, а в нынешнем году приурочив оное к сороковому дню оплакиваемого события. Будучи и по Собственному душевному влечению Нашему и по силе Основных Законов первым блюстителем в Отечестве Нашем интересов и нужд Церкви Христовой, Мы со всеми верными и любящими сынами ея ожидаем, что Святейший Синод, став во главе сего начинания, внесет свет утешения в горе народное и зародит на вечные времена живой источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей Алтаря Христова на святые подвиги многотрудного пастырского делания. Поручая Себя молитвам вашим, пребываем к вам благосклонны. Николай»¹.

Именно Император Николай Александрович положил начало всероссийскому церковному почитанию святого праведного Иоанна Кронштадтского. Согласно вышеприведенному Рескрипту Святейший Синод определил: 1) напечатать означенный Высочайший Рескрипт в № 3 «Церковных ведомостей» текущего года; 2) поручить присутствующим в Святейшем Синоде преосвященным митрополитам С.-Петербургскому, Московскому и Киевскому в сороковой день по кончине отца Иоанна, 28 сего января, совершить в Иоанно-Богословском г. С.-Петербурга женском монастыре, месте погребения почившего, заупокойную литургию, а после оной, по прочтении Высочайшего Рескрипта, полным составом Святейшего Синода панихиду по усопшем; таковые же литургия и панихида должны быть совершены архиерейским служением и во всех соборах городов С.-Петербурга, Москвы и Киева; 3) предписать епархиальным преосвященным, протопресвитеру военного и морского духовенства и заведывающему придворным духовенством сделать распоряжение о совершении в 28 день сего января заупокойной литургии и панихиды по усопшем отце Иоанне по всем подведомым им церквам, а равно в церквах духовно-учебных заведений и церковных школ..., освободив на сей день учащихся названных заведений и школ от занятий; по кафедральным же соборам таковые богослужения должны быть совершены архиерейским служением; 4) установить на будущее время **ежегодное в день кончины отца Иоанна, 20 декабря, совершение заупокойной литургии и панихиды по почившем во всех церквах Империи**, поручив епархиальным преосвященным, протопресвитеру военного и морского духовенства и заведывающему придворным духовенством сделать распоряжение об устройении в первую годовщину кончины отца Иоанна, 20 декабря сего года, внебогослужебных по вверенным им епархиям и ведомствам собраний с предложением на оных чтений, посвященных памяти в Бозе почивающего Императора Александра III и молитвенника за Царя и Землю Русскую отца Иоанна Кронштадтского; ...6) поручить Учебному Комитету при Святейшем Синоде внести в программы духовных семинарий по гомилетике и практическому руководству для пастырей оз-

¹ Источник живой воды // Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб.: Царское дело, 1997. С. 834–835.

накомление воспитанников с биографией и пастырско-просветительной деятельностью почившего отца Иоанна... и 8) Иоанно-Богословский в г. С.-Петербурге женский монастырь, в коем покоится ныне тело почившего, возвести, **чести ради**, в первоклассный женский монастырь¹. По указу Его Императорского Величества было отпечатано 40 000 портретов почившего почетного члена Училищного Комитета при Святейшем Синоде, настоятеля Кронштадтского Андреевского собора, протоиерея Иоанна Ильича Сергиева для рассылки по всем церковным школам. Также во исполнение Высочайшей Воли Святейший Синод распорядился об издании пастырской хрестоматии из творений отца Иоанна и о напечатании для народных библиотек небольшой книжки из сочинений отца Иоанна для мирян. В день памяти святителя Феодосия Черниговского, 5 февраля, литургию в церкви-усыпальнице Иоанновского монастыря на Карповке служил архимандрит Александр. В своей проповеди отец Александр сопоставил служение святителя Феодосия, ревностного борца с католичеством в Смутное время, угодника Божия, прославленного даром чудотворений, с жизнью и подвигами в Бозе почившего отца Иоанна, всегда обличавшего еретиков и сектантов, этих неугомонных противников Церкви Православной, и наделенного еще при жизни даром чудотворений, и известного не только в России, но и за ее пределами. Святость отца Иоанна Кронштадтского не подвергалась сомнению людьми верующими, и только надвигавшиеся исторические потрясения помешали скорой канонизации этого исключительного по силе духа праведника.

Краткий обзор церковных событий, связанных с прославлением новых святых, новых молитвенников за Землю Русскую, обнаруживает несомненное глубокое христианское благочестие Государя и его Семьи. Он всегда, не только по долгу, но и по горячей своей вере, отзывался на все вышеописанные события, если не личным в них участием, то непременно щедрыми пожертвованиями и искренним сердечным сочувствием. Вера Православная и любовь к Церкви были неразделимы в душе Государя, и его никогда не оставляла вера в Промысел Божий. Смирение перед Волей Всевышнего было, может быть, основной причиной его почти всегдашнего спокойствия. Его собственные слова: *«Если вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи в руках Господа, Который поставил меня на то место, где я нахожусь. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей в убеждении, что никогда не имел иной мысли, как служить той стране, которую Он мне вручил»*². Это было сказано в Петергофе в 1905 году во время Кронштадтского мятежа министру иностранных дел А. П. Извольскому, который был принят с докладом у Государя.

Христианское благочестие, любовь к Церкви и внимательное отношение к ее нуждам со стороны Государя и его Семьи проистекали из глубокой, нелицемерной религиозности.

«Чтобы проникнуть в глубину сознательной религиозности Царя и Царицы и обнять полноту и целость восприятия ими духовности начал

¹ Источник живой воды // Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. СПб.: Царское дело, 1997. С. 834–835.. С. 836–838.

² Тальберг Н. Д. Николай II: Очерки истории Императорской России. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. С. 65.

учения Христа, мало прослушать свидетельства лиц, близко стоявших к ним, мало проштудировать их письма, записки, личную переписку; надо открыть принадлежавшие им книги Священного Писания и, страница за страницей, сорока за строкой, тщательно проанализировать многочисленные отметки, сделанные ими в книгах, из коих некоторые, как Библия и Евангелие, читались, по-видимому, ежедневно и неоднократно. Отрекшись от предвзятостей, созданных молвой и “общественным мнением”... начинаешь получать представление о величественности, цельности и святости нравственно-религиозного мировоззрения, которым были проникнуты существа Венценосных супругов Российского государства» (М. К. Дитерихс. Убийство царской семьи)¹. Духовное чтение всех членов Царской Семьи — особая и чрезвычайно важная сторона их внутренней жизни, которая особенно сильно проявилась во время их ареста и ссылки. Достаточно прочитать хотя бы «Письма Царской Семьи из заточения». Исследуя дневниковые записи Государя Николая II и Государыни Александры Феодоровны, сделанные в Тобольске и Екатеринбурге, П. В. Мульатули, со своей стороны, делает убедительный вывод, что Государь **ежедневно** читал Священное Писание «как для себя лично, так и вслух для всей семьи». Чтение духовной литературы в Царской Семье было обычным, но не отвлеченным делом. Даже находясь под арестом, Их Величества, особенно Государыня, старались помочь всем, кто обращался к ним за помощью. *«В заточении, в Царском Селе, несмотря на ограниченность средств, отказывая себе и довольствуясь простым столом, Государь и Государыня не прекращали своей благотворительности и старались помогать другим, сколько могли. Прощения же от разных лиц о помощи и о поддержке продолжали ...поступать во дворец, и державная чета удовлетворяла их в меру своей возможности»* (М. К. Дитерихс. Убийство царской семьи)². **Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут** (Мф. 5, 7).

Не было случая, тому множество свидетельств, когда бы Государь мог оказать просимую помощь и не оказал бы. Он был ограничен в таких случаях только требованиями закона и недостатком личных средств. При этом Царская Семья немного тратила на личные нужды, Александра Феодоровна была очень бережлива. Большую часть средств Их Величества расходовали на дела благотворительности, в том числе на обустройство церквей, на помощь монастырям, на поддержку школ и богаделен. А сколько было вышито руками Государыни и Великих княжон церковных воздухов, покровов и иных вещей для военных, монастырских и просто для бедных церквей, сосчитать, наверное, невозможно. В годы правления Николая II, как и при его отце, продолжалось церковное строительство: было построено свыше 10 тыс. церквей, открыто более 250 новых монастырей. С глубоким пониманием относился Государь к старинным храмам и древней иконописи. В 1901 году по Высочайшему повелению был утвержден Комитет попечительства о русской иконописи. В 1903 году в Москве была организована выставка древних икон, приуроченная к 300-летию Дома Романовых. Как писал по этому поводу С. С. Ольденбург: *«Организованная в 1913 году в Москве Романовская церковно-археологическая выставка, устроенная в Чудовом*

¹ Цит. по: Православный календарь «Царский». М.: Ковчег, 2010. С. 300–301.

² Там же. С. 254.

монастыре, и выставка древне-русского искусства Императорского Археологического института дали возможность широким русским кругам познакомиться с русским искусством XIV–XVII веков, которое так ценил Государь. Художественное значение русской иконописи впервые получило должную оценку. Эти выставки... самое крупное событие в русской художественной жизни за последние годы»¹. Для украшения Феодоровского собора в Царском Селе приобретались иконы именно древнего письма. Со вниманием относился Государь и к начинанию своего отца в деле народного образования. В 1882 году по повелению Императора Александра III в смету Святейшего Синода было перечислено 55 500 руб. на устройство и содержание духовенством школ для народного образования. В 1884 году — изданы правила о церковно-приходских школах, с 1885 года — учрежден Училищный совет при Синоде. В 1907 году — при Императоре Николае II — на содержание церковных школ было израсходовано уже 10 065 509 руб. из государственной казны.

Но не одно только личное благочестие побуждало Государя относиться с большим вниманием к нуждам Церкви. Он хорошо помнил и понимал завет своего отца: *«Охраняй Самодержавие, памятуя при том, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего Царского долга да будут для тебя основой твоей жизни... В политике внешней — держись независимой позиции... В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годину бед»*². Надвигалась година бед... Для предотвращения катастрофы необходимо было восстановление соборного единства русской жизни, нарушенного еще реформами Петра I, которого, к слову, Император Николай II недолюбливал. *«Церковная реформа Петра стала отправной точкой многих пагубных процессов, завершившихся двумя столетиями позже крахом тысячелетнего русского православного государства. Реформа эта была задумана и осуществлена как сознательный разрыв многовекового исторического преемства духовных основ русской жизни и ключевых архетипов русского национально-религиозного самосознания. Петр сам хотел разрыва... У него была психология революционера... Он сам привык и других приучал думать о настоящем всегда в противопоставлении прошлому. Он создавал и воспитывал психологию переворота. Именно с Петра и начинается великий и подлинный русский раскол... Происходит некая поляризация душевного бытия России. Русская душа раздваивается в напряжении между двумя средоточиями жизни, церковным и мирским. Петровская реформа означала сдвиг и даже надрыв в душевных глубинах... Государственная власть утверждается в своем самодовлении... И во имя своего первенства не только требует от Церкви повиновения и подчинения, но и стремится как-то обратить и включить Церковь внутрь себя... У Церкви не остается и не оставляется самостоятельного и независимого круга дел... ибо государство чувствует и считает себя абсо-*

¹ Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. М., 1994. С. 866. (Репринт. изд.)

² Обезглавленная Русь: Кому мешала православная монархия? / авт.-сост. И. Я. Царегородцев. М., 2013. С. 72.

лютым» (прот. Георгий Флоровский)»¹. Было упразднено патриаршество, восстановлен Монастырский приказ, переименованный затем в Духовную Коллегию и, несколько позже, в Святейший Синод для государственного надзора за делами Церкви. Далее последовало реформирование монастырской жизни, ограничение числа монастырей, сведение их роли к благотворительной и образовательной. По воле Петра Великого во главу угла был поставлен принцип государственной целесообразности и таким образом *«произошел разрыв с предшествующей духовной русской традицией, в соответствии с которой Российское государство есть, прежде всего, государство истинной Православной веры»*². Постепенно Русь перестала восприниматься народным сознанием как хранительница Вселенского Православия, а российские государи перестали во внутренней политике отдавать предпочтение духовным задачам.

Государь Николай II очень хорошо понимал необходимость перемены во всем строе церковно-государственной жизни для оздоровления духовно-нравственного состояния русского общества, пришедшего ко времени его правления в совершенный упадок. Не только интеллигенция, которую не устал обличать отец Иоанн Кронштадтский, но и крестьянство и, в еще большей мере, рабочий люд стремительно теряли веру и нравственные устои. Не редкостью стали неверующие священники. *«Все говорит за то, что мы живем в эпоху небывалого религиозного кризиса, — незадолго до Первой мировой войны отмечал автор “Церковного вестника” В. Беляев. — Крайний упадок религиозного чувства — таков, по общему сознанию, факт настоящего; полная безрелигиозность — такова, по мнению многих, перспектива будущего»*³. В начале XX века наблюдается серьезный рост уровня преступности, чему способствовали и революционные потрясения 1905–1907 годов. На рост хулиганства постоянно указывала церковная пресса. Возросло число уголовных преступлений, так *«...с 1900 по 1913 г. преступность в России в среднем ежегодно возрастала на 5,1 %, в то время как ежегодный прирост населения в России составлял тогда 1,7 %... Каждый год всеми судами страны осуждалось не менее 2 млн человек»*⁴. Православная Церковь была единственной реальной силой, на которую мог опереться Государь в деле восстановления национального самосознания народа. *«И Государь совершенно правильно решил, что сперва должны быть восстановлены соборные начала в церковной жизни, а затем уж, опираясь на ее мощную духовную поддержку, — и в общественно-государственной области. Сначала собор церковный, а уж затем — земский: таковы были планы Николая II»*⁵. Прежде всего насущной необходимостью было возрождение патриаршества, при этом судьба предполагаемых перемен всецело зависела от личности будущего па-

¹ Иоанн, митрополит. Русская симфония // Очерки русской историософии. СПб., 1998. С. 429–430.

² Перевезенцев С. В. В поисках нового консерватизма // Родная Ладога. 2016. № 4. С. 47.

³ Фирсов С. Л. Церковь в Империи // Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007. С. 142.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Иоанн, митрополит. Русская симфония // Очерки русской историософии. СПб., 1998. С. 451.

триарха. В марте 1905 года Государь в беседе с тремя иерархами, во главе с митрополитом Петербургским Антонием, предложил себя в качестве патриарха с оставлением Престола своему Сыну при регентстве Императрицы Александры Феодоровны и своего брата Михаила. Безусловно, Государя вдохновлял пример его царственных предков — Царя Михаила Феодоровича Романова и его отца Патриарха Филарета. Предложение Государя было встречено молчанием. С тех пор «...никому из членов тогдашнего высшего церковного управления доступа к сердцу Цареву уже не было... благодаря происшедшему въяве открылось, что иерархи своих си искали в патриаршестве, а не яже Божиих...»¹. **Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его** (Притч. 21, 1). Только в конце года, 27 декабря Государь обратился с рескриптом к митрополиту Антонию: «*Ныне я признаю вполне благовременным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви ...Предлагаю вам определить время созыва собора*»². Уже с начала 1906 года началась подготовка к созыву Поместного Собора Русской Православной Церкви. Святейший Синод 14 января принял решение о создании Предсоборного Присутствия для предварительного обсуждения назревших вопросов церковной жизни. Работа Предсоборного Присутствия была непродолжительной, выработанные постановления были представлены на благоусмотрение Государя. Однако вопрос о времени созыва Поместного Собора не был решен. Собор так и не состоялся во время царствования Николая II. Поместный Собор Русской Православной Церкви был созван осенью 1917 года, после совершившегося государственного переворота, в условиях начавшегося разрушения всего строя русского бытия. На Патриарший престол был избран святитель Тихон (Белавин), прославленный ныне в сонме Новомучеников и исповедников Российских. В 1918 году, через несколько дней после убийства Царской Семьи (и тех, кто разделил с нею мученическую кончину), Патриарх Тихон в «Слове на убийство царской семьи» сказал: «...*На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович... Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянных падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его...*»³.

Но на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что Государь вовсе не был «бывшим», что так называемый «Манифест об отречении» был фальшивкой и притом весьма грубо сделанной. Предатели очень топились, их шансы на успех были невелики. Керенский, будучи в эмиграции, откровенно высказался: «...*Монархисты предали своего Монарха. Если бы нашелся хоть один верный долгу полк, от нас тогда ничего бы не осталось. Государь остался без верноподданных. Процарствовал 23 года, Он очутился в жутком, нечеловеческом одиночестве*»⁴. Керенский не вполне прав. Генералы Хан Нахичеванский и граф Ф. А. Келлер были готовы прийти на помощь Государю, фактически плененному на станции Дно.

¹ Иоанн, митрополит. Русская симфония // Очерки русской историософии. СПб., 1998. С. 453.

² Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 337.

³ Цит. по: Православный календарь «Царский». М.: Ковчег, 2010. С. 219.

⁴ Чернова О. В. Верные: О тех, кто не предал Царственных мучеников. М.: Русский хронограф, 2010. С. 18.

Но их телеграммы не дошли до адресата. Предателей было все-таки больше. Сопротивление беззаконию оказывалось в большинстве случаев на личном уровне. Офицеров, не изменивших присяге, как правило, убивали на месте. В ссылку за Государем и его Семьей последовали единицы преданных ему людей, это было сопряжено с опасностью для их жизни, почти все они были уничтожены после гибели Царственных мучеников. Генерал граф Федор Артурович Келлер был убит петлюровцами в декабре 1918 года.

Поразительно и то, что на стороне противников Самодержавия были не только «все, стоявшие у трона», но и Церковь в «лице» Святейшего Синода и местных правящих архиереев. *«Церковь ожидала перемен, она их с наивным воодушевлением приняла в феврале 1917 года, не осознавая истинных подоплек революции и ее трагических последствий»*¹. Епископы, не согласные с революционной идеологией, были увольняемы со своих кафедр под различными предлогами. Но таковых было немного, большинство же приветствовало падение монархии. Святейший Синод не только не выступил в защиту незаконно арестованной Царской Семьи, но, напротив, в своем обращении «К верным чадам Православной Церкви» от 9 марта охарактеризовал февральский государственный переворот словами: «свершилась воля Божия» и «Россия вступила на путь новой государственной жизни».

«Новая государственная жизнь» обошлась народу России, в полном соответствии с пророчеством Ф. М. Достоевского, в 100 миллионов жизней, даже более.

«Государь был убит, а Россия молчала. Не раздалось ни возмущения, ни протеста, когда совершалось это страшное злодеяние, и это молчание есть великий грех русского народа, совершенный в день св. Андрея Критского, творца Великого покаянного канона... Все было поднято против самого кроткого, чистого и любвеобильного царя, чтобы в страшный час борьбы против него он остался один. Предварительно распространялись грязные клеветы на царя и его семью, чтобы народ охладил к нему...» Свт. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский².

Государь Император Николай II всю свою жизнь трудился на благо Родины, любил свой народ, всячески старался облегчать и улучшать его положение. *«Русский Император создал такое рабочее законодательство, каким не может похвалиться ни одно демократическое государство»*³, — так высказался в 1913 году президент США. Численность населения России увеличилась почти на 40%. Количество смертных казней при Царе-батюшке просто несопоставимо с их количеством после *«свержения его с престола, и не только его, но и самого престола (принципов: Православия, Самодержавия, Народности)»*⁴. При этом заботы Государя распространялись на все народы, населявшие Российскую империю. *«В самом титуле рус-*

¹ Константин (Горянов), митрополит Петрозаводский и Карельский. «Горькая ошибка» // «Церковная революция» 1917 года, ее последствия и уроки для православного священства и всего народа России на примере истории Карельского края // Родная Ладога. 2017. № 1. С. 60.

² Цит. по: Православный календарь «Царский». М.: Ковчег, 2010. С. 226.

³ Обезглавленная Русь: Кому мешала православная монархия? / авт.-сост. И. Я. Царегородцев. М., 2013. С. 76.

⁴ Там же. С. 60.

ского Царя было отражено спасительное собрание земель и народов за государственной православной оградой: **Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский и прочая, и прочая»¹.**

Здесь можно привести один весьма примечательный эпизод периода Первой мировой войны, в котором речь идет о пленных солдатах-мусульманах Императорской Русской Армии: *«Император Вильгельм собрал всех пленных мусульман в отдельный мусульманский лагерь и, заискивая перед ними, построил им прекрасную каменную мечеть. Я не помню, кто именно был приглашен в этот лагерь, кому хотели продемонстрировать нелюбовь мусульман к русскому “игу” и их довольство германским пленом. Но дело кончилось для германцев плачевно. По окончании осмотра образцово содержанного лагеря и мечети на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат-мусульман. “А теперь вы споете нам свою молитву”, — сказала осматривающее лицо. Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами. Встрепенулись солдатские массы, подравнялись и тысячеголосый хор, под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети дружно грянул: “Боже, Царя храни...”. Показывающий лагерь в отчаянии замахал на них руками. Солдаты по-своему поняли этот знак. Толпа опустилась на колени и трижды пропела русский гимн! Иной молитвы за Родину не было в сердцах этих чудных русских солдат»².*

Заботы Императора Николая II о Церкви Православной простирались далеко за пределы отечества. Во многих храмах Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, Черногории, Турции, Египта, Сирии, Ливии, Абиссинии, Палестины имелся тот или иной дар Царя-мученика. Целые комплекты драгоценных священнических облачений, икон и богослужебных книг посылались Сербской, Греческой, Болгарской, Черногорской, Антиохийской, Константинопольской и Иерусалимской Православным Церквям, не говоря о щедрых денежных пожертвованиях на их поддержание. Фактически Император Николай II был ктитором всей Вселенской Православной Церкви. При этом он пресекал нетерпимость по отношению к другим конфессиям. Уже после 1918 года один палестинский араб свидетельствовал: *«Не думайте, что русский Царь был только русский. Нет, он был также арабский Царь — всемогущий покровитель и защитник православного Востока. Пока он жил, миллионы арабов жили в мире и безопасности. На него с упованием взирали не только православные арабы, но и мусульмане, зная, что русский Царь является в большой мере и для них гарантией мирной и благоденственной жизни. Православные миссии на Востоке в пределах Сирии, Ливана и Палестины принимали на бесплатное обучение и содержание всех арабских детей, не спрашивая, какой они религии, чем привлекали всех людей. Единственной обязанностью со стороны учащихся было прилежное изучение русского языка и православного*

¹ Обезглавленная Русь: Кому мешала православная монархия? / авт.-сост. И. Я. Царегородцев. М., 2013. С. 77.

² Краснов П. Н. Тихие подвижники // Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. М., 1992. С. 47–48.

катехизиса»¹. Арабский траур по смерти Императора Николая II длился несколько лет.

Государь Император Николай II в своей деятельности на благо Православной Церкви и в своих личных христианских добродетелях превзошел всех своих царственных предшественников, сподобившись вкупе со своей Семейю мученического венца и церковного прославления в лике страсто-терпцев. **«Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох»** (2 Тим. 4, 7).

Из письма Николая II Марии Федоровне летом 1898 года: *«Я с покорностью и уверенностью смотрю в будущее, известное только Господу Богу. Он всегда все устраивает для нашего блага, хотя иногда Его испытания и кажутся нам тяжелыми; поэтому надо с верою повторять: “Да будет воля Твоя”»*².

¹ Кузнецов В. В. Русская Голгофа. СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. С. 103–104.

² Российские самодержцы (1801–1917). М.: Междунар. отношения, 1993. С. 328.

История и современность

Николай КОНЯЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ГОСУДАРЯ*

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 г. в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* Печатается в сокращении.

Хладнокровие Николая II, проявленное им в дни отречения, так резко контрастирует с беснованием уличных митингов и думских совещаний, с помрачением штабов и министерств, что кажется, будто речь идет о событиях, разделенных целыми эпохами.

Но так и было...

Император жил как бы в другом измерении, и проникнуть туда не помогла ни знатность, ни богатство, ни интриги.

И не слабость Государя видится нам в его отречении, а вершина попыток исправить совершенные отцами династии ошибки и нравственное осуществление этого исправления.

Николай II подписал отречение не потому, что поддался на уговоры или испугался угроз.

Просто стало ясно в эти дни, что с существующей правящей аристократией построить Русь, которую он воздвигал вместе с православным русским народом, не удастся.

Чтобы завершить работу, совершаемую по воле Божией, стране необходимо избавиться от аристократии, происходящей из созданного первыми Романовыми класса рабовладельцев, аристократии, которая и полвека спустя после отмены крепостного права продолжала оставаться по духу аристократией рабовладельческой империи.

1

Говорят, что в истории нет со-
слагательного наклонения...

Это, разумеется, верно, но верно только в узком смысле.

Если же историю рассматри-
вать не только как цепь поступков
и деяний, порождаемых своеволием
и гордыней отдельных личностей,
но попытаться прозреть духовный
смысл ее, то окажется, что вся исто-

рия — это история вразумления народов, не желающих слышать и видеть то, что открывает им Господь; что это история неизбежного возвращения народов к тем ситуациям и проблемам, от решения которых эти народы малодушно уклонились.

И неважно, сколько прошло лет или столетий.

Завершая династию, Николай II пошел по пути страстотерпца Бориса. Командуя дружиной своего отца, равноапостольного князя Владимира, Борис, несмотря на очевидное превосходство в силе, отказался от войны за великокняжеский престол с братом Святополком, пожертвовал собою ради предотвращения разорительной для страны междоусобной войны.

Предательству аристократии, военачальников, министров и интеллигенции Николай II мог сейчас противопоставить только народ, призвав его защитить своего Самодержца. Но даже если бы и услышан был его призыв? Чем кроме моря крови могла обернуться эта война?

Конечно, как справедливо отмечал Иван Александрович Ильин, Николай II, стремясь избежать гражданской войны, согласился на отречение, и в результате народ вел гражданскую войну без Государя и не за Государя...

Понимал ли это последний русский Император?

Как свидетельствуют записи в его дневнике и свидетельства близких, понимал.

Но ведь понимал он и то, что хотя жертва страстотерпцев Бориса и Глеба не предотвратила междоусобной войны на Руси, эта жертва предотвратила нечто большее, чем война — Божий Гнев!

Николай II понимал, что его ждет. И от этой страшной участи он не пытался скрыться.

Он только молился.

И за Россию, и за свою семью, и за себя.

Он очень хорошо знал, в чьи руки он отдает сейчас себя...

2

Надо сказать, что, в отличие от других деятелей революции, Александр Федорович Керенский своего членства в масонской ложе никогда не скрывал:

«Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией... Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества...

Основу нашего общества составляла местная ложа. Высший совет ордена имел право создавать специальные ложи помимо территориальных. Так, была ложа в Думе, другая — для писателей и т. д. При создании каждая ложа получала полную автономию... На ежегодных съездах делегаты от лож обсуждали проделанную работу и проводили выборы в Высший совет. На этих же съездах генеральный секретарь от имени Высшего совета представлял на рассмотрение делегатов доклад о достигнутых успехах с оценкой политического положения и программой действий на предстоящий

год. Порой на съездах между членами одной и той же партии происходили острые столкновения мнений по таким жизненно важным проблемам, как национальный вопрос, формирование правительства, аграрная реформа. Но мы никогда не допускали, чтобы эти разногласия наносили ущерб нашей солидарности.

Такой внепартийный подход позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых — создание программы будущей демократии в России, которая в значительной степени была воплощена в жизнь Временным правительством. Бытует миф, который всячески распространяли противники Временного правительства, о том, будто некая мистическая тройка масонов (имеются в виду А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко. — *Н. К.*) навязала правительству, вопреки общественному мнению, свою программу. В действительности же положение в России и насущные нужды нашей страны обсуждались на съездах масонов людьми, которые во все не пытались навязать друг другу свои политические программы, а руководились лишь своей совестью в стремлении найти наилучшие решения. Мы ощущали пульс национальной (какой нации? — *Н. К.*) жизни и всегда стремились воплотить в нашей работе чаяния народа (какого народа? — *Н. К.*)»¹.

В 1913 году, сразу же после вступления в масонскую ложу, Керенскому было предложено первое испытание.

В Киевском окружном суде рассматривалось тогда дело Менделя Бейлиса, убившего ученика Киево-Софийского Духовного училища Андрюшу Ющинского. Все силы прогрессивно-либеральной общественности были брошены на оправдание Бейлиса, и Александр Федорович Керенский, нарушая мыслимые и немыслимые нравственные и юридические нормы и правила, сумел провести на коллегии адвокатов Санкт-Петербурга резолюцию, которая гласила:

«Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушений основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а также против возложения на суд чуждых ему задач, а именно сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды. Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России».

Виновен ли в совершении этого преступления Менахиль Мендель Тевиел Бейлис, мнения разделились. Шестеро присяжных признали его виновность, шестеро не были убеждены в ней, и в результате Бейлис оказался признанным невиновным.

Насколько подорвало решительность шести присяжных заявление петербургских адвокатов, судить трудно, но карьера Александра Федоровича Керенского после этого сразу круто пошла вверх. Тогда-то и возшла на общественно-политическом небосклоне России его звезда.

¹ *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары: пер. с англ. М.: Республика, 1993. С. 62–63.

И вот теперь ему предстояло выдержать следующий экзамен.

Надо было по-масонски, то бишь по «своей совести», расправиться с Николаем II и его семьей...

Отметим, что у Александра Федоровича с Царской Семьей были свои счета.

14 февраля 1917 года в своей речи в стенах Государственной думы А. Ф. Керенский открыто призвал не только свергнуть монархию, но и при необходимости физически устранить правящую династию.

За всю историю парламентской монархии в России никто еще не позволял себе заявлять такое с думской трибуны, и Императрица Александра Федоровна, со свойственной ей прямоотой, пообещала повесить Керенского на самом высоком суку в царскосельском парке.

3

Сейчас написано великое множество работ, посвященных трагедии Царской Семьи, но по-прежнему основной акцент переносится на екатеринбургский финал. И как-то упускается при этом, что сама трагедия началась уже в первых числах марта 1917 года, как-то смазывается и ускользает та очевидная мысль, что без хлопот Александра Федоровича Керенского не было бы и екатеринбургского ужаса.

Как известно, 4 марта генерал М. В. Алексеев связался из Ставки по прямой линии с князем Георгием Евгеньевичем Львовым — А. Ф. Керенский сам пишет об этом в мемуарах «Россия на историческом повороте» — и сообщил, что Николай II передал ему листок бумаги с текстом своего послания. В нем была изложена просьба: разрешить ему и его свите беспрепятственный проезд в Царское Село для воссоединения с больными членами семьи. Во-вторых, бывший Император просил гарантировать безопасность временного пребывания в Царском Селе вплоть до выздоровления детей, а, в-третьих, гарантировать беспрепятственный переезд в Романов (Мурманск). Четвертая просьба касалась разрешения вернуться после войны в Россию и поселиться в Крымской Ливадии для постоянного проживания, но ее по телефону генерал Алексеев озвучивать не стал.

Как писал сам Керенский, «документ этот открывал дорогу к разрешению нашей проблемы». Но так он писал в мемуарах, изданных в Лондоне много лет спустя, а в 1917 году им было сделано все, чтобы не допустить мирного разрешения «проблемы».

В тот же день, когда бывший Император обратился к князю Львову с письмом, отдававшим «Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства»¹, была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать также и деятельность Николая II и Александры Федоровны на предмет вреда, нанесенного интересам страны. Ну, а для того, чтобы комиссия могла успешно выполнить свои обязанности, Керенский потребовал принять к Императорской Семье меры пресечения.

7 марта Николай II и Александра Федоровна были лишены свободы, и Царская Семья оказалась полностью в руках Керенского.

¹ Из Протокола допроса А. Ф. Керенского судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколовым в Париже 1920 года 14–20 августа 1920 года.

И ведь как вовремя ухватил Александр Федорович царскую чету!

6 марта Павел Николаевич Милуков встречался с послом Великобритании сэром Джоржем Бьюкененом, чтобы выяснить позицию британского правительства, и 10 марта Бьюкенен сообщил, что британское правительство положительно относится к идее переезда Царской Семьи в Англию.

Но теперь — следствие началось! — с переездом в Англию следовало погодить.

А там — хотя в ходе работы Комиссией был собран огромный материал, но никаких противозаконных действий со стороны Николая II и Александры Федоровны, как, впрочем, и других высших должностных лиц империи, обнаружить не удалось! — 10 апреля 1917 года король Георг V (кстати, он был двоюродным братом Николая II) дал указание своему секретарю лорду Станфордхэму предложить премьер-министру, «учитывая очевидное негативное отношение общественности, информировать русское правительство о том, что правительство Его Величества вынуждено взять обратно данное им ранее согласие».

Без хлопот астральных медведей¹ тут явно не обошлось, и мы так уверенно говорим о масонской составляющей этого решения, потому что Николай II, будучи полковником Русской армии, носил еще чин английского фельдмаршала и за три года войны сделал очень много для успеха союзнических войск. Достаточно было нескольких статей в газетах, чтобы простые англичане с цветами встретили его в Лондоне.

Но другое дело — «общественность».

Против «общественности» не попрешь! Хоть, наверное, и поглавнее, чем в «Малой медведице», имелись в Лондоне масоны, но хозяева-то у тех и других были одни, и неужто надо было тратить деньги на убийство Григория Ефимовича Распутина, чтобы теперь спасти российского Императора?

Кто-кто, а Александр Федорович Керенский это понимал...

4

Забегая вперед, скажем, что и авторство плана отправить Царскую Семью в Сибирь тоже целиком принадлежит Александру Федоровичу Керенскому.

— Было решено изыскать для переселения Царской Семьи какое-либо другое место, и все разрешение этого вопроса целиком было поручено мне, — объяснял А. Ф. Керенский на допросе у Н. А. Соколова в Париже. — Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто немыслим был сам факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немыслимо было увезти Их и на юг. Там уже проживали некоторые из Великих князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов, я остановился на Тобольске. Отдаленность Тобольска и его особое географическое положение, ввиду его удаленности от центра, не позволяло думать, что там возможны

¹ Ложа «Малая медведица» осуществляла общее руководство и контроль действий масонов в России.

будут какие-либо стихийные эксцессы. Я, кроме того, знал, что там удобный губернаторский дом. На нем я и остановился...

Эти показания Керенского относятся к 1920 году, когда многие эмигранты позабыли уже, что это они и предали Государя, и начинали вновь ощущать себя монархистами. При таком настроении общественности суровая масонская правда 1917 года становилась опасной для здоровья, вот и приходилось Александру Федоровичу выкручиваться.

Но выкрутиться не удавалось...

Как-то очень дико звучали слова Керенского насчет удобного дома в Тобольске. Уж чего-чего, а подходящий дом — война пока никак не задела российские земли — можно было найти и в других русских городах.

Еще нелепее звучали объяснения насчет безопасности пути...

«Я не могу понять, почему везти Царя из Царского куда-либо кроме Тобольска, означало везти его через рабоче-крестьянскую Россию, — резонно заметил по этому поводу следователь Н. А. Соколов, — а в Тобольск — не через рабоче-крестьянскую Россию»¹.

Это, действительно, понять невозможно, но можно понять, почему говорил так Александр Федорович. Увозили Царскую Семью в самую российскую глубь, конечно же, для того, чтобы им невозможно было выбраться оттуда, а во-вторых, для того, чтобы не нести никакой ответственности, если и случится там с ними что-то нехорошее. Ну, понятно, что наказали бы кого-нибудь из охраны, но с непосредственных министров Временного правительства какой спрос? Как доглядишь, как примешь спасительные меры, если такая даль отделяет Тобольск от Петрограда?!

Были, конечно, и другие причины, чтобы выбрать Тобольск, но об этом мы еще поговорим, а пока вернемся в Царское Село.

5

«В первый раз я посетил Царское через несколько дней после доставления туда Царя. Это было в конце первой половины марта месяца, пожалуй, 10—12 числа. Я видел тогда Царя, Александру Федоровну и Детей, познакомился с Ними. Я был принят в одной из комнат детской половины, — рассказывал Керенский на допросе, а потом, день спустя, снова вернулся к сладким для него воспоминаниям: — Я вхожу впервые к ним. Вдали стоит, сбившись в кучу, как бы испуганная Семья. Ко мне идет нерешительно, как-то робко полковник. Скромная фигура, какая-то неловкая, одетая как будто бы в костюм с чужого плеча. Мы сошлись. Было смущение. Он не знал, подавать ли мне руку, подам ли руку я. Я протянул ему руку и назвался: “Керенский”. Он сразу вышел из неловкого положения, заулыбался приветливо, повел к Семье. Там рядом с Ним стояла передо мной женщина, в которой сразу же чувствовался человек с колоссальным честолюбием, колоссальной волей, очень упрямый, совершенно Его подавлявший своим волевым аппаратом».

И хотя, как мы уже говорили, Александру Федоровичу Керенскому приходилось скрывать свои подлинные поступки и побуждения, но, то ли

¹ Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. М.: Сирин, 1990. С. 38.

по столь свойственной ему актерской горячности, то ли по какой-то особой масонской простоватости, он то и дело проговаривается, повествуя, как издевался над своими венценосными узниками.

«После обычных слов знакомства я спросил Их, не имеют ли Они сделать мне, как представителю власти, каких-либо заявлений, передал Им приветствие от английской королевской семьи и сказал несколько общих фраз успокоительного характера. В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы, **дал некоторые указания руководящего характера.**

Вторично я был в Царском вместе с полковником Коровиченко, которым я заменил коменданта дворца, кажется, Коцебу.

Согласно воле Временного правительства я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим в Царском, и передал ее для руководства Коровиченко. **Инструкция, установленная мною**, не касаясь подробностей, вводила:

а) полную изоляцию Царской Семьи и всех, кто пожелал остаться с Нею, от внешнего мира;

б) полное запрещение свиданий со всеми заключенными **без моего согласия**;

в) цензуру переписки.

Установлена была двойная охрана и наблюдение: внешняя, принадлежавшая начальнику гарнизона полковнику Кобылинскому, и внутренняя, лежавшая на полковнике Коровиченко. Коровиченко, как **лицо, назначенное мною**, который был уполномочен Временным правительством, являлся уполномоченным от меня. Ему там в мое отсутствие принадлежала полнота власти.

Вводя указанный режим, я установил в то же время, как руководящее начало полное невмешательство во внутренний уклад жизни Семьи. Они в этом отношении были совершенно свободны.

Я заявляю, что с того момента, когда **Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства**, я считал себя по долгу чести обязанным перед Временным правительством оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей проявление в обращении с Нею **черт джентльменства**».

Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства...

Так Керенский называет арест Императора и Императрицы.

Ну и насчет «джентльменства» тоже надо сказать.

Николай II виделся джентльмену Керенскому человеком скрытным, ограниченным, неинтеллигентным, поражающим полным равнодушием ко всему внешнему, претворившемуся в какой-то болезненный автоматизм.

«Когда я взгляделся больше в Его лицо, то оно мне стало казаться маской. Из-за этой улыбки, из-за этих чарующих глаз выглядывало что-то мертвящее, безнадежное, какое-то последнее одиночество, последняя опустошенность».

«А рядом, — это Керенский уже об Александре Федоровне говорит, — мучилась, страдала без власти, не могла оторваться от вчерашнего дня,

не могла примириться с многим: больная, истеричная, такая вся земная, сильная и гордая женщина. Она подавляла всех кругом своим томлением, тоской, ненавистью, непримиримостью. Такие как она никогда ничего не забывают, никогда ничего не прощают».

Такими раздавленными, ничтожными и видел, а вернее хотел видеть Керенский своих пленников, это наполняло его собственным джентльменским величием, и он старался передать свое джентльменство и охране.

«Встав в позу, я обратился к ним с напутственной речью, в которой, между прочим, сказал: “Помните, солдаты: **лежащего** не бьют”».

6

Скоро все «черты джентльменства» были проявлены Александром Федоровичем по отношению к **лежащим** узникам не только на словах:

«Кроме этой меры, была принята еще вторая мера: лишение на некоторое время общения Николая II и Александры Федоровны, разделение их. **Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе**, после одного из докладов, сделанного мне по их делу следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос их комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Федоровне объявлено было об этой мере Коровиченко по моему приказанию. Наблюдение за выполнением этой меры было поручено Коровиченко, причем о ней были предупреждены и другие лица, жившие с ними в Царском... Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал, приблизительно, с месяц».

Конечно, можно говорить, что Александр Федорович не избивал своих узников, не морил их голодом... **Принимаемые им** по отношению к августейшим пленникам **меры** почти никак физически не ущемляли их, они только заставляли постоянно, ежеминутно ощущать его, Керенского, власть над ними.

Сам Керенский упивался своим могуществом, ну а как чувствовали себя люди, которые всего несколько недель назад правили гигантской империей, Керенского по свойственному ему джентльменству интересовало только, так сказать, с познавательной стороны.

«Всмотревшись в эту живую маску, — рассказывал он на допросе у Н. А. Соколова, — понял я, почему так легко выпала власть из его рук: он не хотел бороться за нее. В нем не было воли к власти. Он без всякой драмы в душе ушел в частную жизнь.

“Как я рад”, говорил Николай II старухе Нарышкиной, “что больше не надо подписывать этих скучных, противных бумаг. Буду читать, гулять, буду с детьми”. Эти слова не были рисовкой со стороны Николая II, ибо действительно в заключении Николай был большей частью в благодушном настроении, во всяком случае спокоен. Тяжелое бремя власти свалилось с плеч и стало свободнее, легче. Вот и все»...

Только иронии достойно объяснение Александра Федоровича, почему **так легко** выпала власть из рук Императора Николая II. Из рук самого Александра Федоровича, как известно, власть выпадет еще легче...

А вот насчет **воли к власти** интереснее.

Керенский, которого его родная масонская организация, словно ради забавы, обвесила таким множеством высших государственных должностей, относится к власти, как к работе в адвокатской конторе: навел справки, разобрался, договорился, объяснил, уговорил, произнес блистательную речь — и можно идти получать заслуженный гонорар!

Керенский даже не понимал, что для Николая II власть была не должностью, а тяжким царским служением, и скинуть его с себя он не мог, поскольку и лишенный власти он оставался и Царем, и Государем.

Впрочем, хотя Александр Федорович, конечно, и не понимал этого, но все-таки некая адвокатская проницательность присутствовала в нем, и он отмечал нечто прорывающееся в Николае II сквозь «благодушное настроение».

«Он, действительно, мог быть, и был мистиком, — доверительно рассказывал А. Ф. Керенский Н. А. Соколову в Париже. — Он искал общения с небом, так как на земле все ему опостылело, было безразлично».

Тут, сам того не понимая, Александр Федорович попадал почти в точку. Общения с небом Николай II искал. Вернее, и так-то подтянутый и собранный, он еще более духовно сосредотачивается в эти месяцы, предчувствуя, какие испытания предстоят ему.

«21-го марта. Сегодня днем внезапно приехал Керенский, нынешний министр юстиции, прошел через все комнаты, пожелал нас видеть, поговорил со мною минут пять, представил нового коменданта дворца и затем вышел. Он приказал арестовать бедную Аню и увезти ее в город вместе с Лили Ден. Это случилось между 3 и 4 часами, пока я гулял. Погода была отвратительная и соответствовала нашему настроению!

25-го марта. Благовещение. В небывалых условиях провели этот праздник — арестованные в своем доме и без малейшей возможности сообщаться с мамá и со своими! В 11 часов пошел к обедне с Ольгой и Татьяной. После завтрака гулял и работал с ними на островке. Погода была серая. В 6 ½ были у всенощной и вернулись с вербами. Анастасия встала и ходила наверху по комнатам.

27-го марта. Начали говеть, но, для начала, не к радости началось это говение. После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми сидеть отдельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия»...

7

Мы приводим эти выдержки из дневника Николая II, чтобы снова поразиться величайшему самообладанию, пример которому явлен здесь. Ведь, казалось бы, тут **так** легко возмутиться, поскольку возмущает буквально все, и **меры**, связанные с изоляцией Императрицы, и нелепые запреты, и мучительное неведение о судьбе и своей собственной, и своей семье.

Но Государь не один.

Его жизнь-подвиг проходит на глазах у детей.

Он находился рядом с ними!

И хотя он лишен государственной власти, но семейной ответственности никто не лишал его. Он остается в глазах детей Государем, и не имеет права показать им слабость и малодушие. Он обязан сохранять свой отцовский и императорский авторитет перед детьми еще и потому, что ему — Николай II уже чувствует это — предстоит провести по мученическому пути всю свою семью.

Дети тоже чувствовали это и так и вели себя, поддерживая своим поведением отца.

«31-го марта. Хороший солнечный день. Погулял с Татьяной до 11 часов. В 2 часа был вынос плащаницы. Гулял и работал у паромы. В 6 ½ пошли к службе. Вечером исповедовались у о. Беляева».

Царевич Алексей болел в тот день, на службе сидел в креслах одетый в голубой халатик, обшитый по краям узорчатой тесьмой...

«Как шла исповедь говорить не буду... — записал тогда в дневнике настоятель Феодоровского собора Афанасий Беляев. — Впечатление получилось такое: Дай, Господь, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне, как духовнику о грехах, может быть, им неведомым, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах...»

Обид на притеснения охраны Николай II в своих дневниковых записях не высказывает. Вернее, не позволяет себе высказывать.

Только 8 июня, когда солдаты отберут детскую винтовку Алексея, которой тот играл на острове, Николай II возмущенно запишет: «Хороши офицеры, которые не осмелились отказать нижним чинам».

И снова страницы дневника заполняют прогулки, тихие летние вечера, катание на лодке, работа в парке.

«В мае, когда потеплело, начал работать в огороде, занимался с Алексеем географией, историей, катался на лодке и велосипеде, по вечерам читал детям вслух книги на английском и французском языках. 25 мая начал читать вслух "Графа Монте Кристо"».

Чтение романа затянулось на целый месяц.

Счастливые семейные вечера в гостиной царскосельского дворца...

И никто из внимавших рассказу о приключениях заточенного на острове графа не знал, что уже скоро им всем предстоит отправиться в долгий и страшный путь.

Никто не знал, что всем им остается жить ровно один год...

«26-го июня. День стоял великолепный. Наш хороший комендант полковник Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали. Занимался с Алексеем географией. Спилили громадную ель недалеко от решетки за оранжереями. Стрелки сами пожелали помочь нам в работе. Вечером окончил чтение "Le Comte de Monte-Christo".

28-го июня. Вчера был взят нами Галич и 3000 пленных и около 30 орудий. Слава Богу! Погода стояла серая и теплая, с ветром. После прогулки имел урок истории с Алексеем. Работали там же; спилили три ели. От чая до обеда читал.

11-го июля. Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Царского Села к беспокойной столице.

12-го июля. День был ветреный и холодный — 10° только. Погулял со всеми дочерьми. Днем работали там же. Распилили четыре дерева. Все мы думали и говорили о предстоящей поездке; странным кажется отъезд отсюда после 4-месячного затворничества!

13-го июля. За последние дни нехорошие сведения идут с юго-западного фронта. После нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. Пользуясь этим благоприятным для себя обстоятельством, германцы и австрийцы даже небольшими силами произвели прорыв в южной Галиции, что может заставить весь юго-западный фронт отойти на восток.

Просто позор и отчаяние! Сегодня, наконец, объявление Временным правительством, что на театре военных действий вводится смертная казнь против лиц, изобличенных в государственной измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым.

День простоял серый, теплый. Работали там же по сторонам просеки. Срубили три и распилили два поваленных дерева. Потихоньку начинаю прибирать вещи и книги».

Что еще удивляет в этом дневнике?

Железная самодисциплина, предельная строгость к себе, мужество и бесстрашие производили удивительные вещи.

В дневниках нет ни рефлексии, ни каких-либо сожалений.

Николай II живет каждый день, как и положено жить христианину, готовым, что этот день будет последним для него. Разумеется, он не думал об этом, вернее не позволял себе думать. Каждый день встречал он с радостью и жил этот день с тем предельным наслаждением, которое не омрачается никакими пустыми и несущественными хлопотами о суетных проблемах...

«28-го июля. Чудесный день; погуляли с удовольствием. После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии! Срубили и свалили огромную ель на просеке у дорожки. Прошел короткий теплый дождь...»

8

Нынешних исследователей не устраивают лживые и увертливые разъяснения А. Ф. Керенского по поводу выбора Тобольска, и многие из них склоняются к мысли, что первый русский город в Сибири был выбран Временным правительством в силу своей, так сказать, каторжной отмеченности. Три с лишним века шли в Сибирь через Тобольск ссыльные и каторжники.

И хотя всю глубину астрально-медвежьего замысла о судьбе Царской Семьи это объяснение, разумеется, не исчерпывает, однако, несомненно, что оно ближе к истине, чем невнятное бормотание Александра Федоровича Керенского.

Говорят, что страна потеряла в его лице великого актера.

Мы бы добавили, что и режиссера тоже.

Когда то ли в «Малой медведице», то ли в более вышестоящем органе решение о высылке Царской семьи в Тобольск было утверждено, Александр Федорович, позабыв про все государственные дела, сразу же взялся за эту постановку.

«31-го июля. Последний день нашего пребывания в Царском Селе, — записал тогда в дневнике Николай II. — Погода стояла чудная. Днем работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, который все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10 ½ милый Миша вошел в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно»...

Ну, конечно, неудобно!

Но так это и было задумано Александром Федоровичем!!!

«Я присутствовал при последнем свидании Государя с Михаилом Александровичем в ночь отъезда из Царского, — вспоминал он. — Встреча братьев состоялась около полуночи в кабинете Царя. Оба казались очень взволнованными. Тягостные воспоминания о недавнем прошлом, видимо, удручали обоих. Довольно долго они молчали, а затем возник какой-то случайный, малозначащий разговор, столь обычный для такого рода кратких встреч. “Как Алиса?”» — спросил Великий князь. Они стояли друг перед другом, не в силах сосредоточиться на чем-либо, время от времени хватаясь за руку другого или за пуговицу мундира».

Мизансцена замечательна и по выбору, и по расстановке фигур...

В одном помещении, на одной сценической площадке, сошлись и бывший Император Николай II, и его брат, который мог бы стать императором Михаилом II и, конечно, сам Александр Федорович, ставший в результате главой России, человеком, которого поклонники называли Александром IV.

Так сказать, вот она, сама история...

И какое точное исполнение.

Братья императоры «не в силах сосредоточиться на чем-либо», время от времени бестолково хватают друг друга за руки или за пуговицы мундира, а он, Керенский, благородно отошел в сторону к окну и задумчиво смотрит на темный сад, размышляя о судьбе России...

Воистину, мизансцена — это язык режиссера, действительно, это средство наиболее полного раскрытия образного содержания и способ достижения художественного впечатления...

— Могу ли я видеть детей? — несколько нарушая режиссерский замысел, обратился к Керенскому Великий князь.

— К сожалению, я вынужден вам отказать, — хладнокровно ответил Керенский. — Не в моей власти продлить долее вашу встречу¹.

Учитывая, что несколько дней назад А. Ф. Керенский сменил князя Георгия Евгеньевича Львова на посту министра-председателя, сохранив при

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 236.

этом пост военного и морского министра, ответ его предполагал какие-то ответные реплики со стороны братьев Романовых, но они не стали ни упрямиться, ни уступать Александру Федоровичу, ни негодовать.

«Они начали прощаться, — завершая описание этой мизансцены, пишет Керенский. — Кто мог подумать, что это была их последняя встреча».

9

Незадолго до этого у Александра Федоровича состоялся разговор с самим Николаем II.

«После определения даты отъезда я объяснил Николаю II создавшееся положение и сказал, чтобы он готовился к длительному путешествию. Я ему не сообщил, куда ему предстоит ехать, и лишь посоветовал, чтобы он и его семья взяли с собой как можно больше теплой одежды. Николай II выслушал меня очень внимательно, и когда я сказал, что все эти меры принимаются ради блага его семьи, и просто постарался приободрить его, он посмотрел мне в глаза и произнес: “Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим вам. Если вы говорите, что это необходимо, значит, так оно и есть”. И повторил: “Мы верим вам”»¹.

Сам Керенский привел этот разговор, как свидетельство доверительности своих отношений с Императором. В его пересказе Николай II, которого он отправляет вместе с семьей на смерть, как бы и заискивает перед ним. Но это, его, Керенского, пересказ.

Тут вообще не о доверительности со стороны Государя идет речь и тем более не о заискивании, а о гораздо большем.

Слова Николая II звучат, как отзвук евангельских слов Спасителя, обращенных к Иуде: «Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежащих не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: “купи, что нам нужно к празднику”, или чтобы дал что-нибудь нищим»².

Было 5 часов утра 14 августа, когда подали поезд.

Поезд бывшего Царя — еще одна находка режиссера Керенского! — шел под японским флагом. На спальном вагоне, где четыре купе занимала семья, красовалась надпись: «Японская миссия Красного Креста».

Напомнить бывшему Императору проигранную им Русско-японскую войну, это Александр Федорович неплохо придумал. Из-за этого и управление Россией можно было отложить почти на целые сутки.

Но и тут Керенский не покинул узников, обеспечивая свое «джентльменское» сопровождение до конца. Поезд подали не к перрону, а на переезд, на «пятый запасной путь», где подъем на ступеньки вагона был затруднен.

Первой в вагон по указанию Керенского отправили Императрицу.

Александра Федоровна — никто не помогал ей! — с трудом влезла на неудобную подножку вагона и всей тяжестью тела повалилась на площадку, в тамбуре.

¹ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 235.

² Евангелие от Иоанна. Гл. 13. Ст. 27–29.

Вот тут-то Керенский, словно только и ждал этого, подскочил к упавшей женщине, помог ей подняться, и повел в купе.

Там он поцеловал Императрице руку и сказал:

— До свиданья, ваше величество! Как видите, я предпочитаю придерживаться в обращении с вами старого титула.

Но увы, увы...

Александра Федоровна вообще с трудом улавливала тонкости русского языка, а сейчас, когда она так унижительно упала животом на пол в грязном тамбуре, она и вообще не понимала, о чем говорит человек, которого ей так хотелось повесить на дереве в царскосельском парке.

Керенский, видимо, понял, что его тонкая ирония не доходит до этой грубой женщины, и поспешил выйти из купе.

Он сделал здесь, кажется, все, что было поручено.

Пора было браться теперь за Россию.

Наконец, поезд тронулся в путь.

«Красив был восход солнца, при котором мы тронулись в путь на Петроград и по соединительной ветке вышли на Северную железнодорожную линию», — записал Николай II в дневнике.

Стучали колеса.

Оставив в стороне Шлиссельбург, поезд шел к городу, которому назначено было стать Голгофой Царской Семьи.

Борис СПОРОВ

СВОЯ РУКА ВЛАДЫКА...

Борис Федорович Споров — родился в 1934 г. в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Патриаршей премии. **Живет в Москве.**

Старик сидел на обочине дороги, лицом к опушке леса, откуда и вела проторенная тропа. Сидел он, казалось, неудобно, напряженно, рукой опершись в землю. Одна нога его была согнута в колене, вторая как будто тянула в придорожный кювет. Несколько в стороне, точно отброшенная, лежала походная сумка. Внешне старик был роста выше среднего, лет семидесяти, без лишнего веса, плоскогрудый, с усталым, болезненным лицом. Одет не для леса: легкие темные брюки, босоножки с носками, льняной пиджак без подкладки расстегнут, на голове летняя белая кепка. Рядом, на земле, палка, кустарная клюшка, какими обычно торгуют на южных курортах. Одно трудно было понять: отдыхает человек, кого-то ждет или занемог.

Легкий ветерок шумел листьями опушки — и веял в лицо теплой свежестью. Небо высокое, редкие облака, и казалось, весь мир дышал благодатью. И все это, наверное, проходило мимо этого человека. Лицо его оставалось неподвижным и безразличным ко всему внешнему миру.

Оставалось неясным, почему и долго ли вот так одиноко сидит старик. Наконец он зашевелился: развернул голову, взял в правую руку клюшку за прямой ее конец и слегка потянулся крючком за сумкой. Он ловил ее за наплечный пояс, но всякий раз крючок соскальзывал.

Именно в это время на тропу из леса вышел мальчик со щенком на веревочном поводке. Был он одет просто: в стареньких кедах и джинсах, на плечах в клетку линиялая рубаха, на голове спортивная кепка, большим козырьком к затылку. На вид ему было лет семь — дошкольник, но оказалось уже полных восемь — осенью второклассник.

Щенку, наверно, месяц-полтора, похоже, дворовой породы, он еле тащился на поводке — устал.

Они тотчас заметили друг друга.

«Дядек сумку удит, а никак», — щуря один глаз, подумал мальчик.

«И то хоть живая душа», — в немощи подумал и старик.

Когда, проходя мимо, мальчик со щенком поравнялись, старик вырвал из руки палку, а мальчик, шмыгнув носом, спросил:

— А ты что тут?

Старик молча поманил его кистью руки к себе, и мальчик со щенком подошли.

— Сумку, — пересохшими губами прошелестел старик.

Сумка оказалась не то чтобы тяжелая, но увесистая. И только теперь мальчик понял, что старик болен и беспомощен, и даже лицо его было мертвенно бледным. Он шарил пальцами руки по сумке, но видимо не мог сообразить, как открыть ее.

— Погодь, я открою, — предложил мальчик, и рука старика беспомощно обвисла.

— Там, в кармане... лекарства, — подсказал он.

Сумка была заполнена всякой всячиной — много травы. Но мальчик все понял правильно: извлек литровую бутылку с водой, вжикнул замком кармана — и выгрузил оттуда все упаковки с лекарствами. Старик потянулся за красной упаковкой, но пальцы не слушались, и тогда мальчик извлек из упаковки стеклянную трубку с колпачком, снял этот колпачок и, не раздумывая, нажал на головку: в сторону брызнула рассеянная струя — он видел, как это делает сосед по дому, у него сердце больное. Старик кивнул головой в знак согласия и открыл как будто скрипнувший рот. Мальчик дважды впрыснул ему лекарство. Старик на мгновение как будто задохнулся, но уже скоро сказал:

— И таблетку большую...

И уже минут через пять-десять старик как будто встряхнулся, даже лицо его обмякло — и он попытался улыбнуться.

Тем временем мальчик стоял на коленях, морщил, вздергивая, нос и с долей недоумения смотрел на перемены в лице живого человека.

Щенок, раскинув лапы, лежал на брюхе и тоскливо поскуливал. Старик наконец глубоко вздохнул, улыбнулся и негромко сказал:

— Вот и отпустило... Ну, мальчик, добрый ты человек, спасибо тебе за помощь...

Мальчик, втягивая голову, пожал плечами:

— Какая такая помощь...

— Спасибо... А как тебя по имени?

— Да Тошкой зовут, а так-то Антон...

— Какой же ты Тошка, — старик и подбородок заметно вздернул. — Антон! И писателя Чехова Антоном звали... Тошка-картошка... Это ведь все равно, если бы меня называли Петрушкой...

Антон засмеялся:

— Петрушка, укроп!..

— Вот, вот, а ведь я Петр, от древнего слова камень.

— Это да...

— А как же иначе? А его как кличут? — вновь устало и тихо спросил старик Петр и кивнул головой в сторону щенка.

— Его — Пират! Да что-то вот не отзывается.

— Значит, не его кличка, вот и не отзывается. Да и кличка какая-то бандитская. Это же твой дружок. Позови Дружком — и отзовется.

— Дружок, Дружок, — позвал Антон, и щенок как будто радостно завилял хвостом.

— Видишь, хвостом виляет — вот и зови его Дружком. А то Пират, так ведь и палачом можно назвать... А что же он скулит?

— Что, что? Устал — и жрать хочет.

Старик Петр прихватил пальцами правой руки кисть левой — и притих, как будто замер...

— Видишь, Антон, и тут неладно, — он выбрал еще таблетку и запил ее из пластмассового стаканчика. Отклонился назад, отдышался, после чего сказал: — Ты достань из сумки пакет — там и для нас, и для Дружка перекусить... Сам я вряд ли буду, если только яблоко...

Петр Васильевич на мгновение задумался и как будто сник. А мальчик по-хозяйски погрузился в сумку. Кроме прочего, сумка была полна травы. Что за трава — он не знал, но спросить не решался, понимая, если в сумке, то не зря нарвана. Быстро снял рубашонку, расстелил на землю и выгрузил на нее из сумки траву. И только тогда извлек большой темный пакет с едой.

По дороге за спиной проехала из города машина. Резко пахло бензиновой гарью... Вот ведь как: в городе машина пройдет рядом — и не почувствуешь, а здесь так и шибануло в нос... И так-то тоскливо Петр глянул на предстоящий лес, дальше опушки которого так и не прошел, не побродил в удовольствие. А ведь ради этого и шел... И вновь потянуло легким шелестом листьев и теплой свежестью.

«А ведь в таком состоянии я не одолею эти полтора километра. Хоть бы машина попутная, — вяло думал он. — Петр, Петр, и понесло же тебя в лес прогуляться», — и он как будто задумался, забылся. Из забытья его вывел Антон:

— Дедушка Петр, все достал... А это что за трава?

— Трава... травка? Лекарственная. Донесем или сразу выкинуть?

— Донесем! — и плечи перекосил. — Запросто донесем.

— Если ты говоришь, значит, донесем. — Петр Васильевич прикрыл глаза, и губы дрогнули, как будто в улыбке. — Подай-ка, Антон, мне пакет.

Мальчик на коленях придвинулся ближе и передал завязанный пакет, пристально наблюдая за руками старика. Пальцы не слушались, с трудом он развязал узел и с напряжением разогнул спину.

— Вот и это увесисто — надо ликвидировать.

— А что там?

— Еда на весь день... Я ведь шел побыть в лесу — стосковался, отдохнуть хотел, а может быть, и проститься с лесом... А оно вот как, внук Антон, получается — не как мы хотим или предполагаем... И газетку постели вместо стола.

Мальчик деловой: он разложил газету, поприжал ее к земле. Доставал из пакета все подряд и тотчас раскладывал на газете: хлеб, огурцы, пара яиц, зеленый лук, соль в коробочке из-под спичек, и наконец маленький термос с чаем и пластмассовая мисочка с двумя куриными ножками и две

варенные картошины... Щенок поскуливал, да и сам Антон готов был заскулить — так хотелось что-нибудь съесть, но мальчик крепился. А еще в пакете было большое зеленое яблоко и складной нож.

— А вы где были, что так проголодались?

— В лесу: на след натаскивал, на охоту, вот и не кормил его с утра.

— Рано его натаскивать, хотя бы с полгода.

— Пусть привыкает, — хмурясь, проворчал Антон.

— Вот съедим: и вам будет легче, и мне... Ты, Антон, начинай, а я для начала еще таблетку запью.

— А с чего начинать? — спросил мальчик.

— Что на тебя смотрит, с того и начинай...

— На меня смотрит курица.

— Вот и начинай с нее, только не забывай о Дружке. Друзей нельзя забывать.

— Не забуду, — Антон добродушно улыбнулся, сбросил с головы кепку с большим козырьком и, не мешкая, взялся за куриную ножку с хлебом. Он так аппетитно ел, что Петру Васильевичу и самому захотелось вот так же с аппетитом пожевать. Он взял огурец, разрезал его вдоль, половину подложил Антону, сам же медленно без соли и хлеба начал похрустывать огурцом. Через минуту-две и Дружок уже грыз небрежно объединенную кость.

— Какой же все-таки породы твой щенок?

Мальчик вскинул взгляд и неожиданно спросил:

— А ты что шапку не скидаешь, когда ешь?

На мгновение Петр Васильевич растерялся. Появилось желание тотчас снять кепчонку, но это было бы слишком.

— Да так, боюсь голову солнцем перегреть...

— А-а-а, — согласился мальчик. Он запрокинул голову — коротко: по небу плыли легкие белые облака, и солнца прямого не было. — А яйцо можно? — без сомнения спросил он.

— Можно, все можно...

И вновь подумал старик: «А ведь надо бы и самому перекусить... Нет желания... Яблоко почищу и с хлебом поем».

И все-таки он разложил ножичек, срезал с куриной ножки часть мякоти, положил на ломоть хлеба, откусил, вяло пожевал, пожевал — но тогда же его начало тошнить — и он освободился от курицы с хлебом и отбросил Дружку, и откушенный бутерброд — ему же.

— Ты, Антон, ешь и вторую ножку... А мне подай яблоко....

Тщательно вытер лезвие ножичка, неспешно и аккуратно начал чистить яблоко: срезаемая кожура получалась непрерывная и тонюсенькая, она как будто просвечивалась насквозь. Управляясь и с второй куриной ножкой, мальчик с удивлением наблюдал за срезаемой с яблока кожицей. Заметив это, старик Петр сказал:

— Так можно и целиком яблоко очистить.

— А зачем? Вовсе незачем...

* * *

Время шло. Уже было съедено все съедобное, выпили из термоса сладкий чай. Вместо чая налили воды из бутылки на всякий случай, бутылку

пластмассовую разрезали ножичком так, что из донышка получилась хорошая чашечка, в нее и налили воды для Дружка. Так что все оставались довольны — и продолжался разговор, необязательный, даже пустой, для затяжки времени. Разговорами старик, Петр Васильевич, старался удерживать мальчика при себе — в одиночестве остаться он боялся, а тотчас податься и идти в город, куда привезли его дети подышать свежим воздухом, не решался — сил не хватит. Потому и вел разговор, надеясь, что в конце концов отдышится и придет в себя — тогда вместе и пойдут в город.

— А лет тебе сколько, Антон?

— Мне? Восемь, девятый... А тебе? — Мальчик собирал бумажки, набивал их в разрезанную бутылку, чтобы отнести до первого мусорного бака.

— Мне, Антон, много. Я на пятьдесят лет старше тебя, на полвека... А у тебя дедушка есть?

— Дедушка?... Траву в пакет или прямо в сумку?

— Давай в пакет — и в сумку...

— Дедушек у меня нет. Внуки есть, а дедушек нету — один шибко водку пил, второго машиной сшибло...

— Трагедия... У меня иначе: дети есть, а внуков нет.

— Будут.

— Может, и появятся, только ведь и не доживу.

— Доживешь... Вон у нас сосед — восемьдесят три, а ходит на Волгу рыбу удить.

— Значит, доживу... Спасибо, Антон, — и печально усмехнулся старик Петр. — Не знаешь, почему здесь так мало машин по дороге?

— Как не знать — знаю. Тутешние все знают.

— Почему же?

— Потому, как эта шосса старая. А там, за посадкой, — он указал рукой за дорогу, — новая. На новой машин как мурашей... А здесь, если только в деревню Сагатова или в Дом для отдыха, так дом этот не работает, а уж дальше и шосса разрушена — батюшка наш, отец Георгий, шуткует: эта дорога в никуда.

— Отец Георгий — это поп?

— Ага, батюшка.

— А ты что, и в церковь ходишь?

— Хожу, в Покровскую, с бабушкой.

Старик прикрыл глаза, легонько покивал головой и с горькой усмешкой сказал:

— А я не хожу... В детстве бывал, а потом — нет...

Антон хмыкнул, прежде чем сказать:

— Не ходишь, не веришь, вот у тебя внуков и нет. А станешь ходить, батюшка покропит — и внуки будут.

— Ну, это, Антон, ненаучная фантастика.

— Сам ты фантастика, — под нос себе пробубнил Антон.

— А не попытаться ли нам подняться в дорогу?

— Домой, Дружок! — щенок потянулся, припадая на передние лапы, и залясал перед мальчиком.

Но пошли не тотчас. Старик Петр долго возился с сумкой: отстегнул наплечный пояс, разъединил его, прикрепил иначе, после чего сумка стала заплечной. С помощью мальчика он пристроил сумку на спину, но трава в

пакете торчала настолько неудобно, что старик без сомнения решил оставить ее на обочине вместе с пакетом, кстати, подумав: «Может, и трава не понадобится, а я стану надрываться». Так что в сумке остался термосок с простой водой на всякий случай, запить таблетку, да мисочка из-под куриных ножек.

— Антон, помоги мне подняться, — наконец позвал он. — Помогай за левую руку...

В правую руку взял клюшку, для начала поднялся на одно колено, затем, покачиваясь, с трудом поднялся на ноги. Голова закружилась, и его качнуло — и ведь поддержал Антон. Старик открыл глаза, и перед ним предстала дорога — тягучий, ровный подъем до самого городка, точнее — до его окраины.

— Как же в гору-то пойдем? — растерянно подумал вслух старик Петр.

— Какая гора — ровненько, и не заметим! — восторженно возразил мальчик. — Это так только кажется!

— Антон, Антон, счастливый ты человек! Даже твой щенок — счастливый...

Прежде чем ответить, Антон вздохнул сокрушенно:

— Нет, я не шибко счастливый: у меня ни одного дедушки, зато два отца — родной и не родной...

— Значит, живешь ты с неродным отцом.

— Ну да.

— Не обижает?

— Нет, не замечает. И устает шибко. У них с матерью еще двое... Поди, заждались меня...

— Если так, то надо идти...

Старик Петр положил левую руку на плечо мальчика, правой рукой навалился на клюшку и сделали первые несколько шагов: ничего, в сторону не вело, и голову не мутило. Понятно, наглотался таблеток, но общее состояние — постельное. Ноги тяжелые, грудь как будто заложило простудой, каждый шаг отдавался в затылке. Особенно — не шли ноги. И уже через два десятка шагов остановились.

— Ты что? — спросил мальчик.

— Ноги... не идут... в гору.

— А ты потряси ногой — одной, а потом другой. Наш старый сосед всегда так делает...

И вновь пошли, и вновь останавливались, но теперь уже не разговаривали. Все тяжелее становилась рука на плече мальчика — он подгибался, но не пытался выскользнуть из-под руки. И лишь щенок раз за разом натягивал поводок, спешил домой.

Старик совсем отяжелел, и даже на короткое время боялся прикрыть глаза, зная, что упадет... Более часа шли они этот километр с небольшим, десятки раз останавливались, и мальчик видел, как из глаз старика выкатывались слезы. И как в наказание — ни одной попутной машины.

Когда остановились, пройдя квартал по городскому тротуару, мальчик спросил:

— А ты где живешь?

Старик морщился, сосредоточенно хмурился, прежде чем ответил:

— Не припомню... На набережной, где скамейки... А ты где?

— А я вот в этом доме. — Старик расслабил пальцы на плече мальчика, но Антон опередил его: — Я тебя не брошу, я провожу тебя до набережной... вот свернем за угол — и прямо по улице — тут не очень далеко — и под горку.

— Спасибо, Антон, — тихо сказал старик.

И они медленно пошли по улице: старик Петр, мальчик Антон и щенок Дружок на веревочном поводке.

СВОЯ РУКА ВЛАДЫКА...

Из рассказов Матвея Абригенова

1

— О, друг мой, сколько лет ломал я свою непросвещенную голову вопросом: и как же это так — Россия, наиболее развитое в то время государство, смертельно рухнула в 1917 году?! И это во время войны, в шаге от поражения Германии! Ведь любая воинская часть, присягавшая Императору, могла бы в один день рассеять всю революционную шушеру. Почему же этого не произошло? Мы понять не могли. Все было сокрыто, оболгано — и непонимание новыми поколениями естественно.

Как судить об Иоанне Кронштадтском, когда кроме определения «черносотенец» мы о нем ничего не знали. И вот что любопытно: я восхитился Кронштадтским пастырем, читая пропагандистскую книгу воспоминаний, помнится, Тихонова, где автор описывал, как он с друзьями-студентами из Петербурга нагло хулиганили на службе протоиерея Иоанна, давая зарисовки деяний настоятеля. И в том, над чем студенты потешались, я увидел чудесные деяния святого — и восхитился! Вот так по крупницам и копилось. В конце концов я понял, что Россию раскачали атеизмом в девятнадцатом веке. В то же время я, наконец, понял разрушительную деятельность Льва Толстого, который и по сей день морочит читателям головы.

Много лет прошло до тех пор, когда я начал понимать, что Россию разрушили мы сами, своими руками. Тогда и поинтересовался семейными предками. Хотя память наша на предков слишком короткая. Мы даже прадедов своих не знаем, воистину одичали. И, тем не менее, в прошлое надо заглядывать по любому случаю. В будущее заглядывать все равно, что дурачить себя. А вот в прошлое — наука для настоящего, стало быть, и для будущего...

Вот ведь и мой дед, Матвей Иванович, не лаптем щи хлебал. Сам он хотя из крепостных, но крепости не знал — слыхом не слыхивал, видом не видывал. Правда, до женитьбы так и проживал при барыне в Оренбурге. Барыня и женила на своей же белошвейке Параше. Тогда же, в девятнадцатом веке, обрел он профессию связиста, так называли почтовых работников, и влился в рабочий класс. Даже я, внук, запомнил деда в рабочей блузе или в форменном кителе с «Правдой» в кармане.

Сам по себе дед был шустрый и неутомный. Смолоду довольно-таки много пил и в картишки поигрывал. А бабушка в это время строчила на своей зингеровской ножной машинке да рожала детей. Семнадцать родила: первенца, понятно, в девятнадцатом веке, последнего — второго сына — в 1929 году. Правда, живыми остались пять дочерей да сыны — остальные

скончались в младенчестве. За картишками да за винцом постигал дед и политграмоту, хотя постичь так и не постиг, но широта излишняя появилась — вольница.

До семнадцатого года в церковь мой дед ходил, наивно полагая, что рай на земле, то бишь коммунизм, и церковь не помешают друг другу. Когда же объявились победители, скоро и широта с места сдвинулась.

В ту пору, когда еще только-только завязывалась гражданская война, началась и другая — тоже война. Легионы чужих и своих объявили войну религии, точнее — христианству, точнее — православию. Рубили под корень, корчевали.

При каждой церкви крутились уполномоченные новой власти, хотя Церковь и отделили от государства. Уполномоченные вскоре и начали проводить публичные лекции по атеизму, а затем и так называемые диспуты. Притаскивали в насмерть прокуренный рабочий клуб старого священника или вчерашнего семинариста, тотчас появлялся какой-нибудь вооруженный Шайкин — и начинался диспут — вопрос: «Есть Бог или нет Бога?». Доходило до прямых оскорблений, до угроз, до циничного богохульства. На этом и строилась вся пропаганда — следовали восклицания: «Какой Бог! А я вот плюю на него! Если Он есть, то пусть сейчас же и покарает меня!». Требовали чуда. Чуда не свершалось. И вновь восклицали: «Ну вот, видите, товарищи рабочие, Бога нет, а церковники вас обманывали!». Понятно, оголтелая чертовщина. Но не это диво. Диво, что вот эта оголтелость и опутывала как тенетами людей, заставляя хлопать в ладоши и похохатывать. Как будто массовое помрачение.

И пошел мой дед по лекциям и диспутам. И с каждого диспута приходил он под хмелем и сумрачный. Так что последнюю дочь, рожденную в 1918 году, он и отметил крещением наоборот. Вот как это было по живому свидетельству старшей моей тетушки, которая к тому времени имела и своих детей. Что там на диспуте отстаивалось — дома никто не знал. Но пришел дедушка трезвый, хмурый и коварно настроенный.

— Все, мать, грянуло освобождение, — с порога гукнул он.

— С чего же это грянуло? — спросила бабушка, приводя себя в порядок. Она только что покормила полуторамесячную дочку.

— Да от всего и освободились! — дедушка резко повернулся от двери — и домашние вздрогнули... Усы его точно поднялись щеточкой, и взгляд холодный и мстительный. Пьяным и злым он и раньше нередко приходил, но вот таким его, наверно, не видели. Дедушка прошел к столу и, что с ним за всю жизнь не случалось, подхватил самовар за уши. — Чай пить будем, — сказал он и вышел с самоваром на двор. Залил самовар водой, возвратился в прихожую. — Чай, говорю, пить будем!

— Так ведь слышим — не глухие, — с усмешкой заметила бабушка. — Чая захотелось, так и сказал бы. Без тебя есть кому самовар поставить.

— Э, нет, нынче я сам... нынче я освобожденный, нынче я Бога из угла выганиваю, счета свожу за обман.

А икон и всего-то было три, и дед их снял. И никто не возразил ему — ни жена, ни дети, не только потому, что отец, глава семьи, а потому что безразлично: снял, ну и снял — к тому идет. И только когда по первой иконе дед топором тянул, бабушка вскрикнула, а дед как будто только этого и ждал. — Что, Параша, или по ноге угодил?! — и глаза его оцинкованно

запоблескивали. И он неожиданно рывкнул не своим голосом: — Молчать! Бога нет! И если Он есть, — дед воздел над головой руку с топором, — пусть Он меня накажет враз! Пусть мои руки отсохнут, пусть языка или ума лишит! Нет Бога!

И опять же никто ему не возразил ни словом. Так он и сделал: иконы расколол, самовар вскипятил — и чай пить всех заставил.

Тогда деду исполнилось полных пятьдесят лет...

И не только денечки катились, но и годы — тоже. Уже внуки вокруг бегали, когда — вот уж нежданно! — жена принесла второго сына. В один год с дядькой родился и я, грешный Матвей. Деду было далеко за пятьдесят. И заколготился он — ведь и сына вырастить надо. Вот тогда-то он и оформил на себя какую-то крупную страховку, чтобы в случае чего сын ее и получил.

2

Я возвратился в город уже самостоятельным человеком, в том смысле, что жил и не первый год сам по себе, вдали от родни и родителей. И удивительно, все здесь было для меня чужое или стало чужим: и родной, казалось бы, город, и улочки, и дворы, памятные с детства, и дома — все чужое. И в который уже раз почудилось, что приехал-то я за тысячи верст не к бабушке, не к теткам и дядьке, приехал-то я к деду — посмотреть на него, что ли, или проститься, как, собственно, на деле и получилось.

Вот и дом, можно сказать, родной, а не волнует, не тревожит. Именно тогда, пожалуй, впервые вот так отчетливо я и понял, осознал присутствие в себе моего бродяжного отца. Нет у меня малой родины. И во мне тоже вместо души вызревало перекаати-поле... Когда-то дом был окружен деревьями — во время войны, а остатки после войны спилили на дрова. И теперь дом выглядел голым посреди улицы. Да и ворот не было. А ведь до войны были, высокие сплошные ворота и забор вокруг, и уж за воротами целый мир, свой, дворовый мир. Нет забора, нет ворот — и мира, тесного дворового мира нет. Голый посреди улицы.

Мне оставалось пересечь боковую улицу, когда на тротуар мышкой вынырнула бабушка. Я ее тотчас узнал. Более полувека просидела она за своей машинкой, потому-то и плечо одно вперед выдалось, и спина сгорбилась. Вынырнула на тротуар, поправила на голове ситцевый в горошек платочек — и покатилась через дорогу быстро, быстро, чтобы не перетянуло вперед, чтобы не упасть.

— Бабушка, Параша, остановись! — окликнул я.

И остановилась, и вскинула руку козырьком ко лбу, и узнала, но как если бы только вчера мы виделись, а не восемь лет назад.

— Ты, Мотыка... Иди в дом, ключи там, в сенцах висят, я за дедушкой, — и побежала моя Параша. И махнула безнадежно рукой. А на тротуар тоже навстречу мне грузно выкатилась соседка по двору — Кузнечиха, то ли купеческая, то ли полковничья дочка, а к тому времени крупная старуха. Она-то, как тотчас и выяснилось, и всполошила бабушку. Кузнечиха всегда извещала, когда засекала моего деда возле церкви с протянутой рукой...

А началось вроде бы с той самой страховки в пользу сына. Не знаю, что там и как, но срок страховки кончился, а дед продолжал жить, — и страховку отказывались выплатить, страховка пропадала, точнее — пропала.

На этот с точки зрения деда обман он и начал жаловаться по инстанциям, и дожаловался, что угодил в «желтый дом»... И тогда уже начал писать жалобы товарищу Сталину: все говорил и говорил, писал и писал, а потом уже и говорить плохо стал, а потом и парализовало, рука правая омертвела... И вот в таком разбитом виде, как лунь седой и немощный, он и предстал перед церквушкой, над которой даже креста не было, власть не разрешала, — и мой дед в своем безумии протянул руку ради Христа.

С тех пор и бегали Абригеновы к оскверненной церквушке, от досады в пути чертыхаясь, чтобы увести больного подальше от стыда. Была бы хоть нужда — не в роскоши жили, но и не в нужде. А вот, поди ж ты: жена возмущается, дети возмущаются, а Матвей Иванович молчит — помрачило, и возмущаться нечем: неси свой крест!

Гостевал я у Абригеновых неделю: и водку пили, и разговор вели о всякой всячине. Но так получалось, что любой разговор сводился к дедушке Матвею Ивановичу. Вспоминали, как дедушка потерял страховку, как жалобы писал, как начал заговариваться и угодил в психушку, как отшибло разум, рука омертвела, и как затем он тайком убежал в город, где и оказывался возле церквушки — или стоял с протянутой рукой, или сидел на земле и дремал, положив перед собой старенькую кепку. Обо всем вспоминали, но никто не вспомнил, даже не обмолвился словом, о 1918 годе, о самоваре дедовом и его восклицаниях к Богу. Точно память отморозило, а ведь все, кроме младшего сына, пили чаек из того самоварчика — так до сих пор и остались беспмятными, как и дед Матвей Иванович.

И я молчал, никому об этом не напомнил, но беспрестанно думал и думал о судьбе родного деда, думал о себе, думал о нас, о всех Абригеновых. Не наше ли все вокруг, не свое ли и то, от чего мы порой так энергично отрекаться, и даже виним судьбу. А ведь все, что имеем, что ныне есть заслужили. И задача-то не в том, чтобы, утопая, роптать, а чтобы попытаться достойно выплыть, покаяться и выплыть. Вот я и говорю:

— Счастливо выплыть...

Русские СУДЬБЫ

Галина КУЧИНА

ТАК ЭТО БЫЛО

*Воспоминания
о моем отце*

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 г. в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее развертывает свиток» (СПб., 2007). В 1957 г. вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию. **Живет в Мельбурне.**

Мой папа родился в селе Волегово, и только сейчас, благодаря папиному двоюродному внуку Евгению Волегову, я узнала историю этой деревни и почему она названа «Волегово». Камень Волегов (или Волеговские камни) стоит на правом берегу в 109 километрах от турбазы «Чусовая». Он совсем небольшой и непримечательный. Из-за течения, несущего прямо на этот камень, здесь нередко бились барки. «Волегов — боец, страшный боец. Около него деревня Волегово», — гласит уральское предание. Впрочем, порой Волеговским камнем называли камень Гребни. Назван так в честь деревни, которая стояла чуть выше по течению. Деревня Волегово была основана в 1701 году, а исчезла в 1967 в связи с проводившейся тогда ликвидацией неперспективных поселений. Сейчас на месте деревни — огромное бескрайнее поле.

Деревня возникла в 1701 году благодаря Строгановым, которые поселили здесь несколько семей крепостных. Однако недолго продолжалась их спокойная жизнь. В 1709 году Волегово подверглось нападению татар. Деревня была довольно большая, располагалась на обоих берегах реки Чусовой. На левом берегу — она начиналась прямо от камня Гребни. Здесь же в Чусовую впадает правый приток — речка Волеговка.

Теперь мне стало понятно, что Волеговы занимались крестьянством и рубкой и сплавом леса. Почему я так беззаветно люблю Россию? Это неразгаданная тайна, на которую я пыталась в продолжение нескольких лет найти ответ. Родилась я в Китае, в благополучной Австралии прожила уже почти 60 лет, породнилась с этой страной, приобрела много друзей и знакомых, которых люблю и уважаю, получила от них взаимную любовь и уважение, а сердцем я вся в России.

А ответ на мой вопрос очень простой: моя связь с Россией — мой папа.

У такого отца, истинного патриота своей страны, другой стать я не могла.

Сейчас, перечитывая его мемуары, я как никогда убедилась в том, что это — мои корни.

*Историк, прежде чем написать историю, ищет живых свидетелей,
тех людей, которые принимали участие в событиях,
и суть этих событий заносит в историю.*

*Историк собирает материал от разных лиц, которые имели
отношение к событиям, полемику из общественной прессы,
пусть эта полемика будет в форме писем, но лишь бы были
отрывки из тех событий, о которых он собирается писать.*

Игнатий Волегов

Моей основной целью написания этого очерка является следующее: познакомить читателя с дореволюционной жизнью в России, познакомить с обрядами и традициями российского народа. Стратегию военных действий и роль Белой армии я оставляю за кадром, давая возможность читателю ознакомиться с книгой «Воспоминание о Ледяном походе» И. Волегова.

Основная причина, побудившая меня написать то, что я пишу, — восстановить историческую справедливость. Советская пресса и западные СМИ оболгали русский народ. Вопиющая ложь продолжается на Западе до сегодняшних дней. До сих пор нам, живущим в Австралии, приходится видеть сцены так называемого эпизода «Штурм Зимнего дворца» С. Эйзенштейна из художественного фильма, представленного как документальный. Штурма не было. Идея режиссера или постановщика принята, как реалья, и на Западе живет до сих пор. Целый ряд подобных заблуждений я хочу осветить в моей статье.

Когда папа достиг пенсионного возраста, он уходил в свою комнату и писал, заполняя одну тетрадь за другой своими воспоминаниями. Я не особенно интересовалась, не вникала в историю его жизни, не задавала вопросов, о чем сейчас очень жалею. Сам папа никогда не был навязчивым рассказчиком, был он чрезвычайно тактичен, никогда не вызывал политических споров. А мы, молодые, легкомысленные, занятые своей жизнью, работой, воспитанием ребенка, даже не подозревали, какой человек около нас — истинный патриот своей Родины, перенесший все ужасы Мировой и Гражданской войн. Только сейчас я поняла, почему книга моего отца получила такой резонанс в России, и почему она переиздана и в Воронеже, и в Иркутске, и в Чите. Это воспоминания очевидца, современника событий, событий страшных, жестоких, и, рассказывая о них, папа просто констатирует факты. Даже по отношению к врагу, описывая все ужасы действий Красной армии, он не позволяет жестоких суждений, не навязывает своей точки зрения, а оставляет читателю делать свои выводы.

Папа пишет: «Октябрьская революция всколыхнула весь российский народ. Мало было таких людей, которые не принимали бы никакого участия в междоусобных распрях и в Белом вооруженном восстании против большевиков». Далее он пишет: «Я буду справедлив по отношению совер-

шившихся фактов, не отступая от истины».

«В первой декаде 1918 года началась демобилизация бывшей Российской Императорской армии на основании Декрета большевистского правительства. 28 февраля 1918 года я получил освобождение от несения служебных обязанностей. Удостоверение на предмет увольнения в отпуск уже носил в своем кармане больше месяца. Своим чином учебной команды не говорил, чтобы не огорчать их своим отъездом. Очень было жаль мне оставлять 212 человек чинов учебной команды, прекрасно дисциплинированных. Все они были хорошо подготовлены быть унтерофицерами. Интересно отметить, что накануне их выпуска вышел приказ о демобилизации — какая ирония!

Игнатий Каллиникович Волегов

Фельдфебель построил учебную команду. Я пришел с ними проститься. Этот момент я не забуду до самой смерти. Прощаясь, они почти все плакали, за исключением тех, кто стыдился показать свои слезы. Некоторые из них говорили: “За что Вы нас наказываете, бросаете на произвол?” Некоторые упрекали меня: “Вы оставляете нас на съедение распушенной толпы!” А другие просто заявляли, что поедут туда, куда еду я.

Я уговаривал их с 9 до 12 часов дня. В 12 часов обед, и они задержали меня пообедать с ними. Возница на полковой двуколке, которая была приготовлена отвезти меня на ближайшую станцию железной дороги, ожидал меня. Итак я с ними расстался с великой грустью на сердце, сознавая, что их я больше никогда не увижу, и такой любви мне уж больше не сыскать.

Мой возница, который был не из чинов учебной команды, а солдат из нестроевой роты, был свидетелем нашей прощальной драмы. Он дорогой мне говорит: “Товарищ охфицер, а что если бы все охфицеры были такие как ты, ведь не было бы ефтово-то. А?”

— А чего ефтого?

— Ну, революции”...

Дальнейший разговор я не поддержал, помышляя, как бы на станции забраться в вагон и остаться не замеченным пьяными солдатами и охраной железной дороги, которая уже была сформирована из местной разнuzдан-

ной молодежи. Тут я увидел эшелон, составленный из товарных вагонов. Около вагонов бегают солдаты с винтовками. Оказывается, станционная охрана требовала, чтобы солдаты сдали винтовки, но унтер-офицер показал наган, пригрозил, что если они не отправят поезд через 10 минут, они разнесут всю станцию.

“А Вы что ждете, товарищ офицер, садитесь в любой вагон, скоро поедем”.

Я взял свой чемодан, и через толпу стал пробираться к вагонам. Сзади подошел унтер-офицер огромного роста, взял меня за плечи и говорит: “Давайте я донесу Ваш чемодан и посажу Вас в наш вагон”.

Он был с погонами на плечах. Он, можно сказать, забросил меня туда, как легкую вещь, туда же забросил мой чемодан.

“Садитесь в угол налево на нижние нары, там уже сидит один офицер, Вам будет веселей вдвоем. Можете поговорить, а с нашей братвой не о чем говорить, услышите только одну ругань”.

В углу на нижних нарах сидел подпоручик Подкорытов. Он — мой однополчанин, и вместе с ним мы в одиночном порядке приехали на Румынский фронт. Мы звали его Шурой. Боже, как он был рад нашей встрече! Бросился ко мне на шею, выражая этим детскую манеру ласки, свойственную ему.

Выехали не через 10 минут, а через 10 часов.

Не буду вдаваться в подробности нашего движения, а отмечу лишь более важные моменты, касающиеся нас с Шурой Подкорытовым, и поведение солдат-сибиряков в дороге.

Нельзя обойти молчанием разговор солдат-сибиряков. Один говорил: “Ораторы на фронте много нам обещали, — только скорее кончайте войну. Вам будет дана земля, никто вас не будет притеснять, как притесняли помещики и правительство. Будете строить свою жизнь, как вам захочется”.

Другой говорил: “Приедем домой и увидим, какая там власть. А вдруг, такая, как здесь — власть молокососов. У них еще материнское молоко не обсохло на губах, едва винтовку то поднимает, а туда же лезет указывать нам, фронтовикам, как надо устраивать новую жизнь. Нет, ребята, мы должны приехать домой с оружием — с оружием нам будет веселей с ними разговаривать. Если бы у нас не было винтовок, мы бы уже давно были завербованы. Почти на каждой станции подмазываются к нам с призывами записаться в народную революционную армию”.

Так разговаривали между собой солдаты-фронтовики, которые ехали с Румынского фронта в Сибирь.

Из Бессарабии до Урала мы ехали около одного месяца. На больших станциях и городских вокзалах нас с Подкорытовым не выпускали наши сибиряки. Оберегали нас, чтобы не арестовали. Говорили нам, что если увидят нас, сразу снимут с поезда. Здесь так много этой рвани, все они вооружены до зубов гранатами, даже на них висят пулеметные ленты, ищут офицеров и снимают их с поездов».

Папа слез в городе Кунгуре, а Подкорытов поехал в Екатеринбург. В силу установленных декретом народных комиссаров правил нужно было встать на учет и получить удостоверение личности. Здесь он был зачислен рядовым солдатом.

Рядовые офицеры там снимали погоны сами, а с некоторых насильно содрали. Конечно, многие не хотели, чтобы большевистская рука осквернила их, бросила бы на пол и их бы топтали. Тыловые офицеры еще могли некоторое время скрываться и лавировать, не снимая погон, даже были и такие офицеры, которые открыто заявляли, что погоны даны самим Государем, и кроме него никто их не снимет.

«Данную присягу не нарушу!» Против этого возник вероломный и зверский лозунг: «Беспощадно бей погоны!»

Действительно, кто попадался разнузданной толпе в погонах — был зверски убит. Когда не стало офицеров в погонах, эта же толпа жаждала крови и кричала: «Бей очки!» Кто их носил, стали бояться за свою жизнь. Для того чтобы продолжать уничтожение офицеров и русской интеллигенции, появился лозунг: «Бей белые, немозолистые руки!» Это уже дошло до последнего предела. Жизнь офицеров стала совсем невыносимой. После этого офицеры бежали из городов в деревни, где еще можно было найти временное убежище, где еще городская разнузданность не свирепствовала. Здесь наша интеллигенция, которая именovala себя «народниками», увидела подлинное лицо революционной стихии.

Профессора университетов, которые поощряли в своих аудиториях студенческие сходки на тему свободы и прав человека, стали бросать свои кафедры, потянулись за границу, примыкать к Белому движению. Большинство из них с поддельными документами уезжали, бросая свою Родину в надежде, что Россия переболеет, все войдет в свое русло, и тогда будет можно вернуться...

Студенты, которые прежде незаслуженно оскорбляли офицеров Императорской армии, называя их политически безграмотными, слепо защищающими Императорский трон, поняли, что такое революция, что такое свобода в понимании русского человека. Они остались в глубоком недоумении, что им делать, что предпринять, к какому лагерю примкнуть. Все их высокие идеи вылетели из головы, остался сумбур и хаос, точно такой же, который свирепствовал по всей стране. Поставленные перед выбором — жизнь или смерть, многие вынуждены были идти добровольцами в народно-революционную армию. Многие из студентов командовали полками красных.

В Петрограде по инициативе народных комиссаров был созван съезд, на который были отправлены делегаты от рабочих и солдат, от штаба военного командования и казачьих кругов всех казачьих войск. Надо заметить, что казаки хотели возвратиться домой с фронта целыми полками с оружием. Ленин это учел, и поэтому ему было необходимо иметь голос в поддержку пролетариата. Этот съезд дал большие козыри в руки большевиков. Вынесенные на нем резолюции были в их пользу.

Но съезд снял пелену с глаз всего казачества, многие казаки из сочувствующих пролетарской революции превратились в подлинных ее врагов. Также и вернувшиеся с фронта офицеры — к которым все городские комитеты рабочих и солдатских депутатов относились с огромным недоверием, видя в них контрреволюционеров.

На этом съезде народный комиссариат получил большие полномочия на право создания Народной Революционной армии, которая должна была подавить все внутренние контрреволюционные выступления, а в случае

внешней агрессии со стороны капиталистических стран — встать на защиту завоеваний революции.

Военнопленные разных стран, находившиеся в России, были распропагандированы революционерами и оказались полезными исполнителями большевистских указов по уничтожению русских офицеров, духовенства и интеллигенции.

В деревне жизнь была совсем другая. Мужик-крестьянин занимался своим прежним трудом. Не мог он осознать, что ему даст революция, но своим практичным умом понимал, что от новой власти хорошего ожидать нельзя. Он просто говорил: «Хозяина земли Русской Царя столкнули, теперь много найдется хозяев, один другого умнее, и каждому захочется быть хозяином, и пойдет между ними грызня, а у нас чубы полетят.

А что хорошего сделал с войной? Позорно убежали с фронта. Штыки в землю, где это слыхано?»

На почве войны тоже возникали разногласия между крестьянами и фронтовиками. Мнение стариков было — довести войну до конца.

Когда большевистская власть добралась до деревни, взялась за мужика-крестьянина. Чтобы мужик подчинился власти пролетарской и никакой другой, чтобы вошел в союз с городскими рабочими, требовалась в деревне коренная ломка. В селах упразднили волостное управление, заменили советами, а в деревнях сельского старосту — сельским советом. Эти советы были не выборным началом, а просто по назначению. Проталкивали людей из бедноты, неопытных. Эти советы, конечно, встали на защиту бедноты. Возникли споры между крестьянами — середняком и бедняком. Споры были ожесточенные, особенно среди женщин. Например, у одной крестьянки две коровы стельные, не доятся. Она идет к соседке, у которой много коров. Требуется от нее корову дойную с молоком. Та ей не дает, тогда женщина, не имеющая коровы с молоком, говорит:

«Буду ходить и заявлять на тебя ложные обвинения за проповеди или за преподавание в школе Закона Божия».

В праздничные дни не стало слышно колокольного звона, службы в церквях стали редкими, в селах и деревнях наступило уныние, у мужиков очередные дела по хозяйству стали запускаться, и они совсем опустили руки. При такой обстановке фронтовики прекратили споры со стариками о политике, правда, некоторые фронтовики пролезли в советы, но это были такие люди, которые до войны ничего не имели, а придя с войны, имели только шинель на плечах. Но таких было мало.

С этого времени русский крестьянин затаил глубокую мысль. Мысль у него была одна — как бы не потерять то, что имел, а ожидать от новой власти что-то хорошего не приходилось. Нужно было действовать. Вот тут-то он взял в руки дубину и сказал твердое слово: «Или я отстою что имею, или пусть не достанется ни им, ни мне!»

И снова цитирую отца. «В это время я жил в деревне, все это видел и слышал. Надо заметить, что у русского мужика ум природный. Наблюдая за ними, слушая их разговоры, я заметил, что прежде чем приступить к делу, они приступали к составлению плана действий. План их состоял в следующем:

1. Точно узнать о восставших оренбургских казаках. Где они и что они собой представляют. Могут ли они им оказать поддержку и располагают ли оружием, винтовками, в которых крестьяне нуждались.

2. Беспрерывно следить за красными, которые были намерены пройти через их села.

3. Иметь такого человека, который бы знал военное дело.

Мужики говорили: “Нам нужен начальник, которого бы все слушали, а в особенности фронтовики. Не имея такого начальника, нам казаки винтовок не дадут”. Выбор пал на меня. Были другие офицеры, но делегация явилась ко мне. Я в то время был болен, левую руку носил на повязке. Вовремя не была сделана операция, получилось осложнение, в результате чего чуть не потерял руку.

Делегация явилась ко мне в составе пяти человек, из которых три — старые солдаты, участники Японской войны, и двое солдат-фронтовиков, участники Первой мировой войны, с целью просить меня о руководстве в вооруженном восстании против большевиков.

Я, будучи больным, скрывая свое местожительство, оторвался от мира, не имел никакой информации о ходе событий. Видя их настойчивость по-нудить меня взять командование, вспомнил случай из русской истории, как Пожарского просил Минин и народ, принять над ними руководство. Неужели я — простой смертный — буду противоречить голосу народа?

Мне было необходимо уточнить несколько вопросов:

1. Твердо ли они решили на вооруженное восстание, и у всех ли такое единомыслие?

2. Что побудило их на такой рискованный шаг?

3. Какие сведения имеют о Красной армии?

4. Как достать оружие, боеприпасы, фураж для коней, провиант для людей?

Все эти вопросы я им задал, чтобы не сделать опрометчивый шаг и не погубить народ, который доверил мне свою судьбу. Я посоветовал этой делегации обсудить все поставленные мною вопросы с народом, и в самое ближайшее время дать мне ответ.

С ответом они не замедлили. Быстро разослали гонцов по деревням и селам, и уже вернулись ко мне не пять человек, а двенадцать. На мои вопросы дали исчерпывающие ответы. На второй вопрос был дан ответ довольно характерный, и я бы сказал — прозорливый. Говорили так: “Не стало Царя, нет и правительства. Интересы народа защищал только Царь. Вы думаете, что мы, мужики, ничего не знаем? Нет, нутром чувствуем, что пришел конец. Все равно умирать на войне или от голода. А от голода умирать еще хуже. Вместо Царя Германия прислала Ленина”. А на пятый вопрос ответили так: “Мы самых лучших коней дадим, не только овес для коней и провизию для людей, но мы можем собрать деньги для выдачи всем участникам восстания жалования”.

Что касается разведки, то ее нетрудно было проводить, потому что народ всех сел и деревень симпатизировал Белому движению».

* * *

Мне кажется, что я взяла на себя невыполнимую задачу — осветить отдельные события 1918—1922 годов, выбрать очень интересные и, я бы сказала, яркие описания жизни крестьян, оренбургских казаков, переселенцев, забайкальских казаков. Как это было, писал очевидец этих собы-

тий — мой отец. Пролистывая книгу страницу за страницей, мне хочется написать все, но я должна придерживаться нормы, отпущенной мне редакцией для моих очерков. Книга «Воспоминания о Ледяном походе» Игнатия Волегова переиздана в России несколько раз, поэтому она доступна в Google.

После того как мы ознакомились с образом мышления и поведения крестьян, я хочу отметить противоположную реакцию крупных капиталистов. Папа пишет: «Нельзя обойти молчанием сознание тех людей, которые должны были бы принимать горячее участие в Белом движении против большевиков. Сколько было крупных капиталистов в городе Екатеринбурге, когда был освобожден этот город от красных! Военный комиссариат еще не успел расправиться с промышленным и коммерческим классом населения. Очень много сохранилось в нем нетронутого капитала, который нужен был для Белого движения. Князь Голицын начал формировать дивизию. Солдат нужно было обмундировать, обуть и одеть, но денежных средств не было. Он обратился к населению с воззванием, с просьбой: “Жертвуйте на нужды формирующейся армии!” — никто не откликнулся. Второе воззвание было расклеено по всему городу на всех видных местах. Тоже не имело никакого успеха. Наконец, в третьем воззвании он обращается: “Я прошу для тех солдат, которые приносят для своей Родины в жертву свою жизнь. Я прошу у вас денег, которые спасут и вашу жизнь! Враг жестокий, он просит у вас не будет, он придет и возьмет у вас все, что у вас есть, а когда нечего будет у вас взять, тогда он отнимет у вас и жизнь!”

На это третье воззвание поступило пожертвование в размере всего сорока тысяч. А насильственным путем можно было бы собрать ни один десяток миллионов рублей.

Приблизительно через год все это было взято большевиками. Мужской пол капиталистов, оставшихся на месте, стараясь еще сохранить свои капиталы, был расстрелян, а жены их стали любовницами комиссаров».

По счастливой случайности неделю назад мне посчастливилось увидеть новый, 2016 года, фильм «Контрибуция». В этом фильме есть эпизод, напоминающий описанный в книге моего отца. Генерал Каппель обратился с воззванием о сборе средств на образование и обмундирование формирующейся армии к богатым предпринимателям. Когда я смотрела этот кадр, я мысленно видела моего папу в окружении Каппеля и офицеров Белого движения. Результат и последствия этого воззвания в фильме не расходились с действительностью, которую описывает папа.

Далее пишет мой отец: «В городе Пермь был на должности военного комиссара некто Окулов, который форменно занимался уничтожением торгового класса и ненавистной ему интеллигенции. Он считал их всех контрреволюционерами. Второй этаж гимназии был занят его штабом, а нижний этаж был превращен в тюремные камеры с железными решетками, где сидели заключенные в ожидании своей участи. Двор гимназии был обнесен кирпичной стеной. На дворе были аллеи с беседками для учащейся молодежи. На втором этаже был балкон в виде веранды. Окулов садился в кресло, брал в руки винтовку, приказывая пропускать по этим аллеям бегом очередную жертву, приговоренную к расстрелу, а сам стрелял по движущейся цели в бегущего человека. Подстреленный им падал на землю, а палачи уже добивали его до конца.

Епископа Пермской епархии — если не ошибаюсь, Андроника — замутили. Вывели его на реку Каму в зимнее время к проруби. Погружали его в воду, затем вынимали из проруби и замораживали на поверхности, пока на нем не обледенеет облачение, опять его погружали в воду и делали это до тех пор, пока в нем теплилась жизнь. А когда пастырь преставился, его обледеневшего поставили на льду и не разрешали забрать для погребения продолжительное время.

Когда Белые войска генерала Пепеляева взяли город Пермь, было извлечено из нижнего подвала гимназии одна тысяча трупов в замороженном состоянии. Эти люди не принимали никакого участия в военной жизни. Все они занимались мирным трудом, никуда из города не убегали, надеялись на милость мирной большевистской власти, у которой был лозунг: “Все народу!”

Со взятием Лысой горы и после отступления красных броневиков и пехоты по железной дороге на Лысвинский военный завод, вопрос об отпавке нас на отдых был разрешен. По приказу генерала Пепеляева на ближайшую станцию были поданы товарные вагоны и несколько классных, в которые мы и погрузились. Генерал Пепеляев сдержал обещанное слово.

В станцию К. Третьего отдела Оренбургского Казачьего войска мы прибыли на отдых в последних числах ноября 1918 года. Вся земля была покрыта снежным ковром. Станица была расположена на плоскогорье. На возвышенном месте красовалось здание станичного управления, а от него книзу, вдоль небольшой речки параллельно одна к другой, как будто обгоняя друг друга, бежали широкие прямые улицы с новыми домами, стремясь на чистую равнину в простор, где не видно было ни холмов, ни лесов. Там, очевидно, были вспаханные поля, покрытые снегом.

Несмотря на то, что все лиственные деревья стояли голыми, потеряв свой зеленый наряд из-за суровой и дождливой, ветреной осени, они приобрели белое узорчатое покрывало, но только до первого сильного ветра. Можно было представить, какой красивый бывает этот поселок в летнее время.

В летнее время нам приходилось бывать в некоторых станицах и видеть, особенно с возвышенного места, зеленый ковер, и в нем словно воткнутые цветы — красные, желтые, голубые крыши. Особенно выделялись голубые колокольни церквей с позолоченными крестами.

Дома все “крестовые”, — так называли их казаки, что значит — разделенные посредине капитальной стеной. Сам дом имел правильный квадрат, а от средней стены обе половины были перегорожены дощатыми перегородками и таким образом получались четыре комнаты. Одна из них называлась кухней с русской печью и вделанным очагом, как в нише с чугунной плитой и конфорками. Эта кухня была отгорожена заборкой или занавесками, чтобы не было видно хозяйку во время стряпни из коридора и сеней, в которую заходили свои и чужие люди. А вокруг русской печи — проход. Из кухни была еще небольшая передняя, где раздевались, и там же ближе к окну стоял стол. Этот угол служил будничной или рабочей столовой. Для гостей или праздничных дней была отдельная комната из остальных трех. Оставшиеся две назывались спальнями, а некоторые хозяева одну комнату называли горницей.

Квартирьереры отвели мне комнату в доме казака Георгия Дмитриевича. Человек он был крепкого телосложения, в возрасте пятидесяти лет. В раз-

говоре его была заметна суровость. На последнем слове фразы делал ударение. Можно подумать, что он на вас сердится, а на самом деле был человек очень доброй души, и за все время, пока я у него жил, ни разу не заметил, чтобы он вышел из себя или разволновался. Я первое время думал, что он действительной службы вахмистр, а когда с ним разговаривался, я узнал, что он вахмистром не был, а был на действительной службе младшим урядником. Обращался к нему я всегда по имени-отчеству, он отзывался всегда как-то не совсем охотно, даже я иногда думал, что он не расслышал меня. Так продолжалось всего два дня. Я задавал много вопросов, интересующих меня. Потом он мне сказал: “Зовут меня Митричем, а Вы все величаете меня. Зовите Егором или Митричем”. За все время, сколько я жил у него, так и не мог привыкнуть звать его Митричем.

Семья у него состояла из жены сорока восьми лет, сына женатого, который уже пошел добровольцем в наш полк, невестки, дочери лет двадцати, еще не замужней, второй дочери лет шестнадцати и младшего сына тринадцати лет, который учился в школе. У всех членов семьи были свои роли. Жена всегда на кухне за стряпней, невестка смотрела за скотом, старшая дочь была ответственна за уборку дома, а младшая дочь помогала невестке ухаживать за скотом.

На другой день Г. Д. повел меня осматривать свое хозяйство. В огороде — большой навес, покрытый железом. Под навесом стояли рядами сельскохозяйственные орудия: плуги, борона, сенокосилки с приделанным приводом-самосбросом, грабли, веялка. У некоторых казаков были и молотилки, и сортировочные машины для сортировки пшеницы. Он не причислял себя к зажиточным, считал себя середняком, но, конечно, большевики называли бы его кулаком. Под другим навесом такого же размера стояли телеги на железном ходу, один легковой ходок для выезда и несколько саней — розвальни и выездные санки, обтянутые цветным сукном в виде ковра.

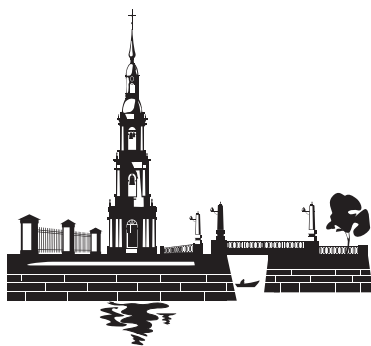
Во дворе, ближе к дому, жила птица: гуси, утки, индюшки, курицы. Влево в глубине двора — свинарники. Там, в овсяной соломе, зарылись матка со своими подсвинками. Не слышно было ни одного писка или хрюканья, очевидно, были вдоволь напоены и накормлены. Дальше на заднем дворе в сарае — три выездных коня, а в другом сарае — две дойные коровы-голландки. Из живности Митрич держал только тот скот, который был нужен для работы. От коров — молоко для себя, а кони нужны были для того, чтобы отвезти на базар пшеницу и овес и привезти дров. Остальной скот — гулевой. Молодых телят, коров и жеребят держал на заимке.

Посмотрел я на хозяйство, и спросил его: “Таких-то людей, наверное, в станице мало. У тебя ведь только живой воды нет?” Он улыбнулся, думаю, мой вопрос пришелся ему по сердцу. После очередной паузы сказал: “Вы мало знаете казачество. У нас таких казаков много. Есть много таких, которые меня с моим хозяйством и продадут, и выкупят. Конечно, есть люди, которые живут похуже меня — это от своей лени. Может, найдутся такие не из наших, у которых земли в нашем наделе нет, и те имеют свой скот. И дома у них не хуже наших”. Я спросил: “А кто же не ваши-то?” — “А крестьяне-переселенцы. Их у нас много, даже большие села и деревни. Многие из них арендуют землю у нас”. Я спросил: “Нет ли у них с вами вражды?” На что мне Митрич ответил: “А какая может быть вражда? Мы живем себе,

а они себе. У нас свое станичное или поселковое управление во главе с атаманом, а у них волостное правление, во главе у них волостной старшина. Ссориться нам с ним не о чем. Надо ему завести у себя породистую корову, приедет к нам, купит породистую телку, а через два года у него уже породистая корова симменталка или голландка. Также покупают у нас жеребят и коней. У нас купят, а там у себя продадут, так они и разбогатели”.

После этих разговоров с Митричем, и когда я увидел своими глазами богатства, которым обладали казаки, мне стало понятно, насколько была богата Россия. Трехлетняя война с Германией, приход большевиков к власти, уже более четырех месяцев гражданской войны — ничто не поколебало и не затронуло нашего уральского мужика-крестьянина, также не тронуло оренбургского казака, у которого полные сусеки в амбарах пшеницы и овса, полный двор скота, коней и овец. Не затронуло и рабочего на заводах. Некоторые члены семей казаков работали на заводах, а остальные занимались подсобным хозяйством. Такую Сибирь, как и все казачество, именно все, потому что сибирские, оренбургские, донские и кубанские казаки жили тоже не хуже, такую Россию с ее богатыми районами начали преобразовывать “революционные вожди”. Из здорового, краснощекого мужика сделали “тень Гамлета”. У этого мужика не осталось ни коней, ни коров, а дворы для скота пошли на топливо».

(продолжение следует)

ДОСПЕХИ

Дмитрий ЛИХАНОВ ЗВЕЗДА И КРЕСТ ИНОКА КИПРИАНА

*Акафист вечной любви
с перерывом
на смерть и войну*

Дмитрий Альбертович Лиханов — родился в 1959 г. Учился на факультете журналистики МГУ и стажировался на факультете филологии Гаванского университета (Куба), где одновременно работал в газете «El Caiman Barbudo». Затем в «Советской России», «Огоньке», в газете «Совершенно секретно». Стал первым российским журналистом, которому удалось взять интервью у штатного киллера ЦРУ Мариты Лоренц, участвовавшей в покушении на Фиделя Кастро и президента Кеннеди. Автор многих книг, издававшихся в Финляндии, Венгрии, Польше, Японии и Греции. Член Союза журналистов России, СП Москвы и России. Лауреат многих наград и премий. **Живет в Москве.**

Герой Советского Союза полковник ВВС Валерий Бурков прошел войну, увечья, мытарства и искушения властью, чтобы вступить в брань духовную. Он — единственный монах со Звездой Героя на рясе.

БЫТИЕ

О чем ты молишься, инок?
О том ли промозглом дне в лоскутах палой листвы, когда вытаскивал из «транспорта», словно занозу в сердце вгонял, дощатый нестроганный ящик с цинковым гробом отца и все еще поверить не смел, что там, внутри этой, отливающей холодом домовины, лежит теперь и навечно твой папа?

Отец сгорел заживо. Его ведущий, разрубая лопастями жирный воздух чарикарской «зеленки», уже снижался над остывающей тушей десантного «крокодила», когда хвостовую балку вертолета перебила длинная очередь из крупнокалиберного пулемета. Отчаянно загребая лопастями небесную лазурь, машина медленно рушилась вниз. Но и завалившись со скрежетом и лязгом на бок, подобно издыхающему животному, еще жила, смердя отработанным керосином, оглашая ущелье воплями погибающих людей. На борту — 600 литров топлива. Отец, как и положено по уставу старшему офицеру, выбирался последним. Он был крупным мужчиной, широкая кость. В это мгновение сдетонировали топливные баки. Огненный смерч с грохотом и душераздирающим воем охватил тело полковника, поднял в воздух и тяжело ударил о камни. Когда за твоей спиной взрываются 600 литров авиационного керосина и температура вспышки доходит до тысячи восьмисот градусов, человек превращается в уголь.

В своем последнем письме из Афганистана, полковник словно увидел эту смертоносную вспышку. «Я горел, и горю, и сгораю. / Но не будет стыда за меня...» — написал он за сутки до своей гибели.

Или молишься ты о враге с лицом благородного суфия и глазами раненого оленя, захваченного бойцами в «зеленке» под Кандагаром?

Ты повстречал его весною, когда зацветали гранатовые деревья и листва виноградников нефритовой рекой уплывала до горизонта. Враг казался истерзан и перепуган. Только что его вывели из дома. Связали руки и привели на суд к комбату.

Комбат изнывал от жары. По его запыленному лицу стекали струйки едкого пота. Лениво взглянул на справку с арабской вязью и государственным гербом чужой страны. И так же лениво отбросил ее на землю. Такие справки штамповали в любом дуكانе.

«Сука, — промолвил комбат, вытирая платком пыль, смешанную с потом, — врежьте-ка ему как следует. Пока не скажет, кто он такой и где оружие». Он был уверен, что перед ним душман.

Боец ударил врага в лицо. Так же лениво, как речь комбата. Струйка крови окрасила губы. Яркая, как спелая вишня.

Враг молчал. Лишь на мгновение в его взгляде мелькнула молния.

Связались с комбригом. «Да на хрен он мне нужен, этот ваш дух, — скрипит комбриг в наушниках рации. — Делайте с ним, что хотите».

Убить врага на войне — обычное дело. Навести на него штормовой огонь авиации, ударить из РПГ по глинобитному дувалу, отправить очередь их пулемета по мчащейся с горы тени, но вот так: к стенке, и пуля в затылок. Это совсем другое.

Молча забрались в БТР. Задраили люки со скрежетом. Враг закрыл глаза, стараясь забыться в последней молитве. Только губы его шелестели тихо, словно заросли сухого типчака.

Смерч, поднимая к оранжевому небу облака песка и пыли, обрушился внезапно и длился не долго, хотя обычно «афганец» свирепствует не меньше двух часов. Песок забивался в уши, глаза и ноздри, скрипел на зубах. Казалось, целое стадо демонов вцепилось в броню своими крючковатыми пальцами и теперь раскачивают ее, словно детскую коляску, из стороны в сторону с воем, плачем и диким нечеловеческим хохотом.

Этот смерч словно и в твою душу ворвался. И прошелестел таким же сухими, как вражья молитва, голосом мертвого отца: «Сын, загляни в себя!». И заглядывая в себя, вдыхая ноздрями раскаленный песок, содрогаясь от стонов и скрежета брони, почувствовал вдруг весь ад этой бойни. Реки крови вместо нефритовых рек, груды истерзанных тел, остекленевшие глаза, запах горелой человеческой плоти, вонь отработанной солянки и пороховой гари. Почувствовал и содрогнулся.

Ты не стал убивать врага. Хотя, быть может, именно этот человек с лицом благородного суфия и изящными прозрачными пальцами жал ими на гашетку того станкового пулемета, из которого убили твоего собственного отца.

Враг вернулся домой. Но ты не узнал его крови. Не превратился в палача. Потому что палач — это совсем другая профессия.

А быть может, молитва твоя о ближнем? О том самом парнишке с белесыми телячьими ресницами и соломенной прядкой волос, что выбилась

из-под каски и прилипла к горячему, покрытому испариной, лбу. Самопальная мина, сооруженная из консервной банки, пригоршни ржавых гвоздей и аммиачной селитры, сработала под твоей ногой пронзительным в своей чистоте апрельским утром восемьдесят четвертого возле одинокой пещеры на горе Хаваугар в Пандшерском ущелье. Тело завалилось вправо.словно сноп срубило заточенной литовкой. Подумал вначале — кто-то другой. Открыл глаза. Дырка с пятак — в предплечье правой руки, из которой необычайно медленно и даже лениво сочатся капельки крови. Ошметки кожи — на подбородке. Показалось, выбило зубы. Но язык не чувствовал ни осколков, ни кровавой слюны. Ног не видел. Только колени. Чувствовал, что правая стопа ноет стальным холодом, а из левой вытягивают сухожилия.

По армейской инструкции, после подрыва все бойцы должны замереть не месте. Помогает самый ближний. Но ближний солдатик бледен как полотно, по которому хлестнуло кровавым дождем. «Давай сюда рацию!» — собственный голос слышится словно через пуховую подушку. Ближний ошалело лопочет скороговоркой: «Я щас, товарищ капитан, я щас, потерпите...». Скрипит камнями, волочет станцию. «Обе ноги оторвало»? — слышится вновь пуховой голос. «Нет, товарищ капитан, — лепечет солдатик, — только правую. Левую раздробило». Шприца с промедолом для тебя не нашлось. И резинового жгута тоже. Пришлось солдатику голыми руками рвать железный трос с радиостанции и, обагрывая руки в теплой твоей крови, перетягивать им ноги возле самых обрубков.

Все, что осталось от ног, ты увидел, лишь когда, харкая горелым керосином и разгоняя лопастями горную пыль, над пропастью зависла вызванная главкомом «вертушка». От правой ноги осталась только белая, словно сахар, берцовая косточка, переломанная чуть ниже колена. Левую словно бы пропустили сквозь чудовищную мясорубку, и теперь весь этот фарш из человеческих мышц, костей, металла и обрывков штанов болтался на одном сухожилии. Вершина узкая. С обеих сторон — обрыв. Пока бойцы тащили тебя к вертолету, левая нога с глухим стуком волочилась по камням следом. Ближний оступился. Упали. Поднялись и вновь к вертолету. Огрызок берцовой кости вперед, чтоб левая не так сильно билась о камни. Чтоб только не этот мертвенный стук, заглушающий рев «вертушки». Здесь, лишь только ухватился за нижнюю ступеньку лестницы, словно электрическим разрядом в тысячу ватт отшвырнуло спиной на камни. В глазах кровавый туман от боли. В каждой клеточке, в каждой молекуле тела. «Ребятюшки, вы уж больше не роняйте меня, пожалуйста», — хрипишь им одной гортанью. Принялись бойцы вместе с «бортачем» затаскивать в вертолет. Правая рука болтается плетью, левая нога крутится на сухожилии и бьется по лестнице, обломок берцовой кости скребет металл. словно поломанная злым ребенком игрушка, рухнул, наконец, лицом вниз на чей-то промасленный ватник. Рядом присел «бортач». Нестерпимо хотелось пить. «Тебе, наверное, нельзя!» — кричит бортинженер. «Я только глоток сделаю, — шепчешь в ответ, — три дня снег хлебали. А еще — дай покурить...». «Держись, братишка, скоро доставим, — кричит «бортач», поднося к губам флягу, а вслед за ней зажженную сигарету. «Куда летим»? — спрашиваешь. «В Кабул! — кричит в самое ухо «бортач». — Приказ главкома».

Главком ВВС сороковой армии Геннадий Колодий, помня про участь отца, уже не раз звал тебя уйти в штабные. Сказал накануне: «В последний

раз отпускаю. Учти!». Словно предчувствовал. Сам вышел в эфир и приказал триста тридцать восьмому спасти «Визит». Еще одно предчувствие. В этом бою ты впервые взял чужой позывной. В авиации тебя знали как «Боцмана». Может быть, этого и не случилось, если бы уходил в бой со своим. Словно чужую судьбу примерил.

После похорон отца мама отдала тебе белый поминальный платочек, полагая, должно быть, что он сохранит ее сына, как охраняет нас Покров Богородицы. Но сын в этот день надел новенькую пакистанскую «разгрузку». И про платочек просто забыл. Тоже, скажешь, случайность?

Инок Кириан

Был ведь еще давнишний сон, который вдруг сразу же сдетонировал в памяти одновременно со взрывом: увидел себя стоящим посреди пенящегося каштановым цветом Крещатика с деревяшками вместо ног. Как в той страшной русской сказке про медведя: «Скырлы, скырлы, скырлы, на липовой ноге, на березовой клюке...»

И белобрысый «ближний», что, подобно ангелу небесному, перетягивал твои артерии стальным тросом, тащил по камням, поднимал на борт «вертушки», а потом исчез, растаял навсегда словно легкое облачко.

Не слишком ли много этих случайностей в один день в одном месте на высоте три тысячи триста метров, на самой вершинке чужой горы Хаваугар?

Или молишься ты о неизвестной сестричке с поблескивающими ножницами в руках, что резала окровавленную твою одежду? Штаны, трусы, гимнастерку, майку, разгрузку. Будто снимала капустные листья и отбрасывала в эмалированный таз. Покуда уже нечего было резать. Тогда накрыла голенького серой, много раз постиранной и хлоркой протравленной простыней. Рядом стоял Кузьмич. Ему предстояло резать дальше. И спасать, что удастся спасти. Военный хирург смотрел предметно, без лишних чувств и эмоций. Так смотрит каменщик на разрушенный храм. Или реставратор на изувеченную икону. Сколько таких вот мальчиков уже прошли через его руки за эту войну? Сколько тонн отсеченной человеческой плоти сгинули в печах медсанбатов? Сколько не удержал на этом свете? И вот еще один. Изодранное в клочья творение Божье смотрит с такой надеждой, что хочется отвернуться и зарыдать. Он бы и зарыдал прямо сейчас возле этого юного офицера, если бы сердце не превратилось в мозоль.

Пока пилили кости, ушивали артерии, мышцы и сухожилия, пока штопали кожу и кололи в сердце адреналин, пока думали, как сохранить ему руку, поскольку без обеих ног и без руки парню уж совсем тяжело в жизни придется, пока медленно и тягостно, словно физраствор в капельнице, тя-

нулись часы этой тяжелой во всех смыслах операции, ты был где-то рядом. Рядом, но уже не здесь. Душа твоя уже воспарила куда-то вверх. Выше этой операционной, выше госпиталя, засыпающего Кабула, ледяных вершин Гиндукуша, выше войны и страданий, прямоком к доброму, словно парное молоко, Свету, разливающемуся из глубин мироздания.

У него не было имени и названия, не было назначения и цели. Исходила от него всепоглощающая радость и безграничная Любовь, охватывающие и переполняющие всю твою душу нездешним, Божественным светом и блаженством.

Много позже ты рассказал Кузьмичу о путешествиях собственной души. Хирург объяснил случившееся доходчиво и просто, как и положено полемому хирургу: «Просто помер ты, парень. Мы тебя три раза с того света вытаскивали». Кузьмич хоть и верил в странствия души, но не меньше собственным рукам и «Началам военно-полевой хирургии» академика Пирогова.

Есть такой медицинский термин — каузалгия. Что-то похожее испытал в детстве, когда по случайности вытащил из костра вместо картохи раскаленный булыжник. Ранение в руку спровоцировало поражение симпатической нервной системы. Огненная боль вспыхивает искрой сначала в руке, а потом окатывает напалмом все тело. Малейшее движение, яркий свет или случайный прохожий запускают этот адский инструмент, эту геенну огненную. Единственное спасение — сыра земля.

Уже в Союзе сделали две операции. Обе — неудачные. Впереди еще одна. Хирурги должны распилить несколько ребер возле позвоночника и продольно рассечь нервный ствол. Это называется симпатэктомия. Сутки провалялся без сознания в реанимации, а когда пришел в себя и впервые, как-то даже без радости особой, почувствовал, что адская эта боль, наконец-то, ушла, выяснилось, что во время операции повредили легкое. Оно стремительно наполнялось воздухом, перемешанным с кровью. Пневмоторакс. Нечем дышать. Снова дикая боль при каждом вздохе. И предчувствие близкой смерти. «За что мне все это, Господи?» — пронеслось где на краешке сознания. Последнее, что услышал — показатели артериального давления: «Шестьдесят на ноль». Терминальное состояние.

Оттуда тебя вытаскивал профессор Булгаков. «Ну и напугал ты нас, парень, — услышал его, лишь только пришел в сознание. — Думали — все! Мне позвонили, и, представь себе, так неся, что возле трамвая упал. Вот, разбил себе колено». И задрал штанину.

После реанимации перевели в пульмонологию откачивать кровь. А там случайно, когда вводили между ребер катетер, угодили иглой в нерв...

Восемнадцатого ноября все закончилось. Эти земные мучения длились долгих семь месяцев и отняли все твои силы, всю твою волю, оставив после себя только обожженную, пустынную душу и истерзанное, искромсанное тело.

Древнегреческое слово «*κάθαρσις*» имеет несколько значений. Среди них не только оздоровление, но еще очищение и возвышение. Впрочем, этих слов ты тогда не знал. Только чувствовал. Глубокий и всепоглощающий катарсис.

Чуда не ждешь. Оно само нисходит на тебя по Божественному промыслу подобно черемуховой духоте июньским полднем, или упругому ливню, или молочной младенческой сладости, доносящейся из колыбели.

Чудо — это даже не всегда нечаянная благодарность, но часто только понятный одному тебе знак или мысль, обретающая форму. И навсегда меняющие ход всей твоей жизни.

Это чудо явилось тебе как раз во времена больничных мытарств. Неясный, неразличимый образ, в котором душа безошибочно опознала легендарного Алексея Маресьева. «А разве ты не сможешь? — спросил внутренний голос. — Чем ты хуже его? Ты тоже летчик! Научился он жить и летать без ног, значит, и ты сможешь!». С этого мгновения в твоей жизни появилась новая цель. Не только научиться ходить. Но вернуться в военную авиацию.

Первые учебные протезы — мягкие, щадящие, со шнурованным корсетом на ляжке и стальными шарнирами. Учись, брат ходить, ползи как можешь. Вначале так и делал, почти ползал по больничному коридору: туда и обратно сто раз. Три тысячи шагов. Конструкции стальные скрежещут оптимистически. Гильзы кожаные культы стирают в кровь. Однако прешь дальше по этому гулкому, как туннель на тот свет, коридору. Еще пятьсот шагов, еще тысяча. Бывает, грохнешься, как теленок на льду. «Ноги» с грохотом в разные стороны. Доползешь до стеночки, или какой добрый человек подняться поможет, и вновь пошел отмерять свои километры. Из коридора со временем перебрался в госпитальный дворик, а потом шагнул на улицу. Тут и протезы поменяли. Даже на живую ногу чем-то похожи. Уже совсем другая история. Теперь ты делал ежедневную «коробку», обходя территорию госпиталя по периметру. Но на улице полно скамеек, куда можно «приземлиться», если ошалеешь от этой непрекращающейся ходьбы. Тогда решил устроить себе что-то вроде проверки: отправиться одному без всякой страховки и помощи из Москвы в Ленинград. Плечо все еще ломит после операции. На плече — тяжеленная синяя сумка. В руке — тросточка. Под штанами — протезы. В купе, чтобы не смущать попутчиков, протезы снимать не стал. Так и спал при полном «обмундировании». Только утром, на Московском вокзале, понял: испытание может закончиться плохо. Культы не слушались. Слишком они устали. В какое-то мгновение готов был рухнуть в грязный, заплесанный городской снег прямо посреди улицы и уж более не подниматься. «Неужели теперь всю жизнь — вот так, на этих ходулях? Липовая нога, березовая клюка...» Минутные слабости приходят в каждую душу. Нужно только уметь отличать их от лукавого шепота. Нужно держать удар изнутри твоего сердца.

Через месяц вдруг с радостью понял: «Господи, а ведь я хожу, как все. И даже танцую. И даже без палки!»! Со стороны даже не подумаешь, что инвалид.

И Господь улыбался тебе в ответ.

Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем искусные токари и талантливые механики создадут для тебя укрепленный протез, способный выдерживать фантастические нагрузки. Просто современное отечественное протезостроение не предусматривало, что инвалиды-ампутанты будут танцевать рок-н-ролл, стоять в футбольных воротах и гасить волейбольные «свечи».

А еще управлять учебным «яком». И прыгать на землю с высоты полторы тысячи метров. Ведь именно это требовалось профессии, в которую теперь мечтал вернуться. И вернуться в Афганистан.

Чахоточных, контуженных, тифом переболевших — и тех из действующей армии комиссуют. К мамкам, на теплые женушкины перины, на до-

машинный харч. Дурней-то мало даже в мирное время, а не то, чтобы в годину самой настоящей войны, вновь просится на фронт. Тем более что война-то совсем не отечественная, а, как тогда говорили, «спрятанная». Тем более безногому.

Говорил с замполитом госпиталя, но тот человек подневольный и до ответственности боязливый. На все уговоры твердит одно и то же: «Существует порядок. Ожидайте комиссии». А что комиссия? Она безногого, конечно, из армии спишет. Ищи тогда правды. Сбежал из госпиталя в Москву. Приехал в отдел кадров ВВС, написал рапорт «афганскому» своему начальству. И снова в госпиталь. Ждать.

В военном ведомстве, слава Богу, равнодушных не оказалось, так что бумаги до стола министра обороны дошли быстрее обычного. Министр на фронт не пустил. Но в армии оставил. «Направить майора Буркова В. А., — значилось в резолюции, — на учебу в Военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина». Случилось это в апреле, когда майору исполнилось всего двадцать восемь лет.

Ты помнишь то утро, иннок? Плац возле учебного корпуса Академии только остывает еще от ночной росы, и асфальт парит. Пахнет липовым цветом и жирной ваксой, которой надраены офицерские сапоги. Мундир цвета индиго, ушитый и утянутый до последнего шва. Блеск латунной пряжки. Золото кокард и аксельбантов. На трибуне начальник Академии — легендарный «Скоморох» — маршал Скоморохов, который за время войны лично сбил сорок шесть самолетов, в том числе из «бриллиантовой эскадрильи» Люфтваффе.

Вот перед такими людьми предстояло тебе пройти сегодня, чеканя шаг, соблюдая все правила парадного строевого шага: «двадцать сантиметров от земли, носок прямо, колени не гнуть». Без ног.

В том параде никто ничего не заметил. Ты прошел по парящему плацу как все, как триста других молодых офицеров. И хотя иногда казалось, что сердце разорвется спелым гранатом, эти несколько сот метров парадным шагом казались тебе самой щедрой наградой.

А ведь это ангелы вели тебя по этому плацу. И вместе с тобою печатали шаг.
Радуйся!

МЫТАРСТВА

До вывода войск оставался еще один год. Израненных душой и телом мальчиков, вернувшихся с той войны, вместо гладиолусов и меди духовых оркестров Родина встречала обжигающим, как лед, молчанием. Мальчики понять этого не могли. Они слышали: «Не мы вас туда посылали». И сразу же вспоминали окоченевшие лица своих друзей. Мозги на траках. Мокрый шлепок пули в живот. Мальчики от бессилия теряли веру. Верить они теперь могли только своим. Вот таким-то и нужен был реаниматор.

Ты понял это после того, как твой первый хирург Кузьмич попросил вытащить из омута глубокой депрессии двух безногих солдатиков. Мальчики лежали в одной палате. Молча и тягостно обдумывая, как бы покончить разом со страданием по имени «жизнь». Ты вкатился к ним на инвалидной коляске. Такой же увечный товарищ по несчастью. Такой же солдат «спрятанной» войны. Нашлись общие знакомцы — мертвые и живые. Затепли-

лось доверие. А затем и вера в то, что ноги — это только часть тела и вместе с ними жизнь не кончается. Просто начинается другая жизнь. Заезжал к ним несколько дней подряд. И как-то вечером, чеканя каждый шаг, вошел в палату уже на протезах. В офицерской форме. С медалями на груди. Заскочил, как бы между прочим: «Ребятки, я в магазин. Вам ничего не надо?»

Их лица невозможно забыть. Лица людей, которые вдруг обрели веру!

Кто помнит демократическую лихорадку той поры, тот, должно быть, теперь-то понимает, в какую глубокую пропасть, на радость врагам, рухнула Великая держава. Каким искусством и изощренностью обладали эти враги, чтобы превратить по природе своей верующую и мускулистую, как мухинская крестьянка, Родину-мать в мировую шлюху со звериной личиной саксонского Франкенштейна.

Ты оказался в этом ведьмином котле, как и многие, подобные тебе, не по злему корыстному умыслу, но по искреннему желанию хоть как-то изменить положение своих однополчан. И даже больше — всех инвалидов большой страны. Именно по этой причине начало девяностых годов прошло в кабинетах чиновников, на дачах отставных генералов, в жарких спорах и надеждах, что изменить что-то получится. Десятки тысяч шагов по мраморным полам Белого дома, дубовому паркету Старой площади, прокуренным кабинетам министерств и всевозможных контор в конце концов привели на Лысую гору российской политики. 5 августа 1991 года Ельцин назначил тебя своим советником по делам инвалидов.

В новой, непонятной пока стране и законы нужны другие — капиталистические. Инвалидам требовалась помощь и соучастие; нужна доступная среда, которую как раз в то время задумывали; нужны государственные вложения, которые крадут чиновные мздоимцы, нужна государственная политика, коей в те годы и вовсе не существовало. Вместо нее — треск и хруст гибнущего СССР.

В октябре последний Президент СССР подписал Указ № VII-2719, которым присвоил тебе звание Героя Советского Союза с вручением Золотой Звезды и ордена Ленина. Как вскоре выяснилось, это был предпоследний указ Горбачева. Еще через два месяца СССР не стало.

Через два с небольшим года все тот же Ельцин ликвидировал твою должность. Тем не менее кое-что сделать все же удалось. Увечный наш народ, сам того не подозревая, может быть благодарен именно тебе за отмену повторных освидетельствований, обустройство пандусов, трудовую реабилитацию и даже за международный день инвалида.

Есть такой сорт людей, особенно среди военных, которых называют «упертыми». Для армейского дела, для исполнения приказов — качество первостепенное, но вот для аппаратной политики и козней придворных оно совсем не подходит. Может, ты не понимал еще этого в ту пору. Или после геройских-то звезд да кремлевских кабинетов гордыня взыграла в сердце твоём? Словом, решил податься в депутаты Государственной Думы, где героя-афганца с радостью подхватили «эсэры». Новая партия жаждала новых героев. Однако Герой оказался совсем не таким, каким ожидалось. Слишком отчаянно вступил в политическую борьбу, слишком жестко критиковал местных чиновников и, как ни странно, слишком высоко поднял партийный рейтинг. А это как раз не требовалось. Местную власть менять никто не собирался. А на выборах победить — партия власти. Власть пожаловалась в

партию. И Героя выкинули из списка, обвинив для пущей остроты в поджоге партийного штаба.

Но и этого тебе, видать, было мало. Протестуя против проекта закона об отмене статуса Героев, который должны были принять в Государственной Думе, устроил известную голодовку Героев, к которой подключились не только Герои новой страны, но и Герои СССР, и Герои войны Отечественной. Старики с золотыми звездами на поношенных пиджачках пришли голодать вместе с молодыми, протестуя тем самым против политики властей. Голодал три недели. Закончилось все «неотложкой» и госпиталем.

Может быть, именно тут ты и понял, что год жизни в русской политике можно зачестить за три года афганской войны. По мерзости своей, подлости, лицемерию и миллионам жертв, имя которым русский народ. Может быть, только находясь в непосредственной близости к власти, ты увидел, наконец, насколько власть эта далека от простых людей, высокомерна и чванлива. На фронте таких шкурников тихо пускали в расход. В Москве пускают к царю.

Последние иллюзии Героя рассыпались в прах, словно сухой песок Регистана.

Радуйся!

ИСХОД

Роза появилась в твоём доме в начале мая. Укутанная в яркие восточные ткани. Замкнутая, нелюдимая киргизка с широкими азиатскими скулами. Она плохо говорила по-русски, зато настолько хорошо владела колдовством, что ее пригласили в Москву для участия в телевизионном шабаше «Битвы экстрасенсов».

Появилась она в доме твоём, как потом обнаружилось, совсем не случайно. Вместе со своею богатой подругой, очутившись в православной Москве, решили, любопытства ради, зайти в христианский храм. И хотя в Христа не верили, все же решились попросить чужого Бога каждая о своём. Подруга — взамен умершего мужа — нового и молодого. А Роза, которая тоже мужа похоронила, да помимо того содержала старую мать, да ещё пятерых детей, — нет, не мужа. Только любви.

Как просили, так и случилось. Подруга вскоре познакомилась с молодым красавцем, да тот оказался альфонсом. Обобрал её до нитки, да и бросил за ненадобностью. А Роза случайно увидела твою фотографию в Интернете. И в то же мгновение словно студеным дождем её окатило. «Ой, — пролепетала она смущенно, — я, кажется, влюбилась».

В день первой вашей встречи, которую устроили её приятели-экстрасенсы, Роза лишь однажды назвала тебя по имени. И, побледнев, добавила: «дорогой». На прощание промолвила: «Вас Бог любит. Молитесь ему». Меньше чем через месяц звонок от общих знакомых: «У Розы проблемы с детьми. Помолитесь за них, пожалуйста». И вновь эта фраза: «Вас любит Бог». Такая фраза ко многому обязывает. Только вот как молиться и какие слова при этом произносить — этого ты, конечно, не знал. Купил в лавке церковной простенький молитвослов, да несколько иконочек крохотных: Спасителя, Богородицы и Архангела Михаила. Молиться предстояло за пятерых мусульманских детей.

Молитвы все разные. На древнем языке написанные. Их и разберешь-то не сразу. Приходилось читать подолгу, постепенно, тяжело проникая в смысл и таинственность текстов.

Новая встреча с Розой и во все испугала. Она долго говорила по телефону на своем языке, бледнея и меняясь лицом. Трубка доносила женские рыдания и крики. Это звонила одна из дочерей — Наргуль. Из бессвязных объяснений понял, что кто-то хочет ее забрать. «Молитесь за нее», — умоляла Роза.

Густой летней ночью, когда дом опустел, а в кустах бузины над рекой разливались трели фетовского соловья, наконец, зажег несколько свеч и встал на молитву «в скорбях и искушениях творимую» с именем «Вопль к Богородице». Есть в ней и такие слова: «Только сердце мое, бедное человеческое сердце, изнемогшее в тоске по правде, бросаю к Пречистым ногам Твоим, Владычице!» И лишь только произнес их и протянул руки свои к маленькой иконке, в тот же миг перед внутренним твоим взором, сперва туманно и расплывчато, а затем все яснее и явственнее начали развертываться совершенно необъяснимые с обывательской точки зрения образы и пейзажи, в которых нашлось место и незнакомой Наргуль, стоящей на белом песке, и мрачным тварям со свалывшейся шерстью, покрывающей их дряблую кожу, и пузырящейся огненной лаве, откуда они выходили, и куда уходили вновь и окружали девушку со всех сторон. «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его», — произнес ты начальные слова шестьдесят седьмого псалма, даже и не подозревая, что против мрачных тварей слова эти, наравне с молитвой Иисусовой и Крестом Господним, — самое действенное оружие. Вскоре ты и сам убедился в этом, наблюдая, как они, словно трухлявые грибы-дождевики под ногой, превращаются в облачко праха.

Рулады соловьиные возвратили в старое кресло — совершенно измученного и лишенного всяческих сил. И с вопросом, на который не было ответа: что это было? Быть может, я схожу с ума?

Подобное повторилось и на следующую ночь, и еще несколько дней, лишь только оставался один и оканчивал молитвенное правило. Только в новых битвах образ девушки каждый раз все более просветлялся, а враги все более слабели.

Опасаясь, что видения уже овладели тобою, потрясенный происходящим, ты позвонил знакомому иеромонаху: «Отец Пантелеимон, у меня тут такое-е... происходит!!! По ночам с бесами быюсь». «Только ты силы Божии за свои не принимай», — спокойно ответил иеромонах, словно речь шла о драчке с подвыпившей шпаной.

Инок Киприан на молитве

Ехал к нему потом в Саввино-Сторожевский монастырь с волнением, схожим с фронтовым. Думал, отец Пантелеимон признает тебя уж если не сумасшедшим, то уж точно каким-нибудь бесноватым. Однако же слушал иеромонах с серьезностью редкой. «Это испытание, действительно, редкое, — молвил он в конце разговора. — Принимая его, однако, научись различать помыслы, которые исходят от Господа, от лукавого и от тебя самого».

Почему это все происходило именно с тобой — человеком от веры и церкви совершенно далеким? Мало того, фронтовика, Героя СССР, советника Президента, депутата. То есть прагматика, далекого от всяческого мистицизма. Откуда взялась эта восточная Роза со своими детьми? Куда исчезли прежние заботы и страсти? Почему вовсе не кремлевские новости, а молитвы и святоотеческая литература трогают теперь твое сердце? Отчего оно плачет? И эти простенькие литографии с ликами? Что-то странное и незнакомое происходило теперь в душе, какая-то невидимая, глубинная работа, перемалывающая все прежние взгляды и суждения в газетную труху и воздвигая на их месте нечто незыблемое, светлое, вечное, РОДНОЕ.

А тем временем в жизни восточной Розы начали происходить странные события. Лишь только отреклась она от своих прежних увлечений, лишь только прилепилась сердцем к Герою, началось необъяснимое. Виделись ей во снах дальние и ближние «родственники», по большей части уже умершие, которые в один голос убеждали ее не связываться с Героем и оставить его как можно скорее. А потом и угрожать начали: не откажешься, детям твоим — погибель! Только в хоре этом зловещем услышала вдруг совсем иной, как показалось ей, ангельский голос: «Ты не бойся. Он победит демонов». Только вот Наргуль, за которую ты сражался, Розе не снилась. И спасти уж больше не умоляла.

Жизнь ее наладилась, а душа пребывала с тех пор в мире.

И имя их — легион! Невидимые затуманенным мирским нашим зрением, входили они в твой дом на обрыве реки словно в страну Гадаринскую. Ночами ты чувствовал их омерзительный запах. Прикосновения шерсти. Стук копыт по кафелю в прихожей. Пылающий взгляд пурпурных зрачков в коморке. Хриплый глас за спиной...

Ты валил их молитвой Иисусовой, словно очередями из ДШК. Жег напалмом святой воды. Громил динамитом Крестного Знамени. Порою брань духовная превращалась в настоящий Сталинград. Падали шкафы, крошились стекла, летала Библия, сердце сжималось в предынфарктной тоске. И так каждую ночь. Девяносто семь дней. Однако Господь не попускает испытаний свыше силы человека и если дает сражение, то вместе с ним дает знание и силы для этой борьбы.

Однажды утром Роза испуганно сказала: «Освяти машину. Меня предупредили, ты можешь попасть в катастрофу». Но назавтра уже назначена долгожданная встреча с игуменом Анатолием (Берестовым). И хотя под капотом внедорожника что-то подозрительно и громко стучало, все же решился отправиться в путь. На крутом подъеме, только прикоснулся к педали газа, машина словно с цепи сорвалась. Неожиданно ее подхватило, приподняло над землей, развернуло на сто двадцать градусов и со всего размаха бросило в кювет. Последнее, что ты увидел: мчащиеся стволы деревьев.

Трещина в тазобедренном суставе, перелом плечевой кости, машина восстановлению не подлежит — сообщили на другой день специалисты по

людям и механизмам, — радуйся, что живой. «Слава Богу!» — сказал им в ответ.

Восточная Роза отреклась от магометанства и приняла православие. Крестили ее в Алма-Ате с новым именем Иустина. Имя это еще сыграет свою мистическую роль в жизни обоих.

Шли годы. И, наконец-то, пришел тот день, когда Господь привел тебя в Переделкино к известному Оптинскому старцу Илию. Келья его узенькая, всегда полная страждущего народа со всей России, всех желающих вместить не может, и оттого люди ждут старца по многу часов на улице. А бывает, что и уезжают ни с чем. Провожатые твои с батюшкой состояли в знакомстве. Так что ждать не пришлось. Предупредили: батюшка — великий молитвенник, ты его о чем-то важном спроси обязательно. Он вышел навстречу в стареньком подряснике. Маленький, согбенный старичок с широким лбом, карим взглядом и снежною бородою. Провожатые ему про «газель», да про кирпичи для строительства, да про всякие хозяйственные хлопоты. Словно не к старцу всероссийскому пришли, а к прорабу. В разговоре этом, отнюдь не душеспасительном, вдруг возникает тугая пауза, и кто-то шепчет: спрашивай.

Откуда эти мысли взялись? И слова? Словно сами собой родились в твоём сердце. Подошел к нему, поклонился: «Батюшка, помолитесь за Иустину... И еще... есть ли Божья воля на постриг меня в монахи?». Молчит старец Илий. Ничего не отвечает. Прикрыл глаза и забылся в глубокой своей молитве. Тихо стало в келье. Только слышно, как за окном заливается счастливой песней какая-то птица. Может быть, он не расслышал? И уже громче: «Так благословите?». И вновь молчание. Только через целую вечность (или тебе это только казалось) почувствовал на своей голове его теплую, излучающую райскую благодать руку. И услышал, словно слова эти исходили не от согбенного старика, а гораздо выше его и величественнее. От Того, Кто весь этот мир сотворил. Грозно и торжественно: «Благословляю!» Уходя уже, старец обернулся и произнес на прощание: «Но сначала — добрый самарянин».

Вспоминая эти его слова и евангельскую притчу о ближнем, ты уже понимал, что таковым является даже не близкий тебе по крови, и даже не близкий по духу твоему, но часто человек и вовсе случайный, чья душа нуждается в твоей любви и милости здесь и сейчас.

Если и есть на свете порченная земля, то Кара-Балта — из их числа. В переводе с киргизского означает «черный топор». С одной стороны — сто сорок тысяч гектар дикой конопли Чуйской долины, куда стекаются наркоманы и контрабандисты со всего мира, с другой — радиоактивный КГРК, секретная прежде промышленная зона, где добывался и перерабатывался уран для страны Советов. И со всех сторон — мусульманский Кыргызстан. Именно здесь островком оплота Христова затерялось крохотное Архиерейское подворье Казанской иконы Божией Матери. И именно сюда приехал ты на постриг.

Когда выбирали имя для будущего инока, благочинный иеромонах Макарий решил положиться на промысел Божий и написал три записочки с разными именами. Согласовал их с Владыкой Даниилом, но в последнюю минуту добавил еще одно имя — Киприан, подсказанное, должно быть, свыше. Ее-то и вытянул ты, не задумываясь.

Минувшим летом предпоследнего Героя СССР, ветерана Афганской войны, депутата и советника Президента России постригли в иноческий чин с именем священномученика Киприана, прежде известного христианскому миру своими колдовскими деяниями, но принявшего в сердце веру в Спасителя благодаря христианке по имени Иустина. Так зовут теперь и восточную Розу.

Не об этих ли чудесах, явленных тебе Господом, думал ты, распластавшись в белой рубахе перед царскими вратами храма в ожидании пострига? Не о том ли, что, оставляя позади прошлую, ветхую свою жизнь со всеми ее поражениями и победами, ты ни о чем теперь не жалеешь, поскольку впереди тебя ждет жизнь новая, полная иных побед и поражений, быть может, даже гораздо более значимых для тебя самого, окружающего мира и вечности. Вечности бесконечной Любви!

«Мы же, видяще в тебе таковую Божию силу, вопием ти сице: Радуйся, волшебных козней разрушителью; Радуйся, страшных бесов прогонителю. Радуйся, от тебе же духи злобы, яко дым, исчезают; Радуйся, тяжко мучимых скоро оставляют. Радуйся, от бед и скорбей скоро избавляющий; Радуйся, страдания в радость обращающий. Радуйся, священномучениче Киприане, скорый помощниче и молитвенниче о душах наших» (Акафист священномученикам Киприану и Иустине, Икос 7).

Вадим КУЛИНЧЕНКО

ПОДВОДНИКИ

Забутые рукописи

Вадим Тимофеевич Кулинченко — публицист, капитан 1 ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий, родился в 1936 г. в городе Острогжске Воронежской области. Окончил Высшее Военно-морское училище Подводного плавания (1-е Балтийское училище, г. Ленинград). Служил на подводных лодках СФ в Полярном, губе Ягельная, губе Оленья и губе Западная Лица. В 1967 г. участвовал в Египетско-Израильской войне на борту пларк «К-131» в Средиземном море. Лауреат журналистских конкурсов по военно-патриотическим темам, отмечен дипломом литературного конкурса «Щит и Меч Отечества» (Национальная литературная премия). **Живет в г. Балашихе Московской области.**

Сам я подводник по профессии, а, как говорят, это профессия смелых, даже первый космонавт Земли Юрий Гагарин, побывав на подводной лодке, оценил мужество моряков выше космонавтов. Многие известные и неизвестные покорители глубин убеждены — Подводник — это не служба и не профессия, это судьба и религия!

БОГ ЕСТЬ

Раньше я как-то не задумывался об этом, веря только в судьбу. Однако всегда помнил слова покойной бабушки, которая, отправляя меня в Военно-морское училище, наставляла меня: «Внук, помни — без Бога не до порога... Пусть он всегда будет у тебя в душе!». Может, эта вера во что-то божественное и помогла пройти без потерь нелегкий путь моряка-подводника, а потом еще семь лет пролетать на самолете.

Мы редко задумываемся — есть или нет Бог, а вот судьбу вспоминаем часто. Я на свою судьбу не жалеюсь. Все есть, кроме денег, дачи и машины, но не в этом счастье. Счастье, когда есть любимое дело, любимые люди, ну хотя бы увлечение. У меня оно есть — «копаться» в истории и писать об этом. Я достиг на этом поприще кое-каких успехов. И все это благодаря вере в себя и, конечно, Бога в душе.

Общеизвестно, что моряки народ суеверный, но мало кому известно, что ко всему — они в большей мере, чем кто-либо, верующие в Бога, которого носят в душе.

Еще в детстве мой дед-казак, по профессии бондарь, в субботние вечера учил меня читать Библию на старославянском языке со своими комментариями. Все это оставило у меня заметный след, особенно его напутствие: «Афишировать всем не

надо это, а твоя вера в Бога поможет тебе в трудные минуты». Став коммунистом, я не выбросил из себя наставления своих предков. И эта вера в Бога была и в душах многих моих сослуживцев — подводников.

Кто-то сказал замполиту командира подводной лодки, а был 1959 год, что Кулинченко знает Библию. Все ждали от него мне разноса. Замполитом был тогда еще капитан 3 ранга Юрий Иванович Падорин, в 70-х годах он стал членом Военного Совета Северного флота, Героем Советского Союза. Замечательный был человек. Думали, что он будет меня песочить, а он похвалил и поставил в пример всем офицерам. Значит, и тогда он знал силу святого доброго слова.

В своей подводной службе мне приходилось переживать не раз экстремальные ситуации. Пришлось и сталкиваться под водой в 1968 году с английской подводной лодкой. О некоторых случаях мои материалы были опубликованы в прессе. Меня спрашивали читатели: «Страшно было?». Что я мог ответить? — «Конечно, страшно. Только дурак ничего не боится». Всегда внутренне молился в душе: «Господи, не выдай! Помоги людям своим!..» Не знаю, как это сказывалось, но вот сегодня я жив и не обижаюсь на судьбу.

Мои мысли подтверждает незабвенный Николай Затеев, командир легендарной «Хиросимы», подводной атомной лодки «К-19», мемориал которой установлен на Кузминском кладбище в Москве. Мысли Затеева обнародовал писатель-маринист Николай Черкашин:

— Когда истек срок всех надежд — встретить хоть какой-то корабль, — рассказывал в душевной беседе Затеев, — я спустился в свою каюту, достал пистолет... Как просто решить все проблемы, пулю в висок — и ничего нет... И тут я взмолился: «Господи, помоги!» Это я-то, командир атомохода с партбилетом в кармане! И что же?! Четверти часа не прошло, как сигнальщик докладывает с мостика: «Вижу цель!». Бегом наверх! Без бинокля вижу характерный черный столбик в волнах. Рубка подводной лодки. Наша! Идет прямо к нам. Там услышали наш маломощный аварийный передатчик.

Разговор идет об аварии атомного реактора на «К-19» 4 июля 1961 года. Это подошла подлодка «С-270», которой командовал капитан 3 ранга Жан Свербилов.

Моряки — народ суеверный, но не на столько, чтобы верить во всякие чудеса. Но после многих случаев и совпадений: помолился в душе и нате, сбывается желание, попросил у Бога помощи — она пришла, я уверовал в то, что Бог есть! Это трудно доказать, но ВЕРА — это, наверное, и есть БОГ!

МОРДОТЫК¹

Было это в далекие годы моей лейтенантской юности. После выпуска из училища Подводного плавания (в/ч 62651) большинству из нас выпала служба на Северном флоте. «Вот это флот!» — говорили тогда. И действительно, флот рос и мужал на глазах, его значение в обороне страны и во внешней политике государства тогда ни у кого не вызывало сомнений. Объявленная в 1946 году Союзу Западом «холодная война» приобретала зримые очертания в гонке вооружений. В то время подлодки «пекли как

¹ Народное название «господствующего» ветра на море (морской лексикон).

пироги» — правда, они были дизель-электрические, но вполне соответствовали тому времени. Кадры подводников решали все. Даже хрущевское сокращение Вооруженных Сил не коснулось подводного флота, тем более, молодых лейтенантов. А ведь многие из нас хотели воспользоваться этим моментом, чтобы «слинять на гражданку».

Но фокус не удался, и поэтому надо было служить честно и добросовестно, а мы были воспитаны именно в таком духе. Долг превыше всего, но и материальное обеспечение не на последнем месте — подводники в этом отношении тогда не были обижены. Надо было учиться практической деятельности, и мы начали «грызть гранит» морской науки.

Одним из первых стремлений было стать полноценным членом экипажа подводной лодки, а это значило сдать зачеты на управление своим подразделением и получить допуск к самостоятельному несению ходовой вахты вахтенным офицером.

Два зачета из всех были равносильны студенческому «сопромату», сдавши который, студент мог жениться, а лейтенант, «столкнувший» зачеты по устройству подводной лодки и знанию морского театра и всех навигационных премудростей, мог чувствовать себя подводником. На первый взгляд и делать нечего: нарисовал карту по памяти, ответил на 5—7 вопросов, а на самом деле... Многие из нас, да почти все, сдавали эти зачеты не с первого захода. Это был фундамент на всю дальнейшую морскую службу, здесь выявлялся характер будущих покорителей морских глубин. Некоторые не выдерживали и уходили на береговую стезю, другие вгрызались в морскую глубь, познавая не только как «эта железка плавает» и что в ней напихано внутри, но и как сохранить это «чудо техники» от всяких неприятностей морских стихий. Эти первые шаги на морской тропе были гораздо труднее даже последующих командирских зачетов. Там уже присутствовал практический опыт, а здесь было больше теоретических знаний.

С нас, офицеров-торпедистов-минеров, флагманский штурман бригады, принимая зачеты по навигационным премудростям, спрашивал больше, чем со штурманов. Отвечая на наше неудовольствие, говорил: «Что штурман? У него всегда перед глазами карта. А у тебя она где? Только в голове. Вот и подставляй ее!».

Действительно, штурмана обычно мудрили в своих рубках. Они, в отличие от штурманов гражданского флота, редко несли ходовые вахты на подводных лодках. Они и шифровальщики, да еще, пожалуй, радисты, числились в интеллигентах — бумажная работа, как у бухгалтера, но в кораблевождении весьма важная. А что было спрашивать с нас, минеров, вечно измазанных амсом (смазка для торпеды, покрывающая всю ее тушу. Это сейчас они крашенные, а тогда амса не жалели. — В. К.). Надо признать, что у нас было какое-то пренебрежение к штурманской науке еще с училища — было у мамы три сына: двое умных, а третий штурман, — где было негласное соревнование между двумя факультетами, и где каждый «кулик отстаивал свое болото». Но флагманский штурман 25-й бригады подводных лодок 613 проекта Северного флота Толя Любичев так не думал.

Спокойный, полный для своих лет, дока своего дела, он был уважаемым специалистом не только в бригаде, но и на единственной тогда дивизии подводных лодок, базирующейся в Полярном. Он не делал различия между «группенфюрерами» — командирами штурманских и торпедных групп.

Ходили мы к нему на зачеты по всем штурманским делам обычно по 3—4 человека, надеясь не на взаимовыручку, а больше на то, что Толе будет труднее «справиться» с нами всеми, чем с одним. Но у него была манера сосредотачиваться на одном из нас и по его знаниям определять знания всех. Сидим мы, бывало, у него в каюте и рисуем карту всего северного театра со всеми бухтами—губами—заливами, маяками и даже неприметными на первый взгляд ориентирами. Он внимательно проверяет наши художества и ставит жирные минусы, приговаривая: «Сегодня ты, Капылов, нарисовал изумительно Терский берег, а вот Кольский залив не очень уважаешь. Для закрепления темы мы этот сеанс повторим в следующий раз! А сейчас, если готовы, перейдем к навигационным знакам и огням. Но чтобы не было пренебрежения к этой теме, расскажу вам один трагический случай, происшедший на нашей бригаде незадолго до вашего прихода:

— Подводная лодка «С-342», командир Жабарин, опытный подводник, выходила из Екатерининской гавани, а в гавань входил танкер «Алазань». Результат — танкер ударил в корму лодки, в 6-м и 7-м отсеках погибли люди. Я не берусь оценивать решение суда, признавшего виновным командира лодки, но есть одно но... Какой сигнал, были сумерки, в это время должен был выставлен на посту СНиС? Об этом, кажется, и забыли в судебном разбирательстве....

— Если сумерки, — перебивает Толю Вовчик, — то наверняка должны были быть вывешены огни по вертикали «красный—белый—красный» или для лучшего запоминания «катись, брат, катись!».

— Молодец, — говорит Толя, — но ты не уловил в моем рассказе один момент, «бежишь впереди паровоза». Да, были сумерки, добавлю — вечерние.

— Разрешите пофилософствовать мне, — говорит Витек. — Возможно, на мачте висел дневной сигнал «шар — треугольник вершиной вверх — шар», что означало «Воспрещение входа при нормальных обстоятельствах эксплуатации порта, когда на фарватер допускаются только суда, выходящие из порта». На «Алазани» не заметили этого сигнала, а вахтенный на посту проспал включение огней. И...

— Да, лейтенанты, в знаках и огнях на сегодня вы разбираетесь лучше, чем в театре и ветрах, чувствую вашу ответственность. Приглашаю вас посетить меня еще раз на следующей неделе.

Через день был короткий выход в море. Опекая меня на мостике, командир, капитан 2 ранга Сергеев Викторий Иванович, воевавший в войну с легендарным Луниным, спросил: «Минер, когда ты закроешь штурманскую графу в зачетном листе?» Старшие офицеры на лодках в море обращаются к лейтенантам обычно «штурман» или «минер», и неважно, что ты всего пока «группенфюрер» — командир торпедной или штурманской группы. На лодках вообще нет чинодральства. Никто под козырек не берет. Никто не тянется и не «ест» начальство глазами, когда к нему обращаются старшие. Все заняты своим делом, и уважение достигается только знанием своего ремесла — профессии, и умением прийти на помощь незаметно, без внешних эффектов.

Я стал ему объяснять, что мы рисуем флаг-штурману всякие розы ветров, а он все недоволен. Подавай ему господствующий ветер, и все. А какой?

— Кулинченко, а какой сейчас ветер?

— Норд-вест, товарищ командир.

— Да нет, куда он дует тебе лично?

— Больше в лицо.

— Так вот, это и есть самый господствующий ветер и на море, и в жизни — всегда в лицо. И придется тебе, дорогой минер, всю жизнь кричать против ветра, конечно, если ты захочешь остаться порядочным человеком в этой жизни. А древние поморы очень мудро называли этот ветер «мордотыком». Вот чего от вас добивается флагманский штурман, отличный специалист своего дела и знатный педагог. Молодчина!

В очередной заход к Толе, умудренные советами своих командиров, мы без особых помех сдали «розу ветров», а кроме того, получили удовольствие от рассказов штурмана. Наши наставники учили нас не только профессии, но и делились своим богатым жизненным опытом, без чего нет преемственности во флоте.

Сегодня, по прошествии более полувека, с теплотой вспоминаешь братьев-курсантов и наших наставников. Да, курсанты тогда действительно были одной семьей, особенно пацаны одного выпуска. Мы все четыре с половиной года вместе ели, спали в одном кубрике, ходили на лыжах и дрались на рингах, учились, любили девчонок, ходили в театры. Тогда мы не знали своего предназначения — мы готовились защищать свою Родину от врагов, и действительно были большой родней. И, придя на флот лейтенантами, мы оставались и там братьями-курсантами, влившимися в большую флотскую семью подводников. Многие из нас, к сожалению, не дожили до нынешних времен.

Жизнь всегда испытывала и испытывает нас «мордотыком». Некоторые упорно держались против этого ветра, став адмиралами и героями, другие остались рядовыми подводного братства, хотя это и трудно. Братья мои и сослуживцы разбрелись по необъятным просторам некогда единого Союза, но я стараюсь следить за их судьбами. Многие погибли в «холодной войне», не дождавшись войны горячей: вместе с лодками ушли на дно морское, умерли от болезней, от преждевременно наступившей старости, от разочарования и беспробудного пьянства... Но все они достойны памяти, выстоявшие и нет против господствующего ветра в нашей жизни — «мордотыка».

ПО ТРАПАМ СКОЛЬЗКИМ, ВЕРТИКАЛЬНЫМ

По достижении зрелого возраста, тем более пожилого, становится стыдно писать беллетристику, выдумывать то, чего не было. В нашей жизни бывало такое, что и без выдумок тянет на острые сюжеты.

По прошествии более полувека во сне, как наяву, являются мне события и люди, особенно сокурсники, с которыми мне и после выпуска приходилось соприкасаться по службе....

В прошлом году на встречу в Питер приехали немногие — возраст, болезни, да и из 123 братьев-сокурсников в живых осталось 39 человек. «Не густо!» — так бы сказал незабвенный адмирал флота Георгий Михайлович Егоров, оставивший добрую память о себе у многих подводников времен «холодной войны». Но что поделаешь — жизнь не остановишь и против природы не попрешь! У каждого человека своя судьба, на которую накладываются и судьбы страны, а она для нашего поколения была нелегкой, а старость вообще досталась печальной.

Мы пришли в училище подводного плавания в послевоенные годы, в основном мальчишки из глубинки, которые не то что подводную лодку, но и паровоз видели впервые. Но через 4,5 года из стен училища под грифом «Войсковая часть 62651», это потом оно станет имени Ленинского комсомола, мы вышли brave лейтенантами подводного флота страны. Напутствуя нас, начальник училища, герой-подводник, вице-адмирал Николай Павлович Египко говорил: «Служба ваша опасна, но почетна...». Так оно и было — опасностей было много (в подводном флоте они есть всегда), а вот почета-то никто и не заметил.

Вот я уже капитан 3 ранга, помощник командира атомохода. Западная Лица, секретная база нашего атомного флота. Здесь уже не одна дивизия, у причалов лодки разных проектов и разных поколений. И в каждой дивизии есть мои сокурсники, конечно, уже на разных должностях.

Полярная ночь, экипажи спокойно спят в казармах, на лодках бдят дежурные смены. И вдруг по флотилии объявляется — «Боевая тревога!».

Все приходит в движение. К причалам устремляется черный поток людей, извивающийся, словно гигантский удав. Я бегу рядом со своим сокурсником Львом Каморкиным, который служит на лодке первого поколения, он командир БЧ-3, не последний человек на торпедной лодке. Наши субмарины стоят у одного причала. На бегу мы рассуждаем, что бы значила эта боевая тревога. Проверок вроде бы не намечалось, неужели война? Вот и наши красотики, доблестные лодки. Он на свою, а я на свою. Здесь все отработано до автомата — не зацепиться ни за один предмет, когда по скользким поручням скользишь в чрево субмарины. У люка ногой — раз. Согнулся, рукой цепко схватился за крышку люка, и второй ногой на трап — два. Двумя руками за поручни вертикально стоящего трапа схватился — три, и ты уже на уровне нижнего рубочного люка. Спина об открытый нижний рубочный люк навалился, и... здесь опять комингс. Не дай Бог в спешке на комингс люка, на зеркало его наступить. Это вырабатывается на уровне рефлекса у каждого подводника. Комингс люка на лодке — это жизнь. Комингс протекает, не плотно пригнана резина, или рукавица забыта на нем, или шнур от переноски — и все. Можешь утонуть со всей командой. Не дай Бог на комингс... — четыре, схватился руками за поручни трапа центрального поста — отсека и, молниеносно, на своем боевом посту. Все дело заняло полторы-две секунды. Не успел отскочить — и на голову тебе уже падают остальные. Но ты уже даешь команду — «Подводную лодку к бою и походу приготовить!».

В голове роятся шальные мысли. Нас готовили к войне — и вот она! Настоящая война! Мы выполним свой долг. Наш долг, я знал это точно, как и другие, состоял в том, чтобы беспрекословно выполнять все приказы командира лодки, точно и профессионально работать с целью и, в конечном итоге, поражать противника...

Нам повезло — «война холодная» тогда не переросла в войну горячую, и мы никого не утопили. Теперь я думаю, что, случись худшее, мы бы работали на пределе сил, выполняя свой воинский долг...

Через полгода после этой боевой тревоги наша атомная ракетная подводная лодка ушла на боевую службу в Средиземное море. О том, что мы идем в Средиземное море, узнали, только выйдя в море, погрузившись и начав поход, когда вскрыли пакеты. Штурман заготовил карты на весь Ми-

ровой океан. Этот район еще не был освоен нашими атомоходами. Мы были первыми, и как первым нам пришлось решать многие вопросы впервые.

Но главное, в июне 1967 года мы оказались в центре мировых событий — началась арабо-израильская война. Ни на какие уступки Израиль не идет. И опять мир стоит на пороге войны горячеей, а мы гаранты мира. Сегодня об этом мало кто помнит, человечеству свойственно забывать уроки истории, а нам это стоило здоровья и нервов. Как пишут американские авторы: *«Как только началась арабо-израильская война, командир “К-131” было приказано в течение 15 часов подготовить лодку к нанесению ракетно-ядерного удара по Тель-Авиву.*

Командир был ошеломлен. Он вовсе не хотел стрелять по Тель-Авиву, но знал, что не может не выполнить приказ...».

Одно дело писать, видя бой со стороны, другое — пережить его. Но, слава Богу, обошлось и в тот раз. Только одним своим присутствием атомоход сумел погасить накал страстей. Мы выполнили свой долг, но не были отмечены наградами. Обиды не держим — это наша работа. И знаем истину — на фронте орденов не дают.

По возвращении в базу после 92 суток похода началась повседневная, изматывающая рутинная работа, где мы были уже не главные. Во всем бал правил береговой чиновник, прикрывшийся морем, словно одеялом...

Через полмесяца после возвращения я встретил в поселке Заозерный своего сокурсника Льва Каморкина. Он гулял со своей малой дочкой, а я со своей. Пока дети знакомились, мы разговорились. Он сказал мне, что их подлодку направляют на боевую службу в Средиземное море, а у него нет желания идти в эту автономку. Я ответил ему, что знаю об этом, так как их командир Степанов приходил к нам за нашим опытом похода в СРМ, так моряки называют этот морской театр. Лев сетовал на то, что у него из-за этого похода срывается учеба на офицерских классах по минно-торпедной специальности. Он категорически был против командирской карьеры.

Он любил минно-торпедное оружие, но не любил его применение, от него гибло сразу много людей. Мы вспомнили с ним одну горькую истину, которую высказал когда-то в шутку один из уважаемых наших преподавателей. Мы называли его «папа Лончих». Приставку «папа» он получил, наверное, за чисто домашний, неофицерский и нестроевой вид. *«Напьясно («папа» картавил) мы готовим из вас убийц массового масштаба».* Это по поводу «отключившегося» на занятиях минного факультета курсанта. Мало кто задумался над этой шуткой тогда всерьез... Как и не думали мы тогда с Каморкиным, что это была наша последняя встреча. Остались только воспоминания о нем.

Тогда мы дружески расстались, полные оптимизма и надежд на будущее.

Лев Федорович служил на знаменитом нашем первенце — атомоходе «К-3», который уже и на полюсе побывал, а теперь, летом 1967 года, направлялся в субтропические воды. После похода на полюс в июле 1962 года атомоход попал в полосу фавора — о нем писали в газетах, одна за другой на борт следовали разные делегации, а члены экипажа стали обязательными представителями многочисленных конференций и съездов. До боевой ли подготовки? Измученные командиры тихо спивались и без огласки снимались с должности. В таком «темпе» прошло пять лет, а тут понадобилось заткнуть дыру в плане боевой службы, и вспомнили о «К-3».

Срочно назначили нового командира капитана 2 ранга Степанова, доукомплектовали экипаж офицерами и сверхсрочниками с других подводных лодок и вытолкнули на боевую службу. Каморкин был самым опытным своим офицером. Экипажу пришлось срабатываться в процессе похода. Несмотря на все недостатки в подготовке к автономке, экипаж и лодка справились с поставленными задачами. Они возвращались домой, когда последовал приказ из Москвы: задержаться на Фареро-Шетландском противолодочном рубеже и провести его доразведку. И это тогда, когда экипаж на пике усталости! Не из-за таких ли необдуманных вводных с дополнительными задачами уже при возвращении в базу погибла АПЛ «Скорпион» (США) в мае 1968 года и «К-8» (СССР) в апреле 1970 года?

8 сентября 1967 года пришло радио: прекратить разведку и следовать в базу. А в четыре часа начался пожар в первом отсеке, причины неясны до сих пор.

Люди спали, кроме вахты. Все началось неожиданно. Лев, в отличие от механика и замполита, бросился из второго отсека в горящий первый, а не от него...

Пожар в первом отсеке! Что может быть страшнее этого на подводной лодке, где первый отсек торпедный арсенал — два десятка торпед, в их числе и ядерные. Это понимал Лев Каморкин, который, не считаясь со своей жизнью, аварийно затопил отсек. За этот героический подвиг он был удостоен посмертно ордена Боевого Красного Знамени и забыт. Все офицеры моего поколения знали, что орденов на «фронте» не дают, их больше вручают кабинетным военным. Таков кулбит жизни, и особенно военной. Что толкнуло Льва Каморкина на такой поступок? Это трудно понять сегодня, но не тогда...

Почему это знаю, потому что Лев был моим однокурсником-братом, и я по свежим следам изучал эту трагедию. Таких братьев у меня более сотни. Теперь, когда я знаю, кого из нас готовили, я бы назвал наш большой кубрик в училище на всех — цехом завода по производству пушечного мяса. Но тогда из нас никто не догадывался о нашем истинном предназначении, мы готовились защищать нашу страну от врагов, и, действительно, были большой семьей. Хотя это и трудно, мои братья за 60 лет разбрелись по свету, но я стараюсь следить за их судьбами. Многие погибли в «холодной войне», умерли от болезней и непредвиденных событий, жизнь не стоит на месте.

Я бы мог много поведать случаев трагичных, а иногда и комичных, из своей жизни и жизни своих сокурсников, подводная служба изобилует такими, но рамки материала не позволяют сделать этого. Можно сказать одно — наша жизнь была связана с судьбой нашего поколения. И то, что Лев Федорович Каморкин погиб, выполнив честно и бескомпромиссно свой долг, за это ему вечная слава.

Хочу закончить пожеланием нынешнему и будущим поколениям подводников, этому элитарному мясу войны, что они должны служить и рисковать не во имя победы в войне, а во имя мира на планете!

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ПОДВИГАМ!

В этом году Всеволоду Бессонову исполнилось бы 85 лет (род. 7 октября 1932 г.), но ему судьба предоставила только 37 лет, которые он прожил

достойно. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно не на войне, но подвиг его не менее славен — подвиг в мирное время иногда даже более значим, чем на войне.

Подвигу предшествует вся жизнь. Короткая или длинная? Детство Всеволода чем-то похоже на мое детство. Мы дети войны и, как вспоминает его одноклассница Ю. Н. Скороходова: «Жизнь была тяжелой, одевались мы бедно, зато нравственные качества всегда оставались на высоте. В то время учителя давали нам знания от души. Сева окончил школу с развитым чувством патриотизма». Я привел эти слова простой женщины о детстве В. Бессонова, потому что готов подписаться под ними, сам рос и мужал в такой же среде. Наверное, поэтому еще в училище между нами возникли дружеские отношения. И в память о Всеволоде Борисовиче я могу сказать, что это был настоящий офицер-подводник, грамотный и беззаветно преданный Родине и морскому братству. Он был немного старше меня по годам, но никогда не кичился и был на равных и со старшими, и с младшими, всегда оставался человеком. Уже за это он достоин награды, у него в характере было больше достоинств, чем недостатков.

Геройство Всеволода Бессонова состоит в том, что он стремился сохранить не только корабль, но и людей. Ныне уже не секрет, что освоение новой техники, тем более атомных подводных лодок, шло с большим напряжением и трудом. Подводная лодка «К-8» была заложена в 1957 году, вошла в строй флота в августе 1960 года и была вторым серийным атомоходом нашего флота. Почему я на этом остановился? Это фактически был экспериментальный корабль, и выявленные недостатки на нем влияли на дальнейшее развитие атомного флота. Трагедия «К-8» 12 апреля 1970 года в Бискайском заливе — наглядный пример того, что все серьезные инструкции пишутся кровью. Гибель одних есть предотвращение гибели других в будущем, может быть, больших жертв. Так было с «К-19», не исключение и «К-8». Только об одной аварии знает весь мир, а другая до сих пор остается в тени.

Подводная лодка «К-8» не очень удачная субмарина, не только потому, что одна из первых, но и по своей судьбе. Не раз приходилось ее ставить на неплановый ремонт. После окончания ремонта в 1969 году «К-8» совершила поход на боевую службу уже под командованием капитана 2 ранга В. Бессонова. Следующая боевая служба, начавшаяся 17 февраля 1970 года, оказалась роковой. Вот как об этом повествует Петр Николаевич Петров, служивший на «К-8» в период аварии лейтенантом, командиром электронavigационной группы:

— Смотрю на снимки и вспоминаю горечь тех дней. Это Володя Шабанов. Мы вместе в одно время, в 1969-м году, пришли на лодку. Ей к тому времени было десять лет. С азартом взялись за изучение атомохода. Володя стал командиром БЧ-3 (минером), а я командиром ЭНГ (штурманенком).

А это мой командир боевой части, старший лейтенант Коля Шмаков, на год старше меня был. Экипаж у нас был, можно сказать, молодежный. «Стариком» для нас был командир лодки Всеволод Борисович Бессонов. Хотя — какой старик... Ему в ту пору было лишь 37 лет. Но это был уже опытный командир, о чем красноречиво говорил орден Красного Знамени. Если память меня не подводит, Бессонов прошел командирское становление на дизельных лодках, а затем побыл старпомом на атомоходе и лишь потом возглавил корабль.

Об аварии Петр Николаевич рассказывает через силу. Тяжело вспоминать то, что болью отзывается в сердце, обжигает душу.

— Мы, выполнив задачи боевой службы, возвращались домой, но нас привлекли на учения «Океан». 8 апреля после вечернего чая, где-то в 21 час 30 минут, стали всплывать на сеанс связи. Ничего не предвещало беды. И вдруг мичман Леонид Оголь доложил, словно обухом по голове ударил: «Пожар в рубке гидроакустиков!».

Тут же сыграли аварийную тревогу. Не успел стихнуть ревун, как в центральный пост поступил доклад из 7-го отсека «Горит регенерация!».

Тогда, к сожалению, не было тех средств борьбы за живучесть, в частности с пожарами, какие имеются сегодня на атомоходах. Вся надежда была на ВПЛ (воздушно-пенная лодочная система) да огнетушители. Попытка сбить огонь в центральном отсеке не удалась. Положение становилось критическим. Пришлось всплыть. Меня, задохнувшегося угарным газом, вытащил наверх механик капитан 2 ранга Валентин Николаевич Пашин. Глотнув свежего воздуха, пришел в себя. Море было почти спокойным, а в районе 7-го отсека вода, соприкасаясь с горячим металлом, парила.

До конца выполнили свой долг специалисты главной энергоустановки: капитан 3 ранга В. Хаславский, капитан-лейтенант А. Чудинов, А. Поликарпов и старший лейтенант Г. Шостаковский. Аварийная защита реактора левого борта сработала автоматически, а на правом им вручную пришлось опускать аварийную защиту реактора. «Прощайте, ребята, не поминайте лихом!» — это были их последние слова.

Было исключительно трудно, обстановка была непредсказуемой, а главное, не было связи с центром. Но экипаж вел себя мужественно и самоотверженно. Только 10 апреля нас обнаружило болгарское судно «Авиор». К этому времени погода испортилась.

Петр Николаевич с восхищением рассказывает о мужестве и хладнокровии Бессонова... Но 12 апреля в 2 часа 15 минут лодка стремительно ушла под воду, унося с собой 22 еще живых человека...

— Потом всех нас пересажали на подошедшую плавбазу «Волга», — продолжил рассказ Петров, — где находился член Военного Совета — начальник политуправления Северного флота вице-адмирал Ф. Сизов. По приходу в Североморск нас сразу же отвезли на базу отдыха, и начались разбирательства. Женам ничего не сообщали, хотя гарнизон бурлил разными слухами. Широкой огласке трагедию, разыгравшуюся в Атлантике, не придавали. Видимо, никому не хотелось признаться в гибели атомохода, к слову, одного из первых в Военно-морском флоте....

52 человека не вернулись из того похода в базу. Они честно выполнили свой долг. Флот и страна не вправе их забывать, как и их командира, сделавшего все для спасения экипажа и корабля.

Но, как обычно происходит у нас — наградили и забыли. Но Героя не забыли на родной земле, это одна из наших черт — если забывает большая страна, малая Родина всегда помнит своего Героя.

Небольшой районный городок Курской области Льгов, родина многих знаменитых людей, не забыл и своего геройского моряка — подводника Всеволода Борисовича Бессонова. Его именем названа одна из улиц города, главная школа города носит его имя, где функционирует школьный музей, посвященный его короткой и яркой жизни. Не обошел его вниманием и

краеведческий музей района, где имеется экспозиция его имени. В городе открыт замечательный памятник командиру «К-8» и экипажу. Всеволод остался в море, нет почетнее могилы для моряка, но там памятником остается только широта и долгота места, доступная немногим. Памятник на земле — это память для всех, дань уважения курян своему земляку-герою.

Чисто сухопутная Курская область тесно связана с морем, она дала командира «К-8», героев атомного подводного крейсера «Курск», который знает весь мир. Это наглядный отпор тем безродным «демократам», которые не оставили своих попыток доказать, что Флот России не нужен. Нет, Флот был и будет нужен России. Он не только защитник страны, но и становой хребет ее государственности!

Есть подвиг боевой, есть трудовой, а есть повседневная жизнь, похожая на подвиг. Своей повседневной нелегкой жизнью подводника Всеволод готовил себя к тому единственному мигу, который делает человека героем или... Бессонов оказался на высоте. Замполит, которого В. Бессонов отправил на плавбазу, чтобы тот потом мог рассказать о действиях экипажа в период аварии, писал в донесении: «...Душой экипажа был командир подводной лодки капитан 2 ранга Бессонов Всеволод Борисович...». На АПЛ он был по годам старше всех, хотя ему-то и было тогда 37 лет, но это был уже опытный командир, прошедший все ступеньки подводной службы: становление на дизельных подводных лодках (все наше поколение подводников 50–60-х годов прошлого века начинало службу на дизель-электрических подводных лодках. — В. К.), где он уже столкнулся с атомным оружием, участвовал в испытаниях атомной торпеды. Затем помощник и старпом на атомоходе (это были первые атомные лодки). В должности помощника командира атомной подводной лодки «К-133», однотипной «К-8», участвовал в феврале-марте 1966 года в трансокеанском переходе с Севера на Восток в подводном положении, за что и был награжден орденом Боевого Красного Знамени. После этого перехода был назначен старшим помощником командира АПЛ «К-8», командиром которой он стал в 1968 году. Это был настоящий командир, а не карьерист. За пять лет на «К-8» Бессонов из экипажа лодки сделал сплоченную команду, которая верила ему, а он ей. Паники при аварии не было, а это самое главное, ибо во всех случаях количество жертв увеличивается из-за страха, это не слова, а жизненный опыт. Команда вела себя мужественно и самоотверженно. Один лишь факт: в 4-м отсеке примером для моряков был старший лейтенант Аджиев. Под его руководством был запущен дизель-генератор по отсосу воздуха из загазованного отсека. Но сам Гамардахан Аджиевич потерял сознание. Матрос Филимонов, прослуживший на лодке два года, не растерялся, включив офицера в дыхательный аппарат, принял командование отсеком на себя. А когда был отдраен верхний рубочный люк, Филимонов вывел всех людей из отсека наверх.

Что такое пожар на подводной лодке, тем, кто служил в подводном флоте, объяснять не надо. Страшен пожар на надводном корабле, а на подводной лодке во много крат страшней, горит железо в замкнутом пространстве! Спасая корабль, Всеволод Бессонов думал о будущем!..

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР членов экипажа «К-8» наградили орденами и медалями. Офицеров и мичманов, оставшихся в живых, а также всех погибших — орденом Красной Звезды, а

оставшихся в живых матросов и старшин срочной службы — медалью Ушакова, одной из престижных наград российского флота. Звание Героя Советского Союза присвоили командиру подводной лодки капитану 2 ранга В. Бессонову (посмертно).

Подвиги не должны забываться. Отрадно, что Бессонова и его подвиг помнят на его малой Родине. На его примере воспитывается молодое поколение, из которого мы, прошедшие суровую школу подводной службы, верим, еще вырастут новые флотоводцы, а отличные командиры подводных лодок — точно! И как бы ни доказывали нам космополиты, что Флот России не нужен — мы знаем, что нужен, в том числе и подводный. И, как всегда, еще с Петровских времен, лучшими моряками были русские люди из центральных губерний России — Курской, Воронежской, Липецкой, Орловской...

* * *

О многом из воинской службы хочется еще вспомнить. Как говорил Андрей Платонов — «Писать надо не талантом, а “человечностью” — прямым чувством жизни...». Не знаю, что получилось из моих воспоминаний? Но все здесь истинная правда.

Честь имею!

ПРОЗА

Владимир КРУПИН

ПОЛКОВНИК — ПАЛОМНИК

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Перед увольнением в запас друзья ему подарили путевку. Он и понятия не имел, что это паломническая поездка. В нашей группе мужчин было только он да я. Нас поместили в один номер. Конечно, стали на ты.

— Мы — братья во Христе. И если Его называем на ты, «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси, сохрани и помилуй», так чего мы друг с другом будем выкать?

— Это-то, конечно, — согласился он, глядя на Библию на тумбочке и на иконы в переднем углу, — но мне сказали: отдых, море, экскурсии, магазины, женщины.

— Нет, брат, тут долгие поездки, стояния на молитвах, ранние вставания, на магазины времени почти нет. А уж пляжей вообще никаких. И женщин тут нет!

Он затосковал:

— Вот я вяпался!

— Да ты что? Это же великое счастье — ты в центре мира, ты на Святой Земле! Я над тобой беру шефство. Неужели ты такой темный. Ты же крещеный?

— Ну, как иначе, я не какой-то социопат, я русский полковник!

В автобусе мы сидели вместе с ним. Первая поездка была в Вифлеем, и ему очень понравилась. Особенно поразило благоговение, с которым все шли и прикладывались к Вифлеемской звезде. Тем более группу сопровождала молодая матушка Ирина, очень приветливая, знающая. Да и я по силе возможностей его просвещал.

— Тут мы за десять дней пройдем все и Господские и Богородичные праздники. И хорошо, что начали с Его Рождества. Да тут с чего ни начни. И Благовещение в Назарете, и Преображение на Фаворе, и Богоявление на Иордане, и Вознесение на Елеоне. Вдумайся! Без Бога ни

до порога. Россию лихорадило именно тогда, когда она отходила от Бога. Наполеон, Гитлер, Хрущев, Ельцин — это нам бывало для вразумления, когда Бога забывали. Давай, Павел Сергеич, к концу срока готовься к участию! Готовь генеральную исповедь. Вспоминай грехи и записывай.

— Чего их записывать, я и так помню. Я еще об сейф не ударенный.

— Куришь? Нельзя курить! Это каждение дыма сатане.

— Нельзя? Ладно, нельзя, значит, не буду, — сказал он.

И ведь в самом деле, как отрезало — перестал. Сила воли у него не хромала.

Но с ним было очень нелегко. Матушку Ирину, нас сопровождавшую, он назвал на ты и Ириночкой.

— Ириночка, ты и по-ихнему рубишь?

— Иначе нельзя, — улыбнулась матушка Ирина, — здесь надо знать и арабский, и английский, иврит тоже.

— Ну, ты молоток! — одобрил он.

Я оттащил его в сторону и вдальбивал:

— Так не смей говорить с монахиней. Она монахиня, она матушка!

— Матушка? — потрясенно спрашивал он. — Какая она матушка, такая молодая. А ты знаешь, ей идет черное. Я сразу не разглядел. Да она же красавица. И без косметики.

— Прекрати! Социопат! Она не женщина!

— А еще чего скажешь?

— Еще скажу, что она старше тебя в духовном смысле.

— Ну, сказано.

— Не ну. Вот тебе и грех — неуважение к сану.

— Она же не обиделась.

— Вспомни, на кого не обижаются. Тебе надо словесное молоко, а не твердую пищу.

— У меня зубы крепкие. Я как на какого разгильдяя только взгляну — весь вспотеет. — Он помолчал. — Да, вот бы из нее жена вышла. Все ее достают, всем все объяснит, ни на кого не цыкнет. Терпеливая. А у меня жена такая дура психованная.

Очень ему понравилась матушка Ирина. Он стал ее первейшим помощником. И за стол не садился, пока все не сядут, из-за стола выходил первым, подгонял отстающих. При посадке в автобус стоял у дверей и энергично помогал старухам.

— Ты повежливей с ними, — просил я.

— Они что, жрать сюда приехали? Это же Святая Земля, центр Вселенной, это тебе не профсоюзный санаторий.

И при молитвах на святых местах смиренно стоял.

— Раз полагается, значит, надо.

Он отстоял и долгую утреню.

— А я-то думал, — говорил он, — что у меня ноги железные. Ты же в армии служил, знаешь. У Знамени части первый пост в штабе, на виду, не шелохнись. Два часа. Потом четыре часа отдых. А тут четыре часа без отдыха. Спина отнимается.

— Делай поклоны глубже, спина не заболит.

Он доверился мне, рассказал, что у него в семье дело идет к разводу, и, когда ему эту путевку предложили, он ее схватил, чтобы побыть без

жены и приучить себя к жизни без нее. Честно признался, что надеялся на курортный роман.

— Думал, какое будет знакомство. А чего теряться? В поездке все мы холостые. В Тулу же не поедешь со своим самоваром.

— А из-за чего решил разойтись?

— Ни в чем не угодишь, все ей неладно. Что бы ни сказал, все не так. А молчу — тоже неладно. Друзья зашли — морду воротит.

— Так вы по любви сходились?

— А как иначе? С ума сходились. — Да вот. — Он достал бумажник. — Вишь, где она у меня, умеет прятаться: между шекелями и долларами. — Красивая?

— В церковь ходит?

— Да не сказать, чтобы так. Но когда Патриарх по телевизору, то слушает.

Полковник терпеть не мог платить лишнего. Торговался ужасно. Что называется, до потери пульса. Не своего, продавца. А в Иерусалиме все продавцы говорят по-русски. Почти все из России.

— Девочка, — говорил он полной еврейке, — мы тебя всему выучили, образование у нас бесплатное, а ты еще чего-то требуешь. — Обязательно много выторговывал и уходил от продавщицы довольный. Еще бы, чуть ее до инфаркта не довел. — А зачем я свои кровные буду отдавать.

Его расположение к матушке Ирине было, конечно, замечено. Он же был личностью заметной. Ясно, что матушке игумении донесли. И на четвертый день утром у автобуса нашу группу встречала новая матушка, монахиня Магдалина. Святую Землю любящая, досконально изучившая. Полковник на первой же остановке отвел в сторону матушку Магдалину, допросил. И рассказал мне, что узнал. А узнал он, что у матушки Ирины новое срочное задание — дальняя поездка с группой на Синай. А это дня три.

— Сам виноват, — хладнокровно сказал я. — Ее из-за тебя туда отправили. Ты бы еще в полный голос кричал о своей любви.

Полковник заговорил с такой болью, что я поверил в его искреннее чувство:

— Да я и любви-то еще не знал! Перед выпуском в училище с лету женился. Да, может, это у меня единственный шанс — создать семью. Детей же нет у меня! А я очень семейный! Мне же полста всего.

— Молись! В храмах подавай о здравии жены. Венчанные? Венчайся! О матушке Ирине забудь!

— Забыть? А чего полегче не посоветуешь? Я запылал. Вот! — Мы стояли перед храмом в Вифании. Он истово перекрестился. А крестился он, как шаг строевой печатал. — Вот! Вот! И вот! И упал на колени и так треснулся лбом о плиты, что площадь вздрогнула.

— Не крестись на грех, лоб береги!

— А зачем он мне теперь?

— Напомнить тебе пословицу: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет?

— Я лучше плиту расшибу.

Полковник даже чуть ли не курить снова начал. Но удержался. Молча сидел у окна автобуса, смотрел на пространства Святой Земли. Его крутило переживание. Иногда он даже как-то пристанывал. Даже и от-

чета своим поступкам не давал. Горница Тайной вечери, когда мы в нее пришли, была занята. Перед нами туда вошла группа протестантов. Они по команде выстроились. Мы скромно ждали. Их старший, не могу его назвать священником, манипулировал руками, громко что-то рассказывал. Вскрикивал, жестикулировал. Конечно, о том, что здесь были собраны апостолы и на них, по предсказанию, в день Пятидесятницы, сошел Дух Святой. Рассказывал, прямо вскрикивая. Матушка вполголоса переводила, что он тоже, как и апостолы, чувствует приближение Духа. «Я слышу Его! Он идет! Он приближается! Я чувствую Его! Он близко! Он здесь! Он во мне-е!»

И через минуту-другую они уже все *чувствуют*. Вздывают руки, хором поют.

— Но орать-то зачем? — спросил полковник матушку Магдалину.

— Не знаю. Может быть, показать, что они такие, достойные Духа Святого.

— Матушка, — попросил полковник. — Можно я его спрошу? Переведите.

Группа протестантов выходила. Полковник в самом деле резко тормознул их старшего:

— Ты чего в таком святом месте орешь? Ты что, апостол?

Матушка торопливо сказала протестанту: «Айм сори, айм сори!». Тот, прикладывая руку к груди и торопливо огибая полковника, говорил: «О'кей, о'кей». Их группа освободила Горницу Тайной вечери.

— Ну, Павел Сергеевич, ну, ревнитель нравственности, что ж вы так? — выговорила матушка Магдалина полковнику. — Это ж мог быть скандал международный. Я прямо еле живая.

— С ними только так, — хладнокровно отвечал полковник. — Святая Земля, понимаешь, а они орать.

Я тоже поддержал возмущение полковника: очень уж показушно молился этот протестант. Моя поддержка улучшила его настроение.

— Еще бы! Да и матушка Ирина меня бы одобрила.

— Ну снова да ладом! Забудь о ней! Говорю по складам: забудь! Ты человек сильной воли. Забудь. У тебя хорошая жена, запомни.

— Какая хорошая? С чего ты взял?

— Молись за нее, будет хорошая. Ты русский мужчина! Русский мужчина верен жене! Единственной! Усвоил? И у русской жены единственный муж.

— Хорошо бы так. Но это в теории. А как в практике достичь? Тебе хорошо, ты уже старик. А я еще кровокипящий.

Мы готовились к отъезду. Полковник очень страдал, пошел в канцелярию узнать, когда вернется группа с Синая. Сказали, что уже вернулась. Полковник рванулся увидеть матушку Ирину, но ему сказали, что мать игумения сразу послала ее сопровождать новую группу.

— Вот ведь какая Салтычиха! — возмущался полковник. — Да тут хуже, чем в армии!

— Не хуже, а лучше.

— Даже маршрута не сказали. А то бы я рванул на такси.

— Паша, опять двадцать пять?

— Можно я одну сигаретку выкурю?

Думаю, в наступившую ночь он выкурил не одну сигарету. Аж лицом потемнел. И объявил мне, что не полетит в Москву, а поедет в Русскую Миссию и будет просить оставить его на Святой Земле.

— Прямо сейчас. Да хоть в том же Иерихоне. Или Хевроне, я их пока не выучил, путаю. Но везде же работы неуворот. А я мужик рукастый. Что по технике, что по дереву, печку могу сложить. Русскую. Камин. Все могу. И матушка Ирина когда туда группу привезет.

— Ой, Паша, Паша. Трудничество оформляется в Москве. Конечно, ты по всем статьям подходишь. Тогда уж лучше вообще в монахи готовься. Сколько монахов из военных, тот же Игнатий Брянчанинов, Александр Пересвет. Только оставь ты эти свои завихрения с любовью. Дай ты ей спокойно жить.

— А кто не дает? Она сама будет решать. Она же вернется, все равно же ее увижу. Объяснюсь! Она же России нужна. Дети будут, много надо. У нее же такая фигура! Я детей больше всего люблю. Ты ж видишь, рождаемость русская падает. Она поймет. Да и чувствую, нравлюсь ей. Разве криминал, что я, как мужчина, имею право на семейное счастье? Имею? Чего ты молчишь? В Тивериаде на озере она со мной как с человеком говорила. И смотрела не как монахиня. Как девушка обычная. А в Бога она может и так верить. Да и я. Бабушка, помню, говорила: Паша, больно ты жалостливый, священником будешь. А жизнь-то в военные вывела. Но там тоже, хоть и в Чечне — попадешь под обстрел, жмешься к земле и только одно: Господи, Господи! Я же ее полюбил, не от Бога же я ее оттягиваю.

— Паша, перетерпи. Как налетело на тебя, так и отлетит.

— Нет, отец, ты что? С мясом не оторвешь.

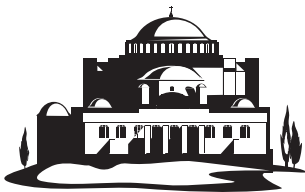
И опять он маялся, опять не спал. Выходил на улицу, возвращался, стоял на коленях у икон. А утром заявил:

— Нет, жизнь моя или с ней, или никак.

И, в самом деле, случилось событие из ряда вон выходящее: паломник полковник с нами обратно не полетел. Дальнейшую судьбу его я не знаю. А интересно бы в старых, добрых традициях православной прозы закончить рассказ о полковнике тем, что вот приехал я недавно в дальний монастырь и встречаю седовласого старца и узнаю в нем героя моего рассказа. А в другом, тоже дальнем, женском монастыре мать игумения Ирина.

— Помните ли вы, отец игумен, матушку Ирину?

— А кто это? — спрашивает он. — Ты смотри, на службу не опаздывай. Тут не армия, тут у нас дисциплина.

Алексей ЛЮБЕГИН

ЛАСТОЧКИ В ХРАМЕ

Алексей Александрович Любегин — родился в 1954 г. в деревне Горка Сандовского района Калининской области. Поэт. Окончил специализированное профтехучилище по специальности столяр-краснодеревщик. Первая публикация в 1972 г. Печатался в газетах и журналах, в коллективных сборниках «Отечество», «День русской поэзии», «День поэзии», в журналах «Нева», «Молодая гвардия». Член Союза писателей России с 1987 г. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Нет ничего в нем особенно броского,
В названном в честь

Серафима Саровского
Храме, где верные

службу воскресную
Слушают, славя Царицу Небесную.
Ласточки в храме неумоимо
Славят молитвенника Серафима,
С радостным криком

над нами летая...
Что за чудесная стая святая!
На языке непонятном, но близком,
Нас накрывая ликующим писком,
Молятся с нами веселые птицы.
Ах, как приятно нам

с ними молиться!
Смотрят со стен просиявшие лики,
Слушая ласточек радостных крики,
Я понимаю кричащих от счастья:
Батюшка вынес

для верных Причастье.
Ласточки тоже хотят причаститься,
К Чаше пытаюсь пониже спуститься,
И сожалеют, по храму летая,
Что не для них эта Чаша святая,
А для людей, в покаянье глубоком
Соединиться желающих с Богом...

25 ДЕКАБРЯ 2016 ГОДА

Черные чайки в черной печали
Плачут над морем всю ночь...
Только под утро они прокричали:
— Горю ничем не помочь!
В море распался крест самолета
Вместе с живыми людьми,
Не воскресить пассажиров, пилотов.
Боже, их души прими!
Души из моря в небо взлетели,
И в небесах дирижер
Палочку вскинул и — ах!

неужели? —
Ангельский слышится хор.
Черное море, черное горе —
Выше заоблачных гор.
Песню прощанья
в печальном просторе
Спел Александровский хор.

СОЛО СОЛОВЬЯ

Светлане Молевой

Ах, солнышко,
Ах, солнышко,
Ах, со!..
Небесное золотое колесо,
Само ты поднимаешься в зенит,
Где жаворонок весело звенит,
И вниз само ты катишь, не скрипя,
Луну взойти на небо торопя.
Луна на небо звездное взошла,
И: — Спать пора! — кричат перепела.
Но в честь Луны опять среди ветвей
Ей соло исполняет соловей.

* * *

1. КОРОВЬЕ СЛОВО

Коровы утром
Солнышко встречали,
И, вскидывая головы
К Нему,
Они одно и то же
Повторяли
Молитвенное,
Плачущее:
— Му! —

Их солнышко,
Конечно,
Понимало,
Молитвам их
Внимая не впервой,
И нежно их
Лучами обнимало,
И угощало
Свежей
Муравой.

Тогда коровы
Разом замолкали,
И, глядя исподлобья
В синеву,
Сметали жадно
С луга языками,
Конечно, «му!»,
Конечно, мураву!

И празднично одетые
Крестьянки

К ним приходили
В середине дня,
На корточки
Садилась на еланке,
Подойниками
Весело звеня,

И уносили
Молоко парное
Горластому
Семейству своему,
И слышали привычно
За спиною
Сочувственное,
Ласковое:
— Му...

Всего две буквы...
Но какого слова —
Я понял с наступлением
Зимы.
В хлеву
Заиндевшая корова
Сказала внятно:
— Му-ученицы мы...

И я молчал,
Что ей сказать, не зная
И за собою чувствуя вину...
Она вздыхала,
Грустно вспоминая
Муравью —
Крестьянскую страну...

2. РОЖДЕСТВО

Смотрели куры
С жердочек понуро,
Хотелось им
Хоть зернышка тепла...
Но: «Куд-куда?» —
Вдруг всполошились куры,
Когда их в избу мать перенесла.

Привел отец озябшую корову...
Господь за это их благослови!
Корова зарыдать уже готова...
— Ложись у печки! Ляг и не реви! —

Она ложится, подогнув колени,
На сено не во сне, а наяву...
Как хорошо ложится ей на сене,
В избе ложится ей, а не в хлеву!

Еще в селе не вымерзли крестьяне
И думают не только о себе.

Лежит корова, словно на поляне,
На сене, словно барыня, в избе.

А на корове, словно на насесте,
Сидят хохлатки,
Глядя боево...
Как хорошо
В избе со всеми вместе
У теплой печки
Встретить Рождество.

По стенам пляшут
Огненные пятна,
А Божья Мать
Из красного угла
Глядит
Светло.
И мне уже понятно:
— Спасителя
Крестьянству родила!

СИВКА-БУРКА

Сгребаю золото граблями!
Вы убедитесь в этом сами,
Взглянув на золото листвы.

До неприличия богатый,
Гребу я серебро лопатой,
Хоть это зимний снег, увы.

Весной сгребаю, удрученный,
Уже не золото, а медь.

«Кипит мой разум возмущенный»,
Хочу с планеты улететь

В необозримое пространство,
Где денег нет и нет нужды,
Где нет наркотиков и пьянства,
И меж народами вражды.

Подобно мельнице крылатой,
Взметая ветхих листьев медь,
Машу метлой, машу лопатой,
С земли пытаюсь улететь.

Вот-вот взлечу через мгновенье,
Вот-вот растаю я вдали...

Но мне мешает притяженье
В деревне брошенной земли.

Ее любили тесть и теща,
Вдвоем крестьянствуя в селе,
И упокоены их мощи
Навек в признательной земле.

К плугам привыкшая и косам,
Земля, тревоги не тая,
Меня измучила вопросом:
— Ты улетишь... А как же я?

Давай, дружок, не празднуй труса,
Надел заброшенный вспаши.
Смотри, как пахнут белорусы —
О каждом хоть стихи пиши.

У них такие урожаи,
Что только ахнешь: — Ну и ну! —
И я, земле не возражая,
Волшебной палочкой взмахну...

Передо мною — Сивка-Бурка!
За гриву держится жена,
Летим с женой из Петербурга
И восхищаемся: — Весна! —

Зовет к себе земля святая,
Как сотни лет тому назад.
Перекликаясь, птичьи стаи
К ней, как паломники, летят.

Заметив нас, летящих в небе,
В весеннем поле трактора
В заботах о насущном хлебе
Кричат ликующе: — Ура! —

Летим, благословляя доли,
Селянский, милый сердцу мир.
Храм Мирликийского Николы —
Желанный наш ориентир.

Где этот храм — там наша вёска,
И в ней во всей своей красе
Платками машут нам березки,
Умывшись в утренней росе.

И мы, увидев нашу хатку,
Уже идем сквозь облака
С небес весенних на посадку
Укропа, лука, чеснока.

Поклон земле от Петербурга
Я передать с женою рад...
И пашет землю Сивка-Бурка,
Как сотни лет тому назад.

ДУША ЖИВАЯ

Нет, не в восторге я от компромата,
Написанного гением когда-то
На самого себя чистосердечно!

От компромата критика, конечно,
Я тоже не в особенном восторге,
Как будто я
 во время вскрытия в морге.

Прозектор, оперируя умело,
Не возвратит живую душу в тело,
Не сотворит для всей планеты чуда.

Спросить бы у прозектора не худо:
— Что ищете Вы
 скальпелем в разъятом
Холодном трупe, вдумчивый анатом?

Скажите мне, хотя бы по секрету,
Не душу ль убиенного поэта?
А если так, тогда зачем, простите,
Живую препарировать хотите?

Она живая. И она у Бога.
Писать о ней не нужно некролога.

ЗАГОВОРИЛА РОЩА...

Зимою роща слова не проронит,
И кажется, как будто не живой,
Но с вьюгой вместе о поэте стонет,
И вне себя от безысходной муки,
О тяжелой доле людям не крича,
Качается, заламывая руки,
Качается, качается, кача...
Ее весной оставят муки эти,
Но, плача о Есенине навзрыд,
О нем, ее прославившем поэте,
Молчальница взхлеб заговорит.
Заслушаюсь, я боли не скрывая,
Людей повинных в гибели кляня,
С тревогой краем глаза замечая
Людей заезжих около меня.
У них у всех намеренье простое:
Дождаться, лютой алчностью горя,
Когда вся роща станет золотою
От хладного дыханья октября.

О, как они на золото солощи!
Понятно и березовому пню:
Хотят купить есенинскую рощу...
Да, рощу! Золотую! На корню!
И втюхать сатанистам подороже,
Смеясь над православной
 простотой...
Не сразу мы, но поумнели все же:
Не можем жить без рощи золотой!
И, вспомнив вновь
 гостеприимство наше,
В поруганных селениях своих
Их угостим березовою кашей,
Гостей незваных и не дорогих.
И скажем прямо: — Уносите ноги.
И больше к нашей
 роще ни ногой! —
А чтобы чаще думали о Боге,
Благословим железной кочергой.

Николай АЛЕШКОВ

УРОКИ РУССКОГО

Николай Петрович Алешков — родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР в 1945 г. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината; литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту». Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан». Окончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького. Член СП России. Автор десяти книг стихов. Лауреат литературной премии им. Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева. Заслуженный деятель искусств республики Татарстан, почетный гражданин г. Набережные Челны. Живет в Набережных Челнах.

* * *

О родине, о маме,
о жизни, о любви
стихи приходят сами —
зови иль не зови...

Жгут сердце строки эти,
они не могут тлеть,
и ты живешь на свете,
чтоб их запечатлеть.

* * *

Дрогнет рябины ветка
вдруг за моим окном...
Я к середине века
добрым пророс зерном
сквозь чернозем с навозом
в послевоенный быт.
В нашей семье колхозом
не был никто забыт.
В кузнице утром ранним
батька огонь вздувал.
В правую руку ранен,
левой рукой ковал.
Засветло мне на конный
двор — жеребят пасти.
Молится у иконы
мама: «Господь, спаси!»
В зыбке сестренка — помню —
сладко спала тогда.
Братья в лугах и в поле —
лето, покос, страда.
Старшей сестре работа —
веялка на току.
И от жары охота —
с берега да в реку...

Детство за мной живое
катится по судьбе...
Слышали вы, как воеет
ветер зимой в трубе?
Десять коленок острых
рядышком на скамье:
братья мои и сестры —
пятеро нас в семье.
С печи да на полати,
кубарем утром вниз:
сестры мои и братья —
Люба, за ней Борис,
а за Борисом Саша,

значит, за Сашей я,
следом Верунька. Наша
вся на виду семья...

Дрогнет рябины ветка,
и разомкнется круг.

Видимся, братья, редко,
видимся, сестры, вдруг.
Сельское все, простое
вижу теперь во сне.
Солнышко золотое
светит оттуда мне.

УРОКИ РУССКОГО

Самовар остывал неохотно.
И беседа, как речка, текла.
А лиловые сумерки плотно
опускались на крыши села.
— Ночевать-то оставишь, Мариша?
— На ночь глядя, куда ж ты пойдешь?

Вот и жизнь пролетела, а слышу
на два голоса оканье сплошь:
— Понесет — не догонишь на паре, —
о подружке судачат они:
наша мама и тетенька Варя,
наша гостья из дальней родни.
Мне давно уж пора за тетрадки.
Утром в школу. Что ж, делаю вид...
Не могу не подслушать украдкой —
тетя Варя опять говорит:
— Пусть Петруха поправит тычинник —
в огурешнике вашем дыра.
— Сам-то в кузнице. Борька починит.
Или Санька — обоим пора.
— Трудно с ними? Семья-то большая:
трое неслухов, пара невест.
— Нет! Живем, никому не мешая —
Бог не выдаст, а нехристь не съест.

Чашку чая с гостинцем откушав,
я залезу на теплую печь.
Пусть вливается в детскую душу
деревенская русская речь.

ЛУКОМОРЬЕ

Между сосен тропинка лесная
в Лукоморье зовет, на траву.
Ничего о свободе не знаю —
я по воле небесной живу.

Это облако белое — чудо!
Реки — правда? — впадают в моря?

— Мама, мама, я взялся откуда?
Улыбается мама моя...

Мне б увидеть любимого брата!
Брат играет — гармошка поет.
В смерть не верю.
Есть точка возврата.
В детство выбегу я из нее...

Только услышу — гармонь заиграла,
сердце на миг востепенится в груди...

Легкое перышко с неба упало,
утро настало, вся жизнь впереди.
Песня исчезнет и... снова приснится.
Вот я бегу босиком по тропе
сквозь золотистое поле пшеницы
солнцу навстречу, навстречу судьбе.
А за околицей, а на лужайке —
праздник престольный, Кузьма и Демьян¹.
Там на гармошке и на балалайке
брат мой играет — не нужен баян.
Песню подхватят и бабы, и девки.
Сдвинут стаканы молчком мужики.
И далеко разлетятся припевки —
до горизонта, до самой реки...
Вдруг — из района товарищ. Вопросы:
— Что за гулянка?

Ответят ему:

— Это Орловка вернулась с покоса,
с дальних лугов аккурат на Кузьму.

Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльский полынью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
— Мы победили! — сквозь слезы кричит. —
Руку подай, одногодок Петруха!
Мне деревяшка житья не дает!
Мы-то живые... Другим — невезуха —
тем, кто с войны никогда не придет.
На зиму хватит и сена, и хлеба.
Раны болят? Потерплю, заживет...

Русская песня — дороженька в небо —
только услышу — зовет и зовет.
Спеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!

Как же охота вернуться в Россию
послевоенную, Боже ты мой!

¹ 14 июля мое родное село Орловка отмечает престольный праздник святых бессребреников Космы и Дамиана, в честь которых названа церковь.

ОГОНЬ В ПЕЧИ

На небосклоне звезды тают.
Печь спозаранок затоплю.
Оттуда искры вылетают —
я на огонь смотреть люблю.
Вчерашний праздник подытожу,
под нос куплетик пропою.
Не мне судить, достойно ль прожил
я жизнь свою...
Друзей берег, врагов не нажил,
и, трезвый в дым,

за все грехи былые, скажем,
прощен и, может быть, любим.
Сквозь закоулочки кривые
к вершинам шел, был и на дне.
В минуты жизни роковые
вдруг улыбался ангел мне.
Огонь в печи, твой отблеск алый
в глаза уставшие ловлю...
Я ближе к вечеру, пожалуй,
еще и баньку затоплю.

* * *

Ты жива еще, моя старушка...

Сергей Есенин

В России поэтов любят только после смерти.

Михаил Анищенко

Вернуть соловьиные годы,
упасть в луговую траву...
Хотелось любви и свободы,
хотелось в Казань и в Москву
из Богом забытой Орловки.
Вперед! И Казань, и Москва
капканы свои и уловки
расставили — выжил едва.
Вернулся, аж мать не узнала,
смурным из незваных гостей.
Чье солнце тебя обжигало,
чей холод прошиб до костей?
Родная! Ни солнце, ни вьюга
меня не свалили бы с ног,

я сам из похмельного круга
вернулся к тебе на порог.
В столицах чужие бульдоги
российскую славу пасут.
Рванешься по скользкой дороге —
всю душу тебе растрясут.
Тебе не расскажешь об этом,
но я занесу на скрижаль
вослед за великим поэтом
слезы материнской печаль.
Я вырвался из круговерти!
Спас матери иконостас.
И кто там кого после смерти
полюбит — неважно для нас...

БЕЗСМЕРТНЫЙ ПОЛК¹

Идем одной колонной. И у каждого
в руках портрет — реликвия своя.
Не господа — товарищи и граждане —
единая российская семья.

Знамена и хоругви здесь не лишние.
Отцы и деды с нами! Мы — народ.
Они — в Небесном войске у Всевышнего,
мы на Земле свершаем Крестный ход.

¹ На букве «з» в названии настаиваю вслед за Владимиром Крупиним.

Враги, вы зря протестами полощите, —
идут богатыри, а с ними Бог!
Вся ваша мелюзга с Болотной площади
оседет пылью пройденных дорог...

Со мною внучка, сын, жена любимая,
и вся моя Орловка, вся родня.
Идет по свету рать неодолимая!
Отец родной, ты слышишь ли меня?

Ты плачешь ТАМ слезами чистой радости,
ты не забыт, и пахарь, и солдат!
Не надо фейерверков — из-под радуги
на нас, живых, бессмертные глядят!

Державный шаг с молитвами великими —
единства очищающий момент!
Вглядишься в людей — их лица стали ликами,
и впереди колонны — Президент.

А лучше — вождь, вернувший Крым Отечеству,
и у него в руках — родной портрет.
Бессмертный полк — спаситель человечества.
Другой опоры не было и нет!

* * *

Трава, прибитая морозцем,
похрустывает под ногой,
и чаги темные наросты
мелькают в рощице нагой.

И небо с отблеском металла
глядит в покорные глаза
берез. Давно ли в них метала
и гром, и молнии гроза?

И, выворачивая корни,
валил подружек ураган.
Кричали гуси, ржали кони,
и выл из будки пес Полкан.

В избе у камских побережий
молилась мать, целуя крест.
А сын, неожиданный гость приезжий,
не узнавал знакомых мест.

И мнилось сыну — этой роще,
с небесной волею мирясь,
и тяжелее жить, и проще
в любую стынью, в любую грязь.

О чем же Господу молиться
под солнцем или под луной,
коль неизбежное случится
с природой, с вами и со мной?

О чем молчат и лес, и Кама,
а журавли летят трубя?
О чем твоя молитва, мама?
— Я, сын, молилась за тебя...

Утихнет ветер, зимний, хлесткий.
Весной воскреснет мир живой,
и зашумят опять березки
своей окрепшею листвою.

* * *

Поэт не врач, а боль. Струна и нерв.
Когда к поэту уваженья нет,
не сомневайтесь в том, что одурочен,
народ, ведомый властью к поп-звезде
и к зрелищам, и далее везде,
где Пушкин на Киркорова растрочен...

* * *

Виктору Суворову

Вот и мы постарели, мой друг, но не будем о грустном.
Для самих-то себя мы давно ничего не хотим,
лишь бы вновь увидеть — журавли пролетели над Русью.
Только где она, Русь? Мы в сердцах ее молча храним.

Нам с тобою, наверно, счастливое детство досталось.
После самой свирепой и самой великой войны
из окопов промерзших сквозь боль и тоску, и усталость
возвратились отцы, чтобы мы появились, сыны...

И когда мы вдвоем держим путь к православному храму —
помолиться за них и поставить к распятию свечу
за ушедших любимых и — каждый — конечно, за маму,
вдруг заплачет душа: «Я от них уходить не хочу!..»

Не спеша за столом поминальные чарки наполним —
впереди и у нас предназначенный Господом срок.
А рождественский снег все летит на житейское поле.
Мы идем по нему. Горизонт — как небесный порог...

* * *

В морозном воздухе двоится
крестьянский острый серп луны...
Кто любит Бога, не боится
иной неведомой страны.

Земная жизнь — подарок царский.
Что небеса откроют мне?
А серп заточен по-татарски
здесь, на казанской стороне.

И рядом с ним над зимней Камой
горит Полярная звезда.
С землею этой, словно с мамой,
легко ль расстаться навсегда?

Мы в ту страну с рожденья метим,
но почему-то все равно
живой душе смириться с этим
до самой смерти не дано...

Сергей СМЕРНОВ

ПО РОССИИ, СЛОВНО ПО РОСЕ

Сергей Вадимович Смирнов — родился в 1967 г. в Серпухове. Выпускник Литинститута, член Союза писателей России, член редколлегии альманаха «45-я параллель». Лауреат премии им. А. Прокофьева «Ладога», лауреат Кубка мира по русской поэзии (2012–2013), дипломант Первых международных литературных игр в Интернете «Поэтический Олимп». Автор шести книг стихов. Стихи публиковались в журналах «Смена», «Юность», «Аврора», в интернет-изданиях «45-я параллель», «Топос», «Сетевая словесность». **Живет в Кингисеппе.**

КАЛИНОВ МОСТ

Здесь травы встают
в человеческий рост,
и звери взирают беспечно
на старый скрипучий
заброшенный мост
над быстрой Смородиной-речкой.

Здесь раньше такие гремели бои,
теперь обстановка иная,
и вряд ли стопы кто направит свои
на мост между явью и навью.

Бывал здесь Иван, да заглохла тропа.
Но сказки порою полезны:
доныне белеют в песке черепа
и палец ржавеет железный.

Я в этих краях не хожу по ковру,
гоню соблазнительный морок,
не пью из колодца и яблок не рву,
и листьев не трогаю ворох.

А если заслышу змеиную речь
по воле неведомых судеб,
в запасе всегда рукавицы и меч,
и шапка, что братьев разбудит!

ПО РОССИИ, СЛОВНО ПО РОСЕ

Мы шагали, плыли, колесили
по России, словно по росе,
по велению сердца, без усилий,
пыль дорог неся на колесе,
соль морей неся на древесине
старого надежного весла.
Мы шагали, плыли, колесили,
нас звезда вечерняя вела.
По окольным тропам грязь месили,
днем с огнем искали Новый Рим.
Мы шагали, плыли, колесили,
а настанет время — воспарим!

РВЫ И ХОЛМЫ

Мы — рвы, а вы — холмы
(пиши на прежний адрес):
мы — русло Колымы,
а вы — Монмартра абрис.

И нам до вас пешком,
как до высот Парнаса,
с залатанным мешком,
с усталою гримасой.

Равно и вам до нас
рукой не дотянуться,
не догresti до дна,
над бездной не нагнуться.

И даже на словах
холмы не станут рвами:
в тех самых римских рвах
нас львы на части рвали!

А город на холмах
глядел голубооко
на львиной лапы взмах,
на смертный ров глубокий.

ТОПОЛИНЫЕ МЕТЕЛИ

Протерли небо мягкой ветошью,
и вот под этой льдистой роскошью
и дол, и лог, как снегом летошним,
белесым пухом припорошены.

Метут метели тополиные
по закоулкам и по улицам,

по стародавней топонимике,
по Ярославлю и по Угличу.

Волна пуховая прокатится
по лабиринтам пыльной памяти —
и Млечный Путь в ночи покажется
такой же тополиной заматью.

СВОБОДА И МИЛОСТЬ

Восславил свободу и милость призвал.
Однако, пожалуй, пора на привал?
Но он на привалах о том же певал —
восславил свободу и милость призвал.
А кто-то твердил: «После нас хоть потоп!»
И что же? Он в этом потоке утоп.
А кто-то твердил: «Хоть трава не расти».
И сгинул в пустыне на долгом пути.

А он к оступившимся милость призвал,
и музу в уста горячо целовал,
и спуску врагам никогда не давал —
восславил свободу и милость призвал.
Восславил свободу и милость призвал,
когда по стране прокатился обвал,
когда в Петербурге случился облом
и судьбы решались за царским столом.

И в старую склянку чудесных чернил
не раз и не два он слезу уронил.
Восславил свободу и милость призвал.
На том успокоился? Вряд ли! Едва ль!
А после от ран выгибался в дугу
с дырою в боку на кровавом снегу...
И жизнь без него стала много бедней,
но был он любезен народу. И мне.

МЕЛЬНИЦА

Все рожденное, нерожденное,
все истлевшее в полный прах,
все витальное, изможденное,
все сгоревшее на кострах —
лишь цемент для Его фундамента,
лишь опара для пирога,
лишь язык для Его парламента,
лишь фетиш для Его врага.

Завывают ветра на лопасти,
и вращаются жернова.
Крик зерна в горсти —
мост над пропастью,
остальное — слова, слова...
За окном черно, а у Мельника
фартук бел и бела рука.
Божья мельница мелет медленно,
но зато какова мука!

ПОПЫТКА ПЕРЕВОДА С СОЛОВЬИНОГО

Я, в сущности, старый
толмач-переводчик,
но птичий язык не подвластен уму,
из вешних дубрав
и восторженных вотчин
несущийся, внятный себе самому.

И как объяснить языком человеческим
руладу вздох, торопливую трель?
И смысл исковеркан, и звук изувечен,
и маем двоятся июнь и апрель.

И сердце сбивает, и дыхание спирает,
как будто стесняет незримой рукой.
Плывут в поле зренья
зигзаги, спирали,
молочная прядь и луна над рекой.

И в свете луны проявляются строчки,
и рифмы блуждают в моей голове,
и мир постепенно сжимается в точку,
в которой по-русски поет соловей.

* * *

Золотая орда облетающих листьев,
словно конница, мчится. Понять бы, куда:
в Пошехонье, в Литву или в нашу столицу?
А придут холода — не оставит следа.

Так стихии, так армии в блеске и стали
проходили, как тени, по лику земли.
Проходили, прошли, да и быть перестали,
и исчезли навеки в морозной пыли.

НИ СВЕТ НИ ЗАРЯ

То ли взвояет цепной кобель,
взгромоздившись на крышу будки,
то ли ветер в печной трубе
мне сыграет в ночи побудку,
но проснусь ни зари ни света,
а вокруг — ни зари, ни света,
только месяц блестит в листве,
на траву проливаясь с веток.

Для кого-то и ночь щедра:
приходящему дню-младенцу
сыплет злата и серебра,
самоцветов любых оттенков.
И качается колыбель,
и плывет по волнам как будто,
и трубач на печной трубе
всей округе трубит побудку.

Иван САБИЛО

НАКАЗ

Иван Иванович Сабил — родился в 1940 г. в Минске. Окончил Институт физической культуры им. Лесгафта. Был победителем одного из первенств Ленинграда по боксу. Работал преподавателем в ВВМУ им. Фрунзе, литсотрудником в газетах и журналах. Автор 15 книг прозы, а также многих публицистических статей. В 1992–2005 гг. возглавлял Санкт-Петербургское отд. СП России. В 2006–2009 гг. являлся зам. председателя Исполкома МСПС. Лауреат нескольких литературных премий, в их числе Премии правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Санкт-Петербурге и Москве.**

Я с первого дня своей жизни и по сию пору деревенский житель. Хотя односельчане уже давно прилепили мне клички Горожанин и Городило. Первую — может, потому, что я учился в городе и женился на горожанке Марине. Мы с ней познакомились в ту пору, когда я был еще студентом-третьекурсником, а она уже работала медсестрой. И стали дружить. Потом, больше узнав друг друга, решили никогда не расставаться. Когда поженились, без лишних разговоров избрали село. Благодаря ее и моим родителям построили дом и стали жить.

Моя жена — сельский фельдшер, за что ей тут многие благодарны. У нас дочка и сын — пятнадцатилетняя Катюша, которая пробует писать стихи, и тринадцатилетний Андрей, который пока еще не выбрал себе дела по нраву. Есть у нас и общий любимчик, пятилетний Алесь — пес неизвестной породы — подарок одного из пациентов Марины. Когда мы куда-нибудь ненадолго уезжаем всей семьей, а случается это крайне редко, оставляем Алесь у нашей соседки Авдотьи Махалиной, которую он уже давно сделал своей подружкой.

А кличку Городило мне присвоили за то, что я, будучи учителем, люблю, как считают односельчане, развести «турысы на колесах»: про историю, литературу, психологию. В том числе и про «турысы на колесах» — такие громоздкие осадные башни для взятия крепостей. Их передвигали на деревянных катках или на колесах. С них перебрасывали мостки на стену крепости, и брали ее легче и с меньшими потерями, нежели длительной осадой или атакой сходу. А годы спустя, и про медлительного в разговоре, к тому

же многословного человека, стали говорить, что он разводит «турусы на колесах»...

Отец мне когда-то сказал: «Культурному человеку, Миша, а я тебя таким и считаю, необходимо побывать в Греции и в Ленинграде. Они так устроены, что помогают человеку мыслить». Как только он это произнес, у меня в памяти тут же возникла скороговорка *«Ехал грека через реку...»* Даже не знаю, почему именно она, хотя я, будучи студентом, уже знал о греках немало иного.

Отец мой был агрономом, завзятым книголюбом. И мне давал читать книги с легендами и мифами Древней Эллады. Много я там находил интересного и такого, что не сразу доходит. Особенно, когда начинаешь разбираться, могло ли быть что-то из мифов на самом деле, или это просто выдумка. Например, подвиги Геракла. Все-таки непонятно, как это он голыми руками победил огромного немейского льва. Ну, вычистить Авгиевы конюшни еще куда ни шло. Это и мне по силам. А справиться с лернейской гидрой, когда на одну отсеченную голову вырастают сразу две, тут надо постараться. Я бы не смог. Правда, неизвестно, откуда взялась такая гигантская гидра, если в природе она всего-то полтора-два сантиметра величиной. Но, может, в те времена жили и такие?

Отец, в отличие от мамы, которая скоропостижно умерла от сердечного приступа, долго и тяжело болел. Перед смертью сказал: «Вряд ли при учительской зарплате у тебя найдется, на что побывать в Греции. Но когда я уйду в мир иной, где меня дожидается моя жена Василиса Акимовна, продай наш дом. На вырученные деньги возьми с собой Марину, Катюшу и Андрейку, и поезжай. Такой тебе мой отцовский наказ...»

Слезы у меня покатались по щекам, когда я услышал такое. Думал, папа сдюжит, победит болезнь. А когда он ушел от нас, не посмел послушаться, поступил, как он завещал.

И вот недавно мы с женой и детьми летали в Грецию. Я много чего знаю о ней, но с детьми воздерживался заговаривать на эту тему. Пускай сначала увидят Элладу. Может, возникнут вопросы, тогда более полезным для них и для меня окажется наш разговор.

В самолете дочка читала «Черную курицу». Андрей поглядывал в иллюминатор и тихонько бормотал: *«Ехал грека через реку...»*. А когда прилетели, удивились, что ныне тамошний народ совершенно не похож на «древних греков». От «древних» остались только каменные развалины, типа Парфенона или храма Посейдона. А также отображенные в печатных изданиях и художественных полотнах мифы о богах и героях, без которых немислима мировая культура...

Сын и дочка расстроились, увидев, в каком состоянии знаменитые храмы. Стали спрашивать, почему их не восстанавливают. На что гид, молодая, красивая гречанка по имени Дорофея, на отличном русском языке ответила: — «Потому что, во-первых, это нам не по карману. Во-вторых, восстановленные, они не будут привлекать столько туристов, сколько сейчас». Дети подивились такому обстоятельству и больше вопросов не задавали.

Пришла пора и мне сказать несколько слов. И не удержался:

— Главное, что мы с вами должны вынести из посещения Греции, это мысль о том, что древние греки действительно когда-то жили. И не просто жили, а строили. Создавали произведения искусства и архитектуры.

Творили мифы и легенды, которые до сих пор волнуют и радуют всех нас. А их великий полководец Александр Филиппыч Македонский даже создал мировую державу. И мечтал переженить в ней все народы между собой. Он считал, что в этом случае можно будет исключить все будущие войны. Однако ранняя смерть не позволила ему это сделать. Да и мировую империю, после того, как он помер, бессовестно растащили по частям его бывшие соратники-полководцы. И тут же затеяли междоусобные войны.

Катя слушала меня и улыбалась, как будто не верила.

— Ты чего? — спросил я.

— Выходит, искусственной была идея всех со всеми переженить, — сказала она. — Если бы не так, народы остались бы вместе.

— Почему ты так думаешь? — спросила мама.

— Потому что у каждого народа своя культура. И своя религия. И свои обычаи и традиции. Отдельный человек... то есть отдельные люди различных народов могут соединиться в семьи и жить. Но целые народы, мне кажется, нет.

— А чем это можно доказать? — спросил я.

— Бог будет против. Он зачем единому когда-то племени дал многоязычие? Чтобы они не смогли договориться и построить Вавилонскую башню, так?

— Да, но есть же переводчики, они...

— Переводчики могут перевести не точно. И тогда где-нибудь что-нибудь соединят не так, и она рухнет.

Мы с женой смотрели на дочку, потом друг на друга и еле сдерживались, чтобы не обнять ее. И все-таки мама не утерпела, обняла.

Андрей вроде бы не прислушивался к нашему разговору. Стоял чуть в стороне и разглядывал красивого черно-красного мотылька, усевшегося на листок какого-то неизвестного мне дерева. Но я-то знал, что он ловит каждое слово сестры.

Когда мы вернулись домой, Катя долго ходила задумчивая. А когда я осторожно спросил, отчего она так упорно молчит, сказала, что хотела бы родиться и жить в Древней Греции. Чтобы пить воду из Кастальского источника и получать вдохновение для «писания стихов». Андрей не согласился, так как стихи его не увлекают. Однако он совсем не прочь как-нибудь побороться с Гераклом.

— Неплохо, неплохо, — сказал я. И напомнил им слова их деда-агронома о том, что лучше всего употреблять фрукты, которые плодятся на твоей родной земле. От них растущему организму больше пользы. От себя добавил, что и для стихов не нужно искать вдохновения где-то за границей. Стихи нужно писать из той жизни, которой ты сам живешь.

— Что касается стихов, то им заграница не мешает, — сразу же возразила Катя. — Потому что там живут такие же люди, как мы.

— Ты думаешь? — спросил я.

— Уверена. А что касается фруктов, то наш дедушка, наверное, прав, — после некоторого молчания добавила она. — Хотя бананы и мандарины, хурма и виноград у нас не растут, но они такие вкусные!

Я уже в который раз порадовался, что у моей дочки есть голова. Но все же напомнил, что стихами и прочими художествами в Греции занимались только вольные люди. Они для этого имели достаточно времени. А всю чер-

новую работу выполняли рабы, которые составляли почти половину всего населения.

— Интересно, рабам разрешалось жениться? — спросила Катя, наверное, вспомнив мечту Александра Македонского.

— Да, так как рабовладельцы понимали, что женатый раб и замужняя рабыня, к тому же имеющие детей, относятся к работе более ответственно, нежели холостяки. От них больше пользы.

— А насчет Геракла что ты скажешь? — спросил Андрей.

— Только то, что этого богатыря нам придется временно отодвинуть на будущее. В спорт тебе надо, если собираешься победить Геракла. По-видимому, вызывает он тебя виртуально на ристалище. Нутром чувствует твою недюжинную силушку.

— Какой тут спорт в селе?

— Хорошо, потолкую с нашим учителем физкультуры Георгием Николаевичем. Он возит в город бегунов и лыжников, может, и тебя там куда пристроит.

— Сам потолкую, — обрадовался Андрей и пожал мне руку.

Так и решили. И как-то уладилась душа от разговора с дочкой и сыном. Знать, не зря побывали мы у «древних греков». А жена моя Марина, послушав наши разговоры, сказала:

— Еще никогда я не видела свою семью, свой дом, свою работу, словно бы со стороны. А когда была в Греции, увидела. И поняла, что я счастливая. Думаю, и вы тоже.

Мы не стали ничего отвечать, она и так видит.

Что ж, теперь надо собрать денег и побывать в Ленинграде. Или, как его сейчас кучеряво называют, в Санкт-Петербурге.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Проснувшись утром, сразу вспомнил, где я. И уже в который раз порадовался, что исполняю наказ отца — побывать с женой и детьми сначала в Греции, потом в Санкт-Петербурге. В Греции мы побывали прошлым летом, и всю осень только и разговоров было, что о ней.

Теперь у нас город на Неве. Кстати, звуковое строение слова «Ленинград» мне больше нравится. Я так и сказал своему другу Алику. В словах «Санкт-Петербург» при склонении изменяется только второе слово, в отличие от Ростова-на-Дону или Москвы-реки. Кроме того, здесь на четыре гласных приходится десять согласных — попробуй, выговори. И в качестве примера назвал имя и фамилию давнишнего спортивного журналиста из Чехословакии — Курт Чтрвтчка. Кто это может произнести?! Алик сказал, что согласен со мной, ему тоже больше нравится, как звучит Ленинград. Но он все-таки за то, чтобы нашим городам возвращать их исторические названия. И, будь его воля, он бы Государственным Законом запретил переименование городов. В особенности исторически значимых. Тогда я сказал, что, если нельзя было сохранить название Ленинград, переименовали бы в Петроград, как это сделали в Первую мировую. Или в Невоград, раз он стоит на Неве. И не нужно ломать язык, чтобы произнести санкт-петербуржец или санкт-петербурженка. Алик сказал, что никто так и не произносит. А называют просто петербуржец и петербурженка...

Впрочем, уймись, деревня, — приструнил я себя. — Ленинградцы-невоградцы обойдутся без твоих советов. Но уже то хорошо, что сохранили второе и, может быть, самое главное название — Город-герой Ленинград. В целом мире нет примера коллективного противостояния врагу, подобного ленинградской блокаде.

Посмотрел на часы — половина одиннадцатого. Вчера Алик Мухин сказал, чтобы я забрал сына и дочку в час дня. Конечно, можно бы еще немного поваляться в постели, но по утрам лениво мысли поворачиваются, и я встал.

Думал об Алике — хороший парень. Мы с ним в Московском университете однокашниками были. Я в родное село вернулся учителем, а Мухин стал филологом. Женился на ленинградке и переехал к ней. Аспирантуру в Питере закончил и кандидатскую защитил по устаревшей лексике русского языка — архаизмам. Сейчас доцент в Педагогическом университете. Увидел в Интернете мою физиономию, когда я в Москву на учительскую конференцию приезжал. Разыскал меня и в гости позвал. Отличный парень! Жена — пышная красавица Ольга, дети Кира и Дима чуть младше моих — Катерины и Андрея. У них вот эта новенькая квартира в Приморском районе, на берегу Большой Невки. За рекой по вечерам, весь в божественно-голубом сиянии, возвышается новый стадион, чем-то похожий на гигантскую летающую тарелку. Между прочим, мировой рекордсмен по затратам на его строительство. Держитесь, будущие соперники «Зенита» и нашей сборной: на такой арене нам стыдно проигрывать...

В общем, Алексей Дмитриевич, в хорошем месте ты живешь. Из окон, частично перечеркнутый трассой ЗСД — Западным скоростным диаметром, виден Финский залив. Или, как ты сказал, Маркизова лужа. И преодолеть ее корабли могут только по фарватеру. Отличное место, к тому же рядом ЦПКиО...

Сегодня Алик с женой, а также со своими и моими детьми отправились во Дворец имени Ленсовета на «Бременских музыкантов». Там детский праздник новогодней елки. А ночь все они провели в квартире Ольгиных родителей, недалеко от Дворца...

Чистил зубы. Смотрел на себя в зеркало — ничего особенного, лицо сельского учителя. Будь я женщиной, искал бы... (или *поискала* бы, как тут сказать?) кого-нибудь интересней. Впрочем, женщины разные. Иначе они выбирали бы... Да, кого бы они выбирали? Сейчас даже не назвать ни одного мужика, глядя на которого баба улыбнется и скажет: — «Вот моя судьба!» Измельчал наш брат, хотя многие с крупными деньгами... А если бы мне самому выбирать, то я бы опять присмотрел мою Марину. Самая одушевленная женщина. Святая для меня.

Ладно, к детям. Алик вчера забрал у меня Катю и Андрея. И повез «для знакомства и дружбы» к своим детишкам — Кире и Диме. Звал и меня, но я предпочел побыть в одиночестве. Никогда еще не приходилось мне оставаться дома одному. И детям полезно провести какое-то время без родителей. Дети должны отдыхать от нашего пригляда. Мы ведь только и делаем, что муштруем их, наставляем, указываем. А то и принуждаем к тому, что расходится с их собственным понятием пользы или вреда того или иного дела. И никогда не посоветуемся с дочкой или сыном. Дескать, они еще маленькие. Но уже хорошо, что ты сам это понимаешь. И можешь себя вовремя одернуть. Как-никак, сказывается, что ты учитель.

Собиралась в Петербург и Марина Тимофеевна, только не получилось. В самый последний момент удержали ее от поездки трудные кесаревы роды. Наша сорокалетняя сельчанка Зина Коноплева решилась, наконец, матерью стать. Это у нее первые роды, а до того она, незамужняя, числилась старой девой. И вот как раз подгадала к отъезду. Ничего, какие наши годы, может, еще и с Мариной Тимофеевной здесь побываем.

Напился чаю с батоном и сыром, включил телевизор. По всем программам новогодние песни и пляски, так что убрал. И решил пойти пешком. Вчера Алик сказал, что, кроме станции метро Старая Деревня, можно пройти через парк на станцию Крестовский остров. И доехать до Чкаловской. От нее ближе всего к ДК имени Ленсовета. Еще он говорил, что можно добраться пешком, но я не запомнил, каким путем.

Долго шел по тротуару мимо высокой стены-стекляшки, отгородившей шумный Приморский проспект от еще не застроенного пустыря. И чего отгораживать то, чего пока еще нет? А вот и вход в ЦПКиО. И сразу — мост через Большую Невку, что упокоилась подо льдом. На заснеженном льду сидят серые утки, недалеко широкая полынья, в которой плавает полузатопленное красное ведро. Преодолею один мост, потом второй, но теперь уже через Малую Невку, которая почему-то оказалась гораздо шире Большой, и приостановился — куда мне, в какую сторону? Не вслушался вчера в то, как объяснял дорогу Алик, ломай теперь голову. Однако вот меня догоняет высокий паренек с темным пушком под носом, которого еще не касалась бритва; в коротком пальто, серой лыжной шапочке и толстом зеленом шарфе, свернутом восьмеркой вокруг длинной шеи.

— Молодой человек, случайно не подскажете, как пройти к Дворцу культуры имени Ленсовета?

Остановился, вытащил из уха под шапочкой маленький черный монитор:

— А?

Я повторил вопрос.

Он смотал проводок монитора, опустил в карман и кивнул:

— Идете, покажу. Вы у нас впервые?

— Да, сельский житель. Приехал с детишками посмотреть ваш красивый город.

— Вот вы знаете, ну, действительно. Мы-то сами давно привыкли, а те, кто впервые к нам приезжают, просто восхищаются. Дети ваши большие?

— Да, Катюша в десятом классе и Андрейка-восьмиклассник. Оба шестилетками в школу пошли.

— Не вредно им в деревне? Глухомань, поди?

— Пока не жалуются. Конечно, не так, как у вас. Это ж какой город! Тут у вас на каждого жителя уж если не по музею и театру, то по гению...

— Вот вы знаете, иногда сам поражаюсь. Все время вдохновляет. Сегодня долго ночью не спалось, так я стихи сочинил: — *«Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид...»*

— Красивые стихи. И часто вас музы навещают?

— О, вы даже знаете, кто такие музы?!

— Как же не знать. У нашей соседки Авдотьи Махалиной корова-голландка с такой кличкой была. Прямо настоящая фабрика молока.

— Что вы говорите?! Вот это Муза! Ко мне тоже являются. Правда, без молока. И не всегда на что-нибудь наводят. Иная посидит, покачает головой и уйдет.

— Куда?

— А кто ее знает? Может, к кому другому. Знаете ли, музы ветреные создания. Как-то осенью явилась ко мне одна, и спрашивает, мол, что, брат, не пишется? — Ага, отвечаю, нет вдохновения. — Ладно, говорит, возьми ручку. — Да зачем ручку-то, говорю. И сразу в компик. Она — против. Заявила, что у компика нет такой души, как в обыкновенной ручке. Ну, беру, значит, начинаю думать и писать. И вдруг выходит: — *«Роняет лес багряный свой убор, сребрит мороз увянувшее поле...»*. Знаете, так хорошо начиналось, прямо по-пушкински. Думал, дальше вдохновлять будет, раз пришла. Так она вдруг поднялась и деру. Ни слова не сказала. Представляете, какая мещанка?! Ничего, сегодня попробую дописать, но уже без нее.

— Да, неплохо бы завершить, потому как начало хорошее. С такими стихами вполне можно выдвигаться в нобелевские лауреаты.

— А вы, я вижу, хоть и сельский, но понимаете в стихах.

— Так в школе учился. Правда, не любил, когда наизусть много задавали. Вам со мной по пути, или вы меня провожаете?

— Да, чтобы конкретно показать дорогу. Я ведь гуляю. Вышел подышать. Я тут живу, рядом с буддийским храмом. Перед самой прогулкой начал новый стишок. Но что-то не выходит, и решил проветриться.

— И какое же начало?

— Вот истоки: у меня есть четвероногий друг. Мы его в мае взяли щенком. И дали кличку Май. Славный пес, простой и человечный. Как Ленин. Породы никакой, или, как у нас в Питере говорят, обычный дворянин. К нему я и начал свое обращение: — *«Дай, Май, на счастье лапу мне. Такую лапу не видал я сроду...»* И все, дальше заколодило. Приду и засяду. Может, и муза подоспеет.

— Я могу вам без всякой музыки подсказать продолжение, — сказал я. — Наверное, так: — *«Давай с тобой лаем при луне на тихую, бесшумную погоду...»*

Мой провожатый остановился и вытаращил глаза. И рассмеялся.

— Меня зовут Максим, — протянул он руку. — А вас?

— Михаил Дмитриевич.

— О, наверное, вы там, в селе, высокий начальник, если представляетесь по имени-отчеству?

— Берите выше: учитель!

— Неужели русского языка и литературы?

— И еще истории.

— А вы шутник! — обрадовался он. — Я сразу почувствовал родственную душу. Сами не сочиняете?

— Нет, дочка пробует. А я критикую.

— То есть играете в два смычка?

— Можно и так сказать. А вы чем занимаетесь, кроме того, что пишете гениальные стихи?

— Разве этого мало?

— Если самому писать, немало. А если чужие стихи называть своими, то...

— Шутка! — дернул он себя за нос. — Вообще-то я первокурсник архитектурно-строительного университета. Иногда веселюсь. И не только с вами. Бывает, девушкам для знакомства читаю стихи. Некоторые верят, что это я написал.

— И сразу бросаются к вам в объятия?

— Ну, не только из-за этого. Меня считают обаятельным чуваком.

Максим прав, — подумал я, взглядевшись в его серые, смешливые глаза. — Есть в нем эта привлекательная черточка — обаяние. С таким никакая девушка скучать не будет.

— Тогда ладно, — сказал я и посмотрел на мобильник — пять минут второго. — Далеко еще?

— Нет, пришли, — показал он рукой на что-то кубическое, совсем не похожее на дома, окружавшие площадь. И пояснил: — Типичный представитель эпохи конструктивизма. С его простым, почти лапидарным стилем. ДК имени Ленсовета.

Я поднял голову и в глаза бросились названия торговых точек: «Кафе Марка», где между этими двумя словами стояла чашка с чайной ложкой; на левой стене здания — белые буквы: «Супермаркет». Наверху, на кубическом выступе светились самые большие буквы: «КИНОЦЕНТР».

— Сейчас мы их встретим, — сказал я, чтобы не скучал Максим.

— Я и свои стихи пишу, но, к сожалению, в каждом из них чего-то чуточку недостает. Вот такой капельки, — показал он миллиметровое пространство между большим и указательным пальцами. — Но капелька эта, — вздохнул он, — и есть поэзия.

— Прочитайте что-нибудь свое, — попросил я и тут увидел, как из широко раскрытых дверей Дворца повалил народ. — Хотя, минутку, Максим. Давайте сначала встретим ребят. Ага, вот и они.

К нам подошел Алексей с огромным белым медведем под мышкой. За ним его жена Ольга и четверо наших — Катя, Андрей, Кира и Дима. Они держались за руки, притоптывали и напевали:

— *Такая-сякая сбежала от меня!..*

Ольга посмотрела на мужа и спросила:

— Ну что, в кафе? Надо же отметить Катенькин триумф? А потом обе-
дать к моим папе и маме.

Я вспомнил, что у меня с собой не так много денег, предлагал перенести триумф на другой день, но Алик и Ольга не слушали возражений и всех повели в кафе. Разделись. Официант сдвинул для нашей компании два столика и устроил белого мишку на отдельном стуле. Мы заказали для взрослых кофе с пирожными, а для детей чай и тоже с пирожными.

— Вообразите себе, — сразу начал Алик. — Представление сегодня «по техническим причинам» задержали почти на полчаса. Оказывается, главное действующее лицо спектакля, Трубадур по дороге сюда попал в автоаварию. Благо, ничего серьезного. Однако пришлось подождать, пока он там объяснялся с ДПС. А чтобы зрители не скучали, предложили им развлечь друг друга. Ну, там, кто умеет петь, танцевать, стихи читать — добро пожаловать на сцену. Мы с Ольгой, зная, что с нами находится начинающий поэт Катюша, предложили и ей принять участие. И что вы думаете? Она вышла и... вот ее огромная награда за стихи — сам Топтыгин! Молодец, Катя. И молодцы организаторы... Послушай, может, и здесь ты прочитаешь нам свое такое искреннее, такое трогательное стихотворение?

— Да, Катенька, прочти, — попросила Ольга.

— Ну, хорошо, — кивнула Катя и поднялась. — Правда, как только я вышла на сцену и увидела полный зал, так разволновалась, что вспомнила лишь давний-предавний стишок:

*Вот моя деревня,
вот мой милый дом.
Вот мои цыплятки
вместе с петушком.
Вот мой добрый папа,
мама тоже здесь.
Вот на белых лапах
верный пес Алесь.
Вот мой брат Андрейка,
он силач, борец.
Вот пастушка Ленка
стережет овец.
Вот и я. Пред вами
поклонюсь тому,
что всего роднее
сердцу моему.*

Мы захлопали в ладоши. Максим погладил Катину руку и похвалил:

— Хорошие стихи. Они на самом деле искренние, от них исходит тепло. Обязательно пиши, у тебя получается.

— Мгу, — опустила глаза Катя и покраснела. — Большое спасибо.

— Между прочим, и Максим сочиняет стихи, — сказал я. — Даже собирался прочитать мне, пока мы вас ждали.

— Так просим, почитайте, Максим, — улыбнулась Ольга.

— Может быть, Катюша вспомнит еще какое-нибудь стихотворение? — спросил Максим, не ожидавший такого оборота.

— Ой, я так переволновалась там, на сцене. Лучше вы.

— Хорошо, вот четверостишие:

*Пожалуй, ты теплей, чем холодильник.
Мои грехи уж не твоя забота.
Иду к тебе, но как не заблудиться?
Я не зима, но ведь и ты не лето.*

Мы ждали продолжения, оказалось, что это все.

— Ну, Катюша, как тебе такие стихи? — обратился к ней Алик.

— Тоже хорошие, — сказала она. — Только мне кажется, это не четверостишие, а четыре одностишия. Здесь в каждой строчке есть начало и конец. И каждая строчка может существовать отдельно от других.

— Умница! — сказал Алик. — Кроме того, ты заметила, что в каждой строчке у него есть два противоположных, исключаящих друг друга слова? Тепло и холодильник, грех и забота, идти и блуждать, зима и лето. Вполне состоятельные стихи, поздравляю!

— Спасибо, не ожидал, — смутился Максим. — Вдохновляющие слова.

— Ну вот, а музы пускай себе немного подождут, — сказал я. — Так что? За поэзию?

Мы подняли чашки с кофе и чаем и чокнулись, будто в них было вино.

Потом Алик, Ольга, Максим и наши дети говорили еще какие-то слова, рассказывали анекдоты и смеялись.

А я всматривался в них и молчал. И сожалел о том, что с нами нет Марины Тимофеевны.

**Василий (Фазиль)
ИРЗАБЕКОВ**

«ДРУГИЕ»

Василий Давыдович (Фазиль Давуд оглы) Ирзабеков — главный редактор портала фонда Святителя Луки (Войно-Ясенецкого). В основе его деятельности лежит любовь к русскому языку — важнейшему фактору духовного здоровья нации и национальной безопасности — и озабоченность его современным состоянием. Этой проблеме посвящены авторские книги. На образовательном семейном телеканале «Радость моя» как автор и ведущий записал циклы: «Тайна русского слова» и «Неравнодушный разговор», которые с успехом идут на многих телеканалах России и ближнего зарубежья. Много авторских программ, посвященных проблеме чистоты русского языка, записаны на православном телеканале «Союз». На телеканале «Спас» — ведущий в цикле «Лекарство от кризиса». В течение целого ряда лет трудился ведущим прямого эфира радиостанций «Народное радио» и «Радонеж». **Живет в Москве.**

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его.

Евангелие от Луки, гл. 6, ст. 45

Четверть века назад случилось мне покупать с рук мясо для шашлыка в пригороде столицы одной южной республики, ставшей ныне суверенным государством. Местный житель, для пущей солидности надвинув на глаза широченную кепку-аэродром и придав голосу самые доверительные интонации, посоветовал впредь делать закупки только в этих, верхних, кварталах, но никак не в нижних. Все сокрушался: ну, откуда взяться хорошей баранине у тех, проживающих в нижних кварталах?! Словно не ведал я о том, что во всех пригородных поселках животным скармливают помногу недоеденный горожанами хлеб. Им практичные сельчане набивали тогда большущие мешки в городских подворотнях, оглашая их по утрам громкими возгласами: «Сухой хлеб собираю!». Оно и понятно, где взять столько свежей травы в этих знойных широтах?!

Так, сам того не ведая, давний мой собеседник стал живым воплощением некоей модели поведения людей в обществе, с разнообразиями которой приходится сталкиваться, увы, все чаще. Правда, мотивы не всегда столь откровенны. В этой давней истории подоплекой была, конечно же, экономика, тот самый базис, в котором, помнится, еще вождь мирового пролетариата призывал искать подлинные истоки политики. В том числе и той, правилами которой руководствовался мой незадачливый доброжелатель. Его патриотизм в масштабах родного квартала в чем-то даже наивен; оно и понятно, надо порасторопнее

сбыть товар, не подлежащий длительному хранению, ради чего не грех бросить тень на деловую репутацию доброй половины населения родного поселка. Но как выпукло реализовано здесь понятие «другие». И если б всегда экономическая составляющая была решающей...

Какие смешные бывают русские фамилии, — заливался мой давний институтский приятель. Поясню: у некоторых восточных народов начисто отсутствуют «животные» фамилии; кроме, пожалуй, одной, да и та, как принято теперь выражаться, крутая — Асланов, от слова «лев». А потому Червяковы и Букашкины, Котеночкины и Собакины порой вызывают в здешних краях иронию, впрочем, вполне добродушную. Послушай, говорю, а ты никогда не вникал в смысл наших имен, ведь и русским они наверняка показались бы, мягко говоря, непривычными, если б знали их перевод. Почему это, недоумевает Ильдрым. А начнем-ка, предлагаю, с твоего. Что оно значит в переводе? Вот-вот, правильно, молния! Наш преподаватель Булуд — это облако, а общая знакомая Айгюн — луна и солнце, не так ли? Что касается соседей Шаина и Джеваншира — они соответственно сокол и молодой лев.... Ну, чем не Зоркий Глаз и Железный Коготь, а? Пойми, это привычно для нашего слуха, но, согласись, не для любого другого. Так может, не следует все-таки ни над кем подтрунивать?!

Да, все мы на удивление разные, и от этого факта, как говорил великий комбинатор, нельзя отмахнуться. Можно по-разному относиться к нашей тотальной несхожести: в который раз восхититься неустанным промыслом Творца, различающего одну от другой даже мириады крошечных незабудок на свежем лугу, или уподобиться сумрачному обывателю, для которого, простите великодушно, оттенок кожи на ягодицах иного человека куда актуальнее неповторимых свойств бессмертной души.

Как давно стало общим местом употребление по случаю и без одного фразы из полюбившегося фильма: «Восток — дело тонкое», не сознавая ее подлинной сути. Восточная же мудрость гласит, что если выстрелить в прошлое из пистолета, оно ответит из пушки. Так и случилось.

Признайтесь, вас не гнетет разгул — иного слова не подберу — национальных амбиций последних десятилетий? Кого не тронь, все как один представители древней и великой нации. И это притом, что еще в начале минувшего века не только иного нынешнего суверенного государства, не только границ этих не было на карте Российской империи, но даже самого его названия. Больно и смешно (не знаю, чего больше) вспоминать о том, сколько копий было сломано «радетелями» иных народов из числа ученой братии, из кожи вон лезущих, дабы настоять на пресловутой древности происхождения. Именно настоять, ведь доказать-то почти невозможно по причине множества взаимоисключающих теорий и мнений. Да и зачем, собственно?!

Вначале, как правило, сломано копий, а позже, как водится, пролито крови. Правда, уже не этими горе-учеными, а их излишне доверчивой аудиторией. Да и признаемся, положи руку на сердце: что эта самая древность может ныне означать? Усталость генов? И можно ли всерьез идентифицировать по складу души и ума, мироощущения и мирозерцания, скажем, нынешних египтян с современниками фараонов, итальянцев — с гражданами великого Рима, а нынешних афинян — с воистину удивительными человеками, некогда населявшими эти легендарные земли. Задумаемся, являлись ли когда-либо синонимами древность происхождения и наличие под-

линной культуры. А ведь второе, согласитесь, куда актуальнее. И существуют ли народы, чьи более ранняя письменность и великие предки уберегли бы их, к примеру, от несчастливой судьбы и гонений, нынешней духовной деградации, дурных правителей или вошедшего в привычку и ставшего второй натурой хамства. Ведь у так называемых малых народов, обитающих в непроходимых лесных дебрях или бескрайних северных просторах, у жителей забытых Богом деревень и затерянных в высокогорье сел зачастую можно встретить куда больше душевности и простой человеческой порядочности, нежели у многих представителей «продвинутых» ныне наций. И если существует все же некая избранность, то не заключена ли она, прежде, в беззаветном и столь же бескорыстном служении Любви и Истине. И не являются ли таковыми великое множество несуетных тружеников, обитающих зачастую далече от иллюзорных благ цивилизации и добывающих хлеб насущный (к слову, и для нас с вами) в поте лица. Наверняка Создатель, оценивая в неотвратимом для нас финале достоинства каждого из Своих чад, не будет рассматривать придирчиво цвет волос или форму носа, читая сердца наши, а не пятую графу анкеты и по делам нашим будет судить нас.

К проблеме этой, по сути, есть два подхода. Ведь сталкиваемся, как водится, либо с людьми верующими в Бога, либо с атеистами и безбожниками. В первом случае, вне зависимости от вероисповедания, наличествует (слава Творцу!) единый догмат, согласно которому у всех людей, гордо именующих себя человечеством, общие отец и мать, суть Адам и Ева, от которых и пошли как нынешние, так и канувшие в Лету народы. Здесь отношение к другому, в худшем варианте, как к бесконечно дальней, но все же родне. Оппонирующая сторона, как известно, признает предками своими приматов. В этом контексте притязания на всенепременную древность могут означать лишь... минимальную удаленность от самой последней обезьяны, прижимающей ко все еще косматой материнской груди последнего обезьяньего потомка (или чьего-то первого предка, как посмотреть): да-да, вы правильно догадались, того, самого что ни на есть древнего. Для материалистов из числа «менее древних народов», как мне кажется, все же есть при этом раскладе некое утешение: даже самому заскорузлomu безбожнику наверняка куда приятнее сознавать, что пращур его ведет отсчет от какого-никакого, а все ж таки непосредственно человека. Вышли, так сказать, в люди пусть и попозже, но зато из уже людей.

Другие... Все у них складывается по-иному: лучше, веселее, богаче. Да и как иначе-то, — ведь рождены они не в этом тотальном нечерноземье, а в сказочных краях, где не бывает несчастий и ненастья, где воткнешь в землю сухую жердь — она тотчас и зацветет, и где никто, считай, не знаком с настоящим трудом, деньги же так и сыплются на счастливых с безоблачной небесной лазури... Вновь и вновь вспоминаю недоуменные лица давних московских приятелей, которым поведал как-то о памятном для всей остальной страны 1963 годе. Ровесники мои и люди постарше помнят, как разом и надолго исчезло тогда с и без того скромных провинциальных прилавков все продовольствие. Но главное, хлеб. Что же касается привычных для жителей столицы регулярных продовольственных «заказов», то этого понятия за ее пределами попросту не ведали. Еще вспоминаю, как меня, десятилетнего бакинца, будили среди ночи, чтобы заменил в хлебной очереди покойных ныне деда, отца и дядю. Им следовало хоть немного вздремнуть, чтобы встать

живой цепью, когда подъедет ранним утром машина с таким драгоценным хлебом. Тогда мужчины нашей улицы отправят своих детей досыпать, чтобы, взявшись крепко за руки, создать живой коридор. Сначала для тех, кто хлеб до магазина все же довез, а после для тех, кого иначе просто смяли бы — женщин и стариков. В хлебной же лавке, что находилась на первом этаже нашего дома, потных и взлохмаченных людей с обезумевшими, красными от регулярного недосыпа глазами и разодранной одеждой встречал кумачовый лозунг с обращенными к ним, ко мне лично словами: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» И подпись: «Н. С. Хрущев»...

...А ведь республика, к слову, всегда являющаяся в Советском Союзе донором, не только не получала дотаций из союзного бюджета, но продолжала трудиться, плавя сталь и каторжно горбатясь на хлопковых плантациях, уча и леча, выдавая на гора руду и мрамор, химическое волокно и натуральный шелк, попутно обогащая валютные запасы державы каспийской нефтью и газом, осетровыми и черной икрой. Это стоит запомнить: из 17 миллионов тонн нефти, добытой в Великую Отечественную и обеспечившей, не в последнюю очередь, нашу общую Великую Победу, 14,5 было добыто именно здесь, в Баку.

Как часто приходилось слышать от заезжих гостей, стремящихся в командировки и на отдых в южные хлебосольные края, обидные, в общем-то, слова, произносимые с оттенком не то осуждения, не то восхищения. Мол, совсем у вас, товарищи, нет советской власти. Странная же закономерность заключалась в том, что именно там, где этой самой власти, сгинувшей так бесславно, было, как поговаривали, меньше, жило нередко в отношениях людей так много задушевности и открытости, драгоценного человеческого тепла.

Другие... Что бы делали без них государственные мужи во все времена? На кого списывали бы недород, бесславное поражение в военной кампании, всеобщий упадок нравов, взбрыкнувшие цены, да мало ли что... а, по сути, заурядное неумение управлять страной. Какие только дивиденды не извлекали, сталкивая ради собственной карьеры и в ее же критические моменты всех нас, хороших и доверчивых «своих» с коварными и алчными «другими»! Ну, а то, что свои, разбитые и униженные, оказывались подчас пригвожденными к позорному столбу где-нибудь в местечке типа Нюрнберг... так кому ж об этом задумываться в пылу драки?!

К чести наших нынешних российских властей, не могу не отметить, что на протяжении непростого новейшего отрезка истории, на фоне тягчайших ошибок и просчетов, не было, тем не менее, ситуации, когда бы они попытались разыграть, не в пример отдельным партиям и их лидерам, подобную партию. Что это — оставление убийственного, а потому и самого последнего аргумента, после которого точно крыть будет нечем, на самый черный день или же честная принципиальная позиция, — покажет время.

Другие... Роковым образом ими становятся друг для друга целые народы, еще недавно бывшие добрыми соседями. Сколько за последние десятилетия пришлось наблюдать встреч жителей бывших союзных республик, оказавшихся вне родины. Столько искренних слов звучит всякий раз о трагичности происшедших с ними событий, о том, как дали обмануть себя доморощенным политикам, которые, как и водится, в полном порядке. А ведь многим пришлось бросить дома, покинуть обжитые города и села, могилы родных и близких, распрощаться с закадычными друзьями. Но

ради чего?! Кто из простых людей оказался в выигрыше? А десятки тысяч семей со смешанными браками — как по-разному, нередко драматично, вершатся по сей день их исковерканные судьбы. Изрядно хлебнувшие на своем веку люди, как в сладостную музыку, вслушиваются в полузабытые названия улиц, забавные прозвища друзей и соседей по дому. Предаются воспоминаниям о благословенных временах, когда приезжали в те же Москву и Питер не только в командировку, но и в отпуск, чтобы вволю походить по концертам и театрам, да по богатым, в отличие от окраинных, магазинам. И не нужно было ютиться по бесконечным съемным квартирам, непрестанно болея от непривычного климата, и унижительно предъявлять паспорта встречным миллионерам. И когда хаживали, бывало, по воскресеньям на базар, где в изобилии лежали на прилавках не эти восковые муляжи, а живые фрукты и овощи, из которых готовились дивные кушанья и пряно пахнущие маринады. Хлеб же, как водится, покупали обжигаящими ладони батонами там, где утренний морской бриз так разительно несхож со зловонным перегаром соседа, словно приговоренного пожизненно всенародным судом к сумрачному выражению лица... Но главное, вспоминают о том, как мы тогда все жили, дружили, соседствовали, роднились. И как не хватает всего этого в нынешнем бытовании! Жалеют своих детей, что не застали той дивной атмосферы человеческого добра и любви, которую теперь никакими словами, как ни пытайся, все равно не передашь...

Некогда бывший государственный деятель очень высокого ранга, убеждая автора этих строк в целесообразности занятия политикой, обосновывал это тем, что выбор, собственно, невелик: ты или субъект ее, или же объект — так не лучше ли выбрать первое? Полагаю, что все не так однозначно и вот почему: подлинный художник, будь то писатель, живописец или композитор, оказавшись в творческом тупике, приостанавливается, берет паузу. И пусть эта его тишина заполнена порой не сплошь напряженными раздумьями и поисками нового пути, а и, случается, вином. Но вы припомните, чтобы какой-нибудь правитель хоть раз признался в собственной бесталанности? А ведь на этом поприще, как это не покажется странным большинству из них, весьма важны, да просто необходимы, особые, я бы сказал, недюжинные способности. Можно легко уйти со скучного спектакля, потеряв вечер и стоимость билета, отложить неинтересную книгу, стереть с магнитной пленки надоевшую мелодию. Что прикажете делать с собственной неповторимой жизнью, которую вершат на свой лад эти неуклюжие статисты, мнящие себя великими постановщиками, норовящие присочинить еще и пошлый мотивчик, да унылые декорации. Что остается большинству, всем нам, «объектам» политики?!..

Вслушиваемся же в проникновенные слова епископа Никольск-Уссурийского Павла из «Краткого устава жизни православного христианина», впервые изданного еще в 1915 году: «Все инородцы — наши братья, хотя и не такие близкие, как единоплеменники и единоверцы. Ведь всех Господь Бог сотворил из одной персти (земли), вдунул одну душу, всех венчал одинаковым достоинством, — “малым чем умалив от ангелов” (Пс. 8, 6), и всем людям “желает спастись и в разум истины прийти”. Поэтому по заповеди Божией мы обязаны всех людей любить и всем делать добро (Гал. 5, 14), даже врагам и ненавидящим нас (Мф. 5, 44). О любви деятельной ко всем ближним: — к инородцам и иноверцам Господь сказал в притче о милосердном самарянине (Лк. 10, 37–37), увещевая нас быть сынами Отца

Небесного, Который повелевает солнцу сиять над добрыми и злыми, праведными и неправедными (Мф. 5, 45–48). К сожалению, у нас к инородцам и иноверцам далеко не всегда наблюдается доброжелательное отношение, особенно среди простонародья, причем называют инородцев — “тварями”, “погаными”, стремятся их унижить, оскорбить, причинить им вред. Поступающие так христиане нарушают заповедь Божию о любви ко всем людям и на свою голову собирают гнев Божий...»

...Когда же это с нами случилось?! По какой причине? А ведь горы умных книжек интеллигентных авторов перелопатили. И вот, на тебе! С юности затвердили вдохновенное чеховское: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Так отчего с годами все более веет от привычного порядка знакомых слов щемящей горечью некоей ущербности? Не потому ли, что душе отведено здесь автором предпоследнее место, а одежда, которая, простите за грубость, во все времена все же тряпки, горделиво красуется на втором, оттеснив бессмертную человеческую душу. Наверняка в многолетнем учении нашем не доставало того сокровенного, без чего знание о любви так и не перешло в состояние любви.

Так что же остается? Что делать всем нам, так и не научившимся любить? Да и автору этих невеселых строк с годами все более очевидна горечь собственного несовершенства и мучительной нехватки любви к Богу и ближним. И только в одном убежден твердо: как бы ни сложилось, все же не бить друг дружку по головам, из последних сил лелея в себе образ Божий и хоть как-то пытаться любить других. Дабы не подсоблять и без того жестокой жизни, норовящей ежедневно и ежечасно унижить и добить нас, бесцеремонно подталкивая к неотвратимому финалу. Укрепит же нас в этом многотрудном делании Тот, Кто с неизмеримой высоты Голгофского Креста, преодолевая нечеловеческие страдания, сквозь кровавую пелену, застывшую глаза, задыхаясь от удушья, из самых последних сил все же просил Отца Своего Небесного простить собственных мучителей. Еще и оправдывал их: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34).

А мы знаем?! Каково слышать это нам, не умеющим не только врага, да что там врага, подчас дитя свое единокровное понять и простить за шалость. А ведь слова эти сквозь два тысячелетия обращены ко всем нам, к каждому. С годами осознаешь, что на свете великое множество счастливых людей по той простой и страшной причине, что попросту не ведают о том, как, на самом деле, глубоко несчастливы.

Но не будем унывать. Ведь в притче о виноградунике Он Сам поведал о том, что работник, пришедший даже в одиннадцатом часу, не останется без оплаты, равно как и пришедший поутру (Мф. 20, 1–17). Важно не опоздать. Да и кто из нас не блудный сын, которого Отец его — невзирая ни на что — все так же чает узреть на пороге Своего дома, дабы заключить во всепрощающие объятия. Как важно, наконец, научиться не только верить в Него, но и верить Ему.

И будем помнить, что крылатое слово «счастье» подразумевает все же некую сиюминутность — то, что сейчас. Слова же страдание и радость связаны самым глубинным образом. Ибо подлинная радость обретается лишь через страдание, связанное с крестоношением.

...Нелегко этот путь. Но ведь и самая дальняя дорога непременно начинается с первого шага.

С Богом!

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Владимир ИВАНОВ

ЗАЩИТА СООТЕЧЕСТВЕН- НИКОВ — ДЕЛО ПРАВОЕ

Михаил ВЛАДИМИР

Владимир Павлович Иванов — родился в 1946 г. во Владивостоке. Окончил МГИМО МИД СССР. В 1984 — аспирантуру Дипломатическая академия МИД СССР. 1974—1981 гг. — ответственный сотрудник Комитета молодежных организаций СССР. 1981—1986 гг. — зам. председателя Бюро международного молодежного туризма «Спутник» СССР. Курировал вопросы международного туристического обмена. Работал: заместителем Представителя Росзарубежцентра в Индии — директор РЦНК в г. Дели; руководителем: Представительства Росзарубежцентра в Непале, Представительства Росзарубежцентра в Монголии, Представительства ФА Россотрудничество в Болгарии. Первый заместитель Исполнительного директора Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Советник государственной гражданской службы 1 класса. Награжден многими орденами и медалями. **Живет в Москве.**

Михаил Михайлович Владимир — родился в 1949 г. в г. Виноградово Закарпатской обл. УССР. Окончил Ужгородский гос. университет. Дипломатическая служба в Венгерской Народной Республике. Был сотрудником Международного отдела ЦК КПСС. Являлся заместителем Председателя президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Создатель и первый директор Российского института культуры в Вене. Работал: руководителем представительства Российского центра международного научного и культурного сотрудничества; директором РДНК в Хельсинки; советником Посольства России в ФРГ — руководителем представительства Росзарубежцентра, затем Россотрудничества в ФРГ; директором РДНК в Берлине; заместителем Исполнительного директора Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Государственный советник РФ 3-го класса. Советник «Европейского общества культуры». Академик Петровской академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры РФ. Имеет многочисленные награды. **Живет в Москве.**

В 2012 году в России начал свою работу Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, созданный Указом Президента РФ от 25 мая 2011 года.

Учредители Фонда МИД России и ФА Россотрудничество. Целью Фонда является оказание российским соотечественникам, постоянно проживающим за рубежом, правовой поддержки в случае нарушения их прав и законных интересов в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права.

Сегодня, когда Фонду исполнилось пять лет, уже можно подвести первые итоги его работы.

В приветствии V Всемирному конгрессу соотечественников Президент России В. В. Путин отметил, что Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, является серьезным подспорьем в работе по защите соотечественников от любых форм дискриминации, обеспечении их законных прав и свобод.

Поэтому неудивительно, что в заключении, подготовленном Институтом СНГ по результатам социологически опросов соотечественников, отмечается, что за несколько лет своей работы Фонд стал на постсоветском пространстве самой популярной профильной неправительственной организацией.

Начиная с января 2012 года, Фонд осуществлял и продолжает осуществлять более 350 правозащитных проектов в 50 странах мира, включая Россию. Практическая работа проводится в партнерстве с 26 Центрами правовой помощи, которые действуют в 20 странах мира. За пять лет работы Фонда реальная правовая помощь была оказана примерно по 60 тысячам индивидуальных и групповых обращений.

Прежде всего хотелось бы отметить, что все неотъемлемые права человека имеют универсальный характер и опираются на всеобъемлющие принципы равенства и недопущения дискриминации, сформулированные в статье 1 Устава ООН и в статье 2 Всеобщей Декларации прав человека. Эти права, зафиксированные во многих международных документах, в полном объеме распространяются и на этнические, религиозные, языковые, расовые и другие сообщества или группы населения, определяемые в международном праве как «национальное меньшинство».

Российская диаспора, состоящая из российских граждан и соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, полностью соответствуя международному понятию термина «национальное меньшинство», является одной из крупнейших в мире. Поэтому важно, основываясь на современном состоянии международного права в отношении национальных меньшинств, максимально эффективно добиваться распространения его норм и принципов на российских соотечественников в странах проживания путем юридического и политического закрепления их прав на многостороннем и двустороннем уровне.

Таким образом, защита прав соотечественников, если использовать международно-правовую терминологию, есть охрана прав национальных меньшинств, проживающих в других странах, и защита собственных граждан, пребывающих более или менее продолжительное время за границей, государствами их происхождения.

Российские национальные меньшинства присутствуют в большинстве стран мира, а во многих регионах, например регионе ОБСЕ, они представляют самую многочисленную этническую группу. Нарушения их прав, которые предусмотрены общепризнанными принципами и нормами ООН, Евросоюза и ОБСЕ, наблюдаются, хотя и в разной степени, практически во всех странах. Причем ситуация с правами человека и национальных меньшинств, к сожалению, не улучшается.

По данным European Union Agency for fundamental rights (FRA), согласно опросу 55 % мигрантов и представителей этнических меньшинств, проживающих в ЕС, считают, что на территории Евросоюза широко распространена дискриминация по этническому признаку. Еще 37 % заявили, что они испытывали проявления дискриминации на себе.

Это вопрос исключительной важности. ОБСЕ признает защиту прав человека и основных свобод предметом международного внимания и рассматривает их в качестве одного из трех измерений безопасности наряду с военно-политическим и экономико-экологическим.

Широкое распространение вооружений, в том числе ядерных, по планете, резкое усиление этнической, расовой или религиозной напряженности, нерешенные социальные и экономические проблемы — все это предпосылки для перерастания любого межэтнического или межрелигиозного конфликта в глобальную катастрофу.

Мы являемся свидетелями продолжающегося обострения международной обстановки. Для сохранения проводимой США и ведомого ими альянса западных государств курса на доминирование в мировых делах, так называемого «глобального лидерства», в ход идет развертывание широкомасштабной информационной войны, введение нелегитимных санкций против России, деструктивный подход в оценке реальных причин кризиса на Украине.

Наплыв в Европу беженцев из Ближнего Востока и Северной Африки — результат безответственного вмешательства западных держав во внутренние дела государств региона с целью насильственной смены неугодных правительств. Между тем люди бегут не от диктаторских режимов, а от террористов ИГИЛ и подобных им экстремистов, совершающих в регионе чудовищные преступления. Именно европейские страны и их партнеры в Вашингтоне породили колоссальных масштабов гуманитарную катастрофу, а теперь цинично отгораживаются от решения последствий своей беспечности.

Более того, ряд стран ЕС вопреки гуманитарным обязательствам строит заградительные барьеры, укрепляет национальные границы и содержит беженцев в недостойных условиях.

Одновременно нарастает давление и на российские общины за рубежом, которые неминуемо попадают под пресс не только массовой антироссийской пропаганды и экономического давления, но и, как в ситуации на Украине, становятся объектом прямых нарушений базовых неотъемлемых прав человека — права на свободу и права на жизнь.

В этой ситуации для России, как и любого демократического государства, защита своих граждан за рубежом является одной из конституционных обязанностей. Федеральный закон № 99-ФЗ от 24.05.1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (ст. 17) предусматривает обязанность государства «содействовать соотечественникам в реализации основных прав и свобод человека и

гражданина, закрепленных в законодательстве государств их проживания или пребывания, международных договорах Российской Федерации, законодательстве Российской Федерации, а также принимать меры по их защите и восстановлению».

Такой подход соответствует базовым принципам международного права, поскольку сотрудничество по вопросам сохранения и защиты прав соотечественников является существенным фактором предотвращения конфликтов, мира, справедливости и благополучия, необходимых для обеспечения развития дружественных отношений и взаимопонимания между государствами. Ведь как показывает история, в том числе и новейшая, проявление буквально на наших глазах по соседству с Россией неуважения к правам человека и, в частности, к правам меньшинств приводит к подрыву внутригосударственной стабильности и крайне негативно отражается на добрососедских отношениях между государствами, ставя тем самым под угрозу международный мир и безопасность.

В этой связи возрастает роль не только соответствующих российских правительственных структур, но и гражданского общества, неправительственных правозащитных организаций, в том числе Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.

Необходимо также отметить, что работа по поддержке соотечественников в целом с пониманием воспринимается российской общественностью. По данным доступных социальных опросов примерно 76 % населения считает, что Россия должна поддерживать соотечественников, проживающих за рубежом.

Грубейшим нарушением прав человека является наличие в ряде стран категории неграждан.

В настоящее время лица без гражданства составляют 13 % населения Латвии или 32 % представителей нацменьшинств. При этом проживающие в Латвии лица без гражданства составляют 70 % от числа всех лиц без гражданства, проживающих на территории Европейского Союза.

В Эстонии в настоящее время доля лиц, ограниченных в социально-экономических правах, составляет более 15 % населения: 6,3 % жителей Эстонии (около 90 000) являются негражданами и 9,4 % (более 100 000) — граждане РФ. И в Латвии, и в Эстонии речь прежде всего идет о русских, составляющих, например в Эстонии, 25,6 % населения. При этом остальные (кроме эстонцев) этнические группы занимают около 5 %. Ведущие правозащитники в этих странах неоднократно обращали внимание на то, что в правовом положении неграждан Латвии и Эстонии существует разница, которую мало кто замечает. Так, неграждане в Латвии, хотя и лишены или ограничены во многих политических и экономических правах (документально подтверждены 80 действующих различий в правах граждан и лиц без гражданства), тем ни менее считаются резидентами Латвии.

В Эстонии же положение неграждан еще хуже. Это апатриды, *aliens*, «пришельцы». Они вообще не имеют никаких прав, никакого статуса и даже некоторое время не имели никаких документов. Для того чтобы выйти из этого униженного состояния, значительная часть неграждан подала заявления о переходе в гражданство Российской Федерации. Именно поэтому в Эстонии проживает более 100 тысяч российских граждан, а в Латвии около 35 тысяч.

Тут необходимо обратиться к международному праву. Согласно Всеобщей декларации прав человека право на гражданство является базовым. Есть многочисленные конвенции, которые надо соблюдать.

Однако, вступив в Евросоюз с неприемлемым с точки зрения международного и европейского права багажом в сотню тысяч неграждан, Эстония ни одной конвенции о сокращении безгражданства и об апатридах не подписала. А Латвия, хоть и подписала Конвенцию о сокращении безгражданства, но десятилетиями сохраняет сотни тысяч людей, законно проживающих на ее территории, в статусе неграждан и положения Конвенции де-факто не исполняет.

Даже Верховный суд США в свое время определил, что лишение гражданства является формой наказания, даже более нетерпимой на сегодняшний день, нежели пытки.

Продолжается почти повсеместное наступление на русский язык. Например, в Латвии по доступной переписи населения 2011 года основным языком семьи для 62 % жителей является латышский язык, для 38 % жителей — русский язык, для менее 1 % жителей — остальные языки. Тем не менее русский язык на законодательном уровне считается иностранным и не является языком коммуникации с органами власти даже в тех самоуправлениях, где носители русского языка составляют подавляющее большинство населения. В ряде стран, в том числе и постсоветского пространства, принудительно закрывают русские школы, притесняют русскоязычную прессу и т. д.

До 1991 года одним из наиболее настойчивых требований стран Запада к СССР, которое присутствовало практически на всех международных форумах и встречах, был вопрос о свободе передвижения.

Когда прекратил свое существование Советский Союз, и на смену ему пришла новая демократическая Россия, дискуссия о свободе передвижения на Европейском континенте тут же затихла, и вместо пресловутой Берлинской стены стала создаваться и укрепляться «Шенгенская» стена, применение которой вызывает все большую обеспокоенность.

Расширяется практика составления так называемых «черных списков» для организаций российских соотечественников и их партнеров.

Не обращая никакого внимания на свои «политические обязательства» в рамках ОБСЕ, уже два года власти Латвии, несмотря на наличие виз и без объяснений, не разрешают въезд на территорию своих стран представителям Фонда поддержки и защиты прав соотечественников и ряду других неправительственных организаций России по приглашениям официально зарегистрированных в этой стране организаций российских соотечественников. Причем причины официально не формулируются. Может быть, им не нравится то, что Фонд и его партнеры обращают внимание на нарушения прав российских этнических меньшинств, дискриминацию, проявления нетерпимости и ненависти, сохранение для сотен тысяч граждан недопустимой с точки зрения международного права категории «неграждан»?

Безусловно, не нравится. Однако Европейский Суд еще в 1976 году дал разъяснение статьи 10 Европейской конвенции по правам человека, смысл которой заключается в том, что:

«Свобода слова, как одна из главных опор демократического общества ... применима не только к “информации” и “идеям”, которые благопри-

ятно воспринимаются обществом, ... но и в отношении информации и идей, которые вызывают обеспокоенность у Государства или какой-либо части населения. Так требует плюрализм, терпимость и открытость, без которых не может существовать “демократическое общество”».

О том, насколько заразительны такие дурные примеры, свидетельствует политика властей Украины, развернувших тотальное наступление на свободу слова. Журналисты, несущие миру правду о кровавых событиях на Украине, жестоко преследуются.

Многочисленные преступления против мирных граждан на Киевском майдане, в Одессе, Мариуполе и других городах Украины остаются не расследованными. Украинские военные продолжают обстрелы мирных населенных пунктов Донбасса, неся гибель гражданским лицам.

Большое беспокойство вызывает тщательно культивируемая руководством современной Украины политика нагнетания этнокультурной ненависти и расизма. Звучат публично призывы к изолированию русских по этническому признаку. И хотя подобные призывы, разжигающие межнациональную рознь, законодательно запрещены во всех странах Евросоюза и почти во всех преследуются, эти вопиющие примеры, подкрепляемые героизацией нацистских пособников времен Второй мировой войны, остаются в регионе Евросоюза «без комментариев». А ведь Договор о функционировании Европейского Союза в ст. 10 предполагает «борьбу с дискриминацией по ... признакам расы или этнического происхождения, ... религии или убеждений».

Наш Фонд на Украине, средства которого, перечисленные для правовой поддержки соотечественников, были арестованы СБУ, также внесен в местные санкционные списки. Вероятно, для того, чтобы и эти деньги не возвращать.

Но если тех, кто не нравится, можно не пускать в страну, то что делать с теми, кто в стране законно живет, но думает по-другому? Например, выступает против нарушений прав человека, проявлений неонацизма, этнической дискриминации, запрета на использование русского языка?

Ответ на это — преследование инакомыслящих.

Еще до широко обсуждаемого недавно «оффшорного» информационного вброса Центром исследовательской журналистики «Re:Baltica», члена той же самой Глобальной Сети Журналистских Расследований, на деньги Фонда Сороса и Государственного департамента США проводилось так называемое «специальное расследование» в отношении «организаций, финансируемых из России», и деятельности Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом (Правфонд). Авторы опубликованной на портале www.15min.lt литовской части «специального исследования» настолько увлеклись, что с самого начала дезавуируют «независимый» и «журналистский» характер публикации своими постоянными ссылками: «по сведениям работников разведки», «департамент государственной безопасности (ДГБ) сообщал», «сотрудники ДГБ утверждали», «за пророссийским мероприятием наблюдали сотрудники контрразведки» и т. д.

Исходя из того, что речь идет об официально зарегистрированных в Литве неправительственных организациях, более яркой иллюстрации нарушения всех международных норм и стандартов в области прав человека, в том числе и обязательств, принятых на себя государствами — членами ОБСЕ, трудно и представить. Не лучше ситуация в Латвии и Эстонии.

Становится понятна озабоченность Бюро по демократическим институтам и правам человека БДИПЧ (ОБСЕ), отраженная в годовом отчете за 2013 год: «Защитники прав человека по-прежнему становились жертвами нападения, угроз и запугивания. Возникла вызывающая обеспокоенность тенденция к использованию государственной слежки, основанной на все большем вмешательстве в жизнь граждан».

Правильно беспокоится ОБСЕ. Жаль только, что делает вид, что не видит, как в ряде государств Евросоюза это уже не тенденция, а конкретная и тотальная практика политического преследования общественных организаций национальных меньшинств.

Вопиюще звучит заявление Департамента госбезопасности Литвы (отчет за 2015 год) о том, что угрозой национальной безопасности является факт создания соотечественниками центров защиты прав национальных обществ. Там же отмечается, что даже школы национальных меньшинств представляют угрозу национальной безопасности. Если официальные организации российских соотечественников и их правозащитные структуры при поддержке Фонда «по сведениям работников контрразведки и разведки распространяют дезинформацию о Литве и таким образом стремятся создать оправдание для возможной агрессии Кремля», то мы имеем дело не с «исследованием», а скорее с параноидальным бредом.

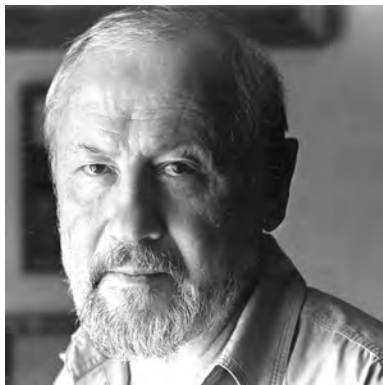
Создание универсальной системы защиты прав человека стало одним из важнейших итогов Победы во Второй мировой войне. Человечество обязано помнить, к каким страшным последствиям могут привести попытки установления мирового господства, вера в собственную исключительность, пренебрежение нормами права и морали.

К сожалению, в последнее время неонацизм, радикальный национализм и нарушение прав меньшинств в некоторых странах становятся факторами не только внутренней, но и внешней политики. В начале XXI века мир снова оказался перед угрозой военной конфронтации, в основе которой лежит проблема ксенофобии и ненависти.

Именно поэтому сохранение объективной информации о событиях Великой Отечественной войны и противодействие фальсификации истории является направлением исключительной важности, и в России высоко оценивают вклад, который вносят в эту работу организации российских соотечественников за рубежом.

Славянское БРАТСТВО

Юрий ЛОЩИЦ УЧИТЕСЬ ГОВОРИТЬ ПО-ЛУЖИЦКИ

*Из книги
«Славянские святы»*

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 г. в селе Валегоцупово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 г. окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

СТАРИНА ЗАПОРОЖСКАЯ

Они были современниками, а большинство современников живет и умирает, так никогда и не встретившись друг с другом. И что ж тут странного, что мы покидаем землю, узнав в итоге по именам и в лицо лишь малую горстку своих современников? Так ведь и во все века было.

Так могло быть и с этими двумя. К тому же они и родились далеко-далеко друг от друга: один в России, другой — на территории Германии. Великие пространства, разделяющие людей, и государственные границы, бороздящие эти пространства, — тоже, как замечено, вещи, не очень-то помогающие людям быстрее и легче познакомиться. Так же, как и принадлежность к разным вероисповеданиям; одного крестили по православному обряду, другой вырос в протестантской среде. Ну, естественно, и буквы их родной речи выглядели по-разному.

И все-таки, все-таки... Если приглядеться, то их знакомство, а затем и многолетняя дружба вовсе не выглядели случайностью, опечаткой судьбы. Скорей, тут другое придется сказать: они обязательно должны были услышать друг о друге, их дороги не могли не пересечься.

Один родился в год Бородинского сражения и пожара Москвы. Другой — три года спустя после Лейпцигской битвы, чью канонаду могли слышать его родители. Оба были чадами Европы, освобожденной от наполеоновских армий. И это — первое из условий, которые способствовали их встрече. Случись с Европой иное, и возможностей для знакомства у них сильно бы поубавилось.

Старшего, русского, звали Измаил Срезневский. Несколько поколений его предков по отцовской линии священствовали в рязанском

селе Срезневе на Оке и сами прозывались Срезневы, а вот отец, когда закончил училище в Рязани, стал подписывать свою фамилию на новый лад: Срезневский. Успешно закончив затем и Московский университет, Иван Евсеевич получил приглашение преподавать в Ярославском училище. В Ярославле и родился его первенец Измаил.

Это было в июне 1812-го, а в августе семья уже в Харькове оказалась, куда молодого преподавателя пригласили заведовать университетской кафедрой. И переезд этот — тоже очень важное для нашего сюжета обстоятельство. Мальчик, подрастая, слышал два языка: в семье — русский, на улице, среди простолюдинов — украинскую речь, малороссийские песни. Нужно было ушко наострять и — за много лет до знакомства со сравнительным языкознанием — самому сравнивать и задумываться, любопытствовать и недоумевать перед очередными сходствами и различиями. Право же, если эти «хохлы» говорят на чужом языке, то почему в их речи так много слов вполне понятных или же быстро и легко узнаваемых, как будто затеяна между людьми веселая и лукавая игра, в которой собеседника нужно немного запутывать, чтобы расшевелить в нем сообразительность и понятливость. Усатый дядько скажет тебе, к примеру, на базаре: «кинь». А ты возьми и прикинь, и как раз получится «конь». Он ухмыльнется: «мисяць...» А ты ему сразу: «да это же месяц!» И на украинское «лито» тут же отзовешься: «лето»! И «ничь» сразу узнает сестру в слове «ночь», а «витер» братается с «ветром». И «нэбо» — это «небо», а «зэмля» — «земля». Как будто эхо резво прыгает от края до края земли, чуть перевирая на лету звуки, чтобы всем живущим не было скучно.

Благодарение тому детскому любопытству! Дальше — больше, украинская речь оплела его, как буйный хмель оплетает подрастающее крепкое деревцо, и, на университетской скамье сидючи, он уже ерзал нетерпеливо: хотелось бродить от села к селу, разыскивая престарелых слепцов-бандуристов.

Такая уж была пора в Европе — вдруг в разных землях объявились эти странные, восторженные молодые люди, любители взбивать сапогами пыль на дорогах. А то и, разувшись, перекинув сапоги через плечо, ходили по деревням, присматривались к обычаям, прислушивались к сказкам, пословицам, старинным мелодиям. Измаил Срезневский, точно, оказался из той породы романтически настроенных юношей. Им постыдно казалось жить заботами одной лишь сиюминутности. Этих запорожцев духа пленяла старина, их воображение будоражили еще различимые отголоски исторических действий, которые век или два назад в громах и гулах, в прахе и пороховом чаду свершались посреди этих степей, заметно теперь полинявших.

И потом ему мало уже было знать, что есть на свете русский и украинский и другие родственные языки и наречия. Теперь хотелось иного, более основательного знания: что за тайна у этого их родства? И почему, будучи родственными, они все же считаются самостоятельными? И были ли они когда-то еще ближе друг к другу? Были ли единым языком? И если да, то когда? И почему разбрелись от общего очага на расстояние, при котором еще можно узнавать друг в друге родичей? И не захотят ли разбрестись еще дальше? Или пожелают вернуться к тому оставленному общему очагу?.. Он бы мог целыми днями записывать в тетрадки одни только вопросы. Но чтобы на них пробовать отвечать, нужно ведь очень хорошо знать ны-

нешнее состояние языков-родичей. Только от этого знания отталкиваясь, можно надеяться постичь историческое движение славянских речений и стоящих за ними племен и народов. *Познать все славянство!* Это ли не достойная цель для молодого пылкого ума.

Первые собственноручно записанные от бандуристов народные думы он отдает в «Украинский альманах». И тут же принимается за подготовку к изданию другой книжки, которую назовет «Словацкие песни». Откуда эти песни мог он услышать в Харькове? Была бы охота, отчего не услышать, если словацкие купцы то и дело навещают столицу Слобожанщины, часто гостят в других городах юга, и на любой почти сельской ярмарке можно их увидеть, разговорить, попросить спеть что-нибудь из самого любимого. А годом позже он еще одну книжку издаст — снова с украинскими историческими песнями — «Запорожскую старину», предупреждая читателей, что это лишь первый выпуск первой части, а вообще-то издание задумано в четырех частях.

Слава «Запорожской старины» быстро распространилась за пределы Харькова. Книжка попала в личную библиотеку Пушкина. А Гоголь, прочтя два первых выпуска, написал Срезневскому: «...где вы выкопали столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов, ослепительно хороши».

Пройдет два десятилетия, и сам Срезневский скажет о «Запорожской старине» более строго: «Как первый опыт в своем роде и опыт юноши, едва учившегося оценивать дотоле еще не подвергавшиеся оценке произведения народной эпопеи русской, мое издание годно было только на время».

Еще выходили в Харькове очередные выпуски «Запорожской старины» (последний — в 1838 году). Но их молодой издатель хотя и продолжал в свободные от службы недели странствовать по украинским селам, разыскивая последних свидетелей запорожской славы, а все же исподволь готовился к иным, еще более волнующим хождениям. Достигла Харькова весть, что в здешнем университете (а также в Петербургском, Московском и Казанском) откроют скоро кафедры по изучению истории и литературы славянских народов. В Москве на новую кафедру прочат Осипа Бодянского, первого во всей России «магистра славяноведения», а здесь, в Харькове, выбор пал на него. И радостно, и страшно, и стыдно, наконец! Тут ведь нужен человек, владеющий свободно сразу несколькими славянскими языками. *Несколькими и свободно!* А он? Он пока что лишь выскочка и самозванец. Благо еще есть спасительная отсрочка. Сразу ему кафедру никто и не поручит. Для начала дают возможность тщательно подготовиться. Возможность эта неслыханна — целых четыре года путешествия по славянским странам, причем по «наименее исследованным странам». Есть от чего голове закружиться! Правительство, он знает, не очень-то торовано на заграничные командировки для молодых ученых. Случай редчайший! И как же нужно тут постараться, чтобы не оплошать и чтобы исполнить отроческую мечту о постижении *всего* славянства.

Он и в этом уповании оставался чадом своей эпохи, душою самонадеянной, еще не усмирённой буднями нескончаемого научного дознания. И он ли один таков? Его коллега, Осип Бодянский, едва прибыв в Прагу, сгоряча написал в Москву Михаилу Погодину: «Я не ворочусь к Вам без того, чтобы не говорить на всех нынешних Славянских языках...»

Блаженные в своем неведении пионеры новой науки! Они не догадывались пока, что это не так-то просто — заговорить вдруг на всех славянских языках. Что для этого мало натиска, образцовой усидчивости, великих лингвистических дарований, самой суровой аскезы, о которой сообщал тот же Бодянский своему московскому наставнику: «Вы знаете, что я пью только чай, квас и воду: квасу здесь нет и даже никто не ведает, что это такое; от чаю я отказался, и остался при одной воде, чтобы как-нибудь сберечь лишнюю копейку на черный день».

Они не догадывались пока, что свод славянских языков слишком разнообразен, слишком богат в красотах своих сходств и различий, чтобы кто-нибудь, даже гений, даже *свой* гений вдруг заговорил, подобно апостолам, на всех этих языках.

Усмиряющее понимание придет позже. Придет благоговейное смирение перед величавостью горы, которую хотелось повернуть, но вместо этого, как оказалось, только-только приблизились к ее подошве.

СГОРЕЛЕЦ

Маленький саксонский городок назывался Герлиц, а Измаил Срезневский уже по своим штудиям в Берлине (оттуда начал) знал, что в этих германских краях, между Эльбой и Одером, и в Саксонии, и в Пруссии, какое почти название ни тронь — городское ли, деревенское ли, речное, — из-под немецкого имени проглянет исконное — славянское. Дрезден, к примеру, не что иное, как *Дреждяны*, то есть деревянный. А Лейпциг когда-то звался *Липск* (тоже «древесное» имя, прямой тезка русскому Липецку). А та же Эльба была искони *Лабой*, как ее, кстати, до сих пор и зовут у чехов. Поляки по сей день реку Одер именуют по-своему, по-старому, в женском роде: *Одра*.

Все пространство между Лабой — с ее притоком Салой — и Одрой тысячу лет назад, как знал он теперь, заселяли *полабские* (они же *балтийские*) славяне, и нынешняя Шпрее, к примеру, звалась у них *Спрева*, *Спревья*; и Росток — тоже от тех времен оставшееся название, родное Ростову, и так в десятках, даже сотнях случаев, о чем свидетельствуют и германские географы, да и сами в первую очередь эти названия. Тот же Герлиц взять. И его первое имя — славянское — *Сгорелец*. Видимо, давным-давно случился тут великий пожар. Но сегодня городок выглядит ухоженным, благополучным, чистеньким и уютным, и кажется, ничего нет в его физиономии славянского, как тщательно ни присматривайся к архитектурным подробностям крыш, арок, городских башен и шпилей. Обычный западный городок, в котором путешественник мог бы найти и что-то от берлинских закоулков, и от пражских малых площадей или от иных уголков Вены, а то и Рима, а то и Парижа. Кажется, любой западный городок имеет несчетное число близнецов, и, может быть, по ночам неутомимый доктор Фаустус переставляет их скуки ради с места на место — если не целые городки, то целые кварталы, — и наутро никто не догадывается о подмене.

Но такой библиотеки, как в Сгорельце, предупредили Срезневского чешские его друзья, больше нет нигде. С улицы он прошел под аркой во внутренний дворик, являвший собой крошечную чистенькую копию площа-

ди, оставленной за спиной, и поднялся по лестнице на второй этаж. Паркетины чуть поскрипывали под ногами, пока шел к двери библиотечной залы. Он поработал уже в библиотеках Берлина, Праги и Вроцлава, и эта не могла поразить его количеством книг. Разве что порадовала глаза изобретательной, даже веселой какой-то планировкой интерьера: зала, стены которой казались сложенными не из кирпичей, а из книг, была к тому же расчленена очень красивыми арками-стеллажами, тоже со сплошной книжной кладкой. Тома, томики и томищи в переплетах из охристой кожи с золотым тиснением, будто недавно привезенные из переплетной мастерской.

Ему принесли несколько больших географических атласов. Самый тяжелый из них был громаден, как кожаный щит древнего воина, может быть времен Карла Великого, при котором, как он знал, и начиналось вытеснение из здешних краев их коренного населения — полабских славян.

Наконец-то после изнурительных, хотя и крайне необходимых ему, занятий санскритом и сравнительным языкознанием у берлинского профессора Франца Боппа, после стремительных успехов, которых он достиг в Праге под руководством Павла Шафарика в освоении чешского языка, он приблизился, может быть, к главной цели своей командировки.

Его ведь посылали для знакомства с наименее исследованными славянскими странами. Теперь на одном из листов атласа предстояло ему различить смутный, неопределенный облик самой загадочной и непонятной из таких стран. У нее нет ни имени, ни своих границ, ни собственной столицы, ни правительства, ни государственного флага, ни даже своих названий городов и сел. И все же она умещается где-то здесь, в пределах королевства Саксонии, эта страна-невидимка, и не раз уже неожиданно-негаданно заявляла о своем существовании.

Как, например, сто с лишним лет назад, когда в Саксонии оказался проездом русский Царь Петр и ему среди прочих приветствий было поднесено и это, текст которого Измаил Срезневский хотел сейчас для себя переписать. Текст был на двух языках — на торжественной латыни и на языке, напоминающем временами то польскую, то чешскую речь. А то и русскую.

«Витай к нам, витай к нам, — наострял слух заинтригованный читатель, переводя для себя в уме латинские буквы на русское письмо, — Ваша Царска а Кейжорска Маестость а Красность. Вашего высокого пшихода весела а зрадуя со Европиске земье, восебные Немски Край теж наша Саска...» Далее автор приветствия пересказывал вкратце древнюю легенду про трех братьев — Чеха, Леха и Руса, считавшихся праотцами трех славянских народов; свою же землю, окруженную *Саской*, то есть Саксонией, называл он Сербией, а язык свой Сербской речью. В конце он просил русского царя принять от него, недостойного, в дар книги Священного писания, переведенные им на родной язык для пользы своего народа.

Этот человек был некто Михаил Френцель. Впрочем, сказать о Френцеле «некто» извинительно было разве лишь для приезжего малосведущего Срезневского; по мнению же завсегдатаев сгорелецкой библиотеки, Френцель — имя для здешних славян столь же великое, как для немцев Лютер. Сельский этот пастор, сподобившийся приветствовать государя Московии, в XVII веке первым перевел для духовных нужд своего народа Новый Завет. Френцель называл соплеменников сербами, и в этом самоназвании тоже была какая-то загадочность. Интересно, имели ли когда-нибудь в древности

сербы, жившие под властью саксонского короля, близкое родство с балканскими сербами?

У Срезневского не было сейчас времени, чтобы углубляться в этот специальный вопрос, но на всякий случай он пометил для себя, что славяне, живущие в Саксонии, именуют себя еще и *лужицанами*, *лужицкими сербами*, *горными* и *дольными лужицанами*, а немцы зовут их исстари *вендами*, *венедами*, *винидами*, подражая, должно быть, античным римским историкам, которые вендами называли всех славян вообще.

Возбужденный читатель то шелестел громадными страницами атласов, то зарывался в энциклопедии, в словари, то записывал торопливым почерком новые фамилии, имена, даты, названия городов и рек... Он попросил еще одну книгу, изданную здесь же, в Сгорельце, восемьдесят с лишним лет назад. И, кажется, только теперь что-то стало для него проясняться.

Почему могучие племена полабских славян исчезли с лица земли, но доньше жив «народец в полтораста тысяч селян» — малая горстка лужицких сербов? Древние хроники германских миссионеров говорят о жестоком сопротивлении, которое упрямые язычники-славяне оказали им, проповедникам новой религии. Но молчат они о том, что жестокость была взаимной, противоборство беспощадным, а силы слишком неравны. Разобщенные племена не могли бесконечно сопротивляться дисциплинированной организации. Те же, кто и согласен был отречься от своего язычества, не желали принимать богослужение на чужом, непонятном языке. Будто своей гибелью хотели напоследок доказать: религию милосердия и любви нельзя утверждать огнем и мечом, скрежетом непонятной латыни. Умрем, но не примем.

Но при всем том, размышлял Срезневский, у сербов-лужичан в древности не заметно сильного отпора христианству, каким-то образом они сумели укротить в себе дух язычества. Это можно объяснить лишь тем, что христианство проникло к ним совершенно другим путем, чем к прибалтийским славянам, и прокладывало себе дорогу не насилием, а любовью, не мечом, но проповедью на живом народном языке. На *своем* языке. И не через западного чужеземца, а через соплеменника. Через *славянина*!

Предоущение близкой отгадки требовало от него действия, движения. Он вдруг прерывал свои библиотечные уроки и из тесноты сгорелецких улочек уходил резвым шагом, почти убегал в поля. Его тянуло к этим холмам, напоминающим древние курганы, к этим поросшим лесом и стоящим отдельно друг от друга горам. Ну-ка, которая из них прозывается *Яворник*? Только что он вычитал потрясающее свидетельство, древнюю легенду о том, что сюда, на яворницкую гору приходил некогда сам создатель славянской азбуки Кирилл, один или с братом своим Мефодием. И что на горе в память о том событии до сих пор стоит каменный крест. И что к тому кресту еще в недавние времена, на день памяти чешского короля Вячеслава, внука первокнязей чешских Боривоя и Людмилы, крещенных самим архиепископом Мефодием, ежегодно сходилась великое множество народу, и местного, и пришлого, в том числе из Чехии, и обычай этот древний соблюдался веками.

Он сопоставлял даты — все сходилось! Как раз в ту пору, когда Кирилл и Мефодий прибыли со своей просветительской миссией в Моравию, земля лужичан входила в состав Великоморавского княжества, славянской державы, что простиралась от Карпат до Лабы.

Да, солунские братья вполне могли навещать лужицкий предел. И для изучения здешнего наречия, и для проповедования новой веры. С учетом такой возможности легче объяснить, почему в современном языке лужицких сербов живы такие грамматические формы, которые исчезли у других славян, но известны по первым памятникам славянской письменности. Когда пала под натиском венгров и немцев Великая Моравия, лужичане оказались поневоле периферией славянского мира, островком в чужом море. Сопротивляясь иноязычному влиянию, они законсервировали в своей устной речи старые эти грамматические формы, а затем, уже в XVI–XVII веках, перенесли их во вновь созданное письмо.

Вот какой потрясающе интересный язык ему предстоит теперь изучать! Пусть кому-то это занятие и покажется смешным, донкихотским: что, мол, за блажь такая — корпеть над языком, на котором упражняется вымирающий народец в сто пятьдесят тысяч душ! И не врут ли еще энциклопедии? Может, их не сто пятьдесят, а сто или всего-навсего пятьдесят тысяч осталось... Но пусть себе ухмыляются господа галломаны, англومانь, германofilы, италoлюбь, пусть хихикают над его непрактичностью. Он будет учиться говорить по-лужицки. Хотя бы в благодарность лужичанам за то, что они остались, уцелели, вынесли многовековой натиск и хотят жить дальше. Даже если ему докажут, что через десять лет, по всем прогнозам и подсчетам, на свете не сыскать будет уже ни одного лужичанина, все равно он станет учить этот язык. И прогнозы не подтвердятся. Потому хотя бы, что «лужичанин» Измаил Срезневский в них не учтен!

ВЕЧНЫЕ СЛОВА

В таком вот состоянии духа и встретился он с Яном Арноштом Смоларом. Здесь же, в Сторельце, познакомились, в одну библиотеку вместе ходили. В первые дни, краснея от неловкости, два славянина изъяснялись по-немецки. До чего дошло — не могут обойтись без языка-посредника! И как же веселились потом, обнаружив, что немецкий вовсе и не надобен. А зачем?! Ведь «слово» по-лужицки звучит почти так же — «свово», а «земля» — «земья», а «небо» — «ньебьо», а «хлеб» — «хлиб», а «дорога» — «дрога», а «песня» — «писень», «писничка». А «село» — «весь», как и у нас в старину было: «грады и веси».

И в дорогу по лужицким весям они отправились вместе.

Великие, вечные слова, вы у славянского мира — одни и те же! Пусть это и не его открытие, пусть он уже слышал об этом на лекциях по санскриту, но разве теория сравнится с непосредственным переживанием, когда на каждом шагу в чуть непривычной звуковой оболочке открываются тебе родные смыслы. И как не влюбиться в неведомый тебе доселе народ, который долгие века, сопротивляясь чужой воле, сберегал свой язык. Свой — и твой тоже. Потому что «человек» — по-лужицки «чвовьек», а «мать» — «мачь», а «солнце» — «свонцо»... И когда скажут тебе «добра раньо», то разве тут надобен перевод? И когда услышишь девушку, поющую «Вьечор е близко, а своньчко е низко...», то разве не вспомнится сразу песня украинских сел: «Вэчер блызэнько, сонцэ нызэнько, выйды до мэнэ, мое сэрдэнько»?..

И до того ему хорошо, что даже чуть стыдно становится за эту свою переполненность счастьем. Ну почему великие не имели такой возможно-

сти свободно бродить и ездить, «дивясь божественным природы красотам», какая дана ему? Почему такой свободы не дано было вкусить Пушкину?.. Какие еще дары жизни сравнятся с возможностью приехать на чужбину и вдруг ощутить себя в кругу близких?.. Слушать и записывать новые песни, поговорки, просто слова, щуриться от встречного ветерка и теплого еще сентябрьского солнца, зарисовывать свадебные наряды невест, ступать по зеленому крутизнам городищ, грезя об общей славянской прародине, разговаривать со встречным крестьянином и на его непременно: «Витайте к нам!» — отвечать: «Помгай Бог!», заносить в записную тетрадку характерные здешние имена и фамилии, ночевать на сеновалах, сидеть в сельских корчмах за кружкой пива, пробовать еще теплые пироги «тыканец» и «мазанец», снова листать тетрадку, заносая в нее примеры лужицкого двойственного числа — «дуала»... И однажды увидеть вдали над полями волнующие очертания городка с башнями, шпилями ратуши и городского собора... Это Бауцен, а по-сербски Будишин.

«В Будишине, — писал Срезневский домой матери, — мы остановились у Молодого месяца». Все тут радовало — и романтическое название гостиницы, и игрушечная малость городка — до ратуши и главной площади две минуты ходьбы, а до берега Спревы — пять. И весело было оттого, что на противоположном берегу реки нет уже никаких городских строений и до самого горизонта простираются пестреющие в мягком мареве поля. И самая большая радость: они с попутчиком, кажется, успели крепко подружиться. Об этом он тоже пишет матери: «Мы со Смоляром живем как братья».

Тот был на четыре года младше Срезневского, родился в деревне, а учиться приехал в Будишин, окончил здешнюю гимназию. Тогда-то, гимназистиком, как и многие его товарищи, пристрастился собирать народные песни. Но если другие, повзрослев, отстали от этого подросткового занятия-забавы, то он не только не остыл — забава выросла в ежедневную заботу, он не мог ничем иным жить. Когда кто-то говорил ему про недавно услышанную совершенно неизвестную песню, он листал одну из своих тетрадей и показывал на текст и ноты: почему неизвестная? У него было теперь такое выдающееся собрание народных песен, что всерьез надо было думать о капитальном их издании, с обстоятельными комментариями, с нотными записями, с параллельными текстами на немецком, чтобы книга стала достоянием и германских филологов, интересующихся славянским фольклором. Одно мешало Смоляру приступить к такому изданию немедленно — неразработанность сербского правописания. Тут пока всяк издатель дудит в свою дуду. Оттого одни и те же звуки или сочетания звуков в разных книгах воспроизводятся то так, то сям. Нужно выработать правописание, которое своими преимуществами заслужило бы всеобщий авторитет, стало законодательным.

Срезневский вызвался помочь другу. Об этой помощи Смоляр скажет позже: «...под его руководством составили мы... нашу первую — аналогичную с чешского и хорватского — азбуку». Было и Срезневскому за что благодарить Смоляра: «...он помог мне усвоить хоть в некоторой степени язык лужицкий; он был мне и товарищ во многих прогулках моих по Лужицам, и помогал мне изучать обычаи Лужицкие, собирать народные выражения, пословицы, песни и пр.».

«Наша сербская речь так полюбилась ему, — со своей стороны свидетельствовал Смоляр, — он выделяет ее среди других славянских языков за то, что она сберегла в себе столь много от времен давнишних».

Да, эта речь полюбилась гостю. Но она же его и озадачила сразу, и озадачивала чем дальше, тем чаще. Оказывается, единого лужицкого языка, которым он надеялся быстро овладеть, просто-напросто не существует. Оказывается, у столь малочисленных лужичан не один, а два языка или, по крайней мере, два наречия одного языка — верхнелужицкое и нижнелужицкое. Более того, уже наблюдения первых недель, беседы со Смоляром и его друзьями настраивают на то, чтобы выделить еще и среднелужицкое, пограничное с двумя первыми наречием, а в языке верхнелужицком различить четыре местных говора, четыре языковых оттенка. Может, этот последний вывод еще нуждается в проверке. Что же касается различий между верхнелужицким и нижнелужицким наречиями, то они бесспорны и явны, особенно в произношении. «Различия в употреблении звуков, — записывает он, удивленный этим открытием, — доходят до того, что говорящий одним наречием не понимает говорящего другим». Столь неожиданную языковую обстановку можно объяснить лишь тем, что лужичане, и «горние», и «долние», живут в основном по деревням, редко куда выезжая, почти не сообщаясь друг с другом, а тем более с горожанами, среди которых уже сильно распространен немецкий язык. Попадаются деревни, в которых никто еще не знает немецкой речи. Итак, связь языка с землей, с крестьянским трудом оказывается спасительной для языковой культуры, и язык даже маленького народа способен играть множеством оттенков и переливов, разнообразиться местными говорами, отдельными для каждой веси словами и словечками, как цветущий луг разнообразен пестротой трав-медоносов. Да, язык должен, как злаки и деревья, уходить корнями в почву, в культурную землю, он засыхает на каменных мостовых городов. Только из земли вырастая, он дает плоды сторицей.

И вот получалось, что крохотная лужицкая земляца, на удивление богатая словесным цветением, наречиями и их оттенками, — это как бы малое зеркальце, в котором отражено языковое многоцветье всех-всех славянских земель и народов.

Помногу ходили они каждый день — по тридцать, а то и тридцать пять верст, — и, кажется, ни одна верхнелужицкая деревушка, примечательная своими песнями, не была ими обойдена. Однажды Срезневский написал матери: «Сегодня я уже не говорил почти ни слова по-немецки; в Лужицах хочу говорить не иначе как по-сербски».

Как-то Смоляр предложил ему отправиться в село Ваз — там живут его родители, там же в местной церкви пастырствует славный лужичанин Андрей Зейлер, самый даровитый из нынешних поэтов, написавший лет пятнадцать назад стихотворение «Прекрасная Лужица», которое стало, как и многие его другие стихи, народной песней, можно сказать, гимном всего сербства. К тому же Зейлер — автор грамматики верхнелужицкого языка, изданной в Будишине (мог ли знать тогда Срезневский, что экземпляр Зейлеровой грамматики имелся в библиотеке покойного Пушкина?).

Трогательный прием оказали ему в Вазе старики Смоляры. Они жили в школьном домике, рядом со зданием кирхи. Когда путешественники приблизились к дому, навстречу «вышел лысенький старичок в тулупе и кол-

пачке — отец Смоляра... вышла веселенькая полустарушка в крестьянском платье — мать Смоляра».

— Витай, сынку! Витай, братчику! Витайте, кнеже! — приветствовали они молодых людей, и Срезневский — какой уже раз в Лужицах! — был снова растроган и смущен, услышав, что его величают «князем». Впрочем, это обращение было тут таким же распространенным, как в России «господин» либо «сударь», а если задуматься, так и наше привычнее «сударь» — не что иное, как «государь».

Он не раз порывался побывать на настоящей лужицкой свадьбе, чтобы хорошенько разглядеть подробности обряда, и вот вечером хозяева приготовили для него сюрприз. Ничего не подозревая, он сидел после ужина в комнатке на чердаке, возился со своими записями. Снизу позвали. «Вхожу в комнату — и вижу: стол накрыт скатертью, на столе 2 свечи, ром, 2 рюмки, белый хлеб, а за столом прехорошенькая девушка в свадебном костюме. Это была племянница хозяйки, одевшаяся нарочно, чтобы показать мне костюм. И мы с ней повторили часть свадебных обрядов: я играл роль жениха, а она — дружки невестины. Смеху было довольно...»

На следующий день отправились в гости к Андрею Зейлеру. Поэт-пастор встретил их радушно, без всякой чопорности. Как-то само собой вышло, что хозяин со Смолярами затеяли петь песни, и пели без счету. А гость не успевал дивиться: до чего же иные из песен протяжностью своей, мелодическими ходами похожи на русские!

— Все село только и судачит о вас, — смеялся Зейлер. — Вишь ты! какой-то русский приехал к нам, да и хочет не токмо по-сербски говорить выучиться, а еще и все до ниточки записать, что и как у нас ведется... Глядишь, года через два о вас тут составит целая сказка.

В те дни удалось побывать путешественнику и на сельской ярмарке. Тот, кто уверен, что ярмарка вращается вокруг кошелька, туго набитого серебром, не понимает в ней ничего. Ярмарка, на что бы ни отвлекалась, а все ж таки вращается всегда вокруг того пяточка, где объявились народные музыканты. Играют обычно троим: обязательный волынщик со своей «мехавой», которую в просторечье за прямое ее сходство и по внешности, и по звучанию с домашним животным лужичане без обиняков именуют «козлом»; рядом с волынщиком надувает пылающие щеки и косит глаза на отверстия своей деревянной «таракавы» флейтист; но оба, под стать младшим ученикам, прислушиваются к тому, который выводит прихотливую мелодию на самодельной трехструнной скрипочке «гусле». Его инструмент и поскрипывает, и подвизгивает, и временами гнусавит, «таракава» сочно всхлипывает, громко захлебывается, «козел» недовольно упирается, стиснутый локтем волынщика, то взмывает, то взблеивает; в здоровенных, коричневых от загара, ручищах базарных виртуозов инструментики вот-вот сломаются либо погнутся, в нескладной их игре ошибка погоняет ошибкой, но, как ни странно, на вид сердитые, неприступные, будто крепко обиженные на кого-то, эти трое все же управляют на славу и кидают в толпу такие дразнящие пригоршни и охапки веселья, что и у беременной бабы в животе затомившийся по божьему свету лужичанчик начинает пристукивать пяточками.

Да и вся ярмарка в щедром и пестром своем развороте более всего напоминает, пожалуй, какое-то недавно разродившееся существо; и чего только

оно не нарождало: целые семейства корчаг, крынок, горшков, с глазурью и без глазури, длинные глиняные бутылки и бутылочки с обжигающим глотку паленцом; десятипудовые бочки с молодым янтарным пивом, окорока и корейки, с которых еще капает в седую пыль сало; сковороды с дразняще пахнущей жареной свининой, дымящиеся котлы с вареными колбасами, мясными и кровяными, с ливерами и зельцами и прочей немецкой блажью; а пирогов-то, пирогов! самые большие из них не умещаются на обширных крестьянских столах; а жареные и печеные струги — форели! а круглые под коричневой зыбкой корочкой карпы! а всякая сырая и вареная овощь, квашеная и печеная к ней в придачу, особенно же эти ядреные морковины, про которые лужичане шутят, что пока сербство не ленится есть морковку, Бог его не даст никому в обиду...

«СМОЛЯР ВЕСЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ...»

Потом они ушли на север и оказались в Нижней Лужице, или, как тут о себе говорили, на Болоте, потому что земли точно были низменные, со множеством болот, каналов и просто широких канав, по которым крестьяне ездят на лодках с шестами, как по улицам... Гм, не эти ли венецы основали когда-то и Венецию?

Где-то среди здешних болот им нужно было разыскать остатки Грода; в нем, по преданию, жил последний Вендский король, загнанный германскими феодалами и миссионерами в эти дебри. Грод они разыскали. Его земляные валы образовывали круг — громадную зеленую букву «О». Она лежала как образ удивления, образ молчания. И путешественники, мечтавшие познать все прошлое славянства, испытывали теперь невольное смущение перед красноречивой немотой рукотворного круга...

Зарядили холодные дожди, студенистые туманы зыбились над болотными кочками и топами, погода менялась нешуточно, и осень, для которой лужичане пожалели отдельного слова и зовут ее, небрежно прислонив к зиме, «назима», — владычествовала на хмуром Болоте.

Как ни мала показалась в свое время Срезневскому лужицкая земля на страницах атласов, а шести недель, проведенных в ней, хватило ему только для самого внешнего, томящего неполнотой знакомства. Оттого-то в последнем письме, посланном отсюда матери в Харьков, он не выдерживает своего обычного невозмутимого тона: «...хотелось бы прожить во всякой прекрасной земле по целой жизни, но кучер ждет, бич хлопает, и прощай, может быть, навсегда, прекрасная земля, виденная — недовиденная...»

За четыре года своего путешествия Измаил Иванович Срезневский познакомился с крупнейшими деятелями Славянского возрождения, в том числе с «чешскими будителями» Павлом Йозефом Шафариком, Вацлавом Ганкой, с вроцлавским профессором филологии Пуркине, с выдающимся сербским просветителем Вуком Караджичем, многими другими их современниками и соратниками. Человек открытой доверчивой души и незлобивого характера, он легко сходил с людьми, без всяких усилий завоевывая ответное расположение. «Я поехал к Шафарику, был им обласкан и проговорил с ним два часа... Добрейший человек, он обращается со мною, как родной». И Вук Караджич, хотя он и старше русского гостя на целых двадцать пять лет, принимает Срезневского по-братски, с удовольствием и

помногу читает ему свои записи черногорских юнацких песен, рассказывает о прожитых годах с таким доверием и такими красочными подробностями, что эти рассказы дадут потом Срезневскому возможность написать самую первую биографию Караджича (югославские ученые XX века будут считать ее лучшим, образцовым жизнеописанием своего земляка).

Да и в Лужицах живя, Срезневский не устал расширять круг единомышленников и добрых приятелей: Зейлер, Иордан, Клинтон... Но все-таки встреча со Смоляром — не для этого перечня. Она выделяется и на фоне всех четырех лет командировки своей значительностью. Уже первого впечатления от знакомства оказалось достаточно, чтобы сказать: «Смоляр весь принадлежит народу и есть истинно народный человек...»

В 1840 году Вацлав Ганка поместил в своем журнале «Часопис Чешского музея» письмо Срезневского, в котором о Смоляре сказано: «Это пример для называющих себя любителями и знатоками народности. Он не берет на себя многого, хочет узнать только свою родину, но зато и изучает ее не как-нибудь: он сделал из себя совершенно народного человека, обходит край всюду, как свой, как давно знакомый, как родной, и передает свои наблюдения не памятной книжке, а памяти жизни... Слыша одну сказку, готов рассказать другую; танцую с селянкой, припевает ей песню, ею забываемую; при исполнении старинного обряда не только зритель, но и действующее лицо... О, если бы каждый европейский народ имел по одному Смоляру на такое количество народа, какое живет в сербских Лужицах, и если бы, разумеется, такие люди имели средства давать знать свету о своих наблюдениях, другая бы раскрылась дорога истории, филологии, философии европейской!»

Энергичность громко высказанного вслух похвального слова и популярность издаваемого Ганкой журнала — этого оказалось достаточно, чтобы имя Смоляра зазвучало повсеместно в славянских странах.

Но Срезневский еще не все написал о своем друге, о «виденной — недовиденной» Лужице.

В Харькове, предельно загруженный хлопотами по устройству новой кафедры, чтением первых своих «славянских» лекций, он все же выкроил время, чтобы засесть за большой журнальный очерк о культурном возрождении лужичан. Прежде всего нужно было точно определиться, для какого читателя он пишет. Его «Исторический очерк Сербо-Лужицкой литературы» обязан обладать свойствами общедоступного чтения. В России о лужичанах на сей день известно ничтожно мало. Это крайне огорчительно, но что ж поделать, если славянский мир только-только начинает познавать самое себя. «Выгоды промышленности заставляют изучать нравы и обычаи диких народов, — и о дикарях Океании мы знаем в 5 раз более сведений, нежели о народах Европейских, — замечал Срезневский не без сарказма, — тут я не вижу просвещения».

Очерк начинается обстоятельным экскурсом в географию и средневековую историю Лужиц. Помянув мимоходом тех представителей этого народа, которые отказались от своего родства, совершенно пристав к немцам, например Лессинг (настоящая-то фамилия Лесник!), он перешел к временам новейшим, и тут самые взволнованные строки посвящены были, понятно, Смоляру. Автор статьи знал уже, что его лужицкий друг в 1841 году совместно с немецким этнографом и фольклористом Леопольдом Гауптом издал

первый том народных песен сербо-лужичан. «...Издание подготовлено было с любовью к предмету, с любовью к народу, с искренней уверенностью, что каждый народ, производящий что бы то ни было прекрасное, благородное и вечное, живой силой своего юного духа, как бы он ни был мал и забыт, всегда и велик, и мощен, и славен...»

Да, теперь, на расстоянии так ясно стало ему видно, что, подлинно, есть великое в малом и что тот, кого считали меньшим и ничтожным, будет почитаться среди достойнейших.

С Яном Арноштом Смоляром он еще не раз встретится. И в Будишине, и в Петербурге, где с 1847 года возглавит университетскую кафедру славяноведения. Смоляр будет писать ему об открытии в Будишине «Сербской Матицы» — центра по изучению лужицкой истории и литературы, о новых книгах на родном языке. Однажды Срезневский испытает немалое удивление, распечатав конверт с очередным письмом и обнаружив, что Смоляр пишет ему на сей раз не по-лужицки, как обычно, а на русском, который он, оказывается, все эти годы упорно изучал.

В Петербургском университете Срезневскому суждено будет проработать более трех десятилетий — до самой смерти. Первый в России доктор славяно-русской филологии, академик, декан филологического факультета, автор поистине необозримого числа научных работ — книг, статей, лекционных курсов, публикаций, рецензий, биографических и мемуарных очерков, — он оставит после себя плеяду отечественных славистов (среди его любимых студентов были молодые Чернышевский и Добролюбов)... Оставит богатейшие материалы для словаря древнерусского языка, над которыми работал тридцать пять лет и который будет издан уже после его смерти.

Останутся после него и громадные личные фонды в крупнейших архивохранилищах страны, в том числе великое множество еще не опубликованных документов о пребывании в Лужицах — путевые тетрадки со столбцами слов, рисунками, маршрутами поездок и пешеходных переходов, рукописные карты, автографы статей, письма...

Останутся и эти слова, обращенные когда-то к студентам-славистам, но сегодня звучащие как завет для каждого, кто молод духом и кому скучно брести по затоптанным путям массовой науки. «Мы должны любить славянство во всем его объеме, — говорит нам неутомимейший Измаил Иванович Срезневский, — без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе: это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату».

СНОВА БУДИШИН

Он и сегодня невелик — город Будишин, неофициальная, но вовсе не самозваная столица лужицкого сербства. Можно и сегодня на одной из улиц Будишина увидеть здание бывшей гостиницы «У Молодого месяца», в которой когда-то останавливались Срезневский со Смоляром.

А спустишься вдоль крепостной стены по пешеходному Ютровному пути к мосту через Спреву и увидишь перед собой то самое Доброславское городище, от которого пролегал первый маршрут приятелей по окрестностям Будишина. Тут, прямо от кромки каменистого берегового обрыва, начинаются поля, и почему-то невыразимо радостен своей резкостью и решительностью переход

от средневекового городского пейзажа к почти пасторальным сельским видам. Хочется немедленно пойти туда, к деревенькам-вескам, что маячат у горизонта, к голубым горам Чернобогу и Белобогу, к горе Пращице, где Срезневскому показывали источник, «каменный котел», в воде которого когда-то славянские вожди омывали руки, перед тем как пожать их друг другу в знак союза.

Хочется так много успеть за эти полторы недели пребывания в горно-лужицкой земле. Послушать магнитофонные записи старых крестьянских песен. Поглазеть в местном музее на великолепную коллекцию пасхальных яиц (их раскрашивание здесь почитают настоящим искусством, и каждую весну в конкурсах на лучшее «ютровне яйко» участвуют стар и млад, тысячи школьников и взрослых мастеров, целые города и деревни).

Хочется внимательно обозреть прилавки будишинского Дома книги, где теснятся многочисленные тома на верхнелужицком и нижнелужицком языках: собрания сочинений Андрея Зейлера и другого виднейшего сербского писателя XIX века — Якуба Барта-Чишинского; полистать новое факсимильное издание «Песничек...» Смоляра и книгу о его жизни и творчестве, в которой есть и глава о приезде Срезневского... Подержать в руках томики современных лужицких поэтов и прозаиков, пишущих на родном языке: Юрия Брезана, Кито Лоренца, Юрия Коха, Мерчина Новака-Нехорньского.

Правда, последнего из них надо бы поместить в перечне впереди всех как самого старшего и самого почитаемого из ныне живущих лужицких писателей. Но об этом я узнаю часом позже — в рабочем помещении «Сербской фильмовой скупины». Режиссер местной студии документальных фильмов Тони Брук и редактор Герат Гендрих — оба лужичане, говорящие немного по-русски, — сегодня с утра как раз снимали материалы к фильму о Новаке-Нехорньском как о художнике и писателе, работающем для детей, и теперь подводят меня к отдельному столу, на котором громоздится целая стопа листов с его графикой разных десятилетий. Преобладают сказочные сюжеты, изображения мифологических персонажей лужицкого фольклора. Тут и *водный муж* — подобие нашего водяного; и *лутки* — благорасположенные к людям маленькие человечки вроде гномов или карликов; и *блуднички* — светящиеся в ночи существа с вздыбленными над головой фосфоресцирующими кудрями... Блуднички могут завести ночного путника в болото, если он не догадается угостить их кусочком творога или грошик подать. Тут и длиннородый, длинноусый *кубовчик* — родной брат русского домового, неутомимый помощник в крестьянском хозяйстве, особенно у бедных людей, которым он и корову пасет, и коня сторожит, но больше всего любит кудельку у печи прясть. Тут и угрюмые *хмурники* в старых соломенных капелюхах с большими полями, они прилетают в лужицкие края от польских Татр и тащат на горбах низкие дождевые тучи. И старый седовласый *Крабат* — добрый волшебник, надежный друг всех лужицких ребятишек. И сердитая *приполудница* — существо в облике молодой женщины; в самый полдень ходит она по полям и грозит карами всем, кто в этот вредный для работы час не отдыхает, но, жадничая, косит или жнет...

Разглядывая приполудницу, я не мог не вспомнить запись в одной из тетрадок Срезневского, листанных в Москве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Измаил Иванович поминает там приполудницу в заметке о пережитках языческих верований у лужичан как один из самых старых образов народной демонологии.

Но теперь, после знакомства с необыкновенно впечатляющей галереей всех этих мифологических существ, после не менее впечатляющих рассказов о самом писателе-патриархе Новаке-Нехорньском (он ровесник века, живет не в Будишине, а в селе Нехорнь, в стареньком домике, где жил и его отец), теперь мне хотелось еще раз, не откладывая на завтра, навеститься в Дом книги. Мне представлялось, что этот старый человек, который, как я только что узнал, еще в 20-х годах перевел на верхнелужицкий избранные русские былины, а позже переводил Гоголя, Горького и Пришвина, этот этнограф, историк и путешественник, который обследовал все известные по древним хроникам святилища и городища полабских и прибалтийских славян от острова Рюген до Чешских гор, этот лужицкий *Всюджебыл*, то есть вездесущий, как назвал он себя однажды, будто подсмеиваясь над собственной неутомимостью, — мне вдруг представилось, что именно он, народившийся всего двадцать лет спустя после смерти Срезневского и шестнадцать после кончины Смоляра, больше чем кто-либо другой из нынешних лужичан связан духом с тем веком романтических пионеров всеславянства.

ПЕРВЫЙ УРОК

...Передо мной положили на прилавок две книги. Ничтожного запаса лужицких слов, а главное — непонятно откуда взявшейся, почти нахальной уверенности в том, что обязательно *смогу понять все*, что захочу понять, мне хватило, и я догадался, о чем они. Благо, ободряющими подсказками служили и иллюстрации. Одна книжка называлась «Мальчик, подросток, почтальон», в ней Мерчин Новак рассказывал о своем детстве. Тут были главы, названия которых также поддались без труда: «Родная деревня», «Родной дом», «Отец», «Школьник», «Бартская ярмарка», «Соседи», «Попытки рисовать», «Почтальон», «Буду художником», «Война» и... Без колебаний отложил я в пластмассовую корзинку для покупок и вторую книжку. Это были те самые записки о путешествии (вернее, о путешествиях) Всюджебыла по землям Югославии, — час назад Тони и Герат говорили мне о записках как об одном из самых значительных его сочинений.

И опять вчитываюсь в названия глав. Дунай. Белград. Прилеп. Охрид. Босния. Герцеговина... А одна из глав — «По следам поэта богатырской земли», — похоже, обещает рассказ о Черногории и ее великом поэте, государе-митрополите, пламенном почитателе Пушкина, друге Вука Караджича Петре Петровиче Негоше.

Но что такое! На полке, тесно заставленной томами лужицко-немецкого словаря и различными грамматическими пособиями, вдруг вижу светло-зеленую, под цвет первой майской травки, суперобложку с надписью на корешке: «Верхнелужицко-русский словарь»... Вон как, значит, он все-таки существует! Припоминаю теперь: в Москве что-то мне о нем говорили... Мол, кажется, есть такой или готовится к изданию. Как о чем-то мифическом, маловероятном говорили. Кладу его в корзинку, почти не листая. Обратил только внимание, что издан он здесь, в ГДР, в 1974 еще году, а подготовлен московским издательством «Русский язык» и будишинской «Домовиной», а слов в нем 36 тысяч, а составитель некто К. Трофимович (Константин Константинович Трофимович, профессор Львовского университета, виднейший на Украине энтузиаст изучения лужицкой литературы — как узнаю позже).

Вот только не указан тираж словаря, да уж, видать, невелик тираж, если в Москве о словаре такие невнятные понятия. Может быть, и не продавался никогда в Москве-то?

Признаться, судьба никогда не баловала меня особо на почве книжных разысканий. Но тут, по всему видать, исключительный был день и час. Продащице не много понадобилось времени, чтобы догадаться, откуда я и какой именно дерзкий замысел меня обуреает. Гляжу: несет, улыбаясь, еще одну книжку, извлеченную из подсобки. Выражение ее лица такое, будто хочет сказать: у нас в Будишине есть все для того, чтобы приезжий русский наконец-то занялся изучением лужицкой речи! На черном супере книги, которую она мне протягивает, крупными белыми буквами — русское заглавие: «Учебник верхнелужицкого языка».

Ну, если у них тут не только словарь, но и учебник имеется, значит, отступать некуда! Но я еще никак не приду в себя от замешательства и, чтобы скрыть его, машинально листаю книгу. Учебник снабжен эпиграфом. Лужицкий текст расположен сверху, под ним — русский перевод. Начинаю читать и уже не могу оторваться. Решимость прибывает во мне с каждой строкой:

«Чем больше я занимался серболужицким языком, тем более и более в нем открывал красоты, прелести, богатства, своеобразия и неповторимых особенностей...

Боже мой, сколько всего можно на серболужицком языке выразить, высказать, описать! Здесь великое чудо — глагол с его огромной выразительной силой, здесь сокровищница серболужицкого синтаксиса, здесь существительные уменьшительные и увеличительные, здесь наши образные выражения и наши сравнительные обороты, здесь и двойственное число — дуал...

Поистине, здесь в распоряжении серболужицкого писателя такое тонкое, но вместе с тем такое могущественное и даже всемогущее орудие, которым можно мастерски овладеть, лишь работая изо дня в день, до самого конца жизни».

Под эпиграфом имя, кажется, уже давным-давно мне знакомое: Мерчин Новак-Нехорньский! Разумеется, эти слова должен был написать именно он! Итак, вперед! Свой первый урок я начну сегодня же!

Признаться, когда расплачивался с кассиршей, я все же вспомнил про *список*. Да-да, про тот самый список необходимых подарков и гостинцев для родных и друзей, список, который каждого советского гражданина, отбывающего на неделю-другую за границу, призван держать в рамках благоразумия и хладнокровной умеренности. Но на улице, стоило глотнуть сырого декабрьского воздуха, приятно пахнущего угольным дымком, и я легко, без натуги придумал, как буду оправдываться дома: «Ничего! зато я привез вам в подарок свое знание лужицкого языка... Витайте, кнеже! Добрэ раньо!»

Теперь некогда зевать. Пока иду к гостинице, разбираю буквы каждой вывески с лужицким алфавитом, имена улиц и площадей. Вот и «наместо Червьенее Армее» (площадь Красной Армии), к которой выходит углом здание гостиницы. На деревянной эстраде, воздвигнутой по случаю близкого уже Рождества Христова, играет духовой оркестр; в нем человек двадцать Дедов Морозов, они наряжены в такие же красные шубы с белой опушкой, как и наши. А перед ними на площади стоят под зонтиками бу-

дишинские папы и мамы с разновозрастной малышкой, слушают марши и вальсы, прихлебывают дымящиеся паром напитки из воцеленных стакаников. И никто не обращает внимания на привычный дождь, на угрюмых хмурников, что тащат и тащат над черепичными крышами, над шпильями башен неопятную поклажу сизых в сумерках туч.

«Добрэ раньо!» — будто кто-то окликает меня во сне громко и требовательно.

Включаю настольную лампу. Начало второго. За мокрым стеклом окна мутнеют красные сигнальные фонари на шпилье собора. Куранты на ратуше звонят четверть. Спать совершенно не хочется. Меня слегка лихорадит от нетерпения продолжить урок, прерванный коротким забытием. Уж не собираюсь ли я поставить рекорд на скорость овладения чужим языком? Да нет же, не чужим, поправляю себя в который раз. Это *свой* язык, только слегка подзабытый за несколько веков отвычки.

На тумбочке — целая стопа книг. Купленных и полученных в подарок. Тут даже есть Новый Завет, подаренный мне вдовой писателя Петра Малинка Катариной Малинковой. Я пошутил тогда, что она таким образом подсказывает мне заниматься по методу Чернышевского, верней, одного из героев «Что делать?», который учил иностранный язык, постоянно читая на нем Евангелие. Не знаю, как учила языки сама Катарина, но ее пример впечатляет. Эта женщина очень скромно, как о чем-то заурядном, говорит о том, что переводит художественную литературу с чешского и украинского; она к тому же выучила словацкий, хорошо говорит по-польски, а когда приехала в Москву, то через две недели неплохо освоилась и в русской языковой обстановке. Настолько неплохо, что перевела потом на свой родной верхнелужицкий «Бедных людей» Достоевского, «Петербургские повести» Гоголя, «Мать» Горького. А когда успевала Катарина еще и растить-воспитывать семерых детей?.. Разговаривали мы с ней по-русски.

Но с чего же начну сегодня я? С учебника? Со словаря? С маленькой книжечки верхнелужицких пословиц и поговорок? Или с Нового завета? Или продолжу начатую уже книгу Мерчина Новака-Нехорньского о его путешествиях в Югославию? «Его речь настолько сербская, что ее невозможно быстро переводить» — эти слова о языке Мерчина Новака, принадлежащие современному критику и помещенные на обороте суперобложки, должны были бы меня обескуражить. Но ведь их-то я перевел! Может быть, правда, слишком дословно перевел и лучше бы так: «Его язык настолько сербский, что с трудом поддается переводу». Но мне и нужна сама сербская речь, а не нагромождения латинизмов. Я хочу читать путешествие «северного серба» к сербам балканским, а не путеводитель на эсперанто.

Позавчера, знакомясь в дрезденском аэропорту с Тони Бруком, я произнес лужицкое приветствие, вычитанное в одной из тетрадок Срезневского:

— Помгай Бог!

— О, ты знаешь наше «Помгай Бог»! — улыбнулся он.

— Но это все, Тони, что я знаю.

Тогда он рассмеялся беспечно, как ребенок:

— Хорошо! Я тоже плохо знаю по-русски, але будем говорить на славянский эсперанто: немножко по-русски, немножко по-сербски, трошки по-польску, трошки по-чешску...

— И ще трохи по-українськи.

Славянское эсперанто? Я думаю, он пошутил. Если бы оно существовало, имелись бы, наверное, общедоступные пособия, словари, учебники, разговорники, а о них что-то не слышать. Никогда не интересовался историей движения эсперантистов, но могу допустить, что в пору наибольшего размаха этого движения кто-нибудь заикался и о проекте искусственного языка для нужд собственно славянского мира. Почему бы нет? Наверное, существование краткого свода общеупотребимых сегодня в славянском мире слов и словосочетаний помогало бы нам на первых порах знакомства... Но, впрочем, велика ли помощь? Не станет ли со временем такой учебно-вспомогательный свод помехой для более глубокого понимания друг друга? Ведь подлинное понимание возникает тогда, когда знание сходств уже не насыщает, а возникает интерес к различиям, уважение к ним. Почтение несходств, радость при виде разнообразия — вот признак подлинной культуры в общении между народами. В этом смысле эсперанто совершенно некультурно. Оно обещает народам легкие и пошлые пути, чечевичную похлебку вместо первородства. Принудительная прививка искусственного языка, осуществившись она, явилась бы сигналом к упразднению наций и народов и фабрикации единообразной, убого-примитивной человеко-массы.

Но как же общаться народам? На всех континентах теперь спешат усвоить не эсперанто, а английский или русский. Большим успехом пользуется, конечно, английский. Но не только в силу очевидных экономических и политических — часто принудительных — обстоятельств. В качестве международного средства общения английский, если не считать известных затруднений с произношением и орфографией, более прост для западного человека, да и для всякого иностранца тоже. Сравнительно с русским, с другими славянскими языками английский, можно сказать, даже простоват. Я не языковед, могу промахнуться, но почему-то мне кажется, что если в языке больше падежей, то он более гибок, выразителен. Именно поэтому мне очень жаль, что в современном русском уже почти не проглядывается старый добрый *звательный* падеж (отче, друже, мати, господи и т. д.), тот самый торжественный звательный, который украшает и по сей день речь других славян, в том числе лужицких сербов... Но вернусь к англичанам, у которых всего... полтора падежа — вместо наших шести. Ладно падежи, еще беднее у них с суффиксами. Бог — из соображений экономии или в наказание за какие-то провинности — недодал им столько суффиксов, что славянин, оказавшись он на месте обделенных островитян, просто со стыда бы сторел... Мерчин Новак в своем панегирике родному языку, который я вчера прочитал, не случайно поминает «существительные уменьшительные и увеличительные». Славянский ум, веками пользуясь подручным богатством всех этих уменьшительно-ласкательных, пренебрежительных, увеличительных суффиксов, всех этих «еньк» и «оньк», «ушк», «юшк» и прочих милых мелочей, снабжает речь таким многоцветьем смысловых оттенков, что тут уж, право, остается только шапчонку на лбишко надвинуть в великой задумчивости и прошептать: ох, матушка ты моя, ну и силища, ну и прорвища... Ответь-ка нам, англичанин, пошто обращаешься так скучно к девушке своей: все «герл» да «герл»? У нас-то, видишь, не так заведено, не все «девушка», можно и поласковей назвать: «девонька», «девчина», «девчущка», «девуня»... Можно и построже: «девка», «девчонка»... Или чуть снисходительно: «девчоночка», «девчурка». Есть еще «дева», есть и «девица», есть и

«девчинушка»... На что англичанин, может быть, и возразит, что способен все подобные оттенки значений передать с помощью прилагательных или синонимов. Ну что ж, не будем гордиться, станем учиться...

Будишинские куранты отбили три четверти. Похоже, дождь не угомонится теперь целую неделю. И пусть себе льет! Я готов целую неделю путешествовать вместе с Новаком-Нехорньским по македонским скальным крутизнам... Из Прилепа, «славного города Королевича Марко», он отправляется пешком к горной деревушке, над бедными домиками которой виднеются на скале руины древней крепости. Не странно ли, почти не заглядывая в словарь, пропуская впопыхах чуть не половину слов неузнанными, забывая пока лишь о том, чтобы не сбиться с пути и не отстать слишком от автора, можно, оказывается, все-таки поспевать за ним, можно! Вот, вижу, пришли ему на помощь местные мальчишки. Заметили издали, что он растерялся, не сообразит, какой тропой карабкаться выше, и прискакали, как резвые горные козлята. Но вот он уже на горе — у каменного гнездовья самого знаменитого из сербских юнаков. Отдышался, любуется далями, вечерующим небом, видом обители, что светлеет далеко внизу, у подножия скалы. Через несколько минут он познакомит своих читателей с одним из иноков этого захудалого монастырька. Читаю описание внешности монаха и поневоле испытываю желание сдержать свой разгон, оценить всякую подробность живописного словесного портрета. И тут уж без словаря никак не обойтись.

«То был босой великан в черной несвежей рясе, краснолицый, весь обросший рыжеватыми длинными волосами, с косматыми ресницами и громадной бородой. Внешность совсем не югославянская! Да это же русский! Он напоминает мне богатыря Святогора или старого казака Илью Муромца, но отчасти и Соловья-разбойника, а может, какого-нибудь еще богатыря или бродячего человека из старых русских былин. Это эмигрант, в прошлом белогвардеец, который тут, в Югославии, прибил к монахам».

Немного позже Мерчин Новак встречается с тем же монахом еще раз. Угрюмый великан спустился за водой к колодцу, держа на поводу упрямого ослика. Он закуривает сигарету и начинает рассказывать незнакомцу о России: «Вот там у меня кони! Эх, какие кони!.. У нас тут в монастыре коней совсем нету. Одного-единственного осла имеем, в деревне одолжили, да и тот не слушается. Монастырь бедный, совсем худой, даже колодца своего нету. Вот и приходится отсюда воду таскать. Только и делаю, что таскаю воду с этим треклятым ослом. Ну, прилично ли монаху? Сами посудите, монашеское ли это занятие?.. Эх, то ли дело в России! В России никаких ослов, там у меня кони. Ух, какие кони! У меня там и верховые есть... А такого солдата, как в России, нигде не найдешь. Пусть кто-нибудь только тронет Россию. Русские ему покажут!..»

Да, кажется, этого великана с косматыми рыжими ресницами, угрюмого и наивного, как ребенок, я запомню навсегда. Думает о *своей* России в настоящем времени и, вопреки всему, что с ним случилось, желает боевого счастья ее воинству! И с незнакомым человеком беседует доверчиво, как с соотечественником, нисколько не сомневаясь, что будет понят и что ему посочувствуют.

А сам автор? Разве он не платит своему собеседнику той же неразменной монетой доверчивости и голубиной простоты? Он и не думает скрывать, что этот русский ему симпатичен. Но книгу-то пишет германский поддан-

ный, и вышла она в Будишине в 1936 году! Этот настырный Всюджебыл с его постоянной славянской темой, с его всегдашними всеславянскими симпатиями и разысканиями неумолимо должен был попасть в списки лиц подозрительных и неугодных, когда к власти пришел Гитлер. И он в те списки, разумеется, попал. Идеи и образы его книг и его графики никак не вписывались в нацистский миф.

Его ждали аресты. Один, другой, потом высылка... В лужицких школах было запрещено тогда преподавание родного языка. Запрету подверглись газеты, журналы, вся книгоиздательская деятельность лужичан. Андрея Зейлера рекомендовалось считать отныне немецким поэтом. Многих деятелей культуры и искусства, священников-патриотов насильно выселяли в чисто немецкие области страны. В ставке Гитлера обсуждался план поголовного перемещения лужичан в Эльзас-Лотарингию. Маленький народ отменялся как таковой, лужичане объявлялись «по-сербски говорящими немцами». Предписывалось даже уничтожать «вендские надписи» на кладбищенских крестах и могильных плитах. Закрыли «Домовину» — последнюю общественную организацию народа. Среди других подвергся преследованиям со стороны гестапо известный журналист и общественный деятель Марко Смоляр — сын знаменитого просветителя. Была погромлена «Сербская Матица», созданная сто лет назад Яном Арноштом Смоляром и его единомышленниками. Ее богатый архив почти полностью исчез.

...Нескончаемый дождь шелестит по мостовым ночного городка, по мокрым стенам старых домов; на иных из них кое-где еще различимы черные готические надписи времен последней войны. Что же ты, Будишин-будитель, не даешь мне спать?.. Кажется, я уже начинаю чуть-чуть разбираться в твоих давнишних и недавних былях. Во времена Зейлера и Смоляра переписчики населения насчитывали в обеих Лужицах до 200 тысяч коренных жителей. В нынешних энциклопедиях их численность колеблется уже от 50 до 100 тысяч. А какие цифры даст конец нынешнего века? Я ничего не знаю о твоём завтрашнем дне, Будишин. Знаю только одно: завтра я буду снова учиться говорить по-лужицки. Или хотя бы читать. Хотя бы со словарем. Хотя бы по складам.

ВСЮДЖЕБЫЛ

...Их было несколько человек, мальчиков и девочек, в нарядных курточках и платьицах. Они держали в руках ноты и освещали их цветными рождественскими свечами. В полутьме маленькой крестьянской комнатки, в зыбкой игре пляшущих отсветов их глаза сияли, а щечки розовели, и было в них что-то ангельское, только крылышки не за плечами, а в виде распахнутых нотных тетрадок. Что-то ангелоподобное было и в самом их пении, под аккомпанемент маленькой старинной гитары, которую держала в руках школьная учительница пения, стоявшая в тени. Они спели на немецком несколько рождественских колядок, а потом, чтобы уважить стареньких хозяев, спели две колядки по-лужицки. За окном уже было темно, мы смотрели на них с восхищением, на этих маленьких вечерних гостей. Их явление напоминало одну из картин старых германских художников, которых заботили эффекты освещения лиц и фигур, озаренных свечами в ночь на Рождество.

И мне невольно вспомнилось другое колядование. В ту далекую пору я и сам был в возрасте этих детишек, даже еще меньше.

Утром бабушка навесила мне торбочку поверх пальто и проводила на улицу, на свежий, еще никем не затоптанный снежок, выпавший ночью, и я увидел, что за нашей хатой меня ждут, переминаясь с ноги на ногу, несколько хлопчиков из соседних хат. Снег был жидкий, как каша, мы шли по кромке дороги гуськом, чтобы не оступиться в ее черное месиво, изрытое зубьями гусениц и колесами грузовых машин. Далеко нам не велено было ходить. В первом же дворе, к которому мы свернули, на нас вылетела было из глиняной своей хатки тощая рыжая собака, но, обнюхав пустые торбочки, забралась снова в конуру на соломенную подстилку. После того как мы, стеснясь и сбиваясь, пропели под окнами колядку — не помню теперь ее слов, — пожилые хозяин и хозяйка вынесли нам по коржику и по яблоку. Торопливо раздав угощение, они тут же закрыли за собой дверь и замкнули ее изнутри засовом.

Но в другой хате женщина в темном платке завела нас в комнату и усадила за стол. Свет серого денька вяло пробивался сквозь занавешенное окно. В нетопленном жилье было мгристо и уныло. Мы ждали, кажется, долго. Наконец она вышла из какой-то каморки, держа миску, наполненную чем-то темным, и раздала по ложке.

— Дуже мэни стыдно, хлопеняточки, янгелочки мои, не маю вам чого дати за ваше колядування... Але трошки мэду ще лышылося.

Мед был у нее такой вкусный! Мы жевали коричневые соты, а изжеванный воск складывали на стол, чтобы потом взять его и дожевать на улице. Она стояла в углу комнаты, под темной, с цветами из мерцающей фольги, иконкой, стояла, подперев ладонью щеку, чуть раскачиваясь и что-то шепча, и смотрела на нас почему-то с такой горестью, как будто все мы были ее дети и сейчас, как только наедемся, нам нужно будет с нею навсегда расставаться. Доев мед, собрав в карманы свои кусочки воску, мы слезли с лавок, поклонились ей, как научили нас делать дома, и она поклонилась нам тоже, всхлипнув напоследок.

Не помню, чтобы мы еще к кому-то заходили в тот день. Опять поплелись гуськом, опасливо поглядывая на зловещее месиво сельской дороги. Была война, и мы жили на оккупированной территории, и никто еще не знал, кончится ли когда оккупация или нет.

...То нищенское колядование и эта трогательная идиллия — они, кажется, не могут, не должны встретиться и ужиться вместе на одной земле, в один век. И все же благословенна жизнь, соединяющая несоединимое!.. Дети из местной немецкой школы одеваются и уходят, унося положенные им предпраздничные дары, а хозяева предлагают нам вернуться из «старого дома» в более просторную мастерскую, где начиналась было, до явления певцов, беседа.

Мерчин Новак-Нехорньский по-русски говорит свободно. Оказывается, учиться русскому языку он начал еще подростком, во время Первой мировой войны. В одной из деревень, куда поручалось ему, молоденькому почтальону, носить письма, газеты и посылки, познакомился с военнопленным. До того он русских видел только на карикатурах в газетах. Этот же совсем не походил на тех свирепого вида вояк. Звали его Сережа, был он приветлив, общителен, работал на усадьбе у зажиточного хозяина. Родом

он из города Симбирска, рассказывал Сережа, только этот Симбирск нельзя путать с Сибирью. Она, Сибирь, сама по себе, а Симбирск — город на берегу великой русской реки, которая называется Волга.

Они объяснялись с помощью немногих немецких и славянских слов, а там, где слов не хватало, помогали себе руками. Эта таинственная далекая страна, о которой ему пытался рассказывать пленный, так заинтересовала Мерчина, что он решил купить русские грамматику и словарь и самостоятельно выучить язык, волновавший его обилием сходств с сербской речью. Правда, озадачил его вид многих русских букв, совершенно не походивших ни на латиницу, ни на готическое письмо. Они с непривычки выглядели какими-то каракулями.

Однажды, когда Мерчин в очередной раз принес почту, хозяин усадьбы обратился к нему с необычной просьбой:

— Говорят, ты неплохо рисуешь, очень похоже получается. Нарисуй для меня нашего русского пленного вместе с моим любимым гнедым.

Наверное, рассудил Мерчин, хозяин хочет показать, что для него рабочие достоинства Сережи и коня — одно и то же.

Когда рисунок был готов, он сделал к нему двойную подпись, немецкую и русскую, — с помощью тех самых недавно заученных букв-каракулей.

А десять лет спустя он уже настолько овладел этим языком, что с наслаждением переводил с него любимые свои былины про Илью Муромца, Дуная Ивановича, Чурилу Пленковича, Ставра Годиновича и богатого гостя Садко.

Он и до сих пор постоянно что-нибудь читает на русском. Ну, к примеру, многие годы следит за журналом «Детская литература». Из современных наших прозаиков его более других привлекает Виктор Астафьев. На мое предположение, что ему, должно быть, не очень легко читать Астафьева, он возражает, что, напротив, Астафьева ему читать интереснее и, значит, легче, чем других, потому что у того много чисто сибирских слов и выражений и вообще очень богатый и образный язык.

И уже не удивляешься, услышав от Всюджебыла, что он путешествовал и по Сибири, имел возможность полюбоваться Байкалом, посетил Шушенское. А кроме того, бывал в Карелии, на Украине, добирался до Памира и на Кавказ. Одна из его книг так и названа — «Под Памиром и за Кавказом».

Узнав о том, что у советской киностудии «Центрнаучфильм» и «Сербской фильмовой скупины» есть намерение сделать совместный научно-популярный фильм о путешествии Срезневского по Лужицам и о его дружбе со Смоляром, старый писатель показывает еще одну из своих книг — «Рассказы Бобака-Всюджебыла».

— Под этим псевдонимом я писал в тридцатые годы, пока не запретили писать, — поясняет он. — А Бобак — это такой черный человек, которым пугают детей: не ходи туда, там Бобак!

В книге среди множества очерков, посвященных археологическим древностям полабских и прибалтийских славян, есть и рассказ о том самом нижнелужицком «Гроде», который когда-то посетили Срезневский и Смоляр, зачарованные легендами о последнем «сербском короле». Того короля считали полуразбойником и полуволшебником, поясняет Мерчин Новак, а скорее всего то был вождь племени. Затравленный, вынужденный уйти в лесные дебри и топи, он вел оттуда, как бы мы сказали, «партизанскую

войну» против безжалостных миссионеров и корыстолюбивых рыцарей... Срезневский и Смоляр не узнали бы теперь «Грода». В самом конце прошлого века капиталистическая компания прокладывала тут железнодорожное полотно. Что для них какая-то там древность! Перерубили земляные валы городища пополам и дальше пошли.

Мерчин Новак сидит за своим рабочим столом, за которым обычно и пишет, и рисует, а пишет он и рисует по возможности ежедневно. Для выходящего в Будишине детского журнала «Пламя» только за последние годы подготовил он большую серию иллюстраций и новелл о сказочных персонажах лужицкого фольклора.

Руку этого художника легко отличить, даже если разглядываешь его графические работы 1920-х и 1930-х годов, когда так извинительно было молодому человеку поддаться какому-нибудь из очередных «измов». А он не поддавался. Его всегда привлекала ясность и простота изобразительного рассказа, чуть грубоватого в линии и штрихе. Его коренастые лужицкие парни и девушки, крестьяне и крестьянки так прочно стоят на земле, а когда работают или пляшут, то, кажется, земля даже должна слегка гудеть и прогибаться под ними. В его югославянских пахарях, воинах и виноградарях чувствуется кряжистая юнацкая сила потомков Королевича Марко и Милоша Обилича. А Микула Селянинович из его «Русских былин», хотя и согнулся под мешком с тягой земной, ступает по полю таким стремительным и широким шагом, что становится ясно: никак не угнаться за ним скачущему верхом Святогору.

Гравюры и акварели художника легко узнать еще и потому, что с давних пор в правом нижнем углу каждого изображения он привык ставить маленький личный знак: лист липы, вписанный в кружок. Смысл ясен, если знать, что трилистное липовое деревце — символический знак всей Лужицкой земли.

Рука Мерчина Новака легко узнается и тогда, когда он пользуется не кистью художника или резцом гравера, а писательским словом. Та же ясность, простота и прочность образа и повествования, та же незлобивость взгляда на мир, но иногда и лукавый прищур, а иногда и сплав из боли и гнева.

Он не любит вымысла, он вообще его не знает и, кажется, знать не хочет. Он не придумывает несуществующих героев. Он надеется на читателя, которому дорога действительность, и потому пишет лишь о том, что видел, узнал и пережил сам. Но удивительно, его почти постоянное присутствие в повествовании никогда не бывает назойливым, раздражающим, нескромным.

Теперь, напоследок — попытаюсь описать его внешность. Он невысок ростом, говорит негромко, двигается неспешно, серые глаза увеличены линзами очков, седые волосы аккуратно зачесаны назад. В нем нет ничего внешне примечательного и живописного. Обычный, скажете вы, старичок-пенсионер, в прошлом служивший, может быть, корректором в издательстве или бухгалтером на фабрике. Такого доброго Бобаки детишки не станут бояться. Такого по внешности совершенно неромантического Всюд-жебыла трудно вообразить себе в киевских пещерах, у мощей Ильи Муромца или на берегу Охридского озера, где подвизались первые ученики Кирилла и Мефодия... И все-таки он побывал и в Киеве, и в Охриде, одном из древнейших городков Македонии. Глядя на него, трудно, может быть, поверить и в то, что однажды лужицкие и немецкие крестьяне собрались и

постановили назвать свое коллективное хозяйство именем здравствующего художника-писателя.

Кажется, в моем портрете Мерчина Новака-Нехорньского нет еще чего-то очень важного. Помянуть ли о том, что его книги переведены в Польше, Чехословакии, Югославии? Или о том, что русские читатели узнали о нем и увидели репродукции с его гравюр еще в 1955 году, когда вышла у нас популярная книжка о лужичанах?

Вот что! В моем портрете не хватает детей. И тех, что пели ему сегодня. И тех, что в окрестных городках и селах учатся по его книжкам и картинкам любить свое лужицкое прошлое, свой прекрасный язык, верить в свое будущее. Так что портрет этот, надеюсь, вряд ли возможно будет когда-нибудь дописать.

ВЫШЛА КНИГА

Серб Ю. (Георгий Александрович Лебедев)
Площадь безумия. СПб.: Росток, 2016. — 360 с.

В издательстве «Росток» (Санкт-Петербург) вышла из печати новая книга Юрия Серба — роман «Площадь Безумия». Автор повествует о смятении умов и нравов на фоне горбачевской перестройки. Сюжет развивается в специфическом советском заведении — Ленинградском интернациональном клубе моряков, предназначенном для экскурсионного обслуживания иностранных экипажей и организованного их досуга. Центральный персонаж, он же директор означенного Интерклуба, играет трагикомическую и в то же время патетическую роль, а в конце романа, т.е. к началу 1990 года, загадочно исчезает. Но перестройка еще только разгорается, и это наводит на предположение о дальнейшем развитии авторского замысла.

Издание осуществлено СПб отделением СП России при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Алексей ПОДЦЕРОБ

МАЛИ. ВОССТАНИЕ ТУАРЕГОВ И ИСЛАМИСТОВ

Алексей Борисович Подцероб — выпускник МГИМО МИД СССР и Дипломатической академии МИД СССР. Работал в Центральном аппарате МИДа и посольствах СССР в Алжире, Ливии и Египте, старшим советником Постпредства СССР/РФ при ООН, послом России в Ливии и Тунисе. Имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Кандидат исторических наук. Автор многих монографий. **Живет в Москве.**

Прекращение после колонизации караванной торговли и разрыв экономических связей между различными районами, оказавшимися отделенными друг от друга государственными границами, разрушили существовавший тысячелетиями хозяйственный уклад туарегов. Более того, проводившееся французами их «умиротворение» лишило туарегов возможности нападать на караваны и грабить соседей. Ситуацию еще больше осложнило то, что ни Франция, ни малийское правительство даже не пытались решать возникшие у туарегов проблемы. Более того, после получения Мали независимости судьба туарегов в этой стране сложилась трагически. Их недовольство вызывало то, что негритянские кланы, занявшие господствующее положение в стране, отстранили туарегов от участия в политической жизни и, следовательно, от возможности хоть как-то влиять на свою судьбу.

В стране проживает от 300 до 950 тыс. и даже до 1,4 млн. туарегов. Столь большой разницей в цифрах объясняется тем, что в ходе проводившихся в Мали переписей туареги ни разу не выделялись в отдельный этнос. Они живут в крайней нищете. В районах, населенных ими, за чертой бедности существуют 77–92 %. В округе Гао 80 % молодежи не имеют работы¹. Отсутствие занятости создает питательную почву для экстремизма. Туареги периодически страдают от голода. В Мали настоящей трагедией стало оседание туарегов на землю, порожденное засухами 1969–1973 и 1983–1984 гг. и гибелью домашних животных. За четыре года первой засухи умерло почти все поголовье скота, запасы проса подошли к концу, вечерние трапезы сводились к нескольким зернам или

¹ link.springer.com

орехам пальмы дум. В качестве последнего источника питания для коз кочевники срубали ветки акаций, опустошая целые долины. Положение еще больше усугубилось тем, что границу Нигера пересекли 15 тыс. малийских туарегов. Борьба за землю и воду породила выход туарегов за рамки закона. К тому же либерализация экономики лишила государство возможности отвечать на социальные нужды туарегов.

В этой ситуации немало туарегов перебралось в казавшуюся им раем соседнюю Ливию. Многие из них устроились на нефтепромыслах, другие смогли найти работу в городах, 2 тыс. из эмигрировавших туарегов поступили в Панафриканский легион¹. Став ливийскими гражданами, туареги начали, помимо всего прочего, пользоваться в торговле с Мали и Нигером преимуществами, как коренные ливийцы. Иммиграция облегчалась тем, что в соответствии с принятым Муаммаром Каддафи решением, гласящим, что туареги являются потомками гарамантов, они могут без всяких ограничений возвращаться на свою историческую родину и селиться там. В результате в Ливию хлынуло столько туарегов из Мали и Нигера, что пришлось выдворять их обратно. И, тем не менее, многим из них удалось получить ливийские паспорта и осесть в Ливии. Так или иначе, возможность туарегам Сахеля уйти в 1973 г. в ЛАР, где им были предоставлены кров и еда, спасла их от вымирания.

Первые мятежи туарегов в Мали

Первое восстание туарегов против правительства в Мали вспыхнуло еще в конце 1962 года. Через год мятеж был жестоко подавлен, тысячи повстанцев казнены, 5 тыс. туарегов бежали в Ливию². В 70-е годы туареги восстали вновь. На этот раз мятежники выдвинули требование предоставления им независимости и создания туарегского государства Азавад. Конфликт удалось урегулировать лишь в 2006 г., когда благодаря посредничеству Ливии и Алжира между сторонами было заключено мирное соглашение. Тем не менее Альянс туарегов Нигера и Мали поднял новое восстание. Правительство вновь попыталось решить проблему силой. При этом против повстанцев сражалось финансируемое властями сонгайское ополчение «Ганда Кой», прославившееся жестокостями против гражданского туарегского населения. Боевые действия продолжались вплоть до 2009 г. и прекратились в результате посреднических усилий АНДР и ВСНЛАД. В соответствии с заключенным в Алжире соглашением между повстанцами и малийским правительством туарегам обещали предоставить широкую автономию, обеспечить экономическое развитие северных районов страны и содействовать сохранению туарегской культуры³. Однако Бамако не выполнило своих обязательств, обстановка вновь обострилась, и в 2010 г. снова начались столкновения между туарегами и малийской армией.

В ноябре 2011 г. произошло объединение трех туарегских политических группировок — Народного движения за освобождение Азавада, Туарегского движения Северного Мали и Союза за изменение и демократию, которые

¹ См.: Подцероб А. Б. Сахара: в песках времен. М., 2014. С. 337.

² См.: http://tuaregs.free.fr/tuareg_e/pages/origin/origin.htm;
http://tuaregs.free.fr/touaregs_f/pages/histoire/origin.htm

³ http://ipsinternational.org/fr/_note.asp?idnews=7010

создали новую организацию — Национальное движение за освобождение Азавада (НДОА), объединявшие в основном простолюдинов¹. Оно продолжало требовать создания государства туарегов в зоне от Тимбукту до Кидала. Ее возглавил Ибрагим аг Баханги, который служил ранее в малийских вооруженных силах, получил военное образование в Ливии и в 1990 г. примкнул к НДОА.

Восстание 2012 года

17 января 2012 г. началось очередное восстание. Туарегские ополчения Национального движения оценивались в 2–3 тыс. человек². Из них 800 малийских туарегов, сражавшихся на стороне лидера ливийской революции М. Каддафи, после его гибели перебрались в Мали.

Туареги остановили продвижение около города Дуенца в 600 км от Бамако³. Пресс-секретарь НДОА Муса аг Асарид заявил 4 апреля 2012 г., что туареги не двигаются дальше и односторонне в полночь прекращают огонь. 6 апреля была провозглашена независимость контролируемого повстанцами Азавада, столицей которого стало Томбукту, основанное туарегами около 1100 года⁴. Но в регионе появилась 8 апреля 2012 г. новая арабская группировка — Фронт национального освобождения Азавда (ФНОА), который возглавил Мохаммед ульд Сидатт. В ополчение ФНОА входило 500 человек, расквартированных в районе Томбукту.

Положение в Мали

Положение в Мали осложнило то, что в ночь с 21 на 22 марта 2012 г. военные, опираясь на армию численностью в 7,5–9 тыс. человек, предприняли попытку переворота, обвинив президента А. Тумани и гражданское правительство в отсутствии каких-либо попыток покончить с мятежниками⁵. Во главе переворота стоял капитан А. Саного. Однако вмешались международные доноры, заявившие, что получение Мали внешней помощи зависит от выборов президента. Вскоре после этого ситуация в Мали успокоилась. А. Саного, произведенный в генералы, был направлен на второстепенный пост. 11 августа 2013 г. в Мали состоялись президентские выборы, и новым президентом стал И. Кейта, вступивший в должность 5 сентября 2013 года.

«Зима» исламистов

Ситуацией воспользовались исламисты, принадлежавшие к группировке «Ансар ад-Дин», которая объединяет туарегов-аристократов, связана с Организацией «Аль-Каида» в исламском Магрибе (ОКИМ) и получает под-

¹ Огонек. 04.02.2013. С. 12.

² http://www.bbc.com/russian2/international/2015/11/151120_mali_things_to_know; Куделев В. В. «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и др. в Северной Африке. Хроника событий. М., 2014. С. 236.

³ <http://www.newsru.co.il/world/06apr2012/tuareg303.html>

⁴ Огонек. 04.02.2013. С. 11.

⁵ www.bbc.com/russian/international/2015/11/151120_mali_things_to_know; 8662-voyna-v-mali-rossiyane-stal

держку от Катара¹. Кроме «Ансар ад-Дин» в мятеже участвовали ОКИМ и состоящее из интегристов Мали и Мавритании Движение за единство и джихад в Западной Африке (ДЕДЗА), ассоциированное с Организацией «Аль-Каида». Руководителем ДЕДЗА является мавританец Хамада Хейру (псевдоним Абу Гум Гум) и «Ансар ад-Дин» — Ияд аг Гали. Позже образовались «Аль-Мурабитун», организованные отколовшимися от ДЕДЗА и ОКИМ группировками и являющиеся частью «Аль-Каиды». Кроме того, в Мали вернулся после экскурсии за оружием в соседнюю Ливию алжирский командир ОКИМ Мухтар биль-Мухтар, который в последующем организовал нападение на одно из нефтегазовых месторождений в Алжире. Однако о его гибели стало известно в июне 2015 года². Со своей стороны президент объединяющего часть туарегских племен Национального временного совета Азавада И. аг Ашериф получил серьезные ранения в ходе боев за Гао. Он был переправлен на лечение в Уагадугу, где вскоре скончался. 8 октября 2016 г. погиб начальник штаба Высокого совета за единство Азавада Шейх аг Аусса.

Салафиты в соответствии со своими взглядами уничтожали памятники. В частности, фундаменталистами, подчиняющимися Ахмеду аль-Махди, были разрушены мечеть Сиди Яхья и девять мавзолеев в Томбукту³.

Наступление салафитов было с беспокойством воспринято туарегами, которые попытались оказать им сопротивление. При этом И. аг Баханга заявил, что они являются носителями другой, отличной от туарегов культуры, проповедуют создание исламского государства и религиозную нетерпимость.

Бои на севере вызвали рост беженцев. В южных районах Мали их скопилось 33 тыс. человек, а в Буркина-Фасо, Мавританию и Нигер перебрались к 2016 г. 136 тыс. малийцев⁴.

Международное вмешательство

Своими силами малийская армия не могла покончить с салафитами и туарегами в силу нехватки средств, а также вследствие ненадежности личного состава. Правда, правительство поддерживают «Дети нации» («Ганда изо») и «Смерть лучше бесчестья» («Бунда ба хава»), которые объединяют представителей социальных низов негритянского населения, а также Группу самообороны туарегов племени имгад и их союзников (ГСТИС). Но что касается «Детей нации» и «Смерть лучше бесчестья», то их подготовка остается весьма слабой.

В этой связи 2 апреля 2012 г. государства — члены Экономического сообщества западноафриканских стран приняли решение направить в эту страну силы быстрого реагирования. Но направление сил ЭКОВАС столкнулось с техническими трудностями. В связи с этим 20 сентября 2012 г.

¹ www.profile.ru

² 8662-voyna-v-mali-rossiyane-stali

³ <https://www.amnesty.org/fr/countries/africa/mali/report-mali>

⁴ Меморандум правительства Мали по вопросу об осуществлении Соглашения о мире и примирения в Мали, которое было достигнуто по итогам Алжирского процесса и подписано 15 мая и 20 июня 2015 г. в Бамако. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. S/2016/529. 16 June 2016.

Совет Безопасности принял резолюцию 2085, разрешавшую проведение международной военной операции в этой стране. Однако в начале февраля 2013 г. наступление группировок исламистов перечеркнуло планировавшийся ввод войск. 10 января 1,2 тыс. салафитов заняли находящийся в центральной части страны населенный пункт Конна. В этой ситуации Д. Траоре обратился к Парижу с просьбой направить свои войска. Реакция последовала незамедлительно. Уже 10 января в городке Севаре, расположенном в 70 км к югу от Конны, приземлились военные транспорты с французскими солдатами. 11 января малийская армия при поддержке французских, нигерийских и сенегальских войск перешла в наступление на Конну. Одновременно свои войска послали ЭКОВАС в составе 6 тыс. человек, а также Чад, выделивший 2 тыс. солдат (правда, 14 апреля 1913 г. президент И. Деби объявил о выводе чадских войск из Мали).

1 июля 2013 г. контроль над безопасностью перешел в руки Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА), которым французские войска — в случае необходимости — могут оказывать поддержку. 29 июня 2016 г. СБ принял резолюцию, повысившую уровень МИНУСМА до 13,3 тыс. человек и 1,9 тыс. полицейских. На 22 декабря 2016 г. численность Комплексной миссии составляла 10,8 тыс. человек, к которым были присоединены 1,3 полицейских.

Как заявил президент Ф. Олланд, выступая 20 апреля 2016 г. на церемонии, посвященной похоронам погибших в Мали трех французских военнослужащих, операция войск позволила ослабить действующие в регионе террористические группировки. Но премьер-министр Франции М. Вальс заявил 19 октября 2016 г., что в этой стране будут оставаться войска Франции, пока сохраняется угроза со стороны исламистов. Он добавил, что достижение этой цели является долгой задачей, потому что дело движется к примирению между враждующими сторонами весьма медленно. В настоящее время французские силы в Мали составляют 1 тыс. человек. С 2013 г. по апрель 2017 г. потери Франции достигли 19 человек. В свою очередь советник шефа Пентагона по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности М. Шихан дал свою оценку, подчеркнув, что если французы показали себя блестяще, то контингенты из стран Западной Африки оказались не способны к проведению операций.

Кроме того, 17 января 2013 г. Европейский союз принял решение направить свою Миссию ЕС по укреплению потенциала в Мали. В ее состав включили 200 инструкторов и 250 человек охраны.

По отношению к сепаратистам и исламистам правительство Мали и иностранные войска применяли разные тактики. С салафитами шла борьба не на жизнь, а на смерть. В отношении же туарегских ополчений проводилась линия на достижение договоренности. Тем не менее существовали столкновения между НДОО и малийскими войсками.

Параллельно шли переговоры между повстанцами-туарегами и Правительством. Они были начаты 4 декабря 2012 года. 1 марта 2015 г. центральные власти парафировали согласованный документ, однако Координационный совет НДОО отказался это сделать, заявив, что он не учитывает условия, за которые боролось население Азавада. Малийская сторона обещала это сделать. Переговоры возобновились, и 14 мая было подписано в Алжире предварительное Соглашение о мире и примирении в Мали, 15 мая

2015 г. в Бамако состоялось его подписание, а 20 июня 2015 г. оно было официально утверждено сторонами конфликта: правительством Мали, союзом проправительственных группировок «Платформа» и Координационным советом движений Азавада (КСА). Оно признает, что обе стороны будут соблюдать этническое и культурное своеобразие северных районов Мали. Правительство отменило арест лидеров повстанцев. Был создан Комитет по интеграции. 28 марта 2016 г. основная группировка туарегов КСА, которая вела переговоры с правительством Мали с октября 2015 г., предложила собраться для выработки окончательного соглашения. Однако правительство и группировка «Платформа» отказались пойти на это, предпочитая продолжить переговоры. Тогда в ответ на это 20 декабря 2016 г. Комитет по контролю за выполнением соглашения КСА объявил, что он приостанавливает свое участие в работе Комитета по интеграции¹. Одновременно рост числа вооруженных групп продолжает препятствовать выполнению соглашения.

В 1916 г. были проведены выборы, которые, правда, не состоялись в областях Менака, Кидаль и Таудени и некоторых районах областей Гао, Монти и Томбукту. По имеющимся сведениям, в 50 муниципалитетах в северном и центральном регионах не провели выборов. 31 марта 2016 г. Национальная ассамблея приняла закон, позволяющий создать временные органы управления в областях Гао, Кидаль, Менака, Таудени и Томбукту, и губернаторы были назначены 14 октября 2016 г. в Гао, Кидаль и Томбукту, а также члены переходных советов в Менаке и Таудени. Однако губернатор Кидалья не смог отправиться к своему месту пребывания в силу неудовлетворительных условий в сфере обеспечения безопасности, а губернатор Таудени размещается в Томбукту в связи с отсутствием инфраструктуры в зоне его ответственности. На севере страны по-прежнему нет государственных учреждений. 21 ноября КСА опубликовал заявление, что он не признает результаты выборов, являющихся нелегитимными².

В целом, как констатируется в «Докладе Генерального секретаря о ситуации в Мали», — «подписавшие его стороны по-прежнему расходятся во мнениях относительно ключевых временных мер, в связи с чем задерживается осуществление всех других положений»³.

Мали поддерживает сотрудничество с Францией, а также с Германией. 4 декабря 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин имел беседу с И. Кейтой, а Китай направил своих миротворцев в состав Многопрофильных сил.

Со своей стороны, заместитель начальника российского Генштаба В. Тонкошуров 8 сентября 2016 г. встретился с начальником Кабинета министра обороны А. Дембеле, а заммининдел РФ М. С. Богданов посетил 13 октября 2016 г. Бамако, где он имел встречу с И. Кейту и министром иностранных дел, международного сотрудничества и африканской солидарности М. Диопом. В 2016–2017 гг. ожидается поставка вертолетов из России в Мали⁴.

Мали также налаживает кооперацию и с другими странами региона. В частности, 24 марта 2016 г. Мали была достигнута договоренность про-

¹ S/2016/1137. Совет Безопасности. 30 December 2016. Доклад Генерального секретаря о ситуации в Мали.

² Там же.

³ Меморандум правительства Мали по вопросу об осуществлении Соглашения о мире и примирения в Мали...

⁴ <http://tass.ru/armiya-i-opk/3620549>

водить систематические встречи с Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуаром и Сенегалом, чтобы обмениваться информацией.

Страны — члены Европейского союза обещали помощь Мали. Однако на май 2016 г. на эти цели было выделено всего лишь 722 млн долл., в том числе на развитие северных территорий 172 млн долл.

Французы интересуются Мали вполне объяснимо. Ведь французские компании ведут в этой стране добычу золота. Более того, Париж страшит, что мятеж туарегов перекинется на соседний Нигер, где фирмы Франции добывают уран, используемый французами. Интерес к событиям в Мали со стороны окружающих стран также понятен — ведь исламисты и туареги угрожают стабильности каждой из них.

Ситуация в Мали в данный момент

Несмотря на разгром исламистов в центральной части страны, они предпринимают вылазки в городах на юге. 12 терактов было осуществлено «Ансар ад-Дин». В марте 2014 г. «Аль-Мурабитун» совершили атаку на ночной клуб в Бамако. Там же фундаменталисты организовали в 2015 г. нападение на миссию ЕС по военной подготовке. В августе исламисты напали на отель «Библос» в городе Севаре. «Аль-Мурабитун» захватила 20 ноября 2016 г. отель «Редиссон Блю» в городе Бамако и убила 27 человек, в том числе 6 российских пилотов. В апреле 2016 г. произошли столкновения в области Мопти между сторонниками и противниками Фронта освобождения Масина, совершающего теракты в центральной части страны. 21 мая 2016 г. была совершена атака на отель «Азалай Нор-Зюйд» в Бамако, где размещался штаб Миссии Евросоюза. В июне 2016 г. началась борьба между проправительственным альянсом «Дети нации» и ополченцами народности фулана «Ганда Изо». 6 декабря 2016 г. группа «Ансар ад-Дин» атаковала тюрьму в Нионо, освободив 93 заключенных. Нападения, совершенные террористами, свидетельствуют о плохой подготовке малийских властей, по крайней мере, в 2015—2016 годы.

Нарастает напряжение и на севере Мали. Вспышки актов насилия в Кидале между жителями и солдатами МИНУСМА в аэропорту. Позже в этом самом городе произошли столкновения между КСА и Платформой, и обстановка там остается нестабильной. Активизировались и исламисты. В 2015—2016 гг. происходили их нападения на войска, принимавшие участие в контртеррористических операциях. В мае 2015 г. исламисты напали на Менаку. 28 октября 2015 г., в июле и 30 октября 2016 г. группа «Ансар ад-Дин» организовала нападение на военные базы в Мали, в том числе принадлежавшие МИНУСМА. 31 мая 2016 г. боевики атаковали лагерь Многопрофильных сил в Гао. 6 октября 2016 г. мятежники, принадлежавшие, видимо, к ОКИМ, организовали теракт против нигерских военнослужащих. Они атаковали военный лагерь, расположенный в области Тазалита, и при этом убили 22 солдата. 13 октября «Ансар ад-Дин» организовала атаку на малийские вооруженные силы. 6 ноября было совершено нападение на колонну МИНУСМА. 29 ноября «Аль-Мурабитун» была организована атака на аэропорт Гао. 1 декабря 2016 г. КСА заявило, что его база в Марси подверглась нападению со стороны ГСИТИС. 3 декабря произошло столкновение между войсками Платформы и вооруженной группой, связанной с

КСА. В мае 2017 г. подвергся атаке лагерь МИНУСМА в Томбукту. Участились нападения на конвои. Только за период с июня 2015 г. по июнь 2016 г. в Мали было убито около 400 человек, что немало для страны, имеющей 14 млн человек населения.

Салафиты получают деньги из ряда источников, в частности обеспечивая охрану наркотических перевозок в Сахаре, а также выкуп заложников. Их доходы за 2008—2011 гг. от контрабанды составили 150 млн долл. В целом исламисты, которым свойственно хорошее вооружение и организация, продолжают наносить удары по противостоящим им войскам.

Трудности сохраняются и с осуществлением Соглашения о мире и примирении. Как отмечается в меморандуме правительства Мали, его осуществлению мешает сохраняющаяся небезопасная обстановка на севере, нехватка финансовых средств, необходимых для осуществления Соглашения, и задержки в процессе проведения смешанного патрулирования, чему препятствует отсутствие 600 военнослужащих, которые должны были войти в состав смешанных патрулей¹. Глава Многопрофильной миссии, спецпредставитель генсека ООН М. Аннадифе заявил 2 июня 2016 г., что мирный договор не движется вперед, и он боится, что дело может привести к блокированию процесса урегулирования. Ему вторит генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, подчеркнувший в своем докладе от 31 мая 2016 г., что прогресс в проведении политических реформ по-прежнему носит ограниченный характер.

Ситуация в Мали с экономической точки зрения остается явно неоднозначной. Правительство проводит линию на продолжение развития сельскохозяйственного сектора, в который вкладывается 15 % бюджетных средств. В результате рост продукции составил 8,3 % в 2016 г. по сравнению с 2015 годом. Но производство хлопка за этот же период сократилось на 15,3 % и не прекратилось сокращение сферы животноводства². В связи с падением доходов значительная часть населения испытывает трудности с направлением детей в школы: хотя образование в стране является бесплатным, родители должны нести расходы по регистрации учащихся, покупать им учебники, новую одежду и униформу³. Принимаемые руководством меры не касаются Кидала, где сохраняющаяся напряженность мешает возобновлению занятий в школах⁴. Всего в Гао, Кидале, Менаке, Мопти, Сегу и Томбукту оказалось закрыто 495 из 2380 школ⁵. В принципе, все принимаемые руководством меры касаются северных районов в очень небольшой степени, и на севере не достигнуто пока улучшения жизни населения этих районов. «Сохраняющееся отсутствие безопасности, регулярная нехватка продовольствия, хроническая нищета, ограничение присутствия органов государственной власти и недостаточность базовых социальных услуг..., — подчерки-

¹ Меморандум правительства Мали по вопросу об осуществлении Соглашения о мире и примирения в Мали...

² <http://maliactu.net/mali-campagne-agricole-2016-2017-le-ministre-de-lagriculture-fait-le-point-des-dispositions-prises/>

³ <http://maliactu.net/mali-renree-scolaire-2016-2017-la-debrouille-des-mamans/>

⁴ <http://maliactu.net/mali-renree-scolaire-2016-2017-vers-la-consolidation-des-aquis-et-la-redemption-de-lecole-malienne/>

⁵ Меморандум правительства Мали по вопросу об осуществлении Соглашения о мире и примирения в Мали...

вается в «Докладе Генерального секретаря о ситуации в Мали» — все это еще более усугубило гуманитарную ситуацию в северных и центральных областях страны»¹.

Положение в Мали оказывает воздействие и на соседние страны. В самом начале операции, в январе 2013 г., М. биль-Мухтар захватил одно из предприятий Ин-Аменаса в Алжире в знак протеста против того, что алжирцы разрешили французским самолетам использовать алжирское небо для переброски войск в Мали. Действия салафитов распространились на район, находящийся на границе между Мали и Буркина-Фасо. В 2016 г. в Уагадугу и Гран-Бассине (Кот-д'Ивуар) были совершены теракты, в которых приняли участие малийцы, принадлежавшие к группировке «Аль-Мурабитун». В западной части Нигера поблизости от находящегося района вблизи от границы Мали имели место инциденты. Все это вынуждает тратить деньги на обеспечение безопасности, вместо того чтобы пускать на развитие.

Так что, несмотря на подписанные документы, положение в Мали остается стабильным только в силу присутствия французских сил и Многопрофильной комплексной миссии ООН. Более того, их вывод будет означать, что полномасштабная война возобновится.

¹ S/2016/1137...

ВЫШЛА КНИГА

Федотова Л. В.

По горизонту ходят облака. Стихи.
Псков, ЛОГОС Плюс, 2011. — 152 с.

Ларина Федотова — псковская поэтесса, член СП России, лауреат нескольких поэтических анонимных конкурсов. Окончив школу в г. Невеле Псковской области, уехала учиться в Ленинград, потом работала на Урале. Литературный путь начинала в г. Касли, затем в г. Снежинске Челябинской области и в литературном клубе «Светунец» г. Челябинска. Первый сборник «Алёнушка» вышел в 1981 году в Москве. Кроме собственных книг, печаталась в коллективных сборниках и в журналах.

Михаил ЗАРУБИН

ПТИЦА ВОЛЬНАЯ

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь» и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Весна нынче пришла поздно. Уже много дней апрельское солнце было закрыто упрямыми облаками, в которых зловещими желваками перекатывались сгустки влаги. По ночам подмораживало, хотя тепла хватало, чтобы деревья и трава на полях, нехотя, с опозданием, но все-таки начали бледно зеленеть. И лишь два дня назад солнце по непреложному закону Вселенной окончательно победило остатки зимы, и ветер, как услужливая метла, ловко смел облака с небосвода, да еще и поколотил их, чтобы вытряхнуть остатки влаги. Или, говоря иначе, — разнес облака в пух и прах, потому что на лазурной глади неба кружились белые их кусочки, похожие на птичьи перышки. Такие остаются после петушиного боя или от оципанных куриц. Но и эти крохи вскоре подсушило солнце. Все вокруг засияло, свободно вздохнуло, окрасилось в долгожданные весенние цвета. И хотя с реки еще тянуло холодом, Николай не стал ждать. Рано утром он приехал на свою пасеку, которая расположилась у старой немецкой усадьбы, на горушке. Имение принадлежало пожилому немцу Францу, с которым Николай познакомился давно, в ту еще пору, когда с женой и детьми перебрался на жительство в Германию. Как говорят — на ПМЖ (постоянное место жительства). Николай арендовал для своей пасеки небольшой кусок земли и старый сарай, где держал необходимые ему инструменты и запчасти для автомобиля. Франц брал за эту «аренду» сущие гроши, больше для порядка, чем для денег, и Николай был ему за это очень благодарен.

Быстро переодевшись, он сразу взялся за работу. Дел накопилось много, медонос уже начинался. По-

трудившись без отдыха несколько часов, Николай почувствовал усталость. Вытащив из багажника машины складной маленький стол и такой же стульчик с брезентовой спинкой, блаженно развалился, прислонив свою голову к стенке старого дощатого сарая, стоявшего на припеке. Налил из термоса крепкого кофе. Стал медленно отхлебывать, любясь кокетничающими с солнцем одуванчиками, горделивыми в своей классической красоте примулами.

На соседнем поле «разгорался» рапс, мелкие золотистые цветочки которого тоже старались занять почетное место на весеннем конкурсе природной красоты. Но все эти попытки были напрасными, никто не мог сравниться с деревом черемухи, которое в ослепительном цветении было похоже на гигантский цветок на мощном коричневом стебле.

На склонах пологих холмов проявилась густого оттенка зелень виноградников. Виноградные поля были похожи на прически африканцев с аккурратно выбритыми проборами.

Местность просматривалась далеко. Было видно, как чередуются рощи, поля и луга, как они упираются в заграждения сосновых и еловых перелесков. Колкие великаны казались суровыми стражниками, следящими за разливом полей, не допускающими никакого их самовольства и формирующими вмещающее пространство по законам эстетики и гармонии. И лишь дорога, петляющая серебряной нитью среди этой местности, казалась вольной, неподвластной никаким законам и ограничениям. Это было оправдано ее предназначением. Она вела к древнему замку! А казалось, что вглубь времен. Реальная картина из этих времен завораживала: угрюмый, величественный замок, достающий до небес, в лесной чаще копит труба старинной кузницы, у ручья мерцают перламутровыми мхами руины вековой мельницы. Николай полюбил этот край, север Баварии, с древним певучим именем — Франкония.

Он знал, что здесь частично проходит Дорога Замков, протянувшаяся на тысячу километров. Иногда ему хотелось оставить все заботы, забыть невзгоды и обиды и в своем автомобиле отправиться в путешествие по этой сказочной земле. Николай часто представлял, как созерцает диковинную лепнину бюргерских домиков, как гулко разносятся его шаги по ратушным площадям и монастырским дворикам, он ощущал, как ветер меряется с ним силой на развалинах древнеримских оборонительных валов.

Но такое путешествие возможно было только в мечтах. Жизнь крепко держала его в непонятно кем заданных рамках, так что иногда Николаю казалось, что он пленник.

Никогда чувство неволи не овладевало им в те далекие годы, когда он был молод, когда жил на Родине. Сладко вспоминались картины из детства.

Каменистый берег Ангары. За поворотом — Байкал, а на угоре стоят деревенские избы. В одной из них он родился. Все дома с голубыми и белыми ставеньками на окнах смотрят на реку, палисаднички в один ряд, улица ровная, как струнка. Вместе с ребятами они бегали смотреть «Шаман-камень», что бросил Байкал вслед вольнолюбивой дочери Ангаре, убежавшей от него к Енисею.

Стремительно и широко уходила байкальская вода в далекое путешествие. Здесь, на слиянии Байкала и Ангары, находили прибежище тысячи птиц — гоголь, чернеть, морянка, лутка, крохаль и кряква. Они жили тут и зимой, на незамерзающем участке.

А знаменитые «ходульные» деревья, поднимающиеся над землей на своих корнях-ногах! Какой страх они наводили на мальчишек в сумерках: казалось, зловещие чудовища вышли на берег. Ветер выдувал из-под них почву, и корни оказывались оголенными, похожими на корявые ходули. Жуткое и прекрасное зрелище, метафора природы.

Мама рассказала ему легенду про «Шаман-камень», когда Николаю было лет пять. Он помнит все, ласковый, выразительный мамин голос, и свое ощущение великого счастья, когда она, покачивая его, примостившегося на ее коленях, рассказывала, словно напевала:

«...Это было давно-давно. Байкал в то время был властелином, были у него несметные богатства и любимая дочь — Ангара — несравненной красоты. Кто ни посмотрит на нее, залюбуется ею и влюбится. Но отец больше всех любил свою дочь, одаривал ее дорогими подарками и берег пуще своего глаза. Но пришло время, когда Ангаре нужно было выходить замуж. И решил могущественный Байкал, что счастье дочери в его власти, решил выдать дочь за того, кто нравился ему самому — за молодого богатыря Иркуты. И решил он поговорить с дочерью, чтобы убедить ее выйти замуж за Иркуты. Но на большом летнем празднике — сурхарбане, где местные богатыри устроили состязание в силе и ловкости, она увидела потомка гордого Саяна — Енисея. И влюбилась в него. Но Енисею срочно пришлось уехать домой. Ангара стала скучать, и вознамерился тогда Байкал выдать поскорее дочь за приглянувшегося ему Иркуты. Но девушка не соглашалась, и тогда Байкал заключил ее в темницу. Но Ангара вырвалась из плена и убежала к Енисею. Рассердился Байкал, высоко вскинул волны, разыгралась свирепая буря, молнии рассекли небеса, загудели горы, рыбы затихли на дне, птицы унеслись за горизонт. Ударил Байкал по древней горе, вырвал огромный камень и кинул вслед беглянке. Но было поздно, вольнолюбивая Ангара уже была в объятиях Енисея. А камень упал в сам Байкал, и назвали его Шаманским. Говорят, что если разгневается еще раз Байкал, то сорвет «Шаман-камень», и хлынувшая вода затопит весь мир...».

Наверное, советские гидростроители хорошо знали эту легенду, а может, еще какие древние тайны, и собственноручно помогли Байкалу удерживать Ангару. Поэтому у Иркутска и поставили плотину, чтобы притормозить строптивцу. Но в результате этой «помощи» родной Колиной деревни не стало. Вода накрыла ее непроглядной толщей, оставив на поверхности, словно на память, лишь вершину «Шаман-камня», которая как маячок показывала, где была малая родина Николая...

Вздвогнув, Николай очнулся от воспоминаний. Солнце уже распалилось, воздух заметно потеплел. Пчелы, словно посмотрев на часы, в срок приступили к своей работе. Радостно загудели ульи, звуки сакральной работы разнеслись по окрестностям. Ничто на протяжении тысячелетий не изменилось ни в их технологиях, ни в распорядке, ни в результате.

Николай всякий раз поражался этим удивительным созданиям природы, их красоте и святому, жертвенному труду во имя жизни своей и человеческой. Можно в связи с этим говорить о естественном отборе, об эволюции, а можно — о Божием промысле, о Божией заботе о человеке, для которого мед — и пища, и лекарство от множества недугов, и лакомство, дарующее радость. Николай не спорил ни с кем, ему было ясно — пчелы, действительно, Божьи создания.

Он и сам не понимал, как увлекся пчелами. Никто из его родных или друзей не занимался таким многотрудным делом. Возможно, причиной тому — его профессия? Тяга к небу. Он был летчиком и когда-то тоже летал, как эти трудолюбивые создания. А сейчас ему осталось лишь наблюдать за их полетами, выверенными, целесообразными.

Солнце уже достигло зенита, нагрело не только стенку старого сарая, но и кожаную куртку Николая. Пчеловод высвободился из своих раздумий, из креслица, из томления на солнце, снял куртку, повесил ее на спинку стульчика и пошел к ульям.

Пчелы трудились без усталости. Одни улетали за пыльцой, у других было дело на летке нижнего яруса улья. Николай тоже включился в работу, которую необходимо было по непрерываемому пчелиному графику обязательно закончить сегодня. Николай так увлекся своим делом, так уверенно и вдохновенно, как у дирижера, двигались его руки, так сосредоточились мысли, что даже не заметил, как подошел хозяин старой усадьбы.

— Здравствуй, Николай.

— Здравствуй, Франц.

— Ну что, весна наконец-то пришла?

— Слава Богу, — ответил Николай, — хоть займусь делом наконец-то...

— Ну что же, времени у тебя много. Ты стал свободной птицей — так у вас в России говорят?

— Это почему же «свободной»?

— На работу не ходишь. Прощай, фабрика?

— А, ты об этом. Да, я свое отработал. И в России, и в Германии. Старый я уже стал, Франц, недавно шестьдесят шесть стукнуло. Остается одно — пчелы. Это мне еще по силам. Только русские говорят — не «свободная птица», а «вольная». Понимаешь отличие?

— Нет. А почему вольная? В чем разница?

— Не могу тебе объяснить, Франц. Это понимание приходит с личным опытом жизни. Но в России говорят именно «вольная».

— Ну, раз говорят, значит, Николай, ты — птица вольная. Ты просил у меня место под маленький домик? Я — не против. Вот здесь и поставь его, — немец указал рукой на площадку у сарайчика.

— Спасибо, Франц. Только давай заключим договор на аренду земли.

— Зачем тебе это? За аренду нужно платить.

— Так спокойнее.

— Как скажешь.

Приятель пошел по дорожке вдоль широкого луга. Николай не замечал, что наступает на первые полевые цветы, которыми недавно любовался.

— А я ведь тоже стал свободным человеком, — неожиданно сказал Франц и печально улыбнулся.

— Также закончил работу на фабрике?

— Нет, мне еще рано, до пенсии два года. Я продал коров.

— Чем они тебе помешали?

— У нас с женой уже сил нет ухаживать за ними. Наемные работники недешевы. Молоко мое получается дороже, чем в магазине.

— А как же вы без коров?

— Не знаю.

— Жалко, мы с Мартой так их любили. Молока, правда, никогда не пили, желудки не позволяли. Дети и внуки живут отдельно, разлетелись по всей Европе. Поэтому без молока проживем, а вот без коров — не знаю. Сколько себя помню, они всегда рядом.

— Ладно, Франц, не грусти.

— Луг в аренду просят, сено-то нужно. Конечно, отдам, не пропадать же добру. Нам-то косить и не для кого, и не по силам.

Дальше они шли молча. Подойдя к сарайчику и увидев складной стульчик, Франц удивленно посмотрел на Николая.

— И ты здесь сидишь?

— А что?

— Разве в доме мало места? Он же всегда пустой!

— Я не отдыхать сюда приезжаю, Франц. А от дождя и сарайчик согдится.

— Ты ведь не завтра свой домик поставишь!

— Я, Франц, люблю все делать быстро. Завтра подпишем договор аренды, а послезавтра — начну нулевой цикл...

Хозяин опасно подошел к первому улью, заглянул сбоку и в восторге покачал головой.

— Ты посмотри, какая сложная жизнь! — восхищенно сказал он. — На первый взгляд — хаос, ничего не понять, а в действительности — стройнейшая организация. Я кое-что читал о пчелах. Удивительные создания...

— Для них тоже весна наступила, Франц. Начало жизни. Ты помнишь себя молодым?

Франц улыбнулся и огорченно махнул рукой: то ли на безвозвратно ушедшие годы, то ли на себя самого, не сумевшего реализовать все, о чем мечталось в молодости.

— Разве такое забудешь?

Они синхронно похлопали друг друга по плечам. Франц пошел домой. Николай вернулся к прерванному делу, а мысли его все кипели вокруг одной и той же горькой думы.

2

Заместитель командующего военно-воздушной армией назначил встречу с Николаем на поздний вечер. Привычка работать по вечерам и ночам пердалась ему от отца — командира сталинских времен. Назначать совещание на семь, восемь часов вечера считалось в порядке вещей. Ничего, что все участники после рабочего дня уже плохо соображают, зато необходимые решения приняты. Так было в новые советские времена и плавно, без особых изменений, перешло в новейшие — российские. Заместителя командующего Николай хорошо знал, они закончили одно училище, только тот был на два курса старше. Служба в горячих точках способствовала быстрому его повышению, хотя военными талантами он не блистал, но человеком слыл уравновешенным, рассудительным. Так что ничего дурного от этого позднего вызова Николай не ждал. Где-то глубоко внутри теплилась надежда, что Москва согласовала ему очередное звание. На генеральской должности Николай служил уже год и знал, что документы на повышение отправлены в министерство.

— Заходи, Николай, — вполне доброжелательно встретил его генерал. — Коньячку выпьешь?

— Спасибо, сегодня моя смена.

— А я выпью, — генерал достал из большого несгораемого шкафа красивую бутылку какого-то иностранного коньяка и обычный граненый стакан. Стакан он наполнил до краев и, как и положено российскому генералу, в три глотка осушил его.

— Присядь, полковник, — как-то безразлично произнес генерал.

Было видно, что ему трудно начать разговор. Потом неожиданно зло, с затаенной обидой заговорил:

— Утешать я тебя не стану. В армии сокращение, ты в числе тех, кому придется уйти на пенсию. Пенсия, правда, неплохая, прожить можно. Командующий лично внес тебя в список. Я пытался тебя защитить, но получилось только хуже. Начальник мой заорал, чуть ли не затопал ногами. Понимаешь ситуацию?

Николай почувствовал, как гулко забилося сердце. Казалось, что удары его были слышны в каждом уголке этого огромного кабинета.

— Что молчишь?

— Что тут скажешь, — с усилием выговорил Николай. — Без слов все ясно.

— Обматерил бы хоть, что ли.

— Кого?

— Меня.

— Тебя-то за что?

— За жизнь нашу долбанную, когда здорового, умного, сорокалетнего профессионала выбрасывают на пенсию...

— Кому дела передать?

— Своему заместителю.

— Разрешите идти?

— Иди.

Николай словно во сне шел по коридорам огромного здания, машинально с кем-то здоровался за руку, кому-то козырял. Скольких друзей и знакомых провожал он в запас! Порой это было радостным событием, порой грустным. Однако эти события не касались его лично, поэтому не затрагивали его сердца. Ему казалось, что с его послужным списком, с его опытом и знаниями он будет незаменим до смерти. Но больше всего мучил вопрос — за что? По всем армейским законам уходить на пенсию ему было еще рано. По крайней мере, можно было послужить еще лет пять-семь.

Хотя, конечно, он догадывался, за что его списали. За излишнюю принципиальность. Официальная формулировка гласила: «за выслугой лет», а в действительности... Он не разрешил совершить внеплановый вылет группе коммерсантов и старших офицеров в Крым на пикничок. На военном-то самолете! Впрочем, в те годы все было возможным, «левые» рейсы случались довольно часто. В таких случаях Николай требовал письменное разрешение от вышестоящих командиров и только тогда организовывал вылет. В тот раз не было никакого разрешения, только личная просьба какой-то военной «шишки», правда, весьма настоятельная. Николай категорически запретил вылет, без всяких колебаний.

Подавленный новостью он поспешно вышел из здания, прошел по дорожке подальше от парадного входа, сел на скамейку. «Вот и конец военной службе, вот и конец», — пульсировало в мозгу. Два года назад он перестал летать, а теперь выходит, что совсем армии не нужен.

Мальчишкой Николай с завистью и восхищением смотрел вслед каждому пролетающему самолету. Аэродром, где базировалась летняя часть, находился рядом с его деревней. Стартовый звук «Мига» он отличал от звуков других машин. Ему нравилось следить за тем, как гул турбин, оторвавшись от самолета при взлете, пытался догнать машину в полете. Так и летели они: самолет отдельно, а звук турбин следом, поэтому по звуку местоположение самолета выследить было невозможно. И как же хотелось ему, деревенскому пацану, подняться в небо, с огромной высоты взглянуть на землю и парить над ней, как эта железная птица.

В армию брали осенью. Повестка из военкомата пришла Николаю на работу. Закончив строительный техникума, он жил в вагончике, у которого и адреса-то не было. В техникум он поступил потому, что в селе не было школы-десятилетки, да и родители настаивали.

— Коля, получи специальность, пригодится ведь, — твердила мать. — Поступишь в институт или нет, еще неизвестно, а здесь всегда на кусок хлеба заработаешь.

Уже пройдя медкомиссию, услышал от военкома:

— Где хотите служить?

— В авиации.

— Хорошо, — кивнул майор, и Николая отправили отдавать долг Родине в подводный флот. Повезло, что не на атомный ракетоносец, а на старенькую дизельную лодку. Осень и зиму Николай прокантовался под водой, а весной подготовил документы для поступления в летное училище. Пришел в штаб дивизиона за направлением.

— В летное не дадим, в военно-морское — пожалуйста, — ответили ему.

— Но, я хочу в авиацию!

— А мы не хотим отпускать Вас в летное. Не можем. Нет разнарядки. Подумайте, может, наши желания совпадут?

Желания не совпали, и Николай затаил глубокую обиду на военных чиновников-самодуров. Помог командир подлодки, который очень хорошо относился к Николаю.

— Обойдемся без штаба, — заверил он. — Видали мы таких умников, — и подписал направление.

Летом пришел вызов в летное училище.

Мечта детских лет осуществилась. Николай хорошо запомнил свой первый самостоятельный полет, особенно тот миг, когда оторвал умную машину от земли. Когда она податливо и вдохновенно стала удаляться от привычной для человека земной тверди и легко покорила твердь небесную, большие дома и деревья вдруг стали маленькими, игрушечными, горизонт отодвинулся на десятки километров и превратился в дугу. И вот он уже в облаках, все выше, выше, выше...

Незабываемый восторг. Тогда Николай и почувствовал себя по-настоящему свободным и впервые задумался о сути этого понятия. Его самолет поднимался до восемнадцати километров, в нижний слой стратосферы, в озоносферу, определяющую предел перегрузок. Однажды, проходя верх-

ние грозовые облака, он видел две световые колонны, взметнувшиеся вверх на десятки километров. Молнии с треском устремились в космос, где небо всегда черное и от сотворения Мира не гаснут звезды. А он взлетал так высоко для того, чтобы не погасло Солнце, чтобы не погрузилась во тьму войны его Родина. И для этого под крыльями его самолет нес то, что могло ее защитить. Он радовался, что пока одного вида вооружения хватало для того, чтобы остудить горячие головы «ястребов». Ему не хотелось привести в действие свой огненный довод.

С небом Николай расстался неожиданно, после банального случая. Все беды приходят неожиданно. В тот день он собирал вишню в саду. Стоя на крепкой нижней ветке, он потянулся к вершине дерева за самыми крупными ягодами. Но ветка не выдержала его стремления и обломилась. Упал Николай неудачно. Врачи сделали несколько операций, но восстановить подвижность ноги не сумели. Так небо осталось без любимого летчика — полковника российской армии. И они стали встречаться во сне...

Но надо было кормить семью. Слава Богу, друзья не бросили. Устроили в центр управления полетами. Здесь его летный опыт очень пригодился. За время дежурств у Николая ни разу не было чрезвычайных происшествий. Однако в жизни страны такие происшествия стали привычным делом.

Одно слово — «лихие девяностые». Рушилась великая страна, которую ненавидели ее руководители. Предавали и продавали армию — наследницу Великой Победы. Славные боевые офицеры, прошедшие Афганистан, как мальчишки робко скользили по паркетам кремлевских кабинетов в надежде что-то еще спасти, достучаться до оцепеневших от сияния долларов военных начальников. Но ничего не помогало. Отовсюду выводили российские войска, это сопровождалось огромными потерями техники и вооружений. Оружие продавали, честь предавали.

Мучительно наблюдал за жуткой картиной развала и Николай. Надеялся, что бессовестный грабеж вот-вот прекратится, что скоро грабители насытятся и успокоятся. И все будет по-прежнему. Мечтал, что найдется такой руководитель страны, который заслонит Россию своей грудью, пристрожит грабителей, поможет честным людям. Такой человек, действительно, у Бога в запасе был, но только на потом. Он появится после того, как русский народ, не научившийся на прежних своих ошибках, вновь окажется у роковой черты, когда отступать уже будет некуда. А пока героический полковник сам должен был заботиться о своей судьбе.

Он сидел на скамейке до темноты, мучительно обдумывая предстоящую трудовую и семейную жизнь. Хотя мир не замечал его страдания. Все было как обычно — взлетали самолеты, кто-то просил посадку, кто-то докладывал о том, как идет полет. Все как всегда, только для него служба уже закончилась. Что он скажет дома? Как воспримет его слова жена Лиза?

3

С Лизой они познакомились случайно, у друзей. Все произошло как в песне: «Любовь нечаянно нагрянет...». Хотя, может, эта встреча была предопределена, ведь они так подходили друг другу. Для него девушка Лиза была самой красивой, самой умной, самой доброй. Николай ей тоже

понравился, так что они скоро решили пожениться. Через два месяца. Хорошо звучит — летчик и учительница! Летчик оказался смелым, служил в самых дальних частях. Учительница — мудрой и верной. Она не роптала на жизнь в захолустных гарнизонах. Пока он летал, она в маленьких поселковых школах рассказывая своим ученикам о любви Онегина и Татьяны...

А потом появились два сына-погодки, Вова и Саша. В общем, все, слава Богу, как у людей. Они были счастливой семьей, ради которой Николай преодолевал любые трудности.

И вот сейчас он должен сказать своей любимой горькие слова. Как она отнесется к тому, что закончена служба, что ее муж, еще не старый человек, отправлен в отставку?

Лиза родилась и выросла на Алтае, в немецкой семье. Район, где она жила с отцом, матерью и двумя старшими братьями, по этническому составу был немецким процентов на шестьдесят. Там были и поголовно немецкие села, где иностранкой казалась русская учительница русского языка. В семидесятые и восьмидесятые годы началась массовая эмиграция советских немцев в Германию. Власти не препятствовали выезду, за два десятилетия на историческую родину отбыли сотни тысяч немцев: из Казахстана, Алтая, Поволжья. Это были не худшие люди, уезжали самые толковые, хозяйственные, образованные и непьющие, уезжали люди самых разных профессий. Чем они руководствовались? Вряд ли только желанием воссоединиться со своими, чаще всего, незнакомыми сородичами. Скорее всего, это были материальные соображения. Большинство из них привлекала распропагандированная возможность сытой, обеспеченной жизни, в которой все предсказуемо, спокойно, безопасно. Русские ребята или девушки старались жениться на немках или немцах и уезжали вместе с ними. Никто их не осуждал, «рыба ищет, где глубже...» Таких немцев называли в шутку «средством передвижения», и это была чистая правда. Конечно, случались браки и по любви.

Уехала в Германию и Лизина сестра с мужем. Но Лиза категорически отказалась покинуть Россию. «Я нужна здесь, а не в Германии...» — повторила она. После встречи с Николаем этот вопрос вообще не поднимался.

Он выпрямился, от наклонок затекла спина, от воспоминаний покраснели — от слез души — глаза. Николай откинул сетку с лица, подошел к столу, выпил два глотка кофе. Лиза...

Вот и сейчас, когда большая часть жизни позади, он еще счастлив своей любовью. Рядом всегда Лиза. Порой ему казалось, что они слились воедино до такой степени, что стали одним человеком. И ничто не сможет их разделить. Это и есть любовь?!

Да, для Николая это не отвлеченное чувство с красивым названием, а бескорыстная и радостная забота, определенный образ жизни со своими ценностями, мировосприятием, избирательностью внимания и даже дыханием и интонациями. Все годы они с Лизой прожили в непрерывном состоянии влюбленности, в радости, не осознавая, что это и есть счастье.

Говорят, беда не ходит одна. Почему одна не приходит? Такая общительная, наверное? Но ворота открывай, впускай двух, трех подружек. А какая из бед страшнее, разбираться некогда.

Страшно остаться в сорок с небольшим лет без любимой работы — удар, который не каждый может перенести. Но страшнее беда с Володей,

старшим сыном. Они с женой давно замечали за ним что-то необычное. Сын жаловался на усталость, его постоянно мучили сильные головные боли, всегда что-то тревожило, одолевали какие-то страхи, он был в постоянной депрессии, ощущал безнадежность, малоценность своей жизни, терял интерес к учебе, даже перестал играть в свой любимый футбол. Обычно спокойный и добрый, он вдруг проявлял агрессию, на любые замечания отвечал резко, доходило до истерик и даже судорог.

Лизины скитания по поликлиникам закончились страшным диагнозом — шизофрения. Сына увезли в больницу, название которой обычно произносят шепотом. Попросту говоря — в психушку.

Порядок, вернее, бардак в обычных российских больницах известен всем. Но в психиатрических — его ни с чем не сравнить. У Володи от недолгого пребывания в больнице появились тяжелые побочные эффекты: головокружение, обмороки, рвота.

Побывав там в первый раз, Николай ужаснулся.

В палате он увидел сына, забившегося в угол. Он прижимал к себе туфли и полиэтиленовый мешок с вещами.

— Что с тобой? — кинулся он к сыну.

— Папа, — заплакал Володя, — забери меня отсюда. Они все отнимают у меня.

— Кто?

— Психи.

— Ну, тут же только санитары.

— Я не знаю. Мне страшно.

Николай не мог это видеть и забрал сына домой. Вскоре все повторилось, и Володя вновь оказался в больнице. Они с Лизой были близки к отчаянию. Наконец, им удалось пробиться на прием к главврачу.

Разговора не получилось. Главврач сразу заявил, что сам никого не лечит. Он администратор. Психиатрическая больница — это место, где больные изолированы от общества, и на эту изоляцию уходят почти все выделяемые средства. Лечить, конечно, необходимо, но государство не выделяет на эти цели денег. Короче говоря, делаем, что можем. Вот и весь разговор.

Выйдя из больницы, Николай понял, что ни о каком лечении здесь речи идти не может. Нужно искать другую клинику.

Лизе порекомендовали врача, способного определить степень болезни Володи. Ничего утешительного они не услышали.

— Нужна сложная операция. У нас их делают крайне редко и за большие деньги.

— А где возможно сделать операцию?

— В Германии, например. В Израиле, в Штатах...

— Что же нам делать?

— Надеяться на чудо. Или искать богатого спонсора. Однако поверьте моему опыту — чуда не произойдет. Ищите деньги.

После встречи с врачом Лиза развила бурную деятельность. Она где-то подолгу пропадала, часто с кем-то говорила по телефону. В маленьком просторстве кухни однажды она спокойно и твердо сказала мужу:

— Я оформляю документы на переезд на постоянное место жительства. В Германию.

Николай не ожидал, долго молчал, задумался.

— Но ты ведь знаешь, — людей, которые имеют дело с военными секретными, за границу не выпускают. У меня еще срок не вышел.

— Кроме того, что ты военный, ты еще и отец. И мы не находимся в состоянии войны с немцами. Ты рассуждаешь, как во времена холодной войны. Посмотри по сторонам, Коля! Берлинской стены уже нет, Германия стала единой, железный занавес в прошлом. Сейчас никто никого не держит, каждый вправе выбрать себе место жительства. Володя болен, и я не хочу наблюдать его мучения, я должна его спасти. Вызов от свое сестры я уже получила. Решай. Если не захочешь, я уеду одна с детьми.

— Но почему нужно уезжать навсегда? Разве нельзя сделать операцию и вернуться?

— У нас с тобой не хватит денег даже на наркоз. Да и операция — не самоцель. Володе нужно длительное лечение, на которое уйдут, может быть, годы.

— И что же, там нашего Володьку будут лечить?

— Будут, когда мы станем гражданами страны.

— Неужели там всех лечат?

— Всех, даже безработных.

— А мы-то как будем жить?

— Как многие другие. Я верю, что Володю можно вылечить. Немцы вкладывают огромные средства в медицину, у них лучшая в мире техника и специалисты.

— Не знаю, Лиза, не знаю.

— Володю спасти надо. Тем более, ты уже на пенсии...

Она крепко обняла мужа, давая понять, что он ей необходим. Николай долго еще сидел на кухне. О чем он только не думал в те трудные часы, о чем только не вспомнил. О том, как в детстве он с мальчишками играл в войну, где было только две силы — фрицы и русские. Фрицами никто не хотел быть, поэтому тянули жребий: сломанная спичка в зажатом кулаке — ты фриц. Побеждали, разумеется, всегда русские. А что бы сказал отец, прошедший всю войну, дошедший до Берлина? Для него немцы — враги. Он умер несколько лет назад, и уже не узнает, какое его сын замышляет «предательство». Мама ушла из жизни еще раньше, но она была женщиной мягкой и без железобетонных принципов своего мужа. Она бы поняла Лизу, спасающую своего ребенка. Николая же, как и всякого человека его поколения, воспитывали в духе холодной войны: есть два военных блока, один наш, другой противника. Есть союзники, есть враги, все ясно и понятно.

Так что же случилось с его страной? Разве нет в России специалистов высокого класса, которые идут в ногу со временем, генерируют новые идеи? Наверняка есть...

И тут же перед глазами возникла палата, где находился Володя, озлобленная медсестра, вонь и грязь... И что толку, что врач — человек умный? Больному не легче, что тот много знает и умеет. Больному надо выздороветь.

Лиза уехала в Германию первой. Николай задержался, но не потому, что страна не выпускала первоклассного пилота и человека, владеющего какой-то секретной информацией. Все гораздо проще. Николай ждал окон-

чания младшим сыном учебного года. Ну, а его самого нигде, ни в одной инстанции не спросили ни о цели выезда, ни о знании секретов.

Не стало огромной империи, а тут какой-то маленький человек уезжает. Эка невидаль! Кому он здесь нужен?

4

Кто бы ни рассказывал красивые сказки о загранице, они все равно остаются только сказками. Никто там никого не ждет, и с неба ничего не падает. Смысл один — надо работать. Только своим трудом ты можешь получить тот минимум, который необходим для жизни.

Николай и Лиза за свою жизнь «накопили» денег, которых хватило только на дорогу и на пару месяцев скромного существования. Сначала жили на пособие, учили язык, искали работу. Лиза неплохо говорила по-немецки, в ее семье все знали язык, а Николай оказался очень способным учеником. Языковая среда — великое дело, и через полтора-два года он уже вполне сносно говорил по-немецки. Ему это показалось мало, и он с прищущим ему трудолюбием и дотошностью занялся английским, «для себя». А вот с работой долго не везло.

Однажды прочитал в газете объявление о том, что требуется рабочий в деревообрабатывающий цех фабрики, располагавшейся в соседнем городе. В приемной директора он увидел человек двадцать молодых, крепких мужчин, так же как и он жаждущих работы. Николай в этой очереди показался себе слабым больным стариком, не конкурентом этим молодцам. И пошел на выход. Но в дверях он столкнулся с пожилым седовласым мужчиной, как выяснилось позже, хозяином фабрики.

— Почему вы уходите? — неожиданно спросил он Николая.

— Да вряд ли я выдержу такую конкуренцию, — смущенно ответил бывший летчик.

Хозяин улыбнулся.

— Зайдите ко мне.

Почему Николай понравился хозяину? Может быть, потому, что старый опытный немец увидел в этом сильном, еще относительно молодом русском нужного ему работягу. А может, потому, что знал опытный немец, что русские — хорошие специалисты и честные труженики, что на таких можно положиться. Разговор был недолгий, и на следующий день Николай уже вышел на работу.

Семнадцать лет прошло с того дня. Многому научился он за эти годы. Пригодились навыки, заложенные отцом еще в детские годы. Конечно, он не стал столяром-краснодеревщиком, но как изготовить паркетную доску, как отшлифовать поверхность, чтобы видны были все волокна, жилочки древесины — научился. Не брезговал никакой работой, стоял с молодыми работниками на пилораме, где могучие стволы деревьев превращались в ровные, как струночки, ароматные доски, находилась ему работа и в фанерном цехе. У него был свой метод: на работу он приходил на два-три часа раньше, и заканчивал позже. Это увеличивало его производительность процентов на тридцать: все знают, что утром работается значительно лучше. Хозяин высоко ценил «этого странного русского», как именовали его между собой немцы.

...А пчелы продолжали свою работу.

Зазвонил сотовый телефон, отвлекая Николая от нахлынувших мыслей и чувств. Это был младший сын.

— Здорово, Саша.

— Здравствуй, папа. У меня радость, я получил степень доктора наук.

— Сынок, я рад не меньше твоего. Поздравляю! Приезжай, надо отпраздновать это событие.

— Приеду на выходные. Ты не забыл, что у нас годовщина? Семнадцать лет, как мы переехали в Германию

— Это ты мне напоминаешь? Мы тебя ждем. У Володи все нормально, он работает. Правда, неполный день, но лиха беда начала.

— Имей в виду, я приеду не один.

— С кем же? — притворно удивился Николай.

— С девушкой, я говорил вам о ней.

— Ну, что же, заодно и с невестой познакомимся...

Николай закрыл телефон. И вздохнул полной грудью. Его воспоминания, охватившие всю прошлую жизнь, на этом событии подошли к концу. Впереди ждала новая жизнь со своими радостями и надеждами. Все будет хорошо, лишь бы в сердце не иссякла любовь.

Солнце направилось на ночлег за далекий холм, взгромоздившийся на линию горизонта. День поклонился вечеру. Высоко в небе планировал ястреб, похожий на крестик. Медленно, внимательно оглядывал он свои владения. Глядя на него, Николай повторил слова Франца: «свободная птица». Интересно, поймет ли этот немец разницу между понятиями «свобода» и «воля»? Ну да, по-немецки свобода — «Freiheit». Воля в значении сила, мужество — «Wille», немцы чаще всего употребляют это слово с определением «железная». Говоря о свободе, немец наверняка вспомнит «осознанную необходимость», и будет, разумеется, прав. А русский скажет: «век воли не видать», и тоже будет понят своими соотечественниками, потому что воля — это что-то огромное, без конца и края, ощущение ее дается человеку от рождения, и сворачивается, как свиток, со смертью... Кому, как не русскому человеку, рождающемуся с восхитительным сознанием огромности просторов своей Родины, не знать что воля — это не только хотение, сила, потакание своим слабостям, возможность приобрести весь мир, но кровная связь с родной землей, ощущение опасности повредить своей душе. Столько у тебя этой воли, сколько в сердце любви.

Такими философскими размышлениями Николай закончил этот долгий весенний день на немецкой земле, удивительно красивой, гостеприимной и чужой... Он понимал, что никто его не неволил, никто не заставлял поселиться в неродном краю. Он сам: и свободен, и волен. Да, понимал... Но почему вдруг брызнули из глаз его слезы, а из груди вырвалась эта забытая, старинная русская песня.

*Уж ты поле мое, поле чисто-ое.
Ты, раздолье мое, ты широко-ое!*

Почему?

Алина МАЛЬЦЕВА

«Я СОЛНЦЕ ЛОВЛЮ РУКАМИ»

Алина Матвеевна Мальцева — родилась в с. Ново-Меловое Курской обл., окончила Ленинградский политехнический институт. Поэт, член Союза писателей России с 1994 г., член Бюро Санкт-Петербургского отделения СПР, автор более десяти книг стихов. **Живет в Санкт-Петербурге.**

СПАСЕНИЕ

*В одном из лагерей для заключенных
был освящен Патриархом всея Руси
Алексием II и установлен крест
будущего храма.*

«Нам нужен свет, —
во тьме кричали, —
чтоб небо видеть голубым!»
Далек тот ясный день вначале,
им стал просвет необходим...

Судьба их заклеимила — «зэки»,
жаргоном хлещет злой язык,
и души — жалкие калеки,
хоть тело — из железа клык.

Лишь воля вольная — потеря,
и нет для них других потерь.
Однажды свет ворвался в двери
и в души ярким словом «Верь!»

И храма крест как символ веры
поставили убийца, вор,
чтобы на двор тюремный, серый —
небесный обратился Взор...

* * *

Тусклый свет из окошек
заметил дворы.
День отыгран, отложен.
Сгинул в тартарары.

Круговерть — пуще прежней.
Век с безумным лицом.
Я без веры к надежде
выхожу на крыльцо.

В небо гляну ночное.
В глубь души загляну:
ретивое все ноет.
Засмотрюсь на луну.

Вскину крышей ладошку,
и затеплит вопрос:
Может, это
окошко
засветил мне Христос?..

* * *

И все — и солнце победило
зимы угрюмую печаль:
вон уплывает в море льдина,
и купол блещет, как медаль.

Нева раскрыла в знак привета
дверь Монастырке, как сестре.

И робко будущее лето
Мелькнуло в солнечном костре.

Там, возле Лавры богомольной,
сжигая снежные холсты,
лились лучи рекой привольной
на православные кресты...

* * *

Но цельность должна быть какая
противу бесчисленных бед,
чтоб пела весна, не смолкая,
чтоб радовал душу рассвет.

Приди же, не связанный ложью,
проникнутый болью земной.

И вместе мы жизни поможем...
И вижу я свет надо мной!

Вот близится, снегом блистая, —
на белом я Богу видней.
Но образ летящий растаял
над серой планетой моей...

НА ПАСХУ...

Опять в расколотом миру
природа оживает властно.
И я в который раз пойму:
творенье Бога, все ж, прекрасно.

Пусть Он такое сотворил,
не захотев поставить точку,
что и рассвет порой не мил,
за горло взявший одиночку...

Отбились Ева и Адам
от вышнего святого стада.

Не вылечит: «Аз есмь, воздам!»
А делать, делать что-то надо!

И гонит темноту восход
своею смелостью веселой,
и кровью огненной зовет
к цветенью города и села.

И в солнечном сухом дыму,
из сердца выбросив опаску,
что жизнь прекрасна, я пойму
сквозь окна, мытые на Пасху...

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Весть черная толкнулась в грудь,
но мочи нет — впустить,
и силы нет на дальний путь:
найти и схоронить
девчонку, радостную дочь,
пропавшую средь гор.
«Ее навек украла ночь!» —
бьет молот-приговор.

— Что мне теперь простор земной?
Пустыня, пустота.
Как жить мне летом и зимой
и как разжать уста?..

И двинулась наперерез
дорогам прошлых дней,
и понесла свой тяжкий крест,
и думала о ней.

Все продолжала вспоминать
объятия ручек, смех.
— Теперь я людям буду — мать,
любовь моя — для всех.

Упрямо шла она вперед,
отторгнув зло, вину.
А в душу ей глядел народ.
И Бог ей дочь вернул.

ХРАМ

Волоокая задрёма,
вологодская страна,
на меня ты смотришь скромно,
непонятностью страна...

Деревянные колонны
от купеческой Москвы.
Бабы дружно быют поклоны —
мнут холстины о мостки.

Время хлопнуло калиткой,
тишина легла окрест.
Солнце светится улыбкой
через звонницу и крест...

Церкви кружат панораму,
куполами — в синь небес!
К вологодскому шла храму,..
вышла тьме наперерез.

* * *

Вот я снова шепчу: «С Днем рожденья, Христос!
Не из тех я, кто так любовно донес
на тебя. В мой приют безутешный зайди.
Не устану я ждать до последней зари...»

Пали́, солнышко, пали́,
эка благодать!
С незапамятной дали
мне другой не стать.

Мне в самой себе крутить
чувств коловорот,
чтоб хотелось дольше жить,
не наоборот...

Чтобы я входила в день,
чувствуя восторг,
солнце, в ушко луч мне вдень
мягко, не остро.

Вспомню образ: нелегко
в рай ведут пути,
сквозь игольное ушко
легче мне пройти...

* * *

Обласканная ветрами,
плывя навстречу лучам,
я солнце ловлю руками,
что прыгает по волнам!

А над морской водицей,
покинувшее зенит,

парящей круглой жар-птицей
на небе солнце горит!

И с ним над стихией плавной
кривозеркальных вод
с Божественной буквы заглавной
правда моя живет...

ПОЭЗИЯ

Валентин СЕМЁНОВ

«ЭТОТ ГОРОД ПРЕКРАСНЫЙ НЕМЫСЛИМО»

Валентин Евгеньевич Семёнов — родился в 1942 г. Работал слесарем, рабочим сцены и пр., затем — факультет психологии ЛГУ. Работал директором НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ. Доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России. Основатель научной отрасли «социальная психология искусства», автор «концепции российской полиментальности». Один из основателей и сопредседатель СПб «Собора православной интеллигенции». Научный руководитель НП «Центр политических и психологических исследований», член Президиума Совета православных общественных объединений СПб епархии. Награжден серебряной медалью Святого Первоверховного Апостола Петра. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Звон забытый. Собор заснеженный.
Наши улицы просто впритык.
Познакомились лихо, небрежно —
дети века большой суеты.

Не забыла, однако, художница —
залепила снежком в стекло.
Так и встретились —

полуночники —
и общались с улыбкой, легко.

И в душе лед наросший подтаял.
И дождем светлым лето прошло.
А зима вдруг нагрянула злая,
словно зарясь на чье-то тепло.

Но собор возвышался оснеженный,
освещая безумный мой год
и храня переулочек Манежный,
где душа ожила от невзгод.

* * *

Этот город прекрасный немислимо.
И особенно — в сентябре...
Но преследует всюду двусмысленное
и двуликое в сложной игре.

Средь дворцов,
колоннад изумительных,
над водою миражных почти,
происходят события мучительные,
потаянные, — днем и в ночи.

Этот город внедряется в душу,
а потом вдруг сбивает с ног!..
Это знали и Гоголь, и Пушкин,
Достоевский, и Белый, и Блок.

* * *

М.
Острова. Воскресение в мае.
Зелень юная после дождя.
От воды бликов солнечных стаи,
по листве светотенью скользя.

Солнце теплое. Вечер ясный,
как глаза моей милой ясны.

Я почти растворился в причастье
светоносной цветущей весны.

Райский день подарило нам небо, —
такой свежести и тишины,
что все кризисы, — мнится, — нелепы
и над жизнью совсем не вольны...

Чайка в трансе бросается в воду,
соловьи запевают в кустах.
Славлю душу, любовь и природу,
что живут только в Божьих руках!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

...И перрон. Сходу бледные лица.
Лужи. Ветер. Холодная ночь...
Улыбаюсь. Готов прослезиться.
Этот город, мой город — вновь!

И в такси — прямизной проспектов,
между каменных строгих форм,
в сфере левых оттенков спектра,
где дождем заштрихован фон.

Через площади, реки, каналы,
через целые острова.
И сквозь памяти штили и шквалы —
в Гавань, где моя юность жива.

Это все — до конца, до окраин —
часть меня и частицей я сам.
Здесь шатается эхо исканий
и скитаний моих по пятам.

Эта свежесть опять. И, как в детстве,
замираю на склонах мостов.
О, восторга священное действо,
под звучащий органно мотор!

СВЯТО-ПЕТРОГРАД

Петром построен на костях рабов жестоко, —
святым, что значит «*санкт*», он не был никогда;
убийствен для царей, поэтов и пророков,
тем более, для нищего и бедняка...
Конец Союза: с «*Ленинградом*» расставанье
и обретенье прежних памятных имен.
Вернули «*Петербург*» — немецкое название,
а русский «*Петроград*» — не возвращен.

Эпоха снова смутная, нерусская:
«макдональдс», «шопинг», «бизнес», «гей»...
Америка с языческой грубостью
вторгается в язык наш все наглей.
А люди, просто, очень приучаемы,
когда внушают что-то им все дни.
«Санкт-Петербург» усердно почитаем,
но «Свято-Петроград» — он впереди!

* * *

Калечат нувориши город наш.
Вот над Невой за Троицким мостом
взошла какая-то ступенчатая блажь,
как на курорте южно-городском,
и рядом: с жалким шпилем теремок,
огромный стекло-пластиковый кич —
сломали соразмерность невских берегов,
как совершенство пушкинской строки...
Мы классику сумели отстоять
от «башни вавилонской» в небесах!
Но как же этих монстров нам изъять,
чтоб каждый раз не отводить глаза?!

* * *

М. И. С.

Храм Никольский, морской, словно с неба.
Ты сюда меня в детстве ввела.
Он сияет волною лазурно-нежной,
золотые неся купола.

Что бы стало со мной без тебя, Мария, —
моей бабушки дорогой?
Каждодневно добро творила,
просвещая своей добротой.

В этот благостный день твоей памяти,
сорок лет тебя помня, любя,
я молюсь в нашем храме, под парусом
православного корабля.

Храм взлетает над рябью канала,
над листвою блистают кресты.
Он — ковчег в мир Господний, я знаю...
Вновь спасибо за все! И прости!

ПОЭЗИЯ

Сергей МОСКВИТИН

«СВЯТАЯ РУСЬ — ВСЕМУ ОСНОВА»

Сергей Владимирович Москвитин — родился в 1967 г. в городе Дальнереченске Приморского края, но с годовалого возраста живет в Якутии. Окончил Казанский авиационный институт. Работал журналистом в районной газете «Ленский вестник» (город Ленск, Якутия). 17 лет руководил литературным объединением Ленского района «Фламинго». Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Работает главным специалистом пресс-службы МО «Мирнинский район» (город Мирный, Якутия). Автор нескольких поэтических сборников и ряда краеведческих книг. **Живет в г. Ленске (Якутия).**

* * *

Стихи — это отдушина души...
Когда согнет в бараний рог
судьбина,
Когда ударит жизнь коварно
в спину
И твой покой надолго сокрушит,

Бери перо — и жалуйся в листок,
Рыдай стихами в белую жилетку —
И ощутишь, как черепную клетку
Покинет боли огненный клубок...

* * *

Россия...
От края до края
Ухабы, канавы да рвы.
Родителей не выбирают —
И Родину тоже.
Увы.

У нас, видно, доля такая:
Россию нести на плечах.
Страной дураков и лентяев
Зовем мы ее вгорячах.

Россия...
Нет гордости прежней.
В загадочном имени — боль.
Осталась одна лишь надежда:
Надейся, как прежде, изволь.

Изволь бестолковой, убогой
И нищей ее принимать,
Смирненно упрашивать Бога,
Молиться за Родину-мать.

А что нам еще остается?
Лишь лечь за Россию костью.
Господь, дай нам место под солнцем
И нас, дураков, вразуми!

ДВОЕ СУТОК НА ПОЕЗДЕ

Всюду мусор, свалки и помойки
Виджу из вагонного окна.
Словно после затяжной попойки
Предстает огромная страна.

Прячут села облик невеселый
Под осенней рыжею листвою.
Ждут дождей похмельного рассола
Или, может, встряски снеговой?

Двое суток еду по России
И повсюду вижу лишь бардак,
И душа беснуется в бессилье,
Что умеем жить мы только так.

Наш вагон отстукивает версты,
Предлагая мне одно и то ж:
Мы давно остановились в росте,
И былой России не вернешь.

Города, деревни, полустанки
Вызывают черную печаль:
От бывшего вижу лишь останки
Да разрухи скорбную печать.

Вспоминают старые дороги
И дома пустые — детский смех.
Не прикроешь этот вид убогий
И не залатаешь всех прорех.

Старые домишки покосились,
Заросли ограды лебедой.
Захлебнулась нищая Россия
Вырожденья горькою бедой...

ПЛАСТИНКИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Всего-то нужно: бережно извлечь
Из тонкого бумажного конверта
Запрятанные песни, чью-то речь,
Мелодию забытого концерта,
Поставить на вращающийся круг
Ушедшего в историю прибора,
Иглой коснуться —
И от взмаха рук,
От палочки волшебной дирижера
Воскреснет голос.
Простенький мотив
Польется,
Струны скрытые затронет —
И вздрогнет память,
Чудо совершив,
Преподнесет, как будто на ладони,

Далекie, забытые года,
Мгновения эпохи малолетства —
Пропавшее, казалось, навсегда
Заветное, заваянное детство.
Забытый голос запахи вернет.
Рассеет звук туманные препоны.
Свершится невозможное — и вот
Незыблемые поправки законы...
Выходит,
Можно время обмануть,
Прошедшее вернуть
И сделать близким?
Есть к этому совсем
короткий путь —
Старинные виниловые диски.

ПОСЛЕ ЛЕТНЕЙ ГРОЗЫ

Гроза отбушевала, перекатами
Умчала туч грохочущих стада;
Прозрачную гребенку ливня спрятала
И вместе с мраком скрылась в никуда.

Березоньки с расчесанными гривами
Красуются у солнца на виду.
Их только что сам Бог фотографировал:
Я видел фотовспышек череду.

Ах, кто-то небо разорвал на клочья
И разбросал по лужицам вокруг.
И вот теперь, как облаком всклокоченным,
Парным туманом застилает луг.

Таежный мир, умытый, обновленный,
По-праздничному яростен и лучист.
Танцуют птицы. Елочки влюбленно
Вбирают их художественный свист...

К РОССИИ

Ты когда-то пахала и сеяла,
И рождала нам хлебные горы.
Ты когда-то своими лишь силами
Небогато, но сытно жила.
Почему же ты стала рассеянной,
Почему проходимцы и воры
Так взнуздали тебя, что ты, милая,
Закусила свои удила?

Кровопийцы к тебе многоликие
Присосались бесчисленной тучей.
Обессиленная, спотыкаешься,
Скоро рухнешь под тяжестью зла.
Ты когда-то считалась великою.
Ты когда-то считалась могучей.
Почему же сейчас не брыкаешься?
До чего ты себя довела!

Так и будешь брести по обочине
Потерявшейся в жизни сироткой?
Неприкаянная и беспутная,
Ни резва, ни жива, ни мертва.
Кровь твоя уже сильно подпорчена,
В твоих венах пульсирует водка.
Цепенеет хмельная и мутная,
Задурманенная голова.

А быть может, встряхнешься, усталая,
На дыбы встанешь,
 скинув наездников —
Тех, что держат лишь
 в холоде-голоде,
И ретиво вперед понесешь?
Будет грива кудрявиться шалая
На ветру перемен добрым вестником.
И пусть встретят тебя
 добрый молодец
И бескрайняя во поле рожь!

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Был тих и скромен от рождения
И молчалив Варфоломей.
Боярский сын урок смиренья
Давал в пример России всей.

В семь лет он встретил черноризца,
И был чудесным этот миг,
И отрок через прозорливца
Премудрость книжную постиг.

Уроки мудрости духовной
Он тотчас к жизни прилагал

И нес в душе своей любовно
Один — навеки — идеал.

Оставив грешный мир и гордость,
С людьми приветлив был и прост.
Богослужение и кротость.
Смирение, молитвы, пост...

Благословил его Спаситель
На столь высокие дела:
В глухих лесах его обитель
Святую веру берегла.

Отсюда светоч — Божье слово
Несло прозрение для всех.
Отсюда Дмитрия Донского
Благословил он на успех.

Отсюда, по его примеру,
Шли иноки с огнем внутри
Великой православной веры —
И множились монастыри...

Россия верой напиталась
И с верой встала в полный рост.
С той верой, что в душе как радость
Игумен Радонежский нес.

Святая Русь — всему основа.
Я рад, что ей принадлежу
И имя русского святого
С особой гордостью ношу.

ВЫШЛА КНИГА

Колесов В. В.

Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Словоуказатель —
Н. В. Колесова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской ци-
вилизации. — 1120 с.

Энциклопедическое издание «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове» является итоговым трудом выдающегося русского ученого Владимира Викторовича Колесова. Оно завершает и подытоживает многолетние исследования автора по истории русского языка и развитию ментальности древнерусской цивилизации.

Первая часть издания посвящена исследованию социальных терминов Древней Руси, вторая — этических категорий, третья — эстетических и этических терминов, четвертая показывает последовательное мужание мысли в русском сознании и связанными с ним формами познания — это собственно и есть описание древнерусской ментальности.

При подготовке своего труда автор пользовался материалами более чем 30 книгохранилищ и библиотек — различными периодическими и одиночными изданиями древних текстов, число которых приближается к 300, а также 24 авторитетными многотомными словарями. Список использованной литературы содержит до 450 наименований, и это только те материалы, прямые ссылки на которые присутствуют в тексте. В словоуказателе, который объединяет все части этого труда и превращает его в филологическую энциклопедию древнерусской цивилизации, представлено более 4 000 слов, которые так или иначе объясняются в труде.

Виктор ЛИХОНОСОВ

ПОСЛЕДНЕЕ СЧАСТЬЕ

Виктор Иванович Лихонос — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии Союза писателей СССР, Государственной премии РФ, Патриаршей премии. Член Высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре.**

Положу на стол по правую руку Евангелие, обретенное мною 11 ноября 1987-го у монахов в Афинах, освященное через шесть лет в Вифлееме в церкви Рождества Христова (в яслях на звезде), в Гефсиманском саду в Иерусалиме, в Назарете, в Тивериаде, в Капернауме, а через два года, 15 октября 1995-го, помеченное на заглавном листе росписью Святейшего патриарха Алексия Второго; рядом положу «Сотницы» и подаренные мне в Москве другом «Старческие советы подвижников благочестия», и еще «Молитвы последних Оптинских старцев», буду каждый раз читать понемножку перед своим литературным вязанием, буду молиться и просить Господа и ангела-хранителя помочь мне войти в воду воспоминаний о матери, о тонких молниях своей жизни, написать с прощальным чувством и на сей раз «не упустить времени, которого уже мы по смерти не найдем».

Завязав еще при матери узелок домашней летописи, я потом более десяти лет накапливал в толстых тетрадях вороха строк, присаживался к столу в разные мгновения, писал что-то чувственное, что не восстановит самая сильная память, слова облекались мелодией, порою горьковатым страданием, тоскою и прочим откровением: всем чем-то близким, родным, колыбельным...

Все это я уже никогда не прочитаю, потому что толстая щемящая тетрадь пропала внезапно.

Поэтому я затянул отставание в замысле еще лет на пять.

Бесы подстроили мне наказание.

Разве я теперь смогу всколыхнуть то душевное «плетение словес»?

Но уже пора.

Перечитал давно напечатанные главы, последняя строчка укоряет мое долгое молчание.

«Мы с матерью и не догадывались, что стояли на родной улице в последний счастливый год великой страны».

Неужели столько прошло с тех пор? Уже 2015 год.

Пора.

Будет тянуться в Пересыпи золотая осень, чайки у гирла не устанут взлетать и садиться, покраснеет на закате солнце и спустится где-то в Крыму, Большая Медведица посверкает над воротами, луна медленно перекинется от моста к Ахтанизовской, а я буду перебирать бумаги, писать и зачеркивать, торопиться и к ночи отдыхать с чужой книгой...

Помоги же, Боже.

ЕЩЕ НЕ ПОСЛЕДНИЙ СРОК

Нам предназначено было жить вместе всего десять лет, но мы, слава Богу, этот срок не высчитывали. Жили и жили...

Той осенью, после поездки в Сибирь, я застревал в Пересыпи надолго.

Теперь уже такого не будет никогда: уходил ли я под вечер в гости, задерживался случайно в станице, всегда по возвращении мог постучаться и крикнуть в хату: «Мам, открывай, это я!». Для надежности матушка припирала дверь толстой палкой (или узкой доской): один конец под стену (возле второй двери), другой у железной ручки. В большой комнате сверкал телевизор; она часто у телевизора засыпала.

Каждую осень власти напоминали, что Лермонтов увековечил Тамань в романе «Герой нашего времени» и на однодневные почести поэту созывали гостей со всех сторон. Я любил сию простенькую затею, станичное оживление, нечаянные встречи с дальними писателями, внезапное эхо истории, женские лица на трапезе, тосты, хмельные разговоры в ночной гостинице.

От Пересыпи до Тамани сорок верст.

Обычно я появлялся у матери пораньше, несколько дней гулял с палочкой по тоскующему берегу, подбирал перья чаек, в кухоньке что-то писал, иногда переливал в бочку молодое вино (порою и после таманского гуляния задерживался в пересыпском дворе на недельку), наконец выходил за ворота на крик красавицы Майи, сгибался к сиденью в машине и ехал с громким весельем (под говорок этой «казачки с турецким профилем») мимо холмов в Сенной, вдоль Таманского залива... на «край земли».

Бронзовый Лермонтов напоминал о себе живом, все словно заново прислонялись к его жизни, к повести «Тамань» и в хате Царицыхи как-то по-детски разглядывали куриное окошечко, сундук, печку, все то уже отчасти придуманное музейщиками, что досталось нам через полтора века, задавали вопросы так, будто дежурная девушка скажет сейчас нечто новое, вчера только отгаданное, и выходили, доверчиво представляя, как в этом же дворе бывали и старуха, и слепой мальчик, и грустный Печорин. Далекий берег Керчи сиял четкой линией, и кому-то хотелось уплыть туда или навсегда остаться в Тамани, чтобы часто глядеть с идеальной тоской то на пристань, то в водяную даль.

Бронзовый Лермонтов напоминал о себе живом, но далеком, так зря, казалось, покинувшем на третий день скверный городишко Тамань, так скупно написавшем о нем.

После богатого банкета все торопились домой в разные концы, прихватывали с собой со столов бутылочки, бутерброды, жареную рыбку и всю дорогу передавали друг другу легкие стаканчики, завершали праздник. Но я всегда прощался с шумной компанией в Пересыпи у памятника летчицам, там, где табличка указывает поворот на Ахтанизовскую. Не вернет мне сам Бог такой приятный миг. Не позволит мне с такой же тайной нежностью приближаться по переулку... Лермонтова к нашей хатке с тремя окошками, приступать к воротам и радоваться, что в хатке моя кроткая матушка. Задремала или у дальнего окошка перебирает облепиху, но там, в жилой хате. Сейчас, когда пишу, повторяю этот коротенький путь по переулку.

Отовсюду торопился я к ней. Отказывался от декадных литературных путешествий по стране, за границу меня не пускали как ненадежного советского человека, но попозже я улетел через океан в Америку.

После ее смерти в тетрадке с адресами нашел я несколько листочков — неоконченные ее письма к сестре: все те же неровные строчки без запятых и заглавных букв, знакомые мне с молодости, с того года особенно, когда обучалась она писать ко мне на юг. А это писала она в 90-м году, в апреле. «Дорогая сестричка, Витя поехал в Америку, обещал написать из Москвы и молчит, а я переживаю...» Так уж прямо не виноват, но все же душа кается, что я бросал ее, старенькую, в чужом углу одну. В огороде за сараем, там, где мы в конце марта ладили с нею парник, я порою мельком припоминаю, как мы возились целые дни, разговаривали о родне в Топках, долго ужинали и никуда не собирались, а через две недели я взмахнул в эту загадочную Америку на целый месяц. И пятнадцатого апреля, на святую Пасху, проснувшись на широкой постели в гостинице в Вашингтоне в пять утра, я в первое же мгновение подумал о Пересыпи. Как далеко она, какой кажется сиротливой и будто обиженной... Разница во времени девять часов, и матушка уже наработалась в огороде и обедает, гадает, где сейчас я и что со мной. В какой стороне Америка, над какою водою лететь и что там за Нью-Йорк и Вашингтон, она не представляла. В этом отношении жила она, как в древности. А я-то был другой. И так странно чувствовать двойное бытие свое: ты на улице Массачусетс, возле памятника Скотту, вдали виден силуэт Белого дома, а призрак вчерашней жизни у Азовского моря, какие-то силуэты русского бытия тоже с тобою.

«Я телевизор каждый вечер включала, — признавалась мать потом, — ожидала последние известия, а ну как Америку покажут, может, и Витя мой где попадется...» Как знать, не в ту ли минуту, когда я в Сан-Франциско читал в гостях у монархиста воспоминания Каратеева, она и перекликалась со мною. «В июле 1920 года, — сближали меня строчки с таманским углом, — после эвакуации с кавказского побережья, крайне неудачный десант на Таманский полуостров...» А-а, это там, где я столько лет хаживал мимо татарских заборчиков и белых казачьих хат. От Пересыпи до Тамани рукой подать. Порою минуты с русскими потомками белогвардейцев сплетали таким родством, а воспоминания об их отцах, в терновом венце покинувших родные берега, были так похожи на печаль героев моего романа о Екатеринодаре, что я желал бы зацепиться в Сан-Франциско еще на неделю, а то и на месяц. Меня потом звали туда кадеты, но уже боязно было разлучаться с матушкой, она быстро старела. Дальше Москвы я уже никуда не уезжал, а потом, после ельцинского переворота, на целых шесть лет за-

был и про Москву. Началась в России такая сумятица. Я и не тосковал по Москве, даже боялся ее. Помню, когда прилетели из Америки, в аэропорту было страшно нанимать такси. Так же опасно было ехать в поезде. Раньше я любил возвращаться из Москвы через Керчь. Пару деньков у матери в Пересыпи — и дальше мимо Темрюка в Краснодар. И вдруг после переворота все оборвалось враз, полетело под кручу. Какая Москва?! До нее ли?

ПОСЛЕДНЕЕ СЧАСТЬЕ

Все свободные (после учительства) годы я так любил ездить в Москву и ни разу не окоченел от безумной мысли, что это привычное лакомое удовольствие оборвется в один миг и однажды я до слез расстроюсь, глядя с бывшей Манежной площади на разоряемую гостиницу «Москва». В двух гостиницах, в «Москве» и в «России», скрывалась моя гостевая судьба. Не понять хищным разорителям, какую частицу жизни провинциалов они уничтожили. Там наши временные радости, ощущения первых столичных часов, наше привыкание к чему-то сугубо московскому, почти заграничному, там голоса в телефонных трубках наших друзей, знакомых и редакторов, там с высоких этажей мы глядели на утренний, ночной, летний, зимний Кремль и чувствовали неприступную власть, заключенную стенами и башнями, в записных книжках закрепились этажи и цифры номеров, и... о, сколько застолий может вспомнить каждый писатель... Само приближение к столице вечером или на рассвете, долгое вытягивание поезда по дачным окраинам, первое мелькание пригородных остановок, московских фигурок на платформах, мысли о скорых встречах и приятных событиях приготавливали провинциала как будто к чему-то более важному, чем то, что исчезло вместе с верстами. Кого-то встречает родня, а ты один, друзей пожалел и будешь ждать открытия метро, поневоле следить, как моют полы, считают и раскладывают газеты (о, как рано кто-то в столице встает с постели), а внизу в короткие перерывы отдыхают в камерах хранения какие-то странные, тоже бессонные москвичи. Тонкое чувство, что ты уже не дома, и не в вагоне, и навсегда ушли в небытие твои попутчики, только что пеленавшие твоё самочувствие и уже ненужные, держит тебя до того часа, когда ты проникнешь в гостиницу, примешь ордер, поднимешься в лифте, в середине коридора возьмешь ключ у дежурной, вступишь в двухместный номер, выберешь себе кровать и подумаешь, что друг появится из Сибири попозже. Москвичи писатели затолкались в тесноте клубов и издательств, приелись друг другу, а мы, разбросанные по разным концам русской земли, соскучились и съезжаемся наговориться, посекретничать, а то и пожаловаться на притеснения местных властей. Если бы можно было опять пережить то же самое! Вижу, как утесняется гостиница писателями. Один за другим сообщают свои этажи и номера комнат, выходят перекусить на угол в буфет и засиживаются на радость в беседах, а потом еще будут сходить в номера знаменитые и простые письменники. Вон уже гогочут возле Астафьева, вон кругло басит дородный Евгений Иванович (Носов), с ним рядом Петя Сальников, матушка которого живет в той деревне, где Тургенев обрел типов к рассказу «Певцы» (и Петя все зовет меня туда), вон Потанин из Кургана и Колыхалов из Томска еще издали показывают всем видом, что будут сейчас меня обнимать, вот уже и высокий красавец Глеб Горышин спрашивает, не приехал ли Распутин, а чуть погода табором являются вологжане —

Белов, Романов, Коротаев, Шириков, Чухин и кто-то еще, да тут же несут на столик сосиски и пиво туляки, калужцы, псковичи, мои новосибирцы, и протекут за час, полтора знакомые кавказцы, казахи, узбеки, татары и все, все, все, кого уже не повидать мне в Москве никогда. Может, кто-то опишет (или уже описал) нашу дружескую толчею в Доме литераторов, в коридорах Кремля и Дома Союзов, прощальные банкеты, может, и я сам еще обернусь назад и с прощанием загляну в наши гостевые московские углы, похожу по знакомым квартирам стариков-писателей, приласкавших меня когда-то так нечаянно, подожду на станциях в метро гудящие составы, проедушь только мне известными маршрутами, зайду в книжные магазины на Арбате, на улице Качалова и Веснина, куплю французские книги (очень недорогие и, главное, прямо из Парижа), попью чайку в издательствах «Молодая гвардия» и «Советская Россия», потоскую по древностям в палатах бояр Романовых, полистаю старые московские и петербургские газеты в Историческом архиве, как мимо загадочных египетских гробниц пройду много раз возле Большого и Малого театров, прочитаю мельком названия спектаклей, взберусь к первопечатнику Ивану Федорову и тут же куплю в Книжной лавке редкие три тома писем Гоголя, сяду на дешевый троллейбус и долго буду ехать куда-то на край столицы, все удивляясь выносливости московского люда, заверну на улице Кирова (бывшая Мясницкая) в чайный магазин, накуплю конфет, каких нету в продаже в южном моем городе, каким-нибудь вечером побываю на закрытом просмотре итальянского фильма, провожу друга на Ленинградском вокзале к поезду и потоскую по «императорскому городу», в котором бывал я так мало, куда часто-часто звали меня Глеб Горышин и Глеб Горбовский.

Обычно меня провожали с Казанского вокзала, а иногда, если я настраивался прибыть сперва к матери через Керчь, с Курского. Это тоже целая повесть: кто и когда подтаскивал мои тяжелые сумки с книгами, приходил к вагону с подарком в дорогу. В советские годы поезда мои тянулись в южную сторону по рязанской, воронежской ветке, потом некоторые переправили по рельсам через Тулу, Орел, Харьков, и я любил иногда устремиться на Керчь и оттуда переплывать на пароме через пролив на кубанский берег (чуть вкось от Тамани), торопиться на машине мимо станиц Запорожской и Фонталовской в Пересыпь к матери. Не казалось тогда роскошью то, что я свободно проезжаю Украину, в Керчи на границе не придирались таможенники (о Боже, даже судорожно писать о том скверном расколе, который сотворили нелюди). Помню особенно ясно (и теперь особенно горько) мое возвращение через Керчь за пять лет до проклятого переворота. Ехал в купе один и вволю курил. В тот месяц я две недели обитал в гостинице «Центральная» (бывшей «Астории»), черкал напоследок рукопись романа «Наш маленький Париж», что-то сокращал, подклеивал кусочки (где мои записи в блокноте — не знаю). Никогда не проводил в Москве время так туземно, неторопливо, выходил только в бывший Елисеевский магазин да раза два в гости в Лаврушенский переулок, а перед отъездом побывал в музее-квартире Аполлинария Васнецова, преклонил там душу к кондовой матушке-Москве. Грустным пришел я вечером к другу «в Лаврушку». С ним пировал я в Коктебеле каждую весну.

— Я читал, — говорю ему плаксиво, — письмо Васнецова о храме Христа Спасителя. Как он умолял не трогать его! И какая русская квартира. Такая тихая, тихая Русь в ней. Неужели это было? — думаешь. Зачем это

исчезло? С фотографий смотрят другие русские люди. Мы их уже не чувствуем. Я и умилялся, и страдал.

— Да! — со вздохом соглашался друг. — Русского в нас все меньше. А зайди в бывшие палаты бояр Романовых.

— Уже был. В Зарядье, тоже бывшем.

— Мы все стали бывшими русскими.

— И не тужим.

— Да что там! Мы уже и не чувствуем давнего родства. И не нуждаемся. Живем, коптим в интернационализме.

— Я сколько лет приезжаю, а у Васнецовых не был. И в палатах. Рядом с гостиницей. Туда-назад ходишь, а все некогда вроде. А зашел недавно и... словно умер там: ветхая, забытая жизнь.

— Из этих палат, — как-то горестно возвышаясь родным чувством, вставая с кресла и удаляясь взглядом в вековую пустоту, растянuto говорил мой умный друг, — из этих палат, даже таких искаженных, какие они достались нам, выходишь виноватым, каким-то сгорбленным. Вот была Русь, Иван Грозный, Алексей Михайлович, еще и еще (то раньше, то позже), они «поживе и умре», некоторые древние князья и монахи в «книге глаголемой», как-то прочел: «житие и страдания» напечатаны в «Степенной книге», нам бы так писать (с тихим трепетом, с каким-то покорным поклоном вечности), «положен бысть в Печерском монастыре», «брада аки Иоанна Богослова», «прожил всю жизнь в болезни и чудесно пострижен ангелами», читать такое хочется подольше, перед сном. Близкого к ним чувства у нас нет уже. Тихо выходишь из палат. Кротостью, даже обидою осеняются оставленные в века на чужое смотрение все предметы в горенках, светелках, и это обыденно и просто отвергнуто той улицей, по которой ты пойдешь к себе домой. Только что была Русь, вышел на улицу под то же небо — и нет ее!

— Ты редко говоришь так.

— Я люблю Москву, все чаще дородную. Покупаю в магазине молоко, нет-нет да и скажу громко: «А у Чичкина при царе молоко было со сливками!». Все молчат. Не знают Чичкина.

— У нас, в бывшем Екатеринодаре, не знают, что жирный поджаренный гусачок стоил одну копейку; да к нему подавали на Старом базаре в трактире Баграта рюмочку водки, совсем не дороже. «Кушай, к чертовой матери!» — приглашал шумный Баграт.

— Ах! — вздрагивал и оживлялся Олег Николаевич. — Неплохо бы сейчас завалиться к Баграту в трактир, попросить гусачка, да как далеко уже от нас и Екатеринодар, и Баграт, и... Таких уж гусачков у вас там, поди, нету.

— Для вашего сиятельства найдем, поджарим, нового Баграта вытащим, рюмочку подставим.

— Ах, хорошо-то было бы! А потом у господина летописца в канасту поиграем! В Москве тоже есть сыр хитрой лисичке. Я тебе разве не рассказывал, как еще молодыми мы с Васей Аксеновым проезжали мимо Кремля, и я толкнул его в бок: «Посмотри, как красив Кремль на закате». А он вдруг резко так вздулся: «Неужели тебе может нравиться Кремль?». Наверно, имея в виду одно: там жил и правил «кровавый Сталин».

— После Москвы уткнулся в тишине в книжки. Юрий Казаков давал мне «Дар» Набокова на несколько ночей, прочитал. Бориса Зайцева ты мне дашь в следующий приезд. Еще хотел бы я полежать с книгой Зинаиды

Шаховской «Отражения», но ее даже у тебя нет. «Комментарии» Георгия Адамовича почта замотала. Трехтомник Романа Гуля «Я унес с собой Россию» мне не видать. А лучше бы всего пойти в Ленинскую библиотеку и спросить: так где же в фонде Николая Федорова запрятались черновики лермонтовской «Тамани»? Федоров показывал их Толстому. Знаешь?

— Вот и останься. Я тебя познакомлю с княгиней Мещерской. Она жива и говорит, что ее отец приятельствовал с Лермонтовым. Подсчитаем по пальцам, как это могло быть, когда он родился сам и в каком возрасте родил дочь. А потом закажем жирного гусачка и сминовской водочки! А! Мой милый! В моем «Державине» господа часто восклицают: «Почаще бы встречаться и рассуждать!». Не уезжай, живи у меня.

— Уже дал я матушке телеграмму: «Еду через Керчь». Сколько на часах? Уже она спит, ложилась, говорила себе: «Послезавтра Витя придет. Надо в Темрюк съездить, мяса купить. Он любит котлетки с пюре». Помнишь, какая она?

— Еще бы! Каким чудным вином угощала. А ее пирожки! Привозил в Коктебель. И даже редиску. Но два баллона вина — это... симфония!

— Господь Бог подарил мне Пересыпь. Не сразу это понял.

— А мою Тишинку угробили. Деревянные домишки с голубями, булочная, рынок. Ничего нет. Дом цел. Там еще в нашей комнате висит тайной паутиной мелодия гимна «Боже, царя храни», которую мама испуганно играла, закрыв шторы!

Меня с детства отдаляли люди из той среды, которая была не сродни нашей озерской, простонародной, с коровами и курами во дворах, стогами сена в огороде, отдаляли не богатством каким-то, не чем-то другим житейским, а тем, что в их семьях музицировали, пели романсы и арии из опер, мужчины и женщины, старые и молодые, вкрапывали в разговоры строчки стихов, называли много каких-то почетных, а то и знаменитых имен, никто меня не отталкивал, не презирал, но я сам казался себе попроще, чуть ли не дурней и темней, стеснялся себя. Таким же притихшим, незаметно обиженным слушал я в начале знакомства рассказы Олега Николаевича о родне — ого, какие все породистые, тонкие, благородно воспитанные, с какими удалыми русскими биографиями. Бабушка по матери из графского рода, отец — Георгиевский кавалер, а его отец — белый офицер, другая бабушка пела в Тифлисской опере, сводная сестра Ольга Воронец покорила голосом всех, сам же он не раз обедал с дочерью Куприна Ксенией, получал письма из Парижа от вдовы Бунина и с Твардовским готовил собрание сочинений Бунина (но ленится, баловник, записать блестящую речь Трифоныча на редколлегии в день выхода последнего девятого тома). Я и правда долго удивлялся тому, что Олег Николаевич скучает по мне, приглашает домой, хвалит мои рассказы, любит в Коктебеле гулять со мной по вечерней набережной.

— Перебирался бы ты, братец, поближе, — не раз заманивал он меня. — Куда-нибудь в Подмоскovie, забрал бы из Сибири матушку и... встречались бы, рас-суж-дали.

— Боюсь, — отпирался я. — Москва мне хороша на минутку. Не выдержу. Толпы. Расстояния. Даже обилие знаменитостей давит. Нет. А матушку вызову только на юг.

И вот к матери на юг уезжал я порою через Керчь.

— Ну! Да здравствует Курский вокзал, — вставал я прощаться, 89-й поезд, вагон 8-й, место 12-е. Меня ждут проводницы, таксисты, паромщики. В Керченском проливе чайки. С горы Митридат в ясную погоду можно увидеть Тамань. Катер четыре раза в день, на палубе девчонки, татары с корзинами помидоров, чайки долго летят за нами, смотришь на запад, там недалеко Феодосия, Ялта. Кому нужна ваша Москва?

Если бы еще так же расставаться «до встречи» с другом, если бы как-то еще купить билет Москва — Керчь, глядеть на собранные вещи у порога, томиться в оставшиеся пустые часы.

— Вот и пора!

Вышел, Москва вмиг какая-то стала дорожная, уже замаячила далекая домашняя жизнь. Тебя, нездешнего, случайного, безропотно отпускают окна, подъезды, этажи, улица Горького с мемориальными досками на стенах, зубчатые узоры Кремля. Все живет, суетится и будет жить так же, как до твоего мелькания. Не жалеют о твоём убывании дежурная, принимающая ключи, и милиционер внизу у двери, букинисты в магазине на улице Качалова уже позабыли, в какой шапке писатель забрал у них «Милый друг» Мопассана на французском языке (дореволюционного издания). Ты проезжий, не москвич, на Стромынке, в Марьиной ли роще, у Калужской заставы или на Воробьевых горах у тебя нет прошлого, нету следов отца-матери и родни. Казанский и Курский вокзалы — кровные тонкие приметы твоего странствующего бытия. Но и есть что-то странное в том, что ты опять в вагоне и час от часу возвращаешься к станциям, которые напоминают тебе о том, каким ты ехал недавно к столице, приближался и не знал, кого повстречаешь и какие впечатления добудешь. Уже потекли мимо поля и березовые рощицы, задрезали белые кривые дорожки в деревни, подступили к окнам тишина просторов, само долгое время, неписаная судьба проезжей земли. В Москве дальняя провинция позабылась. В поезде я не люблю спать, что-нибудь читаю, заполняю быстрыми строчками блокнот да гляжу в окно. Поезд тянется вдоль горизонта, бежит и бежит без остановок, бесконечные окрестности убаюкивают твою душу своим молчанием, и ты потихоньку вникаешь душой в заветную Россию и в ту, какую описывали классики, историки и какую ты сам заметил за годы длинных путешествий. «Ту-у!» — кричали еще те, старые паровозы ФД и ИС и куда-то везли тебя, везли и везли. В вагонах скопилось за полвека немало дней и месяцев моей жизни, и, о Господи, о ком только и о чем я ни думал, что ни переживал! В какую повесть это включить, чем связать и где набраться слов, мелодии, сострадания к самому себе, чтобы выразить тонко и похоже? 89-й скорый шел до Феодосии, а в Керчи отцеплялся мой 9-й вагон. В Джанкое менялся паровоз.

Ту последнюю поездку через Крым я помню до сего дня. Жалею, что не записал ее подробно, до рассыпчатых мелочей, бисеринок. Даже о 9-м вагоне думаю пристрастно, впусую гадаю о его железнодорожной судьбе: загнали его сперва на запасной путь, вытянули потом куда-то, разобрали мебель, распилили на металлолом? В том вагоне зацепилась моя суточная доля, я всех вспоминал, что-то поначалу договаривал Олегу Николаевичу... в Москву, писал, помню, веселое письмо в Утятку, раньше меня покинувшему гостиницу «Москва» другу, воображал, как переплыву пролив и выпью на радостях домашнего винца. (Если бы и это вернулось хоть на

одно мгновение!) Всякий день до переворота стал еще драгоценней. Вот я нанимаю такси и мчусь за город к парому. Справа холодное серое море. Через шесть лет вырвут у русских екатерининский Крым, дожидаться прежней простоты передвижения по старой земле долго. С керченской стороны завернуть в Пересыпь тяжелее. Да и к кому будешь ехать, торопиться по косе Чушке к Фанагории (Сенной), сворачивать на Темрюк и подгадывать к матушкиному борщу и пирожкам?

Все горько пройдет и переменится. Вот потому я за письменным столом во дворе под орехом с радостью повторяю путешествие в 9-м вагоне, плыву на пароме в зимний декабрьский полдень, думаю о Боспорском царстве (где-то в этих водах и на смутно чернеющих берегах) и ступаю с чемоданом в теплую хату. Слышу распевный голос соседки (уроженки Тамани), изредка забредающей потосковать по своей молодости, любительнице старинных песен: «Надену я платье, к милому пойду, а месяц подскажет дорожку к нему». Прохожу, свежо обзираю комнату с четырьмя окошками. Книжки покорно ожидают меня и на тумбочке, и в шкафу. Второй том романа «Война и мир» (изящный такой, с приятным шрифтом) всегда светится корочкой на стеклянной полке у окошка. Я купил его на том же Курском вокзале (с правой стороны площади), первого у киоскерши не было, я часто за дорожку раскрывал роман на любой странице и читал как в первый раз. Вот отрываюсь от амбарной книги, встаю и в хате вынимаю из шкафа сей дорогой том и на загнутых листах пробегаю по строчкам. «Уже смеркалось, когда князь Андрей и Пьер подъехали к главному подъезду лысогорского дома», «Зимою в Лысые Горы приезжал князь Андрей, был весел, кроток и нежен, каким его давно не видала княжна Марья», «В начале зимы князь Николай Андреич Болконский с дочерью приехали в Москву», «Граф Илья Андреич повез своих девиц к графине Безуховой». Сразу озарятся те пропавшие дни, и книга тем дороже, что она упокоилась в нашей хате еще... при матери. Я забываюсь с ней, в огороде мертво лежат лопата и грабли, я отлучился на минутку, но протечет не меньше *часа*, пока я перестану любить текст Толстого, снова следить за героями и желать заглянуть как-нибудь поскорее в Ясную Поляну и похожие на нее усадьбы, только уже разоренные.

В скупом блокноте еще не выплела запись. «Паром еле движется. Декабрь. Какая тишина, какая вечность над водой и в небе! Плыву, озираюсь вокруг, сознаю свое счастье: Крым, Тамань, рядом Пересыпь, а в пересыпской хате матушка! И Керчь моя, и пролив мой, и берег с косою Чушкой... Господи, храни нас».

В такие мгновения всех и все вспомнишь. Москва, ау, где ты? Укрылась она опять вдалеке, в отдельном своем миллионном чреве, а тут на скифских просторах никого и не видно: разостланная вода, за водою наискосок неясная Тамань, впереди берег кубанский, вроде безжизненный. Плывл я к берегу и не ожидал, на какую скорбь суждено мне сюда являться. Хоть бы вздрогнул: кто разбудит меня на заре к автобусу? Кто тихонько притронется рукой к плечу и скажет: «Вставай уже...» На спинке стула чистая, поглаженная рубашка, в широкий портфель матушка уложила с полсотни яиц, в сумку поместила две банки с вареньем, обложила твердым вяленым судаком. Матушка моя неутомимая! Всегда меня так провожала. А я грустил и был виноватым. «Да не кури! Ну что ты себя гроишь!» — строжились она. Я шел в сад (зимой жалобно-голый, летом тесно-заросший, нежный), и все

там укоряло, спрашивало меня: зачем уезжаешь, оставляешь мать одну? на душе у нее станет пусто, в огороде лишь ежик перебежит грядку да птичка с ветки сорвется: нигде нету сына. В кухоньке, где я много писал, и в хате с моей постелью все тоже приготовилось к сочувствию матери. С востока, с темрюкской стороны, вставало солнце, к полудню оно повиснет над Ахтанизовским лиманом уже без меня. Далеко в городе буду я выгадывать возможность поприсутствовать во дворе. И то надолго, то на день-два вырвусь из компании писателей, артистов, краеведов и заверну в Пересыпь из Анапы, Темрюка, Тамани, но с керченской стороны больше не покажусь.

ВЫШЛА КНИГА

ЦЕННОСТНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ, ГОСУДАРСТВОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ

В Российском институте истории искусств (РИИИ, Санкт-Петербург) завершена работа над коллективным научно-исследовательским проектом «Фундаментальные основания государственной культурной политики России. Историко-философский аспект». Исследование осуществлено при поддержке Министерства культуры Российской Федерации в рамках ФЦП «Культура России 2012–2018». Руководитель проекта — и. о. директора Российского института истории искусств, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ А. Л. Казин. В проекте приняли участие ученые — философы, филологи, историки, искусствоведы — научно-исследовательских и высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы: доктор культурологии, профессор Г. В. Скотникова (РИИИ), кандидат искусствоведения О. В. Губарева (РИИИ), доктор философских наук Т. В. Беспалова, кандидат философских наук Ю. А. Закунов (Институт наследия им. Д. С. Лихачева, Москва), кандидат филологических наук М. А. Дмитриева (Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения).

Итоги исследования могут послужить базой для методического обеспечения (учебников и программ) нового учебного курса «Основы государственной культурной политики Российской Федерации».

ПРОЗА

Виктор ПОТАНИН

ГЕНИЙ

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Я ехал с ним в одном автобусе. Больше того: мы сидели рядом на сидении. А потом о чем-то заговорили. Совсем не помню, кто начал первый. Да и вначале плохо вникал в его речи. Меня занимало другое: мой сосед как-то по-особому выговаривал слова, и они звучали грубовато, гортанно. Так иногда говорят продавцы на базаре. Да и лицо его удивило: щеки были пухлые, кругленькие и слегка розовели. А вот нос чуть-чуть толстоватый и точно бы взят с другого лица, но это его не портило. Наоборот, в моем соседе было что-то детское, наивное, располагающее. Особенно это заметно в губах. Когда он говорил, губы слегка прищмокивали, и это меня забавляло, но потом я про все забыл и стал весь — внимание. Да и меня можно понять. Ведь он вдруг заявил:

— Вам повезло, что мы повстречались.

— Почему? — я не вытерпел и засмеялся. И он тоже улыбнулся и подвинулся ко мне поближе.

— Так вот. Я — Байкалов Георгий Константинович. Вам ни о чем это не говорит?

— Ни о чем... — простодушно признался я, и он сдохотнул:

— А ведь пора бы знать, что так звали маршала Жукова, и этот человек всегда побеждал. Вот и я... — он еще хотел что-то добавить, но я его перебил:

— Но тот был великий полководец, любимец народа, а вы-то? Где себя проявили?

Я стал почему-то нервничать, да и подумалось, что он, конечно же, пьяненький — и вот горячится и хвалится. Такое часто бывает, и мне бы, старому человеку, пора бы уж ко всему привыкнуть. Но в этот миг он снова заговорил, и я посильней взгляделся в его глаза, — они были совершенно трезвые и безгрешные, а

вот слова — все-таки странные и продолжали меня удивлять. Он наклонился ко мне, к самому лицу, и спросил, как заговорщик:

— Вы спросили, кто я? Так ведь?

— Так, — согласился я, и он продолжал:

— Во-первых, меня тоже народ любит и уважает. И такие деньги не-сет — хоть банк открывай...

— Но почему?

— А потому, дорогой, что я мастер — каких поискать. Я все вам сделаю — от автомобиля и до замка. А во-вторых, я могу... — он причмокнул губами и как-то таинственно замолчал. И я, конечно, полез с вопросами:

— Вы заикнулись и не договорили. Но я вас слушаю...

— Хорошо, но об этом потом... — он опять замолчал, но я уже не отступал:

— А в холодильниках вы понимаете? У нас перестал морозить, просто беда...

— Никакой беды нет, обращайтесь ко мне, — он заглянул мне прямо в глаза. — Такую поломку — я за две минуты. Ровно за две, — для чего-то уточнил он и весело хмыкнул. И мне тоже стало весело и легко, и я снова спросил:

— И в замках, значит, смыслите? Тогда подскажите — какой самый надежный?

— Это даже не вопрос. Все замки я открываю сразу, а вот со шведским вожусь три минуты. И это, конечно, минус. Но я исправлюсь. Так что покупайте шведский...

— А в электричестве вы как?

— Что именно? — он почему-то засмотрел на меня сердито, и я поспешил ответить:

— Ну, к примеру, в плитке сгорела спираль и надо новую...

— Вы меня унижаете! — он смешно закрутил головой, как будто на него накнулись комары. — Вы еще спросите — умею ли я пользоваться ложкой или вилкой?

— Простите, простите... — забормотал я убитым голосом, и это ему понравилось.

— Не переживайте. Многие задают смешные вопросы. Чаще всего спрашивают про квартиры...

— И что интересует?

— Да обычно одно: можно ли по дешевке сделать ремонт квартиры или дачки. Заменить там полы, потолки, вставить новые окна.

После последних слов он тяжело вздохнул. Его что-то печалило. Но я уже не отступал.

— Ну и что вы им отвечаете?

— О ремонте-то? Но это тоже не вопрос. Обычно я все делаю сам, без помощников. Да, да. Сам подгоняю панели, клею обои, в окна подбираю стеклопакеты — так что я — кустарь-одиночка.

— И не скучно одному?

— Нисколько. С однокомнатной я обычно справляюсь за месяц, а с двухкомнатной — сорок дней.

— Почему именно сорок дней, а не сорок пять, сорок шесть?..

— А вы, оказывается, юморист. В таком случае перейдем на «ты». — Он протянул мне ладонь, и я покорно пожал ее. А для чего пожал — сам

не знаю, не понимаю. Он действительно уже подчинил меня, но я не сопротивлялся. К тому же он снова заговорил:

— Я и дом могу построить. Как говорят, сдать под ключ. Кстати, за свою жизнь я уже поставил десять домов. И все хозяева сказали «спасибо». Да и взял с них недорого.

— Сколько?

— Ну так вот: вначале спрашиваю у человека — какая у него месячная зарплата? Тот отвечает, и я эту цифру умножаю на три. Потому что дом строю три месяца. Ровно три... — опять уточнил он и заглянул мне в глаза. А у самого глаза были веселые, чистые, как у мальчишки. «А может быть, он какой-нибудь знахарь или гипнотизер?» — вдруг мелькнуло у меня в голове, и я хотел об этом спросить, но спросил о другом:

— А в болезнях вы понимаете? И лечить можете?

— Какой хороший вопрос! Его мне задают чаще других. — Он откинулся на сидении, и лицо покраснело. Он явно волновался. И от волнения изменился даже голос. Он звучал уже на весь автобус и был опять грубоватым, уверенным. А начал мой сосед с похвалы. В свой адрес, конечно.

— Я лечу любые болезни. Понятно? И травы знаю, настойки. Убираю все пороки сердца и язвы желудка. А если надо — применяю массажи, внушение. Иногда мне достаточно взглянуть на больного — и дело в шляпе! Ясненько? — У него весело задержались щеки.

— Вы и рак можете?..

— А вот этого не могу. Рак — Божья кара и совсем не болезнь.

— Тогда что?

Он посмотрел на меня внимательно и покачал головой:

— Не знаю — поймете ли? Рак — это наказание для нашей души... Вот именно — наказание. Ведь душа часто грешит по-крупному — вот тогда и заявляется рак. Он похож на воришку, который до поры до времени прячется в кустах. А потом выбегает — и человека хватя. — Он замолчал. А меня как прорвало, и я снова с вопросами:

— А сами вы когда-нибудь болели?

— Ну и ну! — он замолчал и похлопал меня по плечу. — Вы бы спросили о чем-то полегче. Но я болел, конечно, как не болеть.

В этом году мне стукнет сорок четыре, а это — нехорошие цифры. Часто они загоняют человека в больницу. Месяц назад угодил и я, — лечили мою нервную систему. Смешно, конечно, но я поддался на уговоры...

— Ну и как? Подлечили?

— Да нет. Выписали до срока, прогнали...

— Но почему?

— Испугались. Правды испугались. Ведь правды все боятся, вот и вы, я знаю, боитесь. Хотите, я скажу, когда к вам заберутся воры. И все у вас утащат, оставят только книги, старый телевизор и кухонный шкаф. Зачем им старье... И не смейтесь. Мои предсказания обычно сбываются. Кстати, сегодня ночью вам приснятся голуби. Хотите верьте, хотите нет...

Я в ответ засмеялся, а он обиженно надул губы и замолчал. Я сразу почувствовал себя виноватым и, чтобы исправиться, возобновил разговор:

— Но почему все же выгнали из больницы?

— Я ведь сказал — из-за правды. Непонятно? Тогда поясню: после обеда зашла в мою палату сестричка и стала мерить давление. А я взглянул

на нее и понял — ей же грозит беда. Ну я и предупредил — сегодня, мол, пойдете домой после работы и на улице Советской, возле университета, поскользнетесь на наледи и сломаете ногу. И не успел я договорить — се-стричка захохотала. Да так нахально, что я обиделся и подумал — скоро тебе, милая, будет не до смеха. Так и вышло — в тот же вечер она пошла домой и сломала ногу. А утром позвонила своему начальству и обо всем рассказала. Короче — настучала на меня. Вы слушаете меня или устали?

— А как же! — бодро отозвался я, и он продолжал:

— И вскоре ко мне в палату пожаловал сам заведующий отделением. Я его встретил стоя, из уважения, и протянул ему руку: здравствуйте, дорогой Николай Петрович. Он даже зашатался от удивления и отпрянул к стене — откуда, мол, вы знаете мое имя и отчество, ведь мы увиделись впервые, а я ему тут же — знаю, Николай Петрович, все знаю... Даже знаю, что ваш сын уехал в Норильск на заработки и что сегодня ему выдадут ордер на квартиру. Так что радуйтесь, заказывайте шампанское, вечером он вам позвонит. На том и разговор закончился. Вам интересно?.. — он наклонился ко мне, к самому лицу и опять заглянул в глаза. Я даже зажмурился от его пристального взгляда, но все же с готовностью ему ответил:

— Я слушаю вас, продолжайте.

— А что продолжать, если на следующее утро прямо ворвался в мою палату Николай Петрович и сразу с порога — это поразительно, гениально! Как же вы угадали?! Ночью мне, действительно, позвонил сын и пригласил на новоселье. Это же надо! Да вы просто — гений!! — Он так и назвал меня, но я не возражал... И после этого началось: ко мне повалили больные. И у всех одна просьба: скажите, Георгий Константинович, чего мне ждать, чего опасаться? И про болезни спрашивали, и про жен своих и мужей. Дверь в палату не закрывалась. В таком шуме и гаме прошла вся неделя. Для больницы это, понятно, шок. Вот меня и выписали раньше срока и проводили домой. Кстати, сейчас моя остановка. Вы меня, конечно, проводите до дома. — Он сказал об этом, как о давно решенном. И я подчинился. А почему подчинился — не знаю, ведь ехать мне надо дальше, почти до конечной. А между тем автобус уже остановился, и мы вышли. Я поднял воротник, потому что сыпал снежок. Я с трудом переносу наши зимы, но кому пожалуешься, видно, надо терпеть. Мой спутник тоже запахнул потуже дубленку и что-то пробормотал, но я не расслышал. Это потому, что он шел впереди, и я еле за ним поспевал.

И вот уже мы идем по какому-то переулку. Я еще никогда здесь не был, и потому немного тревожно. Но мои ноги все равно покорно шагают. А снег между тем усилился, и в воздухе чуть-чуть потеплело. Мой спутник остановился и подождал меня. У него было хорошее настроение:

— Слышите, какая здесь тишина! А воздух... Не могу надышаться. Давайте пойдем потише. А может быть, посидим? Я знаю хорошую скамью, совсем недалеко...

И, действительно, скоро мы набрали на скамью. Это была обыкновенная лавочка возле дома. Мой спутник сразу же предложил:

— Давайте присядем и отдохнем от забот.

И я опять подчинился. Он уже делал со мной, что хотел: какое-то колдовство или внушение. А потом он спросил:

— Вы не замерзли?

— Нисколько.

— Вот и ладно, а то бывает... все бывает у нас.

Он придвинулся ко мне поближе, и я услышал, что он тяжело дышит. Может быть, ему плохо, и я во все глаза засмотрел на него. И глаза мои удивились: мой сосед как-то раздался в ширину и весь был по-медвежьи толстоват, неуклюж. Странно, что там, в автобусе, я этого не заметил. И тут мои мысли перебили:

— Скажите, сколько вам лет?

— Много уже, очень много. Но это — грустная тема. Давайте не будем...

— Давайте! — согласился он, и его голос прозвучал громко, точно приказ. И у меня сразу вырвалось:

— Может, нам говорить потише? А то люди, наверное, спят... — и я показал ладонью на ближний дом.

— Ну и пусть спят. А моя душа желает... — он не договорил и неожиданно стал декламировать: «Ночь устала слушать тишину, в окна просится лунный свет...». А? Каково? Но дальше цитаты продолжать не буду, а то вы тоже начнете кричать, что я гений, гений...

— Значит, вы пишете стихи?

— А как же! И я написал их уже много, очень много — целую гору... Но я боюсь их публиковать, потому что люди начнут читать только меня, одного меня. А про других забудут.

— Даже о Пушкине?

— А вы, действительно, юморист. Я же предложил вам перейти на «ты», но вы заупрямились. Но мы можем все наверстать. Итак — скажи мне — тебя любили женщины? Только откровенно, как на духу, нас ведь никто не слышит... — он замолчал, и молчание было каким-то таинственным, настораживающим, и я снова почувствовал, что попал в очень хитрую и тяжелую историю, у которой не видно конца. И в этот миг он нарушил молчание:

— Я желаю повторить свой вопрос.

— О чем?.. Ах да, о женщинах. Но похвастаться мне нечем. Так что извините...

— А меня любили и баловали. Можно сказать, у меня было море женщин. И самых красивых, бешеных. Особенно, когда я служил в Ленинграде.

— Неужели вы были в армии? — почему-то удивился я, и он подтвердил:

— Армия для меня как праздник. Я ведь служил чертежником при штабе. Есть такая должность — шесть дней в неделю делай, что хочешь, да плюс выходной. Но я время не терял — посещал театры. А что — люблю это дело. Ты слушаешь меня?

Последние слова он прокричал мне в ухо, и я взмолился:

— Не надо так громко. Я не глухой.

— Понятно! На чем мы остановились? Так вот: я доставал лишний билетик на какой-нибудь модный спектакль, а потом этот лишний — на продажу. А что — все просто: я высматривал в толпе самое хорошенькое лицо, и девушка у меня покупала. А потом мы сидели рядом, и в антрактах я приносил ей вино и мороженое, а после спектакля шел провожать. И девушка, конечно, приглашала домой. А там, а там... Сам понимаешь — любовь до утра. А через неделю все повторялось, — я опять шел в театр

за своим лишним билетиком и выбирал себе девушку. Ну что? Гениально придумано?

— Да, гениально, — я повторил за ним и замолчал, потому что начинал уже мерзнуть. Это потому, что снег прекратился и сразу похолодало. На небе высыпали яркие, безумно яркие звезды, мне захотелось домой. Там меня, наверное, уже ругали, но я не захватил с собой даже сотового телефона. А мой спутник, между тем, говорил и говорил, не умолкая. И снова хвалил только себя, одного себя:

— А потом я поступил в Академию художеств. Я ведь рисую с детства. И не хуже Репина... Самого Ильи Репина. Вы не верите?

— Верю... охотно верю, — успокоил я его, и он продолжал:

— К тому же мне помогли. Направление на учебу мне дали от штаба. И все бумаги подписал генерал. Правда, конкурс был огромный — сто два человека на место...

— Именно сто два? — попросил я его уточнить, но мой вопрос повис в воздухе, а он опять говорил, говорил:

— Но что конкурс? Талант всегда выручит. И на экзамене я всех удивил: я нарисовал им собаку цветными карандашами. Мог бы и красками, но карандаш ближе к жизни... — он неожиданно затих и задышал часто-часто, как будто за ним гнались. Наверное, он нервничал, но почему, почему?... И тогда я решил ему напомнить:

— Вы рассказывали мне о собаке...

— Да, да. Она лежала у меня на зеленой травке, а рядом — деревенские домики, раннее утро. И собака вся рыжая, яркая, будто в огне... А вдалеке всходит солнце. Ну как? Гениально? Ну, конечно, что за вопрос. И ректор академии поднял мой рисунок над головой и воскликнул: «Смотрите, к нам поступает на учебу гений. Я даю ему двойную стипендию, отдельную комнату и бесплатное питание». Так и сказал, но я отказался...

— Как?!

— А вот так! Мне захотелось обратно в казарму. Я так и сделал. Потому что в казарме мне хорошо писалось. Столько стихов... — он немного помолчал и опять повторил, — столько стихов, а вы мне про какого-то Пушкина. Это — вчерашний день, а нынче новые времена и кругом реформы. Скоро будут говорить на одном языке и выбросят старые книги. Зачем они, если придут такие поэты, как я. Так что смотрите на меня и запомните! — что, не согласен?

— Согласен, трижды согласен, — я, не вытерпев, засмеялся. Но он не заметил моей усмешки, потому что с ним что-то случилось. Он вытянул шею, потом встал во весь рост и замер. Я видел, что он весь превратился в слух. И вскоре раздались чьи-то шаги. А еще через минуту перед нами стояла маленькая сухонькая старушка. В правой руке у нее была тросточка, и она ей трогала воздух, точно была слепая. Я тоже поднялся во весь рост, и старушка подошла ко мне и тихо спросила:

— Вы не обидели моего сына? Он же такой ранимый...

— Что вы, что вы... — я стал ее успокаивать, но она меня перебила:

— Ладно, я вам верю, а ты — Жорочка — обманщик, хвастунишка. Ты же сказал, что не выйдешь из комнаты, а сам сорвался в город. Зачем тебе этот паршивый городишко, ведь тебя опять могли застукать эти подлецы-санитары и увезти...

— Куда увезти? — проговорил я, но мой вопрос, кажется, был лишним. Старушка уже ничего не замечала. Она прижалась к сыну и гладила ладонью его щеки, воротник дубленки, а потом зашвыркала носиком. И вскоре не выдержала, заплакала, не таясь. И сквозь слезы что-то пыталась сказать. Но он ее не слушал, совсем не слушал — и вдруг шагнул ко мне и почти прокричал:

— Ночь устала слушать тишину, — в окна просится лунный свет... А? Что скажешь? Гениально! Но у меня таких строк — миллион...

— Жорочка, ты у меня большой выдумщик. Но тебя все равно не поймут.

— Правильно, мать. Никому меня не понять! Не доросли еще эти совки, комиссары. Ну, а я отчаливаю, до свидания.

Он пожал мне руку и они ушли.

...А я побрел к автобусной остановке и скоро был дома. Конечно, я весь промерз, и жена долго отпаивала меня зеленым чаем, а потом уложила под толстое стеганое одеяло. Ночь почему-то показалась очень длинной, почти бесконечной. Я долго ворочался и уснул только под утро. И приснились мне голуби, красивые, белоснежные голуби. Они кружились над моей головой, ворковали, словно бы звали к себе. Я смотрел на них — и горло сжимало спазмами. И было грустно, точно ко мне подступала какая-то злая и роковая беда. А потом наступило утро, но печаль моя не прошла. И я снова и снова мучил себя — так что же со мной было вчера? И что за встречу послал мне Господь? Но кто мне ответит? Кто?..

ВЫШЛА КНИГА

Грешневиков А. Н.

Счастье жить среди великих. Рыбинск:
Рыбинское подворье, 2017. — 272 с.

В новую книгу известного писателя Грешневикова А. Н. включены беседы с великими русскими подвижниками, которые много сделали для развития отечественной культуры, искусства, экологии, сохранения духовных, нравственных и исторических традиций. Все они — наши современники, созидатели, творцы, искатели истины. И всех их объединяет высокое патриотическое чувство — они бескорыстно и жертвенно служат России.

ДЕСТВИЩА

**Валерий
СДОБНЯКОВ**

«МИР СХОДИТ С УМА И НЕИСТОВСТВУЕТ В ПОИСКАХ ЧЕГО-ТО...»

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 г. в Красноярском крае, на станции Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литературных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Председатель Н. Новгородской писательской организации. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Живет в Нижнем Новгороде.

О чем может думать человек, лишенный свободы и заточенный в узилище? Наверно, о несправедливости окружающего мира, о его жестокости и ненадежности. Еще о том, как надо бы было поступать прежде, чтобы избежать наказания и попадания в застенки. Может быть, он кается в собственных грехах и клянет за содеянные грехи других. Или для него мир, тот, что остался за колючей проволокой, просто перестает существовать как реальность? Все рухнуло — жизнь, работа, общественное положение, ощущение собственной значимости, ощущение необходимости и близости семьи.

Видимо, многие мысли и переживания у этих людей будут схожи. Временами они испытывают отчаяние, чувство покинутости, завершенности своего жизненного пути. Затем спасительная надежда на будущее возвращает их к жизни, и они понимают — оно, будущее, еще возможно, оно может быть, оно ждет их впереди после всех переживаний и перенесенных испытаний.

А о чем и как думает в заточении гений?

Если мы захотим вдруг это как-то понять, ощутить и, может быть, даже пережить, то стоит взять в руки книгу священника Павла Флоренского «Все думы — о вас», содержание которой составили письма, посланные семье из тюрем и лагерей в период с 1933 по 1937 год.

Я не буду в этой короткой статье подробно пересказывать всю биографию о. Павла. Для людей православных, да и просто образованных, она слишком хорошо известна. Напомню лишь, что в 1904 году Флоренский поступает в Московскую Духовную Академию, а в 1910-м становится священником. Образованнейший человек своего времени, профессор богословия, ученый с мировым именем

в 1928 году арестовывается ОГПУ и осуждается на три года «как активный участник церковно-монархической организации». Но на самом деле главным обвинением было выдвинуто то, что о. Павел не снял с себя священнического сана и не отрекся от Господа. За это в 1933 году его приговаривают уже к десяти годам лагерей и ссылают сначала в Восточную Сибирь (лагерь «Свободный»), а затем на Соловки (Соловецкий лагерь особого назначения).

25 ноября 1937 года постановлением особой тройки УНКВД по Ленинградской области Флоренского приговаривают к расстрелу, и 8 декабря 1937 года там же, в Ленинграде, приговор приводится в исполнение.

Священник Сергей Булгаков на эту свершившуюся трагедию откликнулся следующими строками, написанными в эмиграции: «Жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал Родину, хотя то были Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. И сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление».

Известно, что Флоренскому предлагали свои услуги по его спасению главы нескольких стран. Он мог покинуть страну на «философском пароходе». Однако ничем этим он не воспользовался, предпочтя пройти весь свой крестный путь до конца.

В первом разделе книги, названном «Завещание» (А это и есть завещание, мысли и советы обращенные к семье, к самым близким и родным людям. Написал его о. Павел 11 июня 1917 года и затем несколько раз в последующие годы дополнял.), есть такие строки Флоренского: «Самое главное, о чем я вообще прошу вас, — это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю все, что я имею сказать. Остальное — либо подробности, либо второстепенное. Но этого не забывайте никогда... Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет, — в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить... Мои милые, грех, который особенно тяжело было бы мне видеть в вас, это зависть. Не завидуйте, мои дорогие, никому. Не завидуйте, это измельчает дух и опошляет его. Если

Флоренский П.А.
Художник Юрий Селиверстов

уж очень захочется что иметь, то добывайте и просите Бога, чтобы было желаемое у вас. Но только не завидуйте. Мещанство душевное, мелочность, дерзкие сплетни, злоба, интриги — все это от зависти. Вы же не завидуйте, утешьте меня, а я буду с вами, и сколько можно мне будет, буду молить Господа о помощи вам».

Именно этим духом и будут пронизаны все остальные письма, обращенные к семье. Причем в обращении к каждому из ее членов, в зависимости от возраста и степени занятости какими-либо делами, найдена своя неповторимая интонация, говорится именно о той сфере интересов, которая в этот момент наиболее ценна и полезна адресату.

Но, конечно же, во главе всего и, в первую очередь, в понимании и ощущении окружающего мира стоит у автора глубочайшая любовь. Любовь безмерная к сотворенному Господом замечательному, во всем чрезвычайно разумно устроенному миру. И только человек способен эти высшие гармонию и разумность исказить, нарушить, привести к гибели.

«Когда-нибудь впоследствии люди будут с ужасом думать о городах и о городской жизни, как о добровольной тюрьме, с происходящими отсюда последствиями — выдуманных задачах жизни, мелочности интересов, искусственно созданных страстях, засорении души трудностями, рассеивающимися при соприкосновении с природой, искусственно поддерживаемой духотой атмосферы». (Из письма от 13 августа 1936 г.)

Сам о. Павел ощущает окружающую жизнь до тончайности именно через душевное состояние, ища в ней, этой жизни (и понимая, что это-то и есть главное), первозданность. Ища в ней Божие начало и постоянно, во всем находя его.

«Один знакомый спрашивает меня, почему я ничего не пишу о Соловьевских звуках, — только о цветах и формах. Потому что здесь все беззвучно, как во сне. Это царство безмолвия. Конечно, не буквально, всякого досадного звука более чем достаточно, и хочется скрыться куда-нибудь в тишину. Но не слышишь внутреннего звучания природы, не воспринимаешь внутреннего слова людей. Все скользит, как в театре теней, а звуки присоединяются извне, досадным придатком или шумом. Это очень трудно объяснить, почему ничто не звучит, почему нет музыки вещей и жизни, я и сам по-настоящему не пойму, но все же музыки нет. Лишь морской прибой (его приходится слышать очень редко) да завывание ветра не вполне вмещающиеся в такую характеристику Соловков». (28–29 июля 1936 г.)

А коли в природе важна первозданность, то как же человек может обойтись без главных и необходимых ему чувств, приступая к творческой работе в искусстве, литературе, поэзии, науке?

«Мир сходит с ума и неистовствует в поисках чего-то, тогда как ясность, которая только и нужна, у него в руках. Буржуазная культура распадается потому, что в ней нет ясного утверждения, четкого “да” миру. Она вся в как будто, как если бы, иллюзионизм — ее основной порок. Когда субъект оторвался от объекта и противопоставился ему, все становится условностью, все пустеет и предстает иллюзией. Только в детском самосознании этого нет, и таков Моцарт». (19–20 апреля 1936 г.)

Именно! Потому что только детское самосознание готово и может в себя вместить всю естественность, непосредственность и глубину мира. А это в свою очередь и является истинными составляющими настоящего

искусства — вторичной передачи окружающего мира через произведения, созданные уже человеком.

«...Если будет этот запас конкретных образов, цветов, запахов, звуков, вкусов, пейзажей, растений и т. д., то этот запас может легко оформиться и дать твердую почву для отвлеченных построений. Если же его нет, если понятие не сопровождается образом, если отвлечение — только отвлеченно, то оно лишено какой бы то ни было цены и скорее вредно, чем полезно, для развития ума: становится мертвящей догмой, обуживает дух, лишает его свободы и творчества... Люди нового времени, начиная с эпохи Возрождения, все более и более заражались Системотверием, подменой чувства реальности отвлеченными формулами, которые уже не несут функции быть символами реальности, а становятся сами суррогатом реальности. Так человечество погружалось в иллюзионизм, в утрату связи с миром и в пустоту, а отсюда и необходимое следствие — скука, уныние, разъедающий скепсис, отсутствие здравого смысла. Схема, как схема, сама по себе, не контролируемая живым восприятием мира, не подлежит и серьезной проверке: всякая схема может быть хороша — в смысле удачно сама в себе построена. Но мировоззрение — не шахматная игра, не построение схем впустую, без опоры в опыте и без целеустремленности к жизни. Как бы ни была она сама в себе остроумно построена, без этого основания и без этой цели она лишена ценности». (22 ноября 1936 г.)

Отдельные письма посвящены Флоренским вопросам образования и науки.

Сам он в лагерях непрерывно занимается творчеством. С одной стороны, изучает вечную мерзлоту и почвы, морские водоросли и возможность получения из них необходимых компонентов, продукта. С другой, пишет и отрывками отправляет для сохранения в семью большую поэму «Оро». (Над этим произведением о. Павел работал в течение 1933—1937 гг. Начав его еще на Дальнем Востоке, он продолжал трудиться над рукописью и в Соловецком лагере. Это произведение также помещено в книге.) Часть писем о. Павла — это просто готовые, довольно развернутые научные статьи. И, конечно, не может не поражать читателей широта и глубина познаний автора в самых различных сферах человеческой деятельности. Вот что он пишет сыну Кириллу из Соловков (13 мая 1937 г.).

«Мысленно просматривая свою жизнь (пора подводить итоги), усматриваю ряд областей и вопросов, которые начал я и которыми потом занялись все (...), т. е. очень многие, мне же либо пришлось оставить дело, либо сам оставил, так как противно заниматься вопросами, к которым лезут со всех сторон и захватывают. Тебе м. б. будет интересен список важнейших».

И далее идет перечисление работ о. Павла (их множество) в математике, в философии и истории философии, в искусствоведении, в электротехнике и т. д.

«Раздельно стоят. Физика мерзлоты. Использование водорослей. Хотел было написать тебе об этом подробно, но, переселившись в Кремль, растерял мысли, но помню, что надо было писать много. Мне хотелось бы одного — чтобы вы сколько-нибудь воспользовались моими работами, привели их в порядок и сделали бы своими, в них вложено много труда и мысли, и я знаю, что из каждой работы можно сделать книгу».

А где же христианская проповедь, наставления по высказываниям Святых Отцов? — возможно, спросит меня иной читатель. А нет всего этого в письмах в том виде, в каком мы в большей части привыкли ее воспринимать. Но есть она в самом примере жизни священника Павла Александровича Флоренского.

Не исключено, что о. Павел избегал напрямую в своих письмах касаться этой темы ввиду строжайшего цензурного контроля посланий заключенных. Я этого, конечно же, не исключаю. Но все-таки не похоже на то. Иначе, когда бы и не утерпел, проговорился — какой бы строгости цензурной не было. А тут — ни разу. Да и по стилю писем нет в этом направлении склонности. Почему? Неужто эти вопросы — православного воспитания своих детей от самых младших до совсем взрослых — о. Павла не заботили?

Безусловно, заботили. Но христианское воспитание, христианское поучение, христианскую проповедь он преподносит своим дорогим людям — супруге, родным и чадам — высоким примером своей собственной жизни, а не многими словами, заимствованными в святоотеческих трудах столпов нашей Церкви. Этот пример «орошает» и наши сердца, наши души.

«Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды. Вот поэтому-то, хоть и жаль прошлого, но есть живое ощущение его вечности. С ним не на веки распрощался, а лишь временно. Мне кажется, все люди, каких бы они ни были убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают так же. Без этого жизнь стала бы бессмысленной и пустою».

Анатолий АБРАШКИН

О ФЕНОМЕНЕ ВАЛЕРИЯ СДОБНЯКОВА

К 60-летию писателя

Анатолий Александрович Абрашкин — родился в 1959 г., окончил радиофизический факультет Горьковского университета, ведущий научный сотрудник Института прикладной физики РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Член Союза писателей России. Автор книг: «Предки русских в Древнем мире» (2001), «Тайны Троянской войны и Средиземноморская Русь» (2003), «Русь Средиземноморская и загадки Библии» (2003), «Скифская Русь» (2008), «Древние цивилизации Русской равнины» (2011), «Прародина русской души» (2017) и многих других. Живет в Нижнем Новгороде.

Для литературного Нижнего Новгорода Валерий Викторович Сдобняков — явление выдающееся. Про таких говорят «штучный товар». Они неизменно успешны в своих начинаниях и всего добиваются сами. Они из числа тех внесистемных пассионариев, которые неудобны для конформистов. Они умеют отстаивать свою точку зрения и бороться за нее, отвергая пустопорожние компромиссы. Они — одиночки, но обладают магией притяжения для единомышленников, сплачивая их и придавая им уверенность для действий. Они талантливы и совестливы, и потому нетерпимы к воинствующим бездарностям. Наконец, и это, наверное, самое главное, они живут интересами общего дела. Дружить с ними — счастье, а думать и писать про них интересно.

Настоящие заметки — попытка осознать феномен писателя Сдобнякова.

«КОСМОС ДУХОВНОГО ОБЩЕНИЯ»

Вхождение в литературное сообщество для молодого автора — дело особое. Здесь очень важна роль наставника и учителя. Валерию Сдобнякову в этом смысле повезло. Известный нижегородский писатель Валентин Арсеньевич Николаев не только заметил юношу в своем литературном объединении, но и в течение всей последующей жизни одаривал дружбой, шлифуя и огранивая талант ученика в многочисленных литературных дискуссиях. В очерке «Свет таланта» Сдобняков признается: «Без малого тридцать лет — таков срок нашей с Николаевым дружбы. Сколько за это время было встреч, разговоров — не счесть. <...> Главным в нашем об-

щении была литература. Мы и говорили о ней, и переживали ею, и мыслили — о ней. Она была главным, основой нашей жизни». Общение мастера и ученика не было односторонним. Достаточно сказать, что Сдобняков опубликовал около десятка материалов, посвященных творчеству Учителя. Среди них — рецензии, статьи, очерк, большое интервью. К слову сказать, никто из других воспитанников Николаева не полемизировал с ним столь много и откровенно ни в печати, ни вживую.

Приведу еще один отрывок из упоминавшегося очерка: *«Как-то после большого писательского собрания мы ушли с Валентином Арсеньевичем от общего застолья, купили на последние деньги бутылку дешевого вина, спустились с Верхневолжской набережной в неухоженный, заброшенный в те времена Александровский сад напротив Политехнического института и долго сидели, разговаривали, жгли небольшой костерок. И так нам было хорошо, душевно тепло друг с другом, что расставаться никак не хотелось. Прошло много часов. Стало совсем темно. Над нами поверху откоса сверкала огнями шумная улица, ходили праздные люди, желающие весело провести субботний вечер, а мы ощущали себя от них так далеко, словно находились на другой планете, в дремучем лесу. Но вот улица утомилась. Время приближалось к полночи. Мы неспешно, как путники, возвращающиеся из дальних краев, побрели вверх, в сторону Сенной площади. Выйдя на дорогу, окунувшись в свет фонарей, испытали чувство “возвращения на землю” из дальнего космоса. Теперь я понимаю — это был космос нашего духовного общения»*. Вроде бы обычная, типичная для писательского круга история. С кем не бывало? Однако, как хорошо написано, ни одного лишнего слова. Всего несколько предложений, но через систему образов — набережная, лес, костерок, улица, космос — писатель создает живописную картину вечера. Это художественная сторона фрагмента. Но есть в нем и несравненно более глубокая, содержательная часть.

Давайте задумаемся о сюжетной канве этой истории. Два героя бегут от шума и гвалта писательской толпы в заброшенный сад. Подробное описание его местонахождения совсем не лишняя деталь, поскольку это, действительно, самое глухое место в центре города, к которому прекрасно подходит метафора дремучего леса. И развести в нем, в двух шагах от Нижегородского Кремля, костерок тоже вполне реально. Но за внешней, узнаваемой декорацией таится мистическая составляющая вечера. Подобно героям мифов и сказок, учитель и ученик как бы попадают в запредельный мир, инобытие. Сдобняков, оставаясь в рамках рациональных образов, сравнивает его с другой планетой, но смысл аллегории предельно ясен. Ученику в беседе с учителем открывается новая реальность. Для ученика беседа служит испытанием на зрелость, своеобразной инициацией, состоящей в посвящении в тайны мастерства. Может, именно в такие моменты, когда начинаешь осознавать «космос духовного общения», и происходит рождение писателя? Во всяком случае, Валентин Арсеньевич стал для молодого Валерия целым «литературным институтом». И сегодня в его рабочем кабинете висит портрет Николаева как надежный оберег и духовная поддержка.

Сдобняков умеет слышать собеседника, и это ярко отразилось в его писательском творчестве, когда он начал работать в жанре литературной беседы. Жанр это синтетический и на сегодняшний день очень редкий. Но Валерий Викторович как раз и интересен оригинальными творческими ходами.

В 2013 году вышла его книга «В предчувствии Апокалипсиса», в которую входят беседы с писателями Ю. В. Бондаревым, А. В. Ларионовым, поэтами — О. Н. Шестинским, А. А. Парпарой, художниками — К. И. Шиховым, В. Г. Калининым, ученым и политиком — В. П. Полевановым и другими. Эта книга — оригинальный портрет России, образ страны второй половины XX века. Вы спросите, а что же связывает автора со столь разными по роду занятий людьми? Ответ прост — космос духовного общения...

«ОБРЕТЕНИЕ РОССИИ»

В прозе Валерий Сдобняков начинал с повестей. Первые из них — «Мост», «Сезон», «Съемщик» — написаны крепко, профессионально. В каждой из них главный герой — юноша, переживающий момент взросления, ищущий смысл жизни. Сам городской, он в силу сложившихся обстоятельств отправляется за поисками правды в «тридевятое царство, в тридесятое государство». Это либо старательская артель, добывающая золото, либо лесная глухомань. Здесь, в экстремальных условиях, как представляется автору, и может высветиться герою та линия жизни, которой надо бы следовать. Так, в повести «Сезон» старший товарищ, старатель со стажем, объясняет герою причину его метаний: *«Все бегут от той “нормальной жизни”, где твой труд вроде бы никому не нужен и оплачивается мизером. Бегут от фальши. Главные же ценности, жизненные в “нормальной жизни”, не нормальны. Им кажется, что они ради денег сюда едут, работают день и ночь, грязь месят. На самом деле по человеческим отношениям скучают, по работе настоящей»*.

В ранних повестях Сдобняков описывал и художественно исследовал способы ухода человека от городской реальности, от однообразия и заданности своего существования в настоящем и будущем (стабильная, но небольшая зарплата и предвидимые этапы карьерного роста). Слово «калым» при развитом социализме (используем этот штамп сознательно) заиграло новыми красками. Люди на время отпусков (студенческих каникул) или просто так подписывались на запредельные условия работы. Окружающим это объяснялось как поход за астрономическими гонорарами. Но писатель приоткрывает и другую сторону калымных работ — существование мощного, не контролируемого здесь «системой» уровня межличностных отношений, основанного на «работе настоящей». Они не спасают человека от проблем, от которых он бежал из города. Но он в состоянии, вернувшись, осилить их.

Творческим прорывом стала для писателя повесть «Колька». Уже своим названием она отличается от повестей с производственными мотивами («сезон» — период добычи золота, «съемщик» — золотодобытчик, а «мост» — реальная, а не метафорическая переправа). Колька — сельский мальчишка с особым внутренним миром, непонятным для рационально настроенного горожанина. Он — чужок, не такой, как все. Он рассказывает истории о говорящем дереве и слушает песни, которые напевает ветер. Невольно вспоминается «Бежин луг» и ребятишки с разговорами о домовом, лешем, водяном и русалке. Вот уж чего всячески избегала советская детская литература: в школьном учебнике этот тургеневский рассказ давался в ку-

пированном варианте, где идеологически чуждые суеверия отсутствовали. Сдобняков же, деликатно и весьма осторожно развивая эту тему, указал в «Кольке» на существование в нас архаической, духовной связи с Природой, которую не вытравить из души никакими атеизмами и диаматами. Переиздавая совсем недавно «Кольку» вместе с избранными рассказами, писатель назвал книгу «Говорящее дерево». Сразу отчего-то вспоминается, что такого рода образами богаты наши народные сказки и наши народные песни, сладко так для души вспоминается, сдобно.

Повести Сдобнякова — произведения камерные. Их действие разворачивается внутри узкого коллектива людей, и социальный фон происходящего вне пределов артели, бригады или деревенского дома в них никак не отражается. Между тем страна в то время уже стремительно приближалась к катастрофическим переменам в своей истории. В этот период Сдобняков отказывается от крупных форм и начинает писать исключительно очерки и рассказы. Они, как правило, автобиографичны. Писатель рассказывает о своих поездках, интересных встречах, переломных событиях. В результате читатель знакомится не только с автором, но и с его непосредственным окружением, проникается мыслями, которые будоражили писателя в тот или иной момент, в общем, становится его поверенным. Каждый очерк сам по себе представляется маленьким «кусочком» жизни Сдобнякова. Но удивительный эффект обнаруживается, если прочитаешь не одну, а несколько его книг. Отдельные очерки-фрагменты выстраиваются в единый ряд, встраиваются в общую картину, художественно отображая жизнь страны.

Нечто подобное уже много лет делает Александр Проханов в газете «Завтра». Его искрометные передовицы последовательно рисуют путь нашей страны, ее внутренние искания и судьбоносные решения. Прохановское полотно — взгляд державного «орла», воспарившего над Россией земной, это взгляд имперского мудреца и пророка. Сдобняков анализирует и отражает те же события другим образом. Он идет от своей частной судьбы и личного опыта. Читателю предлагается тоже картина современных событий, только пишется она не в эпицентре столичного мегаполиса, а в провинциальном городе, и краски для нее выбраны более спокойные. В передовицах Проханова слышен грохот международных баталий и политических раздоров, в очерках Сдобнякова — спокойное течение Волги.

Сдобняков — главный герой своих книг. Он не выдумывает сюжетов, не изменяет имен и фамилий, а художественно фиксирует наиболее яркие моменты повседневности. Но это не сухой дневник, а с любовью выписанные воспоминания. Есть у Валерия Викторовича рассказ, который хочется выделить особо. Датирован он декабрем 2000 года, и называется «Обретение России». Рассказ носит исповедальный характер, читатель предельно остро ощущает это уже по его зачину: *«Я и сейчас не знаю, откуда это во мне. В те, уже далекие семидесятые годы каждый раз, когда тоска, уныние или необъяснимая тревога закрадывались в душу, за исцелением я интуитивно отправлялся на развалины наших нижегородских монастырей. Проводил там часы, бродя вокруг оскверненных храмов, опутанных (как былинных великанов в русских народных сказках опутывала своей неодолимой сетью злая сила) почерневшими, корявыми строительными лесами, возведенными когда-то реставраторами, да так и брошенными за ненадобностью. Так же, как былинные великаны, храмы, казалось,*

спали в оцепенении, покоренные этой силой». Название и первый абзац рассказа ясно обозначают его дальнейшее содержание: писатель будет говорить о своем опыте познания Родины, ее глубинных начал. И это интригует. У религиозных писателей распространен жанр, который можно условно назвать «теодицея». Цель произведений, написанных в этом жанре, — оправдать существование Бога на основе личного религиозного опыта. Классическим примером такого рода сочинений является «Столп и утверждение истины» Павла Флоренского.

*«Над речным раздольем.
Портрет Валерия Сдобнякова». Заслуженный
художник РФ К. И. Шихов. Х/М 100×110, 2013*

Сдобняков признается, что первые переживания религиозных начал стали волновать его не в действующем храме, не перед иконой, а на месте разрушенных обителей. Странно, не правда ли? А ведь в описываемые времена государственный атеизм уже дал глубокие трещины, и в Горьком было достаточно действующих храмов, куда можно было беспрепятственно попасть. В чем же дело? В самом очерке писатель предсказуемо отвечает на этот вопрос. Природа мистического притяжения к древнерусским святыням, по его мнению, заключалась в Православной вере, предчувствие которой уже жило в нем. И в объединенном этой идеей цикле очерков: «Спасский Староярмарочный собор», «Просветление», «Батюшка Серафим», «Второе обретение», «Паломничество», «Образок, присланный батюшкой Серафимом», он с великой искренностью описывает свою теодицею. Но это только часть ответа, датированная декабрем 2000 года. Примерно в это же время Сдобняков укрепляется в мысли издавать свой литературно-художественный журнал «Вертикаль. XXI век». На страницах журнала будет дана вторая часть ответа, и это опять-таки, по-сдобняковски, будет смело и оригинально.

В свое время Василий Васильевич Розанов гениально заметил, что в лермонтовской строке «И в небесах я вижу Бога» речь идет вовсе не об Иисусе Христе, а о более древнем, ветхозаветном боге языческих времен. Тем самым он подчеркивал, что в нас живут более древние, чем христианские, религиозные представления. Те же православные монастыри строились на местах языческих капищ, и потому они вбирали в себя и духовную мощь прежних эпох. В этом смысле чрезвычайно интересен и показателен глубинный смысл термина «православие». Он восходит к двухсоставному греческому слову «орто-доксия», первая часть которого означает «прямой, правильный», а вторая — «мнение, слава». Но, в свою очередь, греческое

«ортос» происходит от древнеарийского «rta (arta)» — названия основного закона, управляющего, по представлениям древних ариев, Вселенной и действующего как в материальной, так и в духовной ее сферах. Русы-язычники называли этот закон «ротою» и соотносили его с деяниями верховного бога Рода. В названии нашей христианской религии, таким образом, отражен тот факт, что русское Православие следует тому древнейшему закону, которому поклонялись предки русских — арии, и который чтили язычники в Киевской Руси. Как это ни покажется удивительным, но в плане восприятия мира и проведения государственной политики и православная, и языческая Русь исповедовали схожие подходы и следовали близким по смысловому содержанию кодам.

Обретение России, таким образом, предполагает восприятие всей ее многотысячелетней истории, включающей, в том числе, и дохристианские времена. И не случайно писатель сравнивал разрушенные монастыри с былинными великанами из русских народных сказок. Не случайно и мальчик Колька в его повести обнаруживает в лесу говорящее дерево. С некоторых пор писатель стал осознавать искусственность в разрывах отдельных русских эпох. Последовательно соединяя их, он прозревал свой путь к обретению России.

ВЕК «ВЕРТИКАЛИ»

У журнала, который издает Валерий Сдобняков, необычное название. Я имею в виду не только присутствие в нем конкретной даты, но и само слово «вертикаль». Ведь вот назвал Станислав Говорухин этим словом свой знаменитый фильм, и ни у кого не возникло вопросов. Все предельно ясно — фильм про альпинистов, штурмующих вершины. А над именем журнала надо поломать голову, есть в нем загадка. Почему вертикаль? Ясно, что здесь это образ. Но образ чего?..

Сам Сдобняков на этот счет никогда не высказывался, очень даже может быть, что, как это часто бывает, к своему названию он вообще пришел интуитивно. Только оригинальность имени журнала совершенно очевидна, и думается, вряд ли ошибется тот, кто предположит, что сдобняковская вертикаль — это та незримая лестница, которую библейский Иаков увидел во сне (Бытие 28: 12–16) и которая соединяет землю и небо. Руководствуясь видением Иакова, Иоанн Лествичник (VII в.) написал апокриф, получивший название «Лествица». В нем святой Иоанн учил, что по примеру лестницы жизнь человеческая — это вертикаль. Не устойчиво-однообразная горизонталь, а суровая каждодневная вертикаль, по которой можно как возвышаться, так и падать. Путь подвижника должен быть устремлен только вверх: *«Всем, поспешающим написать имена свои в книге жизни на небесах, настоящая книга показывает превосходнейший путь. Шествуя сим путем, увидим, что она непогрешительно руководит последующих ее указаниям, сохраняет их неуязвленными от всякого претыкания, и представляет нам лествицу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви. Сию, думаю, лествицу видел и Иаков, запинатель страстей, когда покоился на подвижническом ложе. Но взойдем, умоляю вас, с усердием и верою, на сей умственный и небошественный восход, начало которого — от-*

речение от земного, а конец — Бог любви» (из предисловия к «Лестнице»). Вскрытая ассоциация позволяет думать, что «Вертикаль. XXI век» задумывался его редактором как «лестница» нашего времени, произведение XXI века (так сошлось, что журнал стал выходить в начале нового века), а каждый из его номеров — это «ступенька» незримой лестницы, ведущей к вершине, на которой «утверждается Бог Любви».

Поначалу «Вертикаль» именовалась православным литературно-художественным альманахом. Но прилагательное «православный» и определение «альманах» сужали смысловые и содержательные рамки издания, поэтому Сдобняков с некоторых пор отказался от них. Альманах, который начинался с двух выпусков в год тоненькой книжкой, со временем превратился в толстый литературно-художественный журнал в 224 страницы, где публикуются, в том числе, крупные романы и большие произведения. За 15 лет существования журнала вышло 50 номеров, и это при полном отсутствии какой-либо государственной поддержки.

Только исключительная самоотверженность и титанические усилия позволяют ему издавать свое детище. На страницах журнала писатель публиковал свои рассказы и очерки, входящие в книги «Сопrotивление нелюбви», «Русское», «Прошлое с нами», «Воздаяние», «Собирая Россию», «Посох», «Русские судьбы», «Служение», «Душа живая». Специально привожу названия книг, издававшихся в «век» «Вертикали», чтобы обозначить те ключевые темы, которые они затрагивают с редким даже для нашего времени бесстрашием. Темы эти неразрывно связаны с размышлениями о Родине и ее судьбе. «Вертикаль» — русский журнал о России. Это главное дело Сдобнякова, его содержательный код. В издаваемом им журнале соединился труд писателя, редактора и подвижника.

Это выдающийся человек, перед которым я снимаю шляпу.

Связь ВРЕМЕНИ

Игорь РОМАНОВ
Владислава РОМАНОВА

РОССИЯ. ВЗГЛЯД С БОСФОРА ВОСТОЧНОГО

Эссе и статьи из книги

Туман на Казанскую

В проливе Босфор Восточный туман. Он vyplывает, заволакивая старый Владивосток. Новый мост сейчас и не виден. Корабли деловито — для них все это обыденно — идут своим курсом. Остров Русский — кто знал о нем еще лет десять назад? Мы-то, конечно, знали и жили на нем, как всегда. А сейчас мост на Русский остров — это информационный повод для всего мира. Хотя сегодня вечером с мыса Эгершельда он совсем не виден — размыт туманом. У нас тайфун — это обычное дело. Мне лет шесть было, тайфун срывал крыши с домов при-

Игорь Анатольевич Романов — родился на Дальнем Востоке в г. Благовещенске в 1971 г. Доктор социологических наук, эксперт-аналитик в сфере внутривнутриполитических, социальных, религиозных и межэтнических процессов, публицист. Окончил Российскую академию государственной службы при Президенте РФ, Академию управления МВД России. Работал в федеральных министерствах и ведомствах, государственных образовательных учреждениях и аналитических центрах.

Владислава Николаевна Романова — родилась на Южном Урале в г. Златоусте. После окончания очной аспирантуры в МГУ им. М. В. Ломоносова защитила диссертацию по политологии. Работала аналитиком в государственных научно-исследовательских учреждениях и преподавателем в московских вузах. Выступала организатором крупных всероссийских и международных конференций по проблемам фальсификации отечественной истории, социологии религии, церковно-государственных отношений. Специалист в области социологии религии, истории христианства, русской консервативной мысли. Автор научных трудов и публицистических статей в российских и зарубежных изданиях. Имеет награды Русской Православной Церкви и благодарности Администрации Президента РФ.

морского поселка Барановский, где стоял и наш небольшой домик. Впечатлило. Тогда по телевизору показывали «Волшебник Изумрудного города». Там девочка Элли улетела в ураган. Шестилетний я тоже допускал такую будоражащую мысль, что могу сорваться тайфуном далеко от приморской станции Барановский. Это было сентябрем. Арбузы, гладиолусы и красная икра — начало приморской осени детства. Таких сентябрей нет нигде. Краски перемешаны, словно в акварельном рисунке пятилетнего ребенка. Живые красно-желтые, бордовые, зеленые, речные и морские... С галечной косы верховьев Уссури чувствуется запах кедра и спелого винограда — ветер несет эти ароматы с разноцветных склонов сихотэ-алинских сопок. У прибоя залива Петра Великого предоктябрьский закат рисует сладкий июль. Сегодня как раз июль. Стоим у пролива Босфор Восточный после вечерней службы в Казанском храме Владивостока. Казанская икона Божией Матери — покровительница всех нас, нашей России, и Ее Востока — уже наступил Ее день. И вот, теплый туман и дождь — Покров Божией Матери. От старого черного зонта, который был уместен в московский ливень, здесь совсем нет толка. Теплый дождь льет под углом со всех сторон. Потоки воды по асфальту — это надолго. Здесь у нас все надолго, все затяжное. И автобус с «Маяка» долго идет до остановки «Некрасовская», моется на старых владивостокских улицах дождем тайфуна. А небо сегодня — прямо на промокнувшей земле, на асфальте, на волнах пролива и бухты Золотой Рог. Здесь в Приморье небо нас любит. Оно всегда рядом, а в дождь его можно трогать руками. И сейчас даже июльская зелень в небе, в морском тумане...

2012 год

Океанский вечер накануне дня Всех Святых

Облака большие, темно-серые и фиолетовые. Океан, чуть нахмурившись, лениво вздыхает у скалистых берегов. Дыхание океана — морская свежесть, смешанная с благоуханиями прибрежных трав, можжевельника и жасмина. На склонах приморских сопок — ярко-желтые лилии. Они раскрашивают морозящие июньские дни...

Быстрая дорога с острова по мостам над проливом Босфор Восточный и бухтой Золотой Рог. Когда-то в детстве ездили к родственникам на Змеинку — есть такое место во Владивостоке. Бухту Золотой Рог приходилось объезжать почти час, чтобы попасть на мыс Чуркина. Это еще в семидесятых годах было. Вечерний Владивосток в неоновых огнях. Поездки сюда из Уссурийска всегда казались праздником. С железнодорожного вокзала отправлялись на такси. Сияющий иллюминацией портовый город над океаном. Бывало, что добирались большим катером до бухты Диомид. Из трюма можно было наблюдать плещущиеся за иллюминатором волны...

Застраивающийся сегодня остров Русский в те годы казался загадочным и даже сказочным местом. Оттуда привозили камбалу и большой оранжевый шиповник.

Сейчас на остров есть мост. Из центра города до загадочных мест, где растет необыкновенно большой морской шиповник, на машине — полчаса. И еще ближе — мыс Чуркина. При самом въезде с большого моста на этот мыс стоит теперь новый Оперный театр — Приморская сцена Мариинки.

В антракт из панорамных окон театра — романтический художественный вид на вечерний город...

Сегодняшняя дорога — с острова Русский до Покровского собора Владивостока. Всенощная. Служба в честь Всех Святых. В годы детства, когда еще не было Приморской Мариинки, когда восторг вызывал ночной Владивосток в ярких, размытых туманом огнях, и от причала в центре города ходил катер на Диомид, мы еще не знали, что есть Всенощная. Тогда мы, школьники советского Приморья, не знали, что есть Святые.

Вот Владыка Вениамин, который рос во Владивостоке, с детства знал о Святых. И о Христе знал. И крестик носил. Мама будущего Владыки зашивала ему крестик в майку, потому что, если на шее носить, то могли из школы выгнать и родителей сурово наказать. Владыка рассказывал об этом...

Сегодня Владыка Вениамин служит Всенощную. Помазывает теплым елеем.

«Кто такие святые? Да, это те, кто открыли себя для Бога. Бог все может дать человеку. Человек может достигнуть богоподобия. Нужно лишь впустить Бога в свое сердце...» — Владыка сравнивает космическое небо с Небом духовным, которое усеяно духовными звездами — святыми.

Как летит время из детства в годы, когда уже старость ближе, чем юность. Несется время. А здесь, во время службы, оно исчезает. Все святые — они вне времени. Они смотрят через иконы, которые для нас — окна в Небо. Святые в Вечности. И оттуда они с любовью откликаются на наши молитвы...

«Каждый из вас личность. Иван, Петр, Марфа, Мария... — все мы личности, созданные Творцом, вызванные из небытия для вечной жизни с Богом» — обращается к нам Владыка...

«Паки, паки, миром Господу помолимся!» — взывает невысокий громкогласный и седой старец — протоиерей Николай.

Помолимся. Оставим время и обратимся в Вечность. Обратимся ко Христу, Его Пречистой Матери и Всем Святым.

Все Святые, молитесь Бога о нас! О нашем Владивостоке, Русском Приморье и о всей России!

...Океан. И на самом берегу — город на скалах — Владивосток. Дорога от Покровского собора на загадочный остров Русский. Дорога по мостам у облаков. Над праздничным океаном. Со Всеми Святыми...

2016 год

Москва. Храм Всех Святых на Соколе и священномученик Иоанн Восторгов

Москва всегда в сердце русского человека. Святая столица, в которой есть места, особо связанные с нашей Дальней Россией. Связаны не только названиями улиц — Уссурийская или Амурская, — но еще и духом людей, благословлявших и окормлявших движение русского народа на восток, к Океану.

Священномученик Иоанн Восторгов. Сколько просветительских трудов и молитвенных подвигов сотворил он ради утверждения Православия и России у Тихого океана. Отец Иоанн бывал и во Владивостоке,

и в Хабаровске. Много писал, проповедовал о нужности переселения на восток. Он видел в этом большом деле великую миссию России — нести миру Свет Христов...

* * *

...Розово-голубое небо и светло-золотые купола, вытянутые над зеленою московских тополей. Монументальные сталинские многоэтажки над широкой, пыльной и гулкой Ленинградкой. В глубь уютных дворов — густые июльские скверы и парки. Сокол — окраина старой Москвы. Удивительное расположение — отсюда совсем рядом до Щукинской, до Серебряного бора. За двадцать минут при хорошем движении можно добраться даже до Крылатского. Там холмы и над ними — старинный храм в честь Царицы Небесной. От Сокола недалеко и до Юго-Запада. По проспекту Вернадского — в бывшую когда-то деревню Тропарево. Погостный храм Михаила Архангела — чудесная церковь XVII века на противоположной окраине столицы...

Храм на Соколе с XVIII века. Тогда это было село Всехсвятское. Принадлежало оно грузинским князьям. Грузинская княгиня Дарья на месте разрушенной церкви выстроила большой храм, в котором и сегодня совершаются богослужения. Грузины считают его «своим». Хотя еще в 1398 году на этом месте стоял мужской монастырь Святых Отец Семи Вселенских Соборов.

Село Всехсвятское просуществовало до 1930-х годов. Русские деревянные дома в те годы еще стояли среди строящихся советских высоток. Глубокая, богатая история этих чудесных мест...

...Благоухающий прохладный парк на Соколе. Еще в конце девяностых прошлого века многие, кто гулял здесь, не догадывались, что ходят по старому кладбищу, по могилам...

...Июньской ночью 1998 года Москва оказалась под мощным ураганом. В парке на Соколе штормовой ветер побросал на землю огромные тополя. Как в тайге после тайфуна. И казалось, что кто-то незримо бродит и еле слышно вздыхает в этих еще неубранных буреломах. Тогда в этих местах еще не служились панихиды...

Старое кладбище. Позднее, уже в начале нынешнего века, здесь устроили мемориальный комплекс, посвященный погибшим и умершим во время Первой мировой войны... Братское кладбище на Соколе. Несколько тысяч наших русских. Часть настоящей России, Святой Руси покоится здесь, в прохладном парке...

В мае в парковых клумбах — тюльпаны — яркие, желтые, красные, сиреневые и белые. В январе — пушистый снег, выпавший под вечер большими охапками, подушками и сопками. Сентябрьскими днями коричневые белки попрошайничают среди желто-зеленой листвы в остывающих лучах осеннего солнца.

...Июнь, июль и, может быть, немного августа в сегодняшних парковых сумерках. Таинственное место, где витают души наших православных предков. Какие они красивые, эти люди из старой царской России! Благородные, мужественные, русские. Многие погибли на поле брани. Офицеры, казаки... И Новомученики.

Когда большевики захватили Россию, начались расправы над русскими православными людьми. В 1918 году на Братском кладбище у храма Всех Святых представители «новой власти» проводили массовые казни.

Место у храмовой стены стало последним земным уделом священномученика Иоанна Восторгова. Красные террористы расстреляли мужественного священника, великого человека и сбросили в вырытый ров. Святой кровью освящена эта прихрамовая земля.

Протоиерей Иоанн был ближайшим сподвижником Петра Аркадьевича Столыпина. Горячо поддерживал его реформы. Проповеди, обращенные к переселенцам в Сибирь и на Дальний Восток, сказанные отцом Иоанном в начале прошлого века, и сегодня вызывают невероятный подъем. До нас дошло пять томов собрания сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Последним местом служения отца Иоанна был Покровский собор на Красной площади, где он являлся настоятелем...

Сегодня на месте убийства священномученика, прямо перед храмом, установлен большой крест...

...Вечерние краски июньского неба. Тускнеют блики на куполах. Приглушен шум с Ленинградки. Фонари в летней листве. Пустые скамейки парка и безлюдные улицы. Серая теплая ночь заволакивает уютные дворы. Рослые яблони, уже отцветшие и теперь поблекшие до августа. Через пару месяцев их красно-зеленые плоды будут падать на парковые тропинки. Тропинки среди могил, среди скромных холмов, с которых давно снесены кресты, и на которые положен городской асфальт. Тысячи русских людей. Их православные души здесь, в обезлюдевшем парке на Соколе. Стоят они пред Богом... Стоит у Престола Господнего наш русский святой Иоанн Восторгов. И, может быть, молятся они о России, о том, чтобы выстоять ей в разгорающейся битве с «мировым большевизмом»...

...Ночь в Москве и на Соколе. Закрыты ворота Всехсвятского храма. Закрыта подземная дорога — метро. Почти стихла Ленинградка. Огни в высоких каменных домах. Огни фонарей. Отдаленные майские благоухания сирени и яблони. Даже в конце июня они доносятся из чудесной всехсвятской весны...

2015 год

Наше небо

Небо Осетии — контрастный синий навес, растянутый на серых ледниковых вершинах кавказских гор.

— В Москве небо живое, оно ворочается, — восторгается Артур, глядя в начале едва желтеющего августа поверх предзакатных куполов Новодевичьего монастыря.

Мне ближе родное приморское небо над Амурским заливом и пока непонятен восторг Артура.

В Куртатинском ущелье, у благоухающих яркими цветами вершин, небо, словно застывшее. Конечно, оно тоже живое, но какое-то неподвижное, как эти серые ледниковые скалы. Ближе к вершине хребта — небольшая поляна. Густая, в рост, крапива и какие-то растения с большими резными листьями. Отсюда кажутся ненастоящими старинные аланские

крепости из серого камня и домики в долине Фиагдона. Солнце обжигает лицо. Прохладный ветер, наполненный тонкими ароматами ярких цветов. Струи воздуха в полутонах благоуханий. Рядом облака. Иногда они падают под ноги.

— Орел, — Артур устало указывает рукой в ярко-синее небо над вершинами. Там неспешно по-хозяйски плывет темно-серая птица.

Начало июля, а ночью прохладно, как в московском октябре. Из Владикавказа в ущелье дорога идет на подъем. И здесь в Фиагдоне мы довольно высоко над океаном, который не виден даже с такой высоты.

...Всего месяц назад я стоял на дощатом пирсе, уходящем в океанский залив. Это почти на той же широте, только на другом краю земли. Нашей русской земли. У берегов Японского моря все в полутонах, пастельных красках, нежной акварели. Мягкие облака над Амурским заливом в розовых тонах заката. Тающие силуэты океанских кораблей в бирюзовых волнах. Там на Дальнем Востоке — глубины, здесь на Кавказе — высоты. Приморье и Кавказ под крыльями Византийского орла.

Спускаемся среди ярких цветов и ароматного ветра. По мосту через бурный Фиагдон к монастырю. «Сколько жизней унесла эта река...» — вспоминаю тревожные слова художавого Алана. Не нужно переходить эту реку вброд, а ведь, может быть, придется.

Темно-серый каменный монастырь в просторном Куртатинском ущелье. За ним зеленые склоны со льдом, разлитым по вершинам. Долгие каменные ступени. И почти от входа видится знакомый Образ у амвона. Почему-то не верится — Порт-Артурский образ Матери Божией в церкви Аланского мужского монастыря. «Откуда взяться здесь нашей Иконе?» — глупый вопрос невольно застревает в голове. Порт-Артурская — хранительница Дальней России. А рядом — Моздокская...

Небо Владивостока, Москвы, Владикавказа... Наше небо, словно Покров Царицы Небесной над Россией.

2013 год

Прогулки по городу

Машина мягко притормаживает перед Покровским храмом. Сияют даже сквозь туман купола. Ранняя литургия. Уютный и теплый от зажженных свечей храм Иоанна Кронштадтского. Приглушенно читают Часы. Вместе с отцом Александром сегодня служит протоиерей Владимир. Отец Владимир из Окленда — это в Новой Зеландии.

Широколицый, смуглый, с черной бородой и хитроватым взглядом, он сильно похож на китайца. Отец Владимир — потомок забайкальских казаков, ушедших с нашей эмиграцией в Маньчжурию.

Служба закончилась. Отец Владимир успел уехать в гостиницу. Пришлось догонять. В светлом гостиничном холле передаю батюшке книги о крестном пути и твердой Вере тысяч русских, оказавшихся в двадцатых годах прошлого века в изгнании на греческом острове Лемнос.

Теперь уже никакой спешки. Спускаюсь от гостиницы по 1-й Морской. Воскресное утро свежего туманного цвета. Безлюдно. Старые дома напоминают дореволюционный Владивосток. Улица вымощена шлифованным

камнем, по которому, кажется, сейчас с глухим стуком запряженные серые лошади неспешно покатают серебристое ландо. Силуэты слегка размыты, серы. Скорее это не серость, а легкая светлая пастель. Этот цвет будет на всем до полудня. Потом проявится синее небо, разольется солнце и засияет сине-голубым море.

Пока все только-только проступает. Кафе «Ностальжи». Никого. На стенах портреты Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Феодоровны.

Из большого зала появляются немцы. «Vielleicht, vielleicht...» («Может быть, может быть...») — отвечает седая немка с короткой стрижкой своей спутнице помоложе в затрапезном коротком пальто горчичного цвета. Немцы, хотя, возможно, они из Швейцарии, вызвали какие-то китайско-европейские ассоциации и растаяли быстрее, чем туман.

После чашки сваренного кофе, на утренней улочке, ведущей к бухте, уже не так прохладно. Все же хочется поднять воротник плаща.

Морвокзал — здание цементного цвета. Гладкими колоннами оно выходит на бухту Золотой Рог, где далеким майским утром встал на якорь великолепный фрегат «Памяти Азова». Тогда с корабля на пристань Владивостока сошел Цесаревич — будущий Император Николай II.

Теперь здесь все чаще бывают ярко-белые океанские лайнеры с иностранными туристами. Правда, сегодня причал пуст.

Вода в бухте, туман и небо — все одного серо-стального цвета. Утро пахнет морем. Настойчивые крики чаек...

С причала морвокзала город почти не виден. Из тумана проступает берег, очертания ближайших домов. Четче видны корабли у Корабельной набережной. Мыс Чуркина тоже скрыт, прорисовываются лишь большие военные суда на той стороне бухты. И, конечно, заметны портовые краны. Воскресенье, но эти железные жирафы с выцветшими желтыми шеями работают — грузят на причал перед морвокзалом контейнер. Глухой лязг тросов и цепей. Подходит небольшое пассажирское судно «Яков Бутаков». Корабль старый, выгоревшая черная краска на бортах местами облезла.

Рядом с морским вокзалом — железнодорожный. Изящное легкое здание с бежевыми стенами и трапезиевидными крышами, покрытыми будто бы зеленоватой патиной. И вокзал, и великая Транссибирская магистраль построены еще при Императоре Николае II.

На первый путь прибывает поезд «Советская Гавань — Владивосток». Гавань до революции называлась Императорской. Прохожу по виадуку над скользящими вдоль перрона сине-голубыми и зелеными вагонами — мне некого встречать здесь. Интересно, что поезд, как и подходивший корабль, почти не слышны. Похоже, звуки тоже скрыты туманом.

Площадь, где начинается Трансиб, неспешно наполняется людьми. Смотрю из окна зеленого автобуса № 7 на вокзал, чем-то напоминающий терем, и на витиеватые буквы «Владивосток» над входом. А ведь это копия Ярославского вокзала в Москве. Автобус идет по старым «питерским» улицам — так похожи здесь архитектура и краски на невские зарисовки позапрошлого века. Не замечаю современных строений — их заретушировал туман. Вижу прекрасный Владивосток — уютный, врисованный в серые сопки портовый город с деревянными и каменными домами, лестницами и террасами. С золотыми крестами небольших церквей, парящих над туманом.

ном. И ведь все, что тронуло сегодня, — это из того чудного города, который расцветал, может быть, похожим майским утром, на тихоокеанском берегу Российской империи.

Великое государство Российское жило здесь по своим державным законам, даже когда по всей стране уже давно утвердилась «власть советов». Земский Собор во Владивостоке и генерал Дитерихс — последние символы теряющей здесь четкие очертания исконной России.

Той России, что в начале двадцатых годов прошлого века, словно в утренний туман, уходила с дальневосточных и забайкальских земель в Маньчжурию, а потом в Австралию, Америку, Новую Зеландию...

И, может быть, в недалеком будущем, после неминуемых потрясений, в пору которых уже вступила Россия, здесь на Востоке рассеется туман, и вновь разольется свет нашего преображенного, основанного на камне Православной веры Российского государства.

2012 год

Немцы на литургии Преждеосвященных Даров

Пятница — литургия Преждеосвященных Даров. Долгая в длинных чтениях псалмов и великопостных песнопений... Под сводами Покровского храма Владивостока. Долгая служба. Больше пяти часов. В нашем Приморье службы намного дольше, чем в Центральной России. И солнце с семи утра. Литургия в солнечных лучах над океаном...

— Преждеосвященная Святая Святых! — протяжно и громко возвещает игумен Антоний.

Уже в конце литургии в храм набились какие-то разноцветные, пестрые люди. Бесцеремонно принялись фотографировать, расхаживать и рассматривать образа. Толстый человек в ярко-зеленой куртке и красных штанах. Подошел к ковчежцу с мощами. Разглядывал, явно не понимая, что это. Взгляд и движения человека напоминали поведение механической куклы... Немцы. Немцы с большого океанского лайнера в бухте Золотой Рог. Надо же, всего лишь середина марта, а они уже гуляют по волнам мирового океана. Немецкие туристы как восковые фигуры. Один пожилой невысокий немец показывает другому на икону Царственных мучеников. Что-то говорят о Царице Александре. Что могут сказать эти немцы о святой Царственной мученице, оставившей навсегда свою Германию, став самой русской из всех российских цариц?

Хотя есть немцы, которые высоко чтут Царскую Семью и свою бывшую соотечественницу Царицу Александру. В Дармштадте, на малой родине Александры Федоровны Романовой стоит прекрасный православный храм. Две русские святые из немецкого рода Гессен-Дармштадтских родились в этом городке. Две святые сестры — святая Царственная страстотерпица Александра и святая преподобномученица Елизавета. Государь Николай Александрович Романов построил в Дармштадте — на родине своей супруги Александры Федоровны — прекрасную церковь в честь святой Марии Магдалины. Земля и камень для храма привозились из России. Поэтому церковь в полном смысле слова русская и стоит на русской земле. Часть

немцев из Дармштадта, принявших православие, и сегодня являются прихожанами этого храма.

На совсем короткое время немцы с океанского лайнера тоже оказались прихожанами православного храма. Во Владивостоке — в городе, который в 1891 году освятил своим посещением Николай Александрович Романов, тогда еще будущий Император Всероссийский. А когда во Владивостоке в 1912 году задумали строить большой собор, строительство взяла под свое покровительство Царица Александра Федоровна Романова...

Да вряд ли обо всем этом знают эти несчастные немцы с океанского лайнера, зашедшего в бухту Золотой Рог. Они ведь даже не догадывались, что случайно попали на редкую церковную службу, на великое Благодарение Богу, на литургию Преждеосвященных Даров.

Хотя, может быть, коснулась их закостеневших европейских сердец святая великопостная молитва Русской Церкви.

2016 год

Прощеное воскресенье

Март. Серое и уже теплое небо в талом просторе. Талые воды, проступающие сквозь благоухающую весной землю. Белые, жесткие остатки, огрызки и пятна снега и льда. Склоны открылись пожухлой травой прошедшей осени. Упоение густым солоноватым воздухом океана. Тонкий край прозрачной зеленой воды промачивает крупный песок. Мягкий туман. Такой легкий, наполненный весенним солнцем. Золотые блики на слабых волнах Уссурийского залива. Вспыхивают и блекнут, как будто там, в океанской глубине играют чудесным светом какие-то большие неземные фонари. Солнце, укутавшись в мартовский туман, плавает над заливами и над нашим восточным Босфором. Весна. Весна Небесная и весна духовная...

— Пост — это духовная весна, — Владивостокский и Приморский митрополит, Владыка Вениамин напоминает чудесные слова Святых Отцов.

Литургия и проповедь митрополита в Прощеное воскресенье в Никольском соборе Владивостока.

— Господь — это Любовь. Там, когда мы умрем, не будут на весах взвешивать наши дела. Там мы будем стоять у черты, за которой Любовь. И как перешагнуть туда? Есть у тебя в сердце Любовь? Любовь к Богу, Любовь к ближнему?..

А еще Владыка рассказал историю, как когда-то четверо нагрузили тайно одному человеку в повозку камней. Так, что лошадь не могла двинуться с места. Хозяин повозки, когда обнаружил, не сильно расстроился. Камни выгрузил и поехал по своим делам. Прошло много лет. И вот эти четверо, уже седые, пришли к тому человеку. Пришли и рассказали историю с камнями, во всем признались и попросили прощения. А человек, тоже уже поседевший и состарившийся, улыбнулся им: «Да, я эти камни сразу выгрузил и простил. А вы их столько лет в сердце таскали...».

Прощеное воскресенье накануне Великого Поста. Простить — это просто. Солнце в океане. Любовь и вечность. Коснулось солнце сердца и наполнило его. Растаяли обиды, растаяло обледеневшее сердце. Пост — слезы покаяния — живая влага талых обид...

Иеродиакон в золотых ризах — земной поклон митрополиту. Просят друг у друга прощения.

И люди приморские, морские, коренные из Дальней России. Умиленные подходят к кресту. Целуют и просят прощения.

Три ангела сверху — Святая Троица над царскими вратами взирает на нас из-под купола старинного Никольского собора царского Владивостока.

«Господь — Он везде одинаков. И постоянна, вечна Его Любовь» — из проповеди митрополита.

Прощеное воскресенье. Солнце над золотым океаном. Божественная Любовь над проливом и в мартовском небе. Над пожелтевшими, в белых пятнах старого снега, весенними сопками. Над имперским городом на берегу залива Петра Великого. Накануне Великого Поста...

2016 год

Самый священный иероглиф на Земле

Русь — какое это мощное, глубокое и привольное слово! Вот, китайцы, мыслят своими иероглифами — попробуй, пойми их. И все же, каждый иероглиф — это маленький образ, какой-то смысл. Это не буква, а совсем другое. Иероглиф может означать слово, а может и целое предложение. Но никаким иероглифом, или даже их большим количеством, невозможно выразить то, что содержит русское слово «Русь». Русь — святая. Это так же ясно, как если мы говорим: Сергей Радонежский. Мы понимаем, что речь идет о святом.

Слово «иероглиф» переводится как священное письмо. Начертанное где-либо слово «Русь» — это самый священный иероглиф на Земле.

Китайцы благоговеют перед кожистыми черепахами и страшными рыбами змееголовами, считая их священными. Все это понятно, ведь эти существа — родственники дракона. А дракон для китайца — самое священное. Что там в головах у этих жителей Поднебесной? Они едут на Святую Русь и там отравляют гербицидами святую землю, выращивая синтетические огурцы и помидоры. Они роют эту землю, вытаскивая из нее полезные ископаемые, опустошая ее. Поедают рыбу, змей, лягушек в таком количестве, что на Дальнем Востоке вскоре может наступить экологическая катастрофа.

А может, Господь сделать так, чтобы китайцы отказались от своего дракона, плюнули на него трижды, отрицаясь от него? И осознали бы, что самое святое на Земле — это Христос и Его святая Церковь, воплотившаяся в Святую Русь.

2015 год

Приморские мечтания о Святой Горе

Уже кончается июль. В Приморье природные движения очень глубоки. Они сильнее касаются души, чем где-нибудь в центральной России. Здесь гуще краски, ароматы...

Еще парит. Душно, и море несет теплые туманы. А как отчетливо из этого проступает осень. Необыкновенная осень — дальневосточная, тихоокеанская. Весь год Приморье готовится к ней. И к началу августа заходит,

как парусный фрегат, в эту бухту. Бухта приморской осени — глубокая, южная, с синим небом и уже чуть желтеющим амурским бархатом, зелеными кедровыми шишками, розовым лимонником и фиолетовым виноградом.

И как мимолетно лето. Душное, будто тропическое, лето Приморья еще вроде бы в разгаре — разлетается океанскими брызгами на пляжах Шамо-ры, бьет в твердый оранжевый песок горячей ханкайской волной, играет зелеными листьями манчжурского ореха в разморенной жарой тайге. А уже поспевают дикие яблочки, падают с ветвей абрикосы, едва заметно желтеет тростник на озерах.

Цветут лотосы — розовый ковер больших с лепестками-лодками цветов на синей воде. Приморье выстилает лotosовые ковры золотой царице. Утята в протоке стали большими — им уже скоро встречать осень и лететь вместе с ней. Хотя туда, куда уходит наша осень, им, пожалуй, не добратся.

Знаете, куда улетает приморская осень? — На Святую гору Афон. Туда она приходит в ноябре. Там и живет всю зиму. С Афонских гор Эгейское море в ноябре, как наше Японское в конце августа — синее, ровное до горизонта. Древний Афон. Ноябрьская тропа в монастырь Иверон так похожа на таежные тропы осеннего Приморья! Только здесь, на Святой Горе, это не просто утоптанная дорожка, а путь, вымощенный плоскими, поставленными на ребро вплотную друг к другу камнями. Тысячу лет вбивались эти камни в твердую глину. Каменный мост через поток чистейшего горного ключа. Шум переката, желто-бордовые листья в потоке и виноградно-бархатный воздух с Эгейского моря в горном распадке — почти как в сентябрьском Сихотэ-Алине. Прозрачные ключи и заросли колючей ежевики. Темно-бордовые крупные ягоды в середине ноября под синим греческим небом среди едва желтеющей листвы грецкого ореха и высоченных кипарисов... Грецкие орехи — это ведь разросшиеся наши маньчжурские.

Вот только там, на Афоне живет Византия. — Вот откуда мы! — невольно думаю, узнавая византийских двуглавых орлов на гигантском бронзовом паникадиле под сводом собора древнего монастыря Иверон. За каменными стенами порывы ветра — штормовая ночь. Бухание тяжелой волны в гранитную пристань. Запах морской сырости и ароматного афонского ладана. Почти темно. «Кириеэлейсон, Кириеэлейсон, Кириеэлейсон!» — разносится негромким эхом в соборе.

И даже сюда, к берегу Японского моря долетает византийское эхо. Бухта Золотой Рог и пролив Босфор Восточный — голоса Второго Рима. Константинополь — святой город, спрятавшийся даже в старом Имперском Владивостоке... Конечно, Владивосток уже не тот. Да и Константинополем владеют турки. Но Византия жива! И на Афоне это особенно чувствуется.

— Матерь Божия с нами! — благословил афонский старец на далекий путь во Владивосток.

И как похожи наша Порт-Артурская с Афонским образом Царицы Небесной! Только у нас Пречистая с образом Спаса Нерукотворного в руках попирает разломанные мечи на высоком берегу морского залива.

Может быть, когда Царица Небесная сломает все мечи, занесенные сегодня над Русским Приморьем, здесь появится второй Афон. И, как на Святой Горе, возникнут на сихотэ-алинских сопках каменные монастыри, в которых поселятся монахи, прославляющие Господа нашего Иисуса Христа!

Сейчас осень пока только-только проступает сквозь душные дни июльского Приморья. Духовная зрелость этого края еще впереди...

2012 год

Боярышник на тропе в Какобос

Боярышник крупными красноватыми ягодами в еще мягкой летней листве и большом-большом небе. В сине-голубом и бирюзовом. Бирюза — это Эгейское море. Оно внизу у серых скал, по склонам которых — древняя тропа. На острове Лемнос, где воздух пахнет Крымом, — ветер с Мудросского залива. И уже свежо как в сентябре. Да ведь и так — сентябрь. Лемноская осень — это затянувшееся лето. Горячее солнце, зелень листвы и морская синева.

Ароматы трав по склонам гор разносятся ветром, как дым афонского ладана. Словно незримо здесь совершается богослужение. Тонкое напряжение в сухом сентябрьском воздухе. И это дерево боярышника с крупными алыми ягодами...

Тропа каменная, надежная. Она ведет к синему небу. В ангельских благоуханиях. Волна внизу гулко бьет в камни. Хотя здесь не слышен ее голос. И не видны бирюзовые брызги. Прозрачнее воздух. И небо ближе, чем море. Кажется, отсюда недалеко до Небесных врат в Горний Иерусалим.

Монастырь Панагия Какаботисса. Еще в XIV веке стал подворьем Великой Лавры Святой Горы Афон. Каменные монашеские кельи — небольшие темно-серые пещеры. Просто выемки в скалах глубиной в пару метров. Издалека как будто пустоты в мягком сыре или свежем хлебе. Словно невзрачные входы в иной мир.

Тропа продолжается каменной лестницей к храму. Невысокие белые стены под прозрачным куполом голубого неба. Лишь над алтарем каменный навес небольшой пещеры. Тишина, всколыхиваемая ветром. Стекающая по скалам к морю небесная синева. Острые камни, зелень травы и кустов... Видимая реальность, кажущаяся только прикрытием, занавеской настоящего, самого реального мира — иного. Вот здесь перед алтарем древнего храма Царицы Небесной открывается Вечность. Как это понять, как выразить?

Суровость монашеской жизни в скалах. В безмолвии на зимнем штормовом ветру. Страдание плоти и слепой души ради ее спасения. Ради жизни вечной в том, ином мире... Мученичество.

Благоухающий благодатный священный Лемнос — остров мучеников. Красивые русские люди — дети и взрослые, дворяне и казаки, аристократы Российской империи, перенесли здесь жестокие телесные и душевные муки. Чужой, каменный, покрытый колючками остров. Навсегда оставленная Россия, терзаемая бешеной силой революции. Ледяной ветер декабря на безжизненном мысе Пунда Мудросского залива Эгейского моря. Сюда в 1920-х годах выбросили англичане и французы наших русских беженцев, уходивших из Крыма от большевиков. Тысячи русских христиан. В голод, в болезни, без жилья, без пресной воды. Без России...

У алтаря святой обители Какаботисса невольные мысли о России, о русских мучениках... Чтобы быть со Христом, надо страдать. Почему так страдает Россия? Чем ближе к Богу, тем тяжелее жизнь видимая, телесная и душевная.

...Перед алтарем древнего монастыря без монастырских стен в высоких скалах святого острова Лемнос. Молятся о России души наших предков, телами ушедших в грубую лемносскую землю. Идет невидимая служба, наполняется небо ароматами ладана. И на этой святой службе стоят древние афонские монахи. Стоит святая Византия в ожидании преображения России. Стоят наши русские мученики. Стоят греки, сербы и все православные...

Яркие сочные ягоды боярышника в колючих ветвях. Как капли крови всех мучеников за Христа, за Святую Русь на святой земле греческого острова Лемнос...

2014 год

Настоящий Русский остров

Влажная наша приморская природа. Стало пасмурно и уже будто навсегда. Никаких признаков солнечного сухого и свежего августа...

Каждый день, час, не задерживаясь, несет в осень. Показались прохладные вечера, желтеющие у речного затона камыш и плывущий по тихой воде лист ясеня. Облака слабые, ненадежные. Чуть потянет северный августовский ветерок — распахнется твердое синее-синее небо. Глубокое озеро легко проходит до дна луч предсентябрьского солнца. На дне песок, две ракушки и большая темная щука — пошевеливает плавниками.

— Работать надо, работать, — торопливо говорит маленький черный муравей, бегущий вверх, как по тропинке, по шершавому серому стволу старого дуба. Листья дуба темно-зеленые, отдают желтизной. Их слегка окропил сентябрь...

Старый паром подходит к Русскому около семи утра. Светлеет туман на темно-зеленых сопках. Хотя, набухшее от влаги небо моросит, затягивает сумерки, не пуская день. Час назад паром отходил от причала морвокзала Владивостока — едва отступала ночь. Огни портовых кранов и кораблей вдоль берегов бухты Золотой Рог. На нашем судне всего пара машин, да человек десять пассажиров. Трое из них на палубе под морозящим дождем и мелкими морскими брызгами. Курит и с прищуром смотрит на волну бодрый морпех. Переставляет у борта свой допотопный велосипед невысокий с морщинистым лицом старик в кепке. Вышел из каюты подышать свежим ветром крупный круглолицый мужик.

Паром сбрасывает ход и тихо скользит по каналу вдоль острова Елена. Швартуемся. Ржавый борт опускается, но еще не касается бетонной пристани. Морпех легко и обыденно взбегаёт по приподнятому борту и спрыгивает на берег. За людьми на пристань выползают машины.

Старый монах — его седая борода, в цвет утренним облакам, треплется морским ветром. Он садится за руль. Несколько минут едем на серебристом микроавтобусе к монастырю. Купола, как солнце, осветили пасмурное утро, колокольный звон сбросил дремоту. И внезапно на остров сошла волна праздничной радости.

Далеко, на другом краю России — полночь, а у нас начинается литургия. Чудесный день на берегу Тихого океана и во всей Вселенной — День преподобного Серафима Саровского! И монастырь на острове Русском в

честь святого Серафима. Монахи и миряне выстроились под теплой моросью и влажными листьями невысоких дубов у входа в храм. Льют радостный звон колокола. Ступает с пастырским посохом Владыка Вениамин...

В храме еще полумрак. Образа. Святые Царственные Страстотерпцы, Порт Артурская, преподобный Серафим Саровский... Икона батюшки Серафима в праздничном убранстве — в белых лилиях.

Стасидии — стулья с высокими спинками и подымающимися сидениями, как в монастырях на Афоне. Во время службы не чувствуется усталость и не хочется присаживаться на стулья.

— Радость моя, — обращался ко всем Святой Серафим — великий молитвенник за землю Русскую. И мы чувствуем эту радость, стоя здесь на краю Русской земли, на ее острове — нашем Русском острове.

Почти штиль. Самое начало августа, а вода по-осеннему тихая и прозрачная. И воздух уже пахнет сентябрьским бархатом. Теплое, мягкое Японское море дремлет у берегов каменного острова Русский. Здесь дубняк и заросли шиповника с огромными уже розово-красными ягодами.

После праздничной трапезы — обратно в город. Паром пойдет только через два часа. Надо бы пораньше. В полукилометре отсюда отходит небольшая ржавая баржа. На нее вменяются четыре джипа, на корму можно взять еще несколько пассажиров. «По полтиннику с носа», — говорит капитан.

Через полчаса швартуемся у маяка на мысе Эгершельда. Вдали от моря цветут гладиолусы, поспевают арбузы. Здесь небольшие кусты и трава, стрекозы потрескивают крыльями над скалистым мысом. Теплая волна уже не лениво, а бодро, по-сентябрьски звонко бьет в камни. Теперь жарко. Почему-то запах моря здесь острее, чем на острове. В заливе военный корабль — на корме пушка, на носу машет руками матрос в оранжевом спасательном жилете. У мыса толкуются баржи — перевозят на остров машины. «Вход на пляж бесплатный» — вывеска над воротами прибрежной зоны отдыха на Эгершельде. Стрекозы трещат, как игрушечные китайские вертолеты, — сверкают перламутровыми крыльями на солнце. Загорелый приморский мальчишка лет пяти бредет с палкой в руках по каменистому берегу. Рядом с ним дед — похоже, бывший капитан — что-то солидно рассказывает внуку.

Долго иду вверх по пыльной дороге. Жаркое тихоокеанское солнце первого августовского дня. Почти поднялся. Внизу синее пролив Босфор Восточный, вырисовывается мост, который сегодня открыли. Это мост на остров Русский. Когда-то весь остров был крепостью. Сегодня здесь осталась лишь одна крепость — духовная — монастырь святого Серафима Саровского. И как будто все на Русском острове, кроме монастыря, стало нерусским по своему духу.

...Большие океанские корабли кажутся крохотными в синем просторе Тихого океана. А какие крохотные мы в этом вселенском просторе! Маленькие муравьи. И каждый из нас — капитан, ведет корабль своей души по пути, известному одному Богу. Правильный курс нам указывают маяки — наши Святые. И святой Серафим Саровский помогает нашим русским душам идти к надежному берегу. Всей России помогает. Россия, за которую молится преподобный батюшка Серафим, — это и есть наш настоящий Русский остров.

История и современность

Никита ШЕВЦОВ

СКВОЗЬ МЕТЕЛЬ, ВСЛЕД ЗА ШУТОМ БАЛАКИРЕВЫМ

Елена НАУМОВА

Нас окружала белая пелена. Метель набирала силу. В снежном круговороте с трудом просматривались и деревянный вокзал, и каменные дома, и металлические стрелы портовых кранов. Наверное, не каждый бы решился на поиски в разгар непогоды. Но у нас не было выхода. Зря что ли пересекали границу, добирались на автобусе до Таллина, а потом, сев на электричку, еще примерно час ехали до Палдиски, где расположен крупный грузовой порт.

В советское время этот расположенный на берегу Финского залива городок, ныне насчитывающий чуть более четырех тысяч жителей, входил в число закрытых населенных пунктов. Здесь находился учебный центр атомного подводного флота СССР, прозванный местными жителями «Пентагоном», размещена база подводных лодок. Существовала погранзаства. Вся территорию полу-

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преполагает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Здесь стояла крепость Рогервик

острова Пакри, где расположен город, огородили колючей проволокой из-за значимости и секретности объектов. Естественно, что попадали в Палдиски только по специальным пропускам, а железная дорога, соединявшая город с Таллином, не была обозначена ни на одной географической карте.

После провозглашения независимости Эстонии военно-морская база перестала существовать, вместо нее возник торговый порт. Ведь нельзя же не использовать глубоководную, к тому же незамерзающую морскую бухту, которую по достоинству оценил сам Петр I. Вслед за тем, в 1710 году в ходе Северной войны русские войска отвоевали у шведов Ревель — нынешний Таллин, российский монарх, узнав о бухте, повелел основать там военный порт и крепость, возведение которой началось в 1716 году. Возникшее при них поселение первоначально называлось Рогервик. Потом у него появилось новое название — Петровский порт. Магниты-сувениры с этим названием продаются в сувенирных киосках Палдиски. Кстати, нынешнее эстонское название города появилось в 1922 году. Оно созвучно русскому слову «балтийский».

Мы приехали в Палдиски для того, чтобы найти остатки крепости, в которой, судя по всему, в течение нескольких месяцев содержался любимец Петра I легендарный шут Балакирев. Его имя многим известно благодаря пьесе Григория Горина, которая так и называется «Шут Балакирев». Вот уже более пятнадцати лет она с успехом идет на сцене театра «Ленком» в Москве.

Иван Балакирев — личность удивительная. Он родился в 1699 году и происходил из костромской ветви знатного рода, один из представителей которого служил во внутренних покоях царя Алексея Михайловича. Он умел читать, а потому, когда поступил солдатом в Преображенский полк, как грамотный, стал обучаться инженерному искусству.

Царь узнал о нем в 1719 году. История их знакомства легла в основу исторического анекдота. В жаркую пору Балакирев стоял на посту на берегу Невы. Ему страшно захотелось искупаться. Он разделся, нырнул в реку. А тут царь идет. Солдат лишь успел нахлобучить парик со шляпой и взять в руки ружье. Надеть мундир времени не хватило. Петр, как увидел часового, одетого в чем мать родила, разгневался и спросил, почему у солдата такой непотребный вид. Балакирев не растерялся и ответил, что, находясь на посту, «исследовал обстановку в реке». Понравился царю остроумный ответ часового. Петр приблизил Балакирева, сделал его камер-лакеем, а по сути дела шутом, не боявшимся озорно высказываться в присутствии монарха. Царю нравились шутки шута. Пришлись они по душе и Императрице. Официально он числился ее ездовым, но использовался и для «домашних услуг», оказавшихся весьма своеобразными и обернувшихся для Балакирева серьезными неприятностями. Став по сути дела доверенным лицом Екатерины, он доставлял ее любовные письма камергеру Виллиму Монсу — родному брату бывшей любовницы Петра. Подвел Балакирева его длинный язык и любовь к спиртному. В один из апрельских дней 1724 года, будучи навеселе, он сообщил о своей секретной миссии обойного дела ученику Суворову. Последовал донос. Все стало известно Петру, который жестоко вмешался в любовную идилию. Монсу отрубили голову, правда, приличия ради, приговор вынесли по обвинению во взяточничестве. Над Екатериной нависла угроза заточения в монастырь. Ну а Балакирев, как мелкая сош-

Могила Балакирева в Касимове

ка, отделался 60 ударами батогами и ссылкой на три года в крепость Рогервик. К счастью, опальный шут пробыл там недолго. В 1725 году Петр умирает. Занявшая престол его вдова Екатерина I поспешила возвратить своего опального меркурия, возведя его в благодарность за все пережитое в офицерский чин. Так Балакирев стал поручиком лейб-гвардии, да еще в придачу и «Царем Касимовским».

История присвоения Балакиреву «царского звания» началась в 1722 году. Балакирев удостоился чести сопровождать Петра в Персидском походе. Плыли по Оке мимо города Касимова, издавна принадлежавшего потомкам татарских ханов. Но в год Персидского похода в Ка-

симове не было правителя. Зная об этом, Балакирев, как и подобает шуту, попросил у царя разрешения получить в свою собственность часть владений касимовских царей. И шутка сработала. Правда, если Петр согласился тоже шутя, то Екатерина отнеслась к просьбе шута весьма серьезно, передав ему земли в Татарской слободе Касимова.

Но ни офицерство, ни звание «Царя Касимовского» не уберегли Балакирева от превращения в официального царского шута. Случилось это уже в царствование Анны Иоанновны, занявшей российский престол в 1730 году. Во времена ее правления шутство превратилось в социальное явление. Многочисленные шуты и дураки, окружавшие Императрицу, с утра до вечера веселили ее. Но были среди них не только безродные карлики и карлицы, но и представители знатных дворянских родов, например, Голицыны. Естественно, нашлось среди них место и Балакиреву с его славным шутовским прошлым. Вот только не были совсем похожи знатные шуты на глупых скоморохов. За шуткой, граничившей с глупостью, нередко скрывалось хорошо продуманное донесение политического характера, которое, прозвучи оно в официальной обстановке, вряд ли понравилось бы неуравновешенной Императрице. А так, сболтнул под общий смех шут, а Императрица благодаря остроте и кривлянию узнает о происшедшем при дворе и даже в государстве и за его пределами события. В условиях абсолютной монархии шуты часто играли роль своеобразных осведомителей и информаторов. В присутствии Императрицы они кривлялись, визжали, кувыркались. Но у себя дома, в окружении близких или наедине с собой нередко превращались в мрачных, нелюдимых особ.

Императрица со своей стороны хоть и издевалась над шутами, устраивая им свадьбу в «Ледяном доме», описанную в романе Лажечникова, но в целом по достоинству оценивала их работу. Тот же Балакирев по повелению Анны Иоанновны получил дом за Литейным двором в Санкт-Петербурге. А когда за свой длинный язык он вновь оказался в тайной канцелярии, Императрица выручила его, приказав впредь «лишнего не говорить».

Памятник Салавату Юлаеву

К тому же в распоряжении Балакирева оставались касимовские владения. Туда-то он на время и отправился, получив разрешение Императрицы. Уехал в 1739 году в отпуск, а через год Анна Иоанновна умерла, и шут решил не возвращаться, навсегда оставшись в Касимове. Там он и умер в 1763 году при правлении Екатерины II, пережив царствование Елизаветы Петровны. Его похоронили у алтарной стены Богоявленской церкви, расположенной в Пушкарской слободе на окраине Касимова. Могила Балакирева сохранилась до наших дней. Мы нашли ее без труда, когда приезжали в Касимов, увидев крест на надгробной плите. Других захоронений поблизости нет. В летнюю пору вокруг последнего приюта легендарного шута растет зеленая трава.

Достоверных прижизненных изображений Ивана Балакирева не сохранилось. Но его можно увидеть на написанной в 1872 году художником В. Якоби картине «Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны». В центре полотна написаны три фигуры взирающих друг на друга шотов. Верхний из них — Балакирев. Кроме того, сохранились его лубочные изображения, созданные в XVIII—XIX веках. О народной популярности Балакирева свидетельствует выпущенное в 1830 году известным издателем К. А. Полевым «Собрание анекдотов Балакирева», включавшее шутки, которые принадлежали самым разным остроумцам. Книга пользовалась колоссальным успехом, выдержав в XIX столетии более семидесяти переизданий.

К образу Балакирева обращался и кинематограф. В фильме «Баллада о Беринге» роль шута сыграл актер Георгий Милляр, а в картине «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» — Михаил Глузский.

Вот с такими знаниями о шуте Балакиреве мы высадились на станции Палдиски, решив начать поиск крепости Рогервик. Нам повезло: еще в электричке мы познакомились с прекрасно говорившим по-русски жителем Таллина. Выяснилось, что он родом из Нанайского района Хабаровского края. Еще в советские времена перебрался в столицу Эстонии. В момент нашего знакомства ехал в Палдиски навестить сестру и маму. Мы всмотрелись в нашего собеседника и по чертам его лица, например, слегка раскосым глазам, поняли, что он действительно родом оттуда, где большинство населения составляют коренные жители Дальнего Востока нанайцы. Попутчик, сойдя с нами на конечной остановке, несмотря на метель, проводил до улицы, которая вела в сторону остатков замка. Прощаясь, сказал: «Идите все время прямо, мимо памятника Салавату Юлаеву». Нашему удивлению не было предела. Как в эстонской глубинке мог появиться монумент в честь одного из предводителей пугачевского восстания?

Уже потом, изучив документы, мы узнали, что национального героя Башкортостана не казнили после поражения восставших, а отправили на вечную каторгу в каменоломни возле крепости Рогервик. После длительного следствия его били плетью, заклеивали и скованного по рукам и ногам, вместе с отцом Салавата Юлаем Анзалином и еще несколькими участниками антимонархических выступлений через всю Россию отправили 2 октября 1775 года к балтийским берегам. Салават Юлаев прожил на каторге почти четверть века. Последнее документальное упоминание о нем относится к сентябрю 1800 года. Майор Дитмар сообщал в Эстляндское губернское правление о том, что «сего месяца 26-го числа помре каторжный невольник

Петровская таможня

Салават Юлаев». Его могила не сохранилась. Выкованный из меди памятник-бюст Салавату Юлаеву был установлен в Палдиски в 1989 году.

Через несколько минут после того, как мы увидели памятник, пробираясь сквозь метель, заметили табличку «Улица Салавата». Эта улица и привела нас к бывшей крепости, о которой сегодня напоминают ров и крутые валы из земли и камней — остатки куртин и бастioned. Пошли мимо них чуть дальше и оказались на смотровой площадке, откуда открывается великолепный вид на море и порт.

К сожалению, от крепости мало что сохранилось. Давно исчезла и каторжная тюрьма. Но вокруг, как и много лет назад, ведется разработка камня. Кроме того, в пяти километрах от Палдиски сохранился возведенный еще в Петровские времена маяк.

Вконец продрогнув, все в снегу, мы в конце нашего путешествия по совету местных жителей отыскали таверну под названием «Петровская таможня». Заказав обед, решили посмотреть на выставленные сувениры. Среди них обратили внимание на со вкусом оформленные листки с незамысловатыми стихами. Одно из них называется «Памяти Салавата Юлаева». Там есть такие строки: «Он Пугачева поддержал, / Народ против царей поднял, / За что в оковах и с клеймом / В Балтийский порт был сослан он». Далее следуют слова, которые произносит Салават: «И здесь в Эстляндии — краю / Я камни из скалы долблю, / А песнь о Родине пою, / Ей посвящаю я стихи, / В них все страдания мои».

Судя по всему, тем же самым, что и Салават Юлаев, занимался шут Балакирев. Он тоже работал на каменоломнях.

Другое стихотворение носит название «История славного города Палдиски»: «Здесь царь Петр издал указ / И потомкам дал наказ: / Гавань строить! / Флоту быть!»

Интересно, что кроме Петра сюда приезжала Екатерина II, мечтавшая продолжить дело Петра по сооружению крепости. При ней город был переименован в «Балтийский порт» и получил статус уездного. Однако из-за слишком больших расходов строительство было приостановлено, так как особого внимания требовало укрепление Кронштадта. А в июне 1912 года в гавани Балтийского порта встретились Николай II и кайзер Вильгельм II, приплывшие на яхтах «Штандарт» и «Гогенцоллерн». Но эта встреча не смогла предотвратить Первую мировую войну.

После окончания Великой Отечественной войны «В порту снова корабли. / И подводникам как дом / Стал центр учебный — Пентагон. / Пропускной режим ввели, / Службу “погранцы” несли».

Оба стихотворения, как мы узнали, написала Галина Малютина — мама хозяйки таверны «Петровская таможня».

Возвращались в Таллин снова на электричке. В вагоне увидели женщину, очень похожую на попутчика, с которым мы ехали в Палдиски. Заметив нас, женщина сказала: «Вы те, кто искали крепость? Мне о вас брат рассказал. Ну как, нашли?» Мы улыбнулись в ответ. По нашим счастливым лицам женщина догадалась, что поиски завершились успешно.

ВЫШЛА КНИГА

Канавщиков А. Б.

Земляника: поэзия и проза / А. Б. Канавщиков. Великие Луки: Изд-во Сергея Маркелова. — 256 с. — (Серия «Наши современники»).

Новая книга стихотворений Андрея Канавщикова «Земляника» представлена, прежде всего, философской и любовной лирикой. Внимание к окружающему миру, его тонкое понимание сочетаются в творчестве известного автора из Великих Лук с глубиной осмысления проблемы и внутренней теплотой к своим героям.

Некоторые стихи книги уже публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», «Южная звезда» (Ставрополь), «Луч» (Ижевск), а статья «Наступление творческих хоббитов» в сокращенном виде увидела свет в «Литературной газете». Тем не менее, читателю предлагаются только новые стихи и литературоведческие работы, в основном из написанного в 2009–2013 годах.

Связь ВРЕМЕНИ

Андрей ЧЕРНОВ

ПРОРЫВАЯ ТИШИНУ ВЕЧНОСТИ: МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ О ЛУГАНСКЕ

Андрей Алексеевич Чернов — писатель, литературовед, критик, публицист, историк литературы Донбасса. Родился в Луганске в 1983 г. Автор более 120 публикаций, выходивших в Луганске, Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Кемерово, Киеве и др. Участник 1-го Международного совещания молодых писателей (Переделкино, 2011) и Всероссийского совещания писателей, пишущих о войне (Переделкино, 2015). Лауреат литературной премии партии «Справедливая Россия». Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Зам. главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья». **Живет в Луганске.**

В судьбе Луганска Михаил Львович Матусовский играет особую роль. Он не просто выходец из города, как, скажем, Владимир Иванович Даль. Матусовский родился и вырос в Луганске, под сказочным донецким небом. Сюда он неоднократно приезжал. И каждый раз потерянный в придонцовых степях город пробуждал в нем чувства, о которых невозможно было не сказать.

Высказать несказанное

Кажется, что проще — сказать о своих чувствах? Но чем сильнее, чем неподдельнее чувство, тем большее косноязычие охватывает человека. Будто колокол, лишенный языка, — творец может и не может сказать всего, полнозвучно, с пониманием своей правоты.

*Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера...*

Песня должна быть прожитой и пережитой, чтобы зазвучать правдиво, честно, своей жизнью, уже отделенной от жизни своего творца. Так у любого музыкального инструмента — звук, аккорд есть нечто иное, нежели изначальная материя — древесина корпуса скрипки или медь колокола его порождающие. Но что удивительно: еще не звучащий звук уже живет в скрипке или флейте. Его нет, но одновременно он — есть.

Кажется, это понималось Михаилом Матусовским. Не тогда, когда он бегал по улицам родного Луганска. Нет, должны были пройти годы расставания — и с друзьями, и с искрящей под солнцем Луганью, и с улицами и площадями Луганска.

О родном Луганске Михаил Матусовский пытался писать еще буду-

чи студентом Литинститута. В 1937 году он вместе с Константином Симоновым приезжал в Луганск за сбором материала для будущей книги. Эта книга — о Луганске и луганчанах — увидела свет только в 1939 году и называлась предельно понятно — «Луганчане». И мастерство авторов вовсе не рядовое, и темы, поднятые ими, — животрепещущи. Но книга «Луганчане» не нашла большого отклика у читателей.

Ступенька для преодоления — не более. Почему так? Чего не хватило?

Виноградный сок не сразу превращается в вино. Время — лишь сгусток вечности, славное ничто, существующее и одновременно не существующее. Время отнимает и дает. Понимание Луганска — всего многоголосья его, затерянного среди донецких степей, пришло к Матусовскому лишь со временем. С потерями пришло и осознание...

Так родилась книга воспоминаний Михаила Матусовского «Семейный альбом». Написанная в 1970–1978 годах, книга несколько раз издавалась как при жизни, так и после смерти поэта-песенника. Короткие новеллы, эссе, отдельные штрихи, вошедшие в книгу, наполнены живым Луганском 20–30-х годов прошлого века. И каждая страница «Семейного альбома» — не только исповедь-признание в любви к родному городу. Это возвышенно-поэтическое, философское размышление над целыми поколениями обитателей юга России. Над судьбою обыкновенного провинциального города, над которым только-только отшумела гроза Гражданской войны, а тучи Великой Отечественной еще не появились на горизонте.

Но важно донести пережитое, не расплескать несказанное, переполняющее тебя через край.

Центр Вселенной

«Семейный альбом» — вовсе не хроника. И события в книге не разложены по полочкам годов. Поэту Михаилу Матусовскому чужд этот сухопарый историзм. Как художник он выхватывает отдельные не события, малые в своей исторической незначительности, но образы, существенные для понимания мироощущения луганчанина юности Матусовского. Объективность уступает субъективности, и вместо высушенного чучела перед нами предстанет удивительное полотно того времени.

Луганск Матусовского лежит на дне донецкой пригоршни, он окружен степями, за которыми размываются границы действительности. Да и есть ли она — действительность, за пределами ЭТОГО Луганска? Веют над городом настоянные на травах знойные и студеные ветры, проходят по небосводу над Луганском солнце, звезды, луна. Но в городе становится светло или темно не от смены дня и ночи, а от того внутреннего света, которым пронизан сам ГОРОД. Это от него идет свет во всю Вселенную. Он бывает ярче — и тогда он освещает улицы, берега Донца за Вергункой, парки и дворы маленького и уютного города. Иногда темнота смыкается над Луганском, почти ничего не видно, но узнается город по едва-едва различимым чертам.

Луганск Матусовского — город, который одновременно есть, и которого нет. Он создан из воспоминаний детства, отрочества, юности, молодости. Но в «Семейном альбоме» мы найдем не только воспоминания — ведь это не документальная кинохроника, беспристрастно фиксирующая все. Здесь есть место и исключительно художественным обобщениям, да и просто вымыслу.

Погружение в воспоминания о родном городе приносят невиданную радость.

«Признаюсь, я испытывал удовольствие от возвращения — пусть в воображении, пусть хоть ненадолго — к дням детства, к улицам моего города, пыльным и неровным, с домами и террасами, где были развешены связки красного перца и синего лука, навсегда оставшиеся для меня приметами южных городов. Заманчива была сама возможность снова почувствовать под босыми ступнями горячий песок на берегу Донца, вспомнить вкус маминой баклажанной икры или форшмака из селедки, который не был бы таким, если бы в него не входили антоновские яблоки и яйца, сваренные вкрутую», — пишет Матусовский.

Но и без всякого признания очевидно, что короткие эссе и новеллы о Луганске написаны ради приятных воспоминаний. Юность и молодость — периоды не только взлетов и побед, но и сокрушительных падений, больших обид. И все же в «Семейном альбоме» места им нет, они вынесены за рамки, оставлены за скобками города. Они пережиты и прощены — мелкие обиды и неудачи, которые есть всегда, где бы ты ни жил.

Макондо юга России

Луганск из книги «Семейный альбом» — это Макондо южной России. Здесь реальные прошлое, настоящее и еще не наступившее переплетаются с вымышленными прошлым, настоящим, ненаступившим. Хронологические рамки — 20–30-е годы XX века — условны, ведь автор хорошо знает, что было «до», и что будет «после», и не может себе отказать сообщить об этом читателю. Там же, где автор не всеислен знать, он привлекает свое воображение, и получающаяся картина целостна и органична. И вымышленное от невымышленного не отличишь.

Населен город удивительными и поразительными горожанами. Это и многочисленная семья Матусовских — отец, брат, дядя, двоюродные братья. Они предстают перед нами несколько мгновений, пока читаешь страницу, но в душе остается чувство, будто знал ты их всю жизнь, кажется, только вчера расстался с дядей Соломоном на бывшей Казанской улице. Он шел в сторону еще не снесенного Казанского собора, оборачивался тебе, махая на прощание рукой. Потому, когда ты читаешь о гибели дяди Соломона, о том, как издевались над ним гитлеровцы, сердце твое сжимается, будто это тебя толкают в соляную шахту.

А вот извозчик со странной фамилией Могила — он не единственный извозчик в городе, но благодаря своей мрачной фамилии врезался в память. В чью память? Твою или Матусовского? Уже и не разобрать...

Друзья юного Миши: Шурка Юрченко, Мотыка Абель, Володя Бобров и Яшка Любченко, отмеченные лихой отметиной мальчишек 20-х годов. В их чертах еще много детской нежности, но уже проступает та трагическая серьезность, за которой легко можно рассмотреть смерть.

Чистильщик обуви Рачик Айрапетян, прозванный в городе Чистим-Блистим, подкупает тебя своей наивной верой в скорый отъезд на родину. За улыбкой и радостью он прячет отчаяние. Всю жизнь он проведет как старик Тыква, в малогабаритной коробке-гробу.

А вот из мрака выходит учитель рисования тринадцатой трудовой школы по прозвищу Бобок. Сколько насмешек, пренебрежения от учеников школы выпало на его долю! Потерявший надежду и веру в звезду своего таланта, он все равно остается человеком подлинного искусства.

Кто же там еще скрывается в темноте безвестности? Умалишенный дядя Коля — городская достопримечательность и жертва издевок луганской ребятни, но, тем не менее, сохранивший поразительную человечность и доброту... Учительница тринадцатой школы Мария Тодорова, которой посвятил свой «Школьный вальс» Матусовский, нашедшая в себе силы вести борьбу с нацистами в подполье Одессы... И первая любовь Миши — девочка Адя, в летнем платье в ромашках, навсегда оставшаяся, как и все первые влюбленности, недостижимой мечтой... И старшие товарищи по литературе, уже ушедшие в вечность, но продолжающие жить в воспоминаниях Матусовского — Юрий Черкасский, Павел Беспощадный, чудак Лапшин и многие-многие другие.

Все они жили в Луганске, были плотью и духом своего времени. Все они и сейчас продолжают жить на страницах «Семейного альбома» Матусовского.

*Сад был умыт весь весенними ливнями.
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными,
Как же мы счастливы были тогда.*

*Годы промчались, седыми нас дела.
Где чистота этих веток густых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них...*

Время и степь

«В степных просторах гексаметр не кажется уж таким устаревшим ритмом, ибо здесь и в самом деле — время сквозь трещины, словно песок, утекает неслышно, что нам спешить, если счет здесь ведется веками, с медленным скрипом ползут по пустынной дороге телеги, коршун, крылами не двигая, замер надолго в зените, обозревая по праву хозяина эти владения...», — вспоминает Матусовский степь, сразу открывающуюся за домами Луганска.

И по сей день, выезжая в донецкую степь, всматриваясь в дальний край, отмеченный шрамами балок, думаешь, что вот так же — с коршунами, облаками, ковылем и знойным ветром видели эти степи древние скифы, гунны и половцы. Скрипели кибитки, текли стада скота и табуны лошадей, звенела музыка степей. Века проходили, появлялись и исчезали люди.

Кто там всматривается в степь, чтобы написать о ней? Оставшийся неизвестным автор «Слова о полку Игореве»? Итальянец Карпини? Фламандец Рубрук? Подневольный прасол Алексей Кольцов? Доктор, врачующий чистым и честным словом, Антон Чехов?

Кажется, время застыло над степью, укутав ее янтарем вечности. Но и этот янтарь уступает человеку. Город расширялся, степь распахивалась. Росли терриконы и рукотворные леса.

Несмотря на все изменения, выйдя на улицы Луганска, путая, как и Матусовский, старые и новые названия, мы можем встретить здесь те же типы людей. И люди продолжают жить теми же чувствами и страстями, что и сто лет назад. И мысли их — о себе в бездонности степи и неба, о прошлом и настоящем, о возможном будущем...

Порою кажется только, что время играет какую-то шутку. На миг лишь закроешь глаза — а сотни лет как ни бывало.

«Вы не можете быть уверены, что, сдернув с глаз кепку, окажетесь в том же самом городе и на том же самом дворе. И ведь вот что обиднее всего: только что рядом были друзья, звучали голоса, раздавался смех, чьи-то крадущиеся шаги, а сейчас все бесследно исчезло, как будто ничего и не было», — задумчиво произносит Матусовский.

Тишина накрыла нас, беззвучная, мертвая. Так города Донбасса накрывали украинские «Грады», так смолкали после взрыва мины.

А многоголосый Луганск продолжает лежать в придонцовых степях, будто утихшая скрипка. Нет звука, но одновременно — есть он. Только прикоснись осторожной рукой, переверни страницу, задень струны — и воскреснет целый мир.

ВЫШЛА КНИГА

Листикова Н.

Солнцеворот. Сказки на весь год. — Загреб, 2016.

«Солнцеворот» — двуязычное русско-хорватское издание сказок московской писательницы Натальи Листиковой и одновременно — альбом детского художественного творчества. В этой книжке — двенадцать сказок, по одной на каждый месяц года. Каждому месяцу свойственны свои приметы, праздники или памятные дни. С каждым из них связаны определенные верования, обряды и обычаи славянских народов. Книга привлекает знанием славянского фольклора и народных традиций, и в то же время современным звучанием. Сказки проиллюстрированы детьми национальных меньшинств в Республике Хорватия, а также ребятами из московской школы «Интеграция 21 век», которая уже давно и плодотворно сотрудничает с русскими обществами в Загребе. Сказания и истории о временах давно минувших и недавних, оригинальные сюжеты, написанные образным языком, не оставляют равнодушными ни детей, ни взрослых.

Виолетта РУБЦОВА

«САМ СЕБЕ ПРЕДОК»

*Репортаж
об Иване Дмитриевиче
Сытине*

Виолетта Витальевна Рубцова — родилась в Брянске в 1996 г., переехала в Курск, где окончила гимназию с золотой медалью. Является победителем олимпиад по английскому языку, лауреатом и обладателем гран-при многочисленных вокальных конкурсов. В 2015 г. поступила в МГИМО на факультет международной журналистики. Имеет публикации в научных журналах, награждена дипломом победителя Всероссийского конкурса за лучшую молодежную научную статью 2016 г. Сфера научных интересов — культура речи, русская и зарубежная литература, межкультурная коммуникация.

Безлюдная деревенька. Возле деревянных домов пасется пара коров, на горизонте виднеется церковь. Из двухэтажного здания выбегают два паренька лет 10–12. Чтобы завязать разговор, спрашиваю, есть ли неподалеку магазин. Мальчишки, смущаясь, говорят, что есть, но идти до него минут 15, да и они привыкли, что «все свое едят, а там только сухарики покупают». Это те самые ребяташки, «которые запрягают лошадь, помогают своим отцам в поле и веселой гурьбой ездят в ночное». Наверное, именно такие дети в свое время окружали маленького Ваню, будущего великого предпринимателя, книгоиздателя. Он им очень завидовал, так как был предоставлен сам себе и изнывал от безделья и скуки в маленьком селе, где занятия ему так и не нашлось. Отец его работал писарем и из-за этого мальчик так и не узнал, что такое настоящая деревенская жизнь, со своим хозяйством и местом в «трудовой крестьянской среде». Как вы уже догадались, я в селе Гнездиково Солгалического района (или уезда, как его называли раньше).

Как оказалось, здание, из которого выходили двое мальчишек, — местная школа. Разумеется, это не та школа, где когда-то учился Ваня Сытин. В этой уже все по правилам и законам Министерства образования: дети учатся по той же программе, что и их сверстники из города. 170 лет назад все тут было иначе — «полная безалаберность» в преподавании. Иван Дмитриевич в своих воспоминаниях делился своим негодованием по поводу образования в селе: «Учеников пороли, <...> учитель появлялся в класс иногда в пьяном виде». Какие уж тут занятия, — не подерутся, и слава богу. А то начнут лаптями друг в друга швыряться, глядишь, и стекла в ок-

Архангельская церковь, где был крещен отец Ивана Дмитриевича Сытина

нах перебиты. Естественно, что Ваня, как и другие ребята, быстро потерял интерес к занятиям. Да и кому понравится постоянная бездумная зубрежка? За три года мальчик получил лишь отвращение к учению и книге. Знал бы он тогда, как изменятся его отношения с литературой уже через десять лет...

Захожу в местный магазинчик. Милая женщина сразу распознает во мне «неместную» и любезно предлагает попробовать выпечку: «Такие крендельки еще моя прабабка пекла, вот теперь и я потихоньку приторговываю...» Задумываюсь, а уж не родственница ли она Ивана Дмитриевича, чья мама была мастерицей «варить и стряпать всякие штуковины». Хотелось бы, конечно, узнать рецепты хозяйки, на ужин к которой захаживал даже сам школьный наблюдатель, когда приезжал из Солигалича. Только ради «рогулек» картофельных, «налиушек» крупяных, «мушников» гороховых, блинов, крендельков и булочек гостил у писаря протоиерей. Впрочем, гостеприимства у местных жителей с тех пор не убавилось — сколько приглашений я получила, пока искала, где же все-таки находился дом Сытиных! Однако почти никто не знает о своем великом земляке, да и в местных домах культуры, волостном правлении не проводят никаких выставок, мероприятий, посвященных Сытину. Установлена только мемориальная доска и барельеф, мимо которых жители равнодушно проходят каждый день.

К счастью, неподалеку от села Гнездиково находится Контеево, где живет Вячеслав Николаевич Флеров, который уже 10 лет изучает родословную Сытина, его биографию, общается с правнуками (а ранее и внуками) Ивана Дмитриевича.

На въезде в село стоит брошенное здание без крыши. Как мне удалось выяснить, это здание школы, которую строили в честь 50-летия со дня смерти Ивана Дмитриевича. Только в 1996 году школу построили, однако сейчас она находится в полуразрушенном состоянии.

Школа, попечителем которой стал Иван Дмитриевич в 1890 году, не сохранилась. Сытин много сделал для развития образования в Контеевской волости. Он бесплатно снабжал школу книгами и учебниками, напечатанными в его издательстве. Учителям и многим жителям Контеева высылались газета «Русское слово», журналы «Вокруг света», «Искры» и народные календари. А все школьники на Новый год в качестве подарка получали от Сытина детские книжки; некоторые из них также получали от него и материальную помощь. В течение всей своей жизни Иван Дмитриевич поддерживал тесную связь с селом Контеево — родиной своих предков, и неоднократно его посещал. Образование в волости поддерживал и материально. Только в 1896 году И. Д. Сытин пожертвовал книг, учебных пособий и портретов Контеевской школе на 156 рублей. Глебовской и Ощепковской школам — по 25 рублей (все три школы были расположены в Контеевской волости), за что Буйское уездное Земское собрание на своем заседании 26 сентября 1897 года выразило ему благодарность.

Вот я и дома у Вячеслава Николаевича Флерова, благодаря которому в селе сохраняется память об Иване Дмитриевиче, проводятся мероприятия, отмечаются юбилеи со дня его рождения.

— Вячеслав Николаевич, в этом году исполняется 150 лет, как Иван Дмитриевич стал москвичом. Запланированы ли какие-то мероприятия по этому поводу?

*Дмитрий, Петр Сытины и Сергей Соколов
(с воспоминаниями которого мне удалось ознакомиться)*

Солигалический район

— Я все же стараюсь акцентировать внимания на тех вехах его жизни, которые связаны с Костромской областью, его детством, становлением его характера. Вот недавно передал имеющиеся у меня журналы и газеты в наше волостное правление, организовали небольшую выставку. Раньше там была целая комната, посвященная Ивану Дмитриевичу, но сейчас ее закрыли.

— Неужели у вас так много материалов, связанных с Сытиным, что даже можно устроить выставку?

— Да, еще будучи мальчиком, я заинтересовался, что же находится у нас дома под обоями. Оторвав кусочек (потом мне за это, конечно, досталось), я увидел газету «Русское слово». Тогда отец мне и рассказал об Иване Дмитриевиче, о Дорошевиче, о том, что газета ему казалась «единственной политически объективной газетой» того времени. Мой дед был священником в то время, когда семья Сытина жила в Костромской области. Он рассказывал мне о них.

— Ничего себе! Он встречал его лично?

— Нет, но он проводил службу в Архангельская церкви, где крестился Дмитрий Сытин. Она сохранилась и действует по сей день.

С Вячеславом Николаевичем мы совершили небольшое путешествие по селу. Когда мы дошли до библиотеки, у меня возник вопрос, та ли это библиотека, которую Сытин снабжал книгами. Но, увы, ее снесли как ветхое здание. Построена новая, куда переданы некоторые книги, изданные в типографии Сытина. Также в этой библиотеке хранятся воспоминания племянника Евдокии Ивановны Сытиной, Сергея Ивановича Соколова. Материал оказался уникальным: история знакомства Ивана Дмитриевича с будущей женой («она ему понравилась как быстрая, расторопная, аккурат-

ная хозяйка, и, конечно, внешне очень симпатичная»), об их отношениях («она держала всегда верх над Иваном Дмитриевичем <...> он всегда с ней советовался не только по семейным делам, но даже по своим книжным»), о причастности Евдокии к делу мужа («она даже вела беседы с большими людьми: как Львом Николаевичем Толстым, Антоном Павловичем Чеховым, Дорошевичем, Горьким Алексеем Максимовичем, который подарил ей на память книжку с произведением «Мать»). Сергей Иванович тепло отзывается об Иване Дмитриевиче, вспоминает их семейные традиции, как они все вместе собирались за круглым столом на ужин, мальчиком он с нетерпением ждал «елку у тети Дуни», на которую приезжали все дети их родных, а весной предвкушал ежегодную поездку в «Берсеневку». Увидеть Ивана Дмитриевича Сытина глазами юного паренька оказалось очень интересным опытом.

Уже темнело, и я была вынуждена начать свой путь в Москву. По дороге я остановилась в самом городе Солигалич, чтобы купить воды в дорогу и спросить прохожих на улице Сытина, слышали ли они о своем земляке? К моему сожалению, местных жителей совсем не интересовало чье имя носит улица, по которой они ходят каждый день или даже живут. Особенно меня шокировал ответ «знаю, но лично не знакома». Видимо, девушка оказалась долгожительницей, да и неплохо сохранилась за 150 лет.

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенов Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de zoreana@mail.ru
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенов Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей Владимирович	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 10.04.2017 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1706367.

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.